

Д.б(ИЧ)
Д-46

Д.б(ИЧ)

Д-46

Ш. ДИЛЬ

ПО ГРЕЦІИ

В. Митрохин

МОСКВА
К-во М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
Тверской б., д. 6.

ФИЛОСОФІЯ и ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

- Аристотель. Политика. 3 р.
Беджготъ, В. Государственный строй Англіи. 1 р. 60 к.
Боржо, Ш. Учрежденіе и пересмотръ конституцій. 1 р.
Вундтъ, В. О наивномъ и кригическомъ реализмѣ. 2 р.
Еллинекъ, Г. Права меньшинства. 20 к.
Зиммель, Г. Соціальная дифференціація. 1 р.
Зиммель, Г. Религія. 40 к.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ НАУКИ.

- Велецкій, С. Земская статистика. Съ пред. проф. А. И. Чупрова. 3 тома. 7 р.
Дроздовъ, В. Около земли. Очерки по землеустройству. 40 к.
Нитти, Ф. Основныя начала финансовой науки. 3 р.
Чупровъ, А. А. Очерки по теоріи статистики. 2 р. 50 к.
Чупровъ, А. И. Рѣчи и статьи. 3 тома. 7 р. 50 к.
Чупровъ, А. И. Крестьянскій вопросъ. 1 р. 20 к.
Чупровъ, А. И. Мелкій кредитъ и кооперація. 1 р.
Чупровъ, А. И. Изъ прошлаго русскихъ желѣзныхъ дорогъ. 2 р.
Чупровъ, А. И. Курсъ политической экономіи. 1 р. 20 к.
Чупровъ, А. И. Исторія политической экономіи. 80 к.
Прокоповичъ, С. Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства. 2 р.
Прокоповичъ, С. Кооперативное движеніе въ Россіи. 2 р. 60 к.
Тотоміанецъ, В. Кооперація въ русской деревнѣ. 2 р. 60 к.
Шмоллеръ, Г. Наука о народномъ хозяйствѣ. 50 к.

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНІЯ и ПЕДАГОГИКИ.

- Бинэ, А. и Симонъ, Т. Ненормальныя дѣти. 1 р.
Бреаль, М. Древніе языки въ среднемъ образованіи. 75 к.
Гильдебрандъ, Р. О преподаваніи родного языка въ школахъ и о національномъ воспитаніи и образованіи. 1 р.
Гиршъ, М. Народные университеты. 20 к.
Демени, Ж., Филиппъ, І., Расинъ, П. Курсъ теоріи и практики физическаго воспитанія. 1 р. 75 к.
Компере, Г. Умственное и нравственное развитіе ребенка. 2 р.
Паульсенъ, Ф. Образованіе. 15 к.
Сперанскій, Н. Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. 1 р.
Сперанскій, Н. Борьба за школу. 1 р. 20 к.

СТРАНЫ

ВЪКА-И

НАРОДЫ

ИЗ КНИГ
С. П. Григорова

Ш. ДИЛЬ

ПО ГРЕЦІИ

Д. Мусорокин

МОСКВА —
К-во М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
Тверской б., д. 6.

LIBRARY
1909

K

1515 Z

БИБЛИОТЕКА
Н М С
Инв. № 1515 Z

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. Пименовск., ул., соб. домъ.
Москва—1913.

502-6 (ИЧ)
Д-416

Ш. Диль

ПО ГРЕЦІИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ПРОГУЛКИ

ПЕРЕВОДЪ

М. Безобразовой

Российский фонд культуры
и природного наследия
Область

МОСКВА

Издание М. и С. Сабашниковыхъ

1913

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Археологическія изслѣдованія, составляющія содержаніе этой книги, ни мало не претендуютъ на ученость. Читатель не найдетъ тутъ ни научныхъ теорій, ни новыхъ открытій, но лишь простое, по возможности ясное и полное, изложеніе великихъ открытій, сдѣланныхъ за послѣдніе годы классической археологіей въ Греціи. До сихъ поръ результаты этихъ научныхъ изслѣдованій не выходили по большей части за предѣлы спеціальной науки; а спеціальная наука, въ особенности археологія, любитъ, какъ извѣстно, заносить свои пріобрѣтенія или въ великолѣпные, но тяжеловѣсные фоліанты, или распространять ихъ по свѣту въ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ какихъ-нибудь двухъ десяткахъ научныхъ журналовъ; она знаетъ, что, какъ бы она ни прятала свои изслѣдованія, они не скроются отъ неутомимой любознательности посвященныхъ; что касается профановъ, она не дорожитъ ихъ вниманіемъ, во всякомъ случаѣ не ищетъ его, и на самомъ дѣлѣ его не достаивается. А между тѣмъ въ этихъ толстыхъ книгахъ и ученыхъ статьяхъ, писанныхъ на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ странахъ, есть чѣмъ заинтересовать и плѣнить пу-

блику, которая издали относится къ нимъ съ уваженіемъ, но познакомиться ближе съ ними не рѣшается. Въ этихъ детальныхъ работахъ можно найти все-таки общіе взгляды на жизнь и цивилизацію древнихъ; по дошедшимъ до насъ античнымъ памятникамъ, какъ великолѣпнымъ такъ и посредственнымъ, можно собрать любопытныя свѣдѣнія объ исторіи древняго искусства; въ этой наукѣ, съ виду мертвой, можно найти живой образъ прошлаго, близкое общеніе съ историческими лицами и событіями, что позволяетъ намъ глубже проникнуть во всѣ изгибы души древняго міра. Видя осязаемыя формы жизни исчезнувшихъ поколѣній, лучше понимаешь нравы, идеи, обычаи прошлыхъ вѣковъ; созерцая образы боговъ и наглядныя изображенія священныхъ легендъ, лучше даешь себѣ отчетъ о религіи и вѣрованіяхъ этихъ народовъ. Чтобъ хорошо понять древность, надо умѣть отдѣлаться отъ своего времени; надо, по прекрасному выраженію Тита Ливія, умѣть сдѣлать душу свою античной: изъ всѣхъ наукъ этому болѣе всего способствуетъ археологія.

Не бесполезно поэтому обратиться къ великимъ археологическимъ открытіямъ послѣдняго вѣка, чтобъ заставить ихъ открыть намъ нѣкоторыя изъ ихъ тайнъ. Надо, чтобъ изслѣдованія, до сихъ поръ предназначавшіяся только посвященнымъ, стали доступны всѣмъ. Наука не должна быть непремѣнно сухой, суровой, непривлекательной; она должна понять, что извѣстная нарядность краситъ самыя красивыя вещи, что небольшое кокетство идетъ и къ самымъ серьезнымъ людямъ; она не должна до-

вольствоваться тѣмъ, что уроки ея поучительны уже въ силу одной истины, она должна заставлятъ хорошо принимать ихъ благодаря прелести обученія. Она должна, отправляясь въ свѣтъ и чтобъ понравиться тамъ, нѣсколько принарядиться и смягчить привѣтливостью и любезностью суровость эрудиціи. Именно этого такъ легко и ловко сумѣлъ достигъ авторъ прелестныхъ Археологическихъ прогулокъ, впервые познакомившихъ публику съ результатами недавнихъ раскопокъ въ Римѣ и Италіи. Успѣхъ книгъ Буассье ясно доказываетъ, что подъ перомъ писателя ученаго и популярнаго воссозданіе прошлаго пріобрѣтаетъ сильный интересъ.

Такому методу, введенному большимъ ученымъ, желалъ слѣдовать авторъ этой книги, счастливый тѣмъ, что въ своихъ скромныхъ очеркахъ онъ можетъ прикрыться авторитетомъ такого мастера. Предназначенно мы устраняемъ все сколько-нибудь напоминающее тяжелые научныя пріемы, слишкомъ техническія изысканія и неразрѣшимые вопросы. Изъ великихъ открытій послѣднихъ лѣтъ мы выбрали самыя замѣчательныя и представили ихъ не въ видѣ сухого перечня, гдѣ методически сухо отмѣчаются научныя пріобрѣтенія и каждой вещи придается одинаковое значеніе, но изобразили ихъ въ болѣе живыхъ и вѣрныхъ краскахъ. Мы хотѣли для каждаго такого чудеснаго собранія изслѣдованій составить не каталогъ, а дать цѣлую картину. Изъ этихъ находокъ, различныхъ по цѣнности и значенію, выдѣлили мы самыя важныя, опредѣленно отмѣчающія или прогрессъ въ искусствѣ, или какую-нибудь историческую истину. Изъ безформен-

Предисловіе.

ныхъ или изуродованныхъ обломковъ, извлекаемыхъ заступомъ рабочаго изъ античной почвы, мы старались возродить забытое зданіе, память о которомъ сохраняется въ этихъ обломкахъ. Однимъ словомъ, мы хотѣли воскресить исчезнувшія эпохи и отыскать среди развалинъ, гдѣ какъ будто царить одна смерть, нѣкоторые періоды исторіи человѣчества. Если дѣйствительно исторія есть воскрешеніе прошлаго и должна имъ быть, она совершила бы большую провинность, не воспользовавшись такими цѣнными свѣдѣніями, позволяющими проникнуть въ самое сердце древняго міра.

Авторъ поставилъ себѣ цѣлью изложить популярно научныя изысканія и обратить вниманіе на исторію не менѣе, чѣмъ на археологію; выбрать изъ крупныхъ открытій послѣдняго времени наиболѣе выдающіяся явленія, имѣющія значеніе для искусства и исторіи; изучить въ свѣтѣ этихъ новыхъ изслѣдованій нѣкоторые періоды эллинской жизни и цивилизаціи; расположить, наконецъ, эти картины въ такомъ порядкѣ, чтобы можно было прослѣдить постепенные переходы и замѣчательные успѣхи греческаго искусства. Въ Микенахъ и Тиринѣ читатель найдетъ зачатки Эллинскаго искусства и вліяніе на него цивилизаціи Востока. Додона и Делось познакомятъ насъ, вмѣстѣ съ первыми опытами архаическаго ваянія, съ закулисными тайнами оракуловъ и съ управленіемъ древнихъ храмовъ. Въ святилищѣ Аполлона Птоосскаго, на скалѣ Аѳинскаго акрополя, можно будетъ прослѣдить за успѣхами Греческаго искусства отъ его первыхъ шаговъ до начала полного расцвѣта. На равнинахъ

Олимпіи читатель¹ найдетъ, вмѣстѣ съ самыми славными воспоминаніями общественной жизни въ Греціи, блистательное совершенство классической скульптуры въ созданіяхъ Алкамена, Пэонія и Фидія; Элевсинъ познакомитъ съ священными мистеріями Цереры, Эпидавръ—съ чудодѣйственной медициной Эскулапа; наконецъ, Танагра раскроетъ намъ, вмѣстѣ съ вѣрованіями древнихъ въ загробную жизнь, эти хрупкія, тонкія, изящныя фигурки, прелестная забава генія уже умирающей Греціи.

Кто любитъ углубляться и провѣрять, найдетъ интересующее его въ спеціальныхъ статьяxъ и сочиненіяхъ. Мы пытались собрать въ этой книгѣ данныя всѣхъ научныхъ изысканій, всѣхъ сочиненій, всѣхъ изслѣдованій, въ которыя Франція и Германія, Англія и Австрія, Греція и Америка вложили лучшее изъ своихъ знаній, устранивъ, по возможности, всѣ ученые прикрасы. Поэтому пусть читатель не удивляется, если найдетъ на этихъ страницахъ идеи, а иногда и подлинныя выраженія мастеровъ нашего вѣка, иллюстрировавшихъ своими открытіями и произведеніями со-всѣмъ еще новую науку классической археологіи.

ВВЕДЕНІЕ.

Археологическія открытія въ XIX вѣкѣ.

Изъ наукъ прошлаго вѣка, расширившихъ область историческихъ знаній, археологія является, по крайней мѣрѣ во Франціи, одной изъ самыхъ молодыхъ и недавнихъ. Въ продолженіе долгаго времени ея изслѣдованія производились среди почти всеобщаго равнодушія: профессиональные ученые, казалось, пренебрегали ими, какъ бесполезными диковинами; остальные находили болѣе удобнымъ насмѣхаться надъ ними, чѣмъ искать въ нихъ поученія. Всего какихъ-нибудь двадцать-тридцать лѣтъ назадъ и большая публика, и писатели склонны были смотрѣть на археолога какъ на комическую фигуру, долженствовавшую забавлять публику всякимъ бессмысленнымъ и смѣшнымъ вздоромъ. Въ тѣ времена такой беспощадный насмѣшникъ какъ Эдмонъ Абу, — который, впрочемъ, имѣлъ нѣкоторое право насмѣхаться надъ археологіей, такъ какъ самъ былъ къ ней причастенъ, вывелъ на сцену въ „Король горы“ нѣкоего Меринэ, фран-

цузскаго археолога, члена нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, и разскажалъ, какъ тотъ остановился передъ „маленькимъ памятникомъ изъ пористаго известняка въ 35 сантиметровъ высоты и 22 ширины, случайно поставленнымъ на краю дороги“, и какъ мучился ученый, чтобъ понять надпись, несомнѣнно неизданную, и вырѣзанную буквами славной эпохи, высѣченными въ совершенствѣ. „Удастся мнѣ разобрать ее, — говорилъ молодой ученый, — будущее мое обезпечено. Я стану членомъ Академіи надписей и словесности въ Понтодемерѣ. Но задача эта большая и трудная. Древній міръ ревниво оберегаетъ свои тайны. Боюсь, что я напалъ на памятникъ, относящійся къ эпохѣ Элевсинскихъ мистерій. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы найти два толкованія: одно простое, демотическое, другое — священное, гѣратическое. Вы должны дать совѣтъ. — Мой совѣтъ, отвѣчалъ я ему, совѣтъ невѣжды. Мнѣ думается, что вы нашли межевой столбъ, какихъ много на дорогахъ, а надпись, такъ сильно васъ смутившая, можетъ быть совершенно свободно истолкована такъ: стадія 22, 1851“. — Театръ не былъ милостивѣй къ археологіи, чѣмъ романъ. Въ одной изъ самыхъ удачныхъ комедій Лабиша археологія представлена въ не очень лестномъ для нея видѣ, въ лицѣ академика изъ Этампа, способнаго за сто верстъ почувать римскій духъ и подъ самой обыкновенной арпажонской грушей найти длинной формы щитъ, *scutum*, мечъ центуріона, *gladium*, вещь чрезвычайно рѣдкую, золоченые салатники съ буквами Ф. К., Фабій Кунктаторъ, вплоть до урны временъ упадка, въ

которую собирали слезы, слишкомъ извѣстной, чтобъ на подлинности ея стоило долго настаивать. Можно бы привести много другихъ примѣровъ, чтобъ показать, какое значеніе придавали тогда археологіи: для большинства простыхъ смертныхъ, какъ и для извѣстнаго лица Грамматики, археологія главнымъ образомъ являлась словомъ, труднымъ въ орѳографическомъ отношеніи.

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Мы утратили вкусъ къ пространнымъ и витіеватымъ изложеніямъ, къ блестящимъ, но поверхностнымъ обзорѣніямъ, къ общимъ теоріямъ и отвлеченнымъ соображеніямъ. Въ этотъ вѣкъ великихъ научныхъ открытій мы мало-по-малу усвоили вкусъ къ точнымъ изслѣдованіямъ и опредѣленнымъ методамъ, и тутъ мы поняли, что занятія, служившія раньше предметомъ насмѣшекъ, вносили въ историческія знанія новые элементы: мы поняли тогда, что это не мертвое, мнимое знаніе, а такое, которое позволяетъ намъ проникнуть внутрь того, что, можетъ быть, самое живое въ мірѣ, — въ интимныя чувствованія и въ обычный образъ мышленія исчезнувшихъ народовъ. Мы поняли, что археологія не только наука о маленькихъ поломанныхъ горшкахъ, но что эта наука о предметахъ и памятникахъ древности—таково точное значеніе слова археологія—знакомитъ насъ съ однимъ изъ проявленій характера даннаго народа и, быть можетъ, наиболее интереснымъ, касающимся его идей и нравовъ; все это мы поняли, и археологія, выступивъ вдругъ изъ тѣни институтовъ и академій, гдѣ до тѣхъ поръ скрывалась, обратила на себя

вниманіе публики. Большія раскопки, раскрывъ новыя стороны античнаго міра, возбудили любопытство; выведя на свѣтъ Божій образцовыя произведенія искусства, раньше неизвѣстныя, онѣ пробудили къ нимъ горячій интересъ, и теперь археологическія изысканія оцѣнены по достоинству. Наука эта не только получила широкое распространеніе среди университетскихъ наукъ, не только сумѣла заставить читать ея ученые трактаты и толстыя книги, но передъ ней раскрылись двери сборниковъ и журналовъ; равно и въ популярныхъ произведеніяхъ она, не рискуя быть отвергнутой, стала общедоступной. Больше того, она проникла въ художественную литературу: въ Англіи, въ Германіи, въ самой Франціи объявился новый родъ романа—романъ археологическій, зарекомендовавшій себя достойными произведеніями; и хотя недавно на сценѣ *Comédie Française* курганы западной Азіи все еще возбуждали нѣкоторый смѣхъ, тѣмъ не менѣе самый этотъ фактъ знаменательно указываетъ на пройденный путь. Большое разстояніе между академикомъ изъ Этампа, изображеннымъ у Лабиша, и графомъ Рожэ де Сераномъ, посланнымъ правительствомъ въ научную командировку, который покуда состоитъ только постояннымъ сотрудникомъ *Археологическаго Журнала*, но который несомнѣнно попадетъ въ *Revue des deux Mondes*. Въ салонѣ г-жи де Серанъ археологія занимаетъ почетное мѣсто; я хорошо знаю, что этотъ салонъ, это—„Общество скуки“, но вѣдь вездѣ—и у насъ въ особенности—считается необыкновенной честью быть хорошо принятымъ и оцѣненнымъ въ этомъ обществѣ.

Такимъ же образомъ судьба очень благопріятствовала археологіи въ эти послѣдніе годы. Когда въ 1830 г. Отфридъ Мюллеръ въ первый разъ вознамѣрился составить точный списокъ археологическихъ открытій и представить въ общей картинѣ пріобрѣтенія новой науки, глубокой мракъ окутывалъ еще исторію античнаго искусства. Правда, съ конца XVIII вѣка, въ 1764 г. Винкельманъ въ своей Исторіи искусства у древнихъ положилъ основаніе методу археологическихъ изслѣдованій, и книга его отмѣчаетъ важную дату въ лѣтописяхъ человѣческаго духа. Правда, нѣсколько серій восхитительныхъ подлинныхъ памятниковъ раскрыли въ началѣ 19-го вѣка истинную Греческую красоту, какъ ее понимали и осуществляли Аѳины: мраморныя изваянія Парѳенона, уступленные въ 1816 лордомъ Эльджиномъ Британскому музею, фигуры Эгинскихъ фронтоновъ, составлявшихъ въ 1820 гвоздь Мюнхенскаго музея, фризы храма Аполлона въ Фигаліи, ставшіе около того же времени собственностью Британскаго музея, всѣ эти собранія памятниковъ, постепенно открывавшихся, дали ученымъ и художникамъ представленіе о чудесахъ искусства, до тѣхъ поръ почти неизвѣстнаго. Но рядомъ съ этими сіяющими образами, вдругъ освѣтившими мракъ древняго міра, сколько оставалось еще темныхъ мѣстъ, куда трудно было проникнуть глазу! Правда, музеи Италіи, коллекціи, терпѣливо составлявшіяся со времени Возрожденія въ Неаполѣ, Флоренціи и Римѣ, были полны античными фигурами; но эти памятники неизвѣстнаго происхожденія и неодинаковой цѣнности, часто обезображенные неумѣ-

лыми реставраціями, доставляли археологіи лишъ смутныя и неполныя свѣдѣнія. Если среди множества этихъ статуй и попадались произведенія оригинальныя, бѣольшую часть представляли слабыя копіи, вышедшія изъ греческихъ мастерскихъ временъ упадка, чтобъ наполнить собой и украсить императорскіе дворцы и виллы римскихъ богачей. Правда, нѣкоторыя достопримѣчательныя открытія позволяли провидѣть, каковъ долженъ былъ быть, въ лучшую свою пору, блестящій расцвѣтъ Греческаго искусства; но рядомъ съ этимъ короткимъ періодомъ, такими яркими чертами отмѣченнымъ на мрачномъ фонѣ исторіи, наука не могла еще ухватить звенья длинной цѣпи, связывающей наивысшую степень совершенства, какого достигло это искусство, съ его зачатками въ отдаленнѣйшія времена. Конечно, стиль Фидія или Праксителя начинали понимать лучше, чѣмъ понимали его раньше въ описаніяхъ древнихъ, но первыя нащупыванія архаическаго искусства, медленный и мучительный прогрессъ ваянія отъ неумѣлой условности примитивовъ до блистательнаго классическаго совершенства, все это, за недостаткомъ памятниковъ, оставалось мертвой буквой. Когда Отфридъ Мюллеръ писалъ свое Руководство къ археологіи искусства, Египетъ и Ассирія не открыли еще своей тайны; едва предполагали о таинственныхъ отношеніяхъ, соединявшихъ Грецію съ Финикіей, съ одной стороны, и съ народами Малой Азіи съ другой; наконецъ, въ самомъ Греческомъ искусствѣ, вдругъ, разомъ и, повидимому, необъяснимымъ образомъ, возникшемъ во всемъ блескѣ своего совершенства, сколько еще

надлежало заполнить пробѣловъ, сколько разсѣять мрака! Разумѣется, изученіе развалинъ древнихъ зданій познакомило съ нѣкоторыми принципами Греческой архитектуры: храмы Пестума въ Италіи, Селинунта и Агригента въ Сициліи, памятники на Акрополѣ дали понятіе объ удивительныхъ способностяхъ и тайныхъ исканіяхъ древнихъ архитекторовъ; въ особенности французская экспедиція въ Морею дала прекрасныя реставраціи храмовъ Фигаліи и Олимпіи, благодаря искуснымъ рисункамъ Абея Блуэ; но кто же догадывался о существованіи античной живописи? Кому приходило на мысль искать въ глиняныхъ вазахъ, украшенныхъ фигурами, такъ долго и упорно носившихъ названіе этрусскихъ, болѣе или менѣе свободныя подражанія картинамъ древнихъ мастеровъ? Кто бы подумалъ уловить въ этихъ рисункахъ, сохранившихся на вазахъ, хоть слабый, но все еще живой отблескъ искусства Полигнота и Апеллеса?

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; замѣчательныя раскопки и важныя изслѣдованія неистощимой почвы греческаго Востока дали неоцѣнимыя сокровища, и еслибъ Отфридъ Мюллеръ могъ встать изъ могилы, онъ самъ призналъ бы, что его сочиненіе надо передѣлывать сызнова. Дѣйствительно, эти пятьдесятъ лѣтъ всѣ Европейскіе народы съ удивительнымъ соревнованіемъ и плодотворнымъ соперничествомъ оспариваютъ другъ у друга славу извлекать на свѣтъ Божій остатки исчезнувшаго античнаго міра; Англія и Франція, Германія и Австрія, Греція и Италія, даже Америка—страна, какъ извѣстно, знающая цѣну деньгамъ и не тратя-

шая своихъ долларовъ на пустяки—бросили, не считая, значительныя суммы денегъ на эти поля сраженій мирной войны, гдѣ побѣда остается, какъ во всякой другой войнѣ, за болѣе упорнымъ, за болѣе счастливымъ, за болѣе богатымъ. То видимъ мы Шлимана, котораго горячая любовь къ Гомеру влечетъ къ мѣстамъ, знаменитымъ по воспоминаніямъ о Троянской войнѣ, и подъ заступомъ отважнаго изслѣдователя Микенскій акрополь являетъ намъ свои сокровища, а гробницы, полныя золота и драгоценностей, гдѣ спятъ его знаменитые покойники, раскрываютъ передъ нами давнишнюю и любопытную исторію героической эпохи и примитивнаго искусства Эллады; то десятилѣтнія раскопки на Делосѣ, этомъ священномъ островѣ Аполлона, одномъ изъ самыхъ древнихъ и почитаемыхъ святилищъ Греціи, доставляютъ намъ сотни надписей и цѣлыя серіи драгоценныхъ памятниковъ архаической культуры. Священная почва Элевсина, гдѣ сохранилось столько воспоминаній о религіи и славѣ Аѳинъ, открываетъ намъ нѣкоторыя тайны мистерій Цереры; разысканный Додонскій оракулъ передаетъ намъ свои пророческіе отвѣты; святилище Эскулапа въ Эпидаврѣ знакомитъ насъ съ чудесными исцѣленіями, въ которыхъ богъ-врачеватель являлъ себя своимъ поклонникамъ. Благодаря раскопкамъ въ Олимпіи намъ довелось увидѣть фигуры, которыми ваятели V вѣка украшали фронтоны и метопы храма Юпитера, равно и другія скульптурныя украшенія, которыя смѣло могутъ поспорить съ Парѳенономъ; но самое важное, что онѣ намъ дали,— это замѣчательная группа Гермеса и Діониса,

одно изъ подлинныхъ, дошедшихъ до насъ произведеній Праксителя, гдѣ во всемъ своемъ блескѣ является передъ нами царственная прелесть аѳинскаго мастера. Но это еще не все: изслѣдовавъ древній акрополь Тиринѳа, Шлиманъ нашель дворець перваго греческаго періода. Открытія Фукара въ Дельфахъ знакомятъ насъ съ исторіей этого знаменитаго святилища, а новѣйшія раскопки, предпріятыя французскимъ правительствомъ, подъ руководствомъ Гомоля, окончательно отрыли развалины этого знаменитаго храма и оказались не менѣе цѣнными, чѣмъ открытія, сдѣланныя на Делосѣ и въ Олимпіи; раскопки, предпріятыя Аѳинскимъ институтомъ въ Беотіи, выводятъ на свѣтъ среди обломковъ храма Аполлона Птоосскаго любопытную серію архаическихъ статуй; и, наконецъ, изъ священной скалы Акрополя, гдѣ изобиліе удивительныхъ памятниковъ отнимало, казалось, всякую надежду на новое открытіе, вдругъ, волею случая, появилось цѣлое множество драгоценныхъ статуй, которыя въ продолженіе вѣковъ были погребены у подножія Парѳенона, но, пробужденныя отъ своего вѣкового сна, предстали предъ нами во всей строгой граціи богинь, осіяныя еще свѣжей яркостью своихъ красокъ, въ нарядѣ примитивовъ, полномъ своеобразной и таинственной прелести.

Затѣмъ идетъ Малая Азія, эта вторая Греція, каждый день раскрывающая намъ новыя сокровища. Въ то время какъ курганы Гиссарлыка дарятъ насъ развалинами Трои, открытія Ньютона въ храмѣ Аполлона Дидимейскаго — колоссальными статуями, украшавшими священную

аллею Бранхидовъ. Послѣ раскопокъ въ Милетѣ, въ Луврѣ появляются обломки святилища Аполлона, Британскій музей обогащается Діаной Эфесской и Венерой Книдской. Въ Галикарнасѣ найденный Ньютономъ мавсолей знакомитъ насъ со стилемъ Аттической школы IV вѣка и открываетъ намъ доступъ къ одному изъ этихъ маленькихъ азіатскихъ дворовъ, настоящихъ артистическихъ колоній Греціи, гдѣ съ наибольшимъ блескомъ процвѣтали искусство и цивилизація Эллады. Затѣмъ, въ живописной Ликии, гдѣ съ 1831 года Феллоу собиралъ для Британскаго музея любопытные памятники Ксанѳскаго акрополя, австрійская экскурсія предприняла новыя изслѣдованія и обогатила Вѣнскій музей драгоцѣннымъ фризомъ Гельбаши. Наконецъ, начатыя нѣмецкимъ правительствомъ и десятки лѣтъ продолжавшіяся раскопки на Пергамскомъ акрополѣ, дѣйствительно, обновили исторію Греческаго искусства II вѣка, и цѣлымъ рядомъ оригинальныхъ произведеній явили міру всѣхъ этихъ мастеровъ-ваятелей, жившихъ при Атталидахъ и много способствовавшихъ блеску этого ученаго и артистическаго двора владыкъ Пергама.

И вотъ, какъ будто мало еще было всѣхъ этихъ великихъ открытій, чтобъ познакомить насъ, во всемъ его разнообразіи, съ удивительнымъ развитіемъ Греческаго искусства, изъ сѣни некрополей, терпѣливо раскапываемыхъ въ Танагрѣ и Миринѣ, возникаетъ новая Греція, не та, нѣсколько суровая и важная, такъ хорошо представленная въ герояхъ и богахъ, но Греція смѣющаяся и забавляющаяся, спускающаяся съ

высотъ идеала къ повседневной земной жизни, и переходящая отъ возвышеннаго благородства героическихъ композицій къ вольной интимности бытовыхъ сюжетовъ. Въ гробницахъ Малой Азіи и Беотіи заступъ рабочаго пробудилъ отъ сна множество прелестныхъ фигурокъ, изящныхъ и кокетливыхъ, съ вздернутыми носами, съ вычурными и причудливыми прическами, съ задорнымъ видомъ, своей милой небрежностью скорѣй напоминающихъ прелестныя фантазіи XVIII вѣка во Франціи, чѣмъ произведенія эллинскаго IV вѣка.

Надо ли послѣ столькихъ замѣчательныхъ открытій говорить еще о тѣхъ смѣлыхъ и удачныхъ путешествіяхъ, которыя приводили европейскихъ изслѣдователей въ самыя отдаленныя области Малой Азіи, благодаря которымъ находили на возвышенностяхъ Мисіи или Каппадокіи, въ погребальныхъ пещерахъ, высѣченныхъ на склонахъ ликійскихъ горъ, въ колоссальныхъ изваяніяхъ, покрывающихъ скалы Фригіи, первые зачатки Эллинскаго искусства? Надо ли говорить о раскопкахъ Зальцмана на Родосѣ и въ особенности о чудесныхъ открытіяхъ Чеснолы на Кипрѣ, или Эванса на Критѣ, познакомившихъ насъ съ искусствомъ полу-Египетскимъ и полу-Ассирійскимъ, но въ то же время и оригинальнымъ, связующимъ книгу восточныхъ древностей со славной исторіей Эллинскаго искусства!

Еслибъ рамки этой книги не были ограничены исторіей Греческаго искусства, слѣдовало бы упомянуть о другихъ открытіяхъ, быть можетъ, еще болѣе замѣчательныхъ. За предѣлами греческаго древняго міра, появившагося въ исторіи

такъ поздно, что, по словамъ Платона, для Египтянь Греки были дѣтьми, слѣдовало бы бросить взглядъ и на Востокъ, который только что открылъ намъ свою тайну, и гдѣ дѣйствительно чувствуешь себя на французской почвѣ и въ области Французской науки. Египеть, открытый такими талантами какъ Шамполліонъ, Мариетъ, Масперо; Ниневія и Вавилонъ, вызванные къ жизни въ сочиненіяхъ Ботты, Пласа, Лаяра, Оппера; дворцы Персеполя, выдающіе тайны своихъ надписей, благодаря проницательности Эжена Бюрнуфа; Финикія, изслѣдованная Ренаномъ; Сирійскіе города, открытые Ваддингтономъ и де-Вогюзъ; Халдея, найденная Сарзеккомъ, и въ послѣднее время дворцы Ахеменидовъ въ Сузіанѣ, воскрешенные Дьелафуа и одарившіе нашъ Луврскій музей, помимо многихъ другихъ сокровищъ, этимъ удивительнымъ фризомъ изъ эмальированнаго фаянса, гдѣ изображены стрѣлки стражи Дарія, — сколько славныхъ страницъ для исторіи археологіи и какое чудесное предисловіе, не менѣе прекрасное, чѣмъ сама книга, написанное Французами къ исторіи Эллинскаго искусства! И развѣ не находишь такой же удивительный эпилогъ къ этой исторіи, когда, обратившись отъ Востока къ латинскому Западу, окидываешь взглядомъ безчисленныя открытія, сдѣланныя на всемъ протяженіи Римскаго міра! Этрусскія кладбища Клузіума и Тарквиній являютъ намъ причудливое великолѣпіе своихъ украшеній и странную, таинственную цивилизацію этого народа, остающагося вплоть до нашихъ дней одной изъ загадокъ исторіи; раскопки Форума и Палатина знакомятъ насъ съ грандіозной рос-

кошью императорскаго Рима; не прекращающіяся, непрерывныя разслѣдованія остатковъ Помпеи раскрываютъ намъ жизнь маленькаго провинціального города и столь любопытную живопись Александрійской эпохи; а удивительное открытіе катакомбъ, чудо геніальнаго Росси, доводитъ насъ до самаго порога среднихъ вѣковъ, и подготавливаетъ къ появленію искусства христіанскаго и современнаго. Несомнѣнно, что это не бесполезная и не пустая наука, сумѣвшая въ пятьдесятъ лѣтъ сдѣлать столько завоеваній и важныхъ открытій, явить намъ цѣликомъ нѣсколько великихъ исчезнувшихъ цивилизацій и отодвинуть на нѣсколько столѣтій начало исторіи человѣчества!

Едва ли нужно настаивать на важности этихъ открытій и на томъ, что они проливаютъ неожиданный свѣтъ на исторію искусства древнихъ народовъ и на ихъ жизнь; благодаря имъ—тутъ достаточно одного примѣра— изученіе архаическаго искусства Греціи за послѣдніе годы совершенно обновилось. Слѣдовательно, является дѣломъ далеко не бесполезнымъ выбрать изъ всѣхъ этихъ великихъ открытій наиболѣе достойныя вниманія, наиболѣе достопамятныя, чтобы затѣмъ познакомить публику съ ихъ главными результатами. Само-собою разумѣется, мы никакъ не рассчитываемъ представить въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ полный обзоръ обширныхъ изслѣдованій, о которыхъ мы только что говорили; ограничиваясь одной Греціей, намъ все же придется охватить область достаточно обширную. Въ этихъ точно опредѣленныхъ границахъ мы попытаемся воскресить нѣкоторыя великія эпохи Эллинской жизни и цивилизаціи.

ГЛАВА I.

Раскопки въ Микенахъ.

(1876—1888.)

Въ Аѳинахъ, среди памятниковъ, возбуждающихъ любопытство путешественника, среди вещей, которыя надо смотрѣть послѣ Пропилей и Парѳенона, въ путеводителяхъ указанъ на бульварѣ Академіи большой домъ, окруженный портиками, увѣнчанный статуями, изображающими героевъ Гомера, и на фасадѣ его слѣдующая надпись, сначала и поражающая, и смущающая: *Ἰλίου μέλαθρον*, Дворецъ Трои. Всякій прохожій вамъ скажетъ,—такъ какъ это—слава города,—что дворецъ Трои не что иное какъ домъ доктора Шлимана, большого почитателя Гомера, знаменитаго археолога, изслѣдовавшаго развалины Трои и Микенъ, и отыскавшаго, это несомнѣнно, сокровище Пріама и гробницу Агамемнона. Сдѣлайте лучше такъ: попросите разрѣшенія осмотрѣть этотъ гостепріимный домъ: вы найдете всюду воспоминанія о Гомерѣ и воспѣтыхъ имъ герояхъ. Не удивляйтесь слишкомъ, если, осматривая прекрасную коллекцію древностей, собранную хозяиномъ дома въ развалинахъ Гиссарлыка, услышите, какъ декламируются стихи Гомера, и

не мужскими только, а и женскими устами; не удивляйтесь, если услышите, что дѣтей дома называютъ звучными и героическими именами Андромахи или Агамемнона. Въ этомъ домѣ Гомеръ—богъ, а Шлиманъ его пророкъ, но я охотно повѣрю, что пророку поклоняются тутъ больше, чѣмъ богу.

I.

Раньше чѣмъ приступать къ описанію чудесныхъ открытій Шлимана, будетъ полезно сказать кое-что о немъ самомъ. Проникать такъ въ частную жизнь человѣка не значитъ выдавать его: Шлиманъ заранѣе озаботился самъ составить свою біографію. Какъ вступленіе къ произведенію, озаглавленному Иліосъ, гдѣ Шлиманъ въ 1882 г. разсказаль о результатахъ своихъ раскопокъ въ Троѣ, онъ далъ длинное описаніе своей жизни и своихъ работъ, въ нѣкоторомъ родѣ Признанія, удивительно привлекательныя. Очень любопытна эта автобіографія, изумительное смѣшеніе дѣланной наивности и самаго чистосердечнаго самомнѣнія, странное соединеніе коммерческой жилки, пониманія всякихъ торговыхъ и выгодныхъ дѣлъ, съ одной стороны, и живого религіознаго чувства—съ другой, религіознаго, правда, нѣсколько въ нѣмецкомъ смыслѣ слова, которымъ охотно конфискуется въ свою пользу монополія божественнаго покровительства; тутъ, рядомъ со страстью къ археологіи и другимъ наукамъ, видна и достаточно сильная доля нѣмецкой сентиментальности; особенно поражаетъ удивительная вѣра въ самого себя,—вся, полная приключеній, жизнь Шлимана, по-

видимому, оправдывала такую вѣру. Дѣйстви-тельно, жизнь этого человѣка — точно романъ; онъ сумѣлъ безъ копейки денегъ и почти безъ всякаго образованія и составить себѣ состояніе, и стать образованнымъ, благодаря одной только своей настойчивости; и несомнѣнно, это не банальный романъ—жизнь негоціанта, двадцать пять лѣтъ наживавшаго милліоны, чтобъ остальную часть жизни половину доходовъ истратить на археологическія изслѣдованія. Многое слѣдуетъ простить Шлиману ради такого благороднаго употребленія богатства на предпріятія „столь же смѣлыя, сколь безкорыстныя“,—слова Шлимана, и жаль, что онъ не намъ доставилъ возможность и удовольствіе найти ихъ,—ради этой его научной пытливости, подъ часъ становившейся прямо отважной, ради этой его дѣятельности, непреклонной и великодушной, ни разу не измѣнившей себѣ, ни разу не сдавшейся.

Такъ какъ, разбирая дѣтство великихъ людей, приходится, повидимому, считаться со всѣмъ, Шлиманъ рассказываетъ намъ съ мельчайшими подробностями о своихъ дѣтскихъ годахъ, проведенныхъ въ Мекленбургъ-Шверинской деревнѣ и о тѣхъ „клятвахъ въ вѣчной любви“, которыми онъ, мальчикъ девяти—двѣнадцати лѣтъ, обмѣнялся съ маленькой сосѣдкой того же возраста. Любовь эта, по правдѣ сказать, была болѣе археологической, чѣмъ страстной. По удивительному предназначенію, настолько странному, что, быть можетъ, это было подстроено позднѣе, Шлиманъ съ дѣтства имѣлъ страсть къ Гомеру и желаніе отыскать Трою. Онъ говорилъ объ этомъ съ своей маленькой подругой, и между

ними было условлено, что они поженятся, когда станут большими, и отправятся производить раскопки Трои. „Благодаря Богу, — прибавляетъ Шлиманъ, — моя твердая увѣренность въ существованіи этой Трои ни разу не покинула меня за все время моей жизни, полной всякихъ превратностей и приключеній. Однако осуществить мою мечту мнѣ довелось только пятьдесятъ лѣтъ спустя и увы!—безъ Минны“. Минна не дождалась, и Шлиманъ, какъ кажется, въ этомъ утѣшился. Въ началѣ тома, посвященнаго Микенамъ, есть трогательное обращеніе къ г-жѣ Шлиманъ, — книга посвящается ей, „какъ слабое доказательство моего восхищенія передъ ея работами по Гомеру, моей благодарности за ея преданность и рвеніе, за энергію, съ какой она должна была поддерживать мою бодрость во времена тяжелыхъ испытаній“.

Семейныя несчастія превратили скоро маленькаго Шлимана, влюбленнаго въ Гомера и Минну, въ мальчика, служащаго въ бакалейной лавкѣ; затѣмъ, волей случая, сталъ онъ юнгой на торговомъ суднѣ, и буря выбросила его на голландскій берегъ безъ копейки денегъ. Позднѣе мы находимъ его въ Амстердамѣ, служащимъ въ торговомъ домѣ съ жалованьемъ въ 800 франковъ въ годъ. Онъ нанимаетъ за восемь франковъ въ мѣсяць комнату въ неотопливаемой мансардѣ; завтракаетъ ржаной кашей, обѣдаетъ за четыре су и половину жалованья тратитъ на пополненіе своего прерваннаго образованія. Съ непобѣдимымъ упорствомъ, съ непреоборимой энергіей—единственный ея недостатокъ, можетъ быть, тотъ, что Шлиманъ слишкомъ часто о ней говоритъ—онъ уры-

валъ у рѣдкихъ минутъ своего досуга, даже у своей ѣды, чтобы научиться языкамъ, сначала Англійскому въ шестимѣсячный срокъ, въ такой же Французскому и еще въ меньшей Голландскому и Испанскому, Итальянскому и Португальскому; на каждый изъ послѣднихъ языковъ онъ клалъ по шести недѣль. Затѣмъ настала очередь Русскаго: и вотъ, для вѣрности успѣха, рѣшивъ произносить вслухъ все, что онъ выучивалъ на этомъ трудномъ языкѣ, герой нашъ нанялъ за четыре франка въ недѣлю бѣднаго еврея, который долженъ былъ приходить каждый вечеръ и слушать два часа, не понимая ни слова, русскія повѣствованія Шлимана. Эти занятія, впрочемъ, принесли ему большую выгоду, такъ какъ въ Россіи Шлиманъ составилъ все свое состояніе. Въ этомъ мѣстѣ автобіографія принимаетъ видъ прихода-расходной книги: тщательно заносятся цифры торговаго дома Шлимана, всѣ статьи ввоза и вывоза перечисляются съ самодовольствомъ. Въ восемь лѣтъ Шлиманъ заработалъ 600.000 франковъ; въ одинъ 1854 годъ, онъ этотъ капиталъ удвоилъ. Чтобы вознаградить себя, онъ разрѣшаетъ себѣ удовольствіе научиться Греческому языку и при этомъ скромно прибавляетъ, что въ совершенствѣ усвоилъ всѣ его правила, не зная даже, есть ли они въ грамматикѣ или нѣтъ. Какъ Греческій языкъ, такъ же хорошо шли и его дѣла. Теперь онъ зарабатывалъ въ среднемъ 250.000 франковъ въ годъ,—недурная сумма для человѣка, который раньше долженъ былъ просить милостыню на набережныхъ Текселя! Но дѣло въ томъ, что и „небо благословило чудеснымъ образомъ“ дѣла Шлимана.

Онъ сталъ достаточно богатъ, чтобъ осуществить, наконецъ, мечту своей жизни; и послѣ нѣсколькихъ большихъ путешествій, причемъ онъ извѣздилъ земной шаръ отъ Египта до Соединенныхъ Штатовъ, проѣхавъ черезъ Японію и Китай, Шлиманъ рѣшилъ въ 1868 г. посвятить Гомеру приобрѣтенныя имъ деньги, а также остатокъ своихъ дней. Онъ посѣтилъ Иѳаку, Микены, Трою, а въ 1871 г. приступилъ къ раскопкамъ Гиссарлыкского холма. Надо прочесть въ самой книгѣ описаніе этихъ раскопокъ, нѣсколько разъ прерванныхъ, шесть разъ возобновленныхъ съ упорствомъ непобѣдимымъ, во время которыхъ Шлиманъ увѣрился, что нашелъ подъ нагроможденными обломками пяти бывшихъ тутъ городовъ подлинныя, несомнѣнныя остатки Трои Гомеровою эпохи. Тутъ можно найти всѣ характерныя черты этого человѣка,—его чисто-коммерческую любовь къ порядку, заставляющую его дѣлать точный подсчетъ истраченныхъ на предпріятіе денегъ, его необузданное воображеніе, заставляющее его видѣть въ раскопкахъ Гиссарлыка предметы, о которыхъ говоритъ Гомеръ. Все тутъ есть: и сокровище Пріама, и драгоценныя украшенія Елены, и городскія ворота, и черепа жителей города, все, даже слѣды великаго пожара, этой послѣдней катастрофы, поглотившей Трою. Поистинѣ гениальная игра ума находитъ въ сгорѣвшемъ городѣ, какъ называетъ его Шлиманъ, дѣйствительный городъ Гектора и Пріама и возсоздать въ малѣйшихъ подробностяхъ планъ Гомерова Иліона; но приходится сознаться, что Шлиманъ слишкомъ любитъ Гомера, чтобъ быть тутъ вполне безпристрастнымъ. Оты-

скать Трою—это удовольствіе иного рода и возбуждаетъ больше шума, чѣмъ открытіе какого-нибудь анонимнаго доисторическаго города: воображеніе Шлимана не устояло. Къ несчастію, кто не раздѣляетъ глубокой вѣры этого изслѣдователя, тому, разумѣется, всѣ его сопоставленія кажутся очень спорными; тѣмъ не менѣе осязаемые результаты этихъ раскопокъ, открытыя драгоцѣнности, десять обслѣдованныхъ кладовъ все же представляютъ для науки достаточно прекрасное приобрѣтеніе.

Въ автобіографіи Шлимана можно найти еще многое другое. Таково повѣствованіе о раскопкахъ его въ Микенахъ (1874—1876 гг.), по поводу чего авторъ самодовольно замѣчаетъ, что со времени этихъ открытій иностранцы посѣщаютъ Аѳины въ такомъ количествѣ, что теперь въ этой столицѣ стало въ десять разъ больше гостинницъ, чѣмъ прежде. Затѣмъ исторія его изслѣдованій въ Иѳакѣ (1878) и Орхоменѣ (1881). Но для него это все только случайные эпизоды; и хотя по-моему они интереснѣе его главной эпопеи, вся забота Шлимана обращена исключительно на Трою. Изслѣдовавъ вполнѣ научнымъ методомъ Тиринѣскій акрополь, открывъ въ Пилосѣ и Лаконіи слѣды Гомеровыхъ героевъ, Шлиманъ опять возвращается къ Гиссарлыку, и какъ бы мы на него ни смотрѣли, приходится отдать должное энергіи и неустанной дѣятельности человѣка, которому археологія обязана очень важными открытіями.

II.

Таковъ человѣкъ. Теперь рассмотримъ его трудъ, поскольку съ нимъ знакомить одна изъ самыхъ славныхъ его работъ—изслѣдованіе Микенскаго акрополя.

На свѣтъ мало, я думаю, людей, не слыхавшихъ про Агамемнона: его знаютъ если не по Гомеру, такъ по Расину и во всякомъ случаѣ по Оффенбаху. Менѣе извѣстно то, что царь царей царствовалъ, по преданію, въ одномъ изъ городовъ Арголиды, по имени Микены; еще менѣе извѣстно, что сохранились обширныя развалины этого города. Въ глубинѣ равнины Аргоса, подлѣ маленькой деревушки Харвати, какъ разъ при выходѣ изъ узкаго и живописнаго ущелья, гдѣ проходитъ дорога изъ Коринѳа въ Аргосъ, на большомъ каменистомъ треугольномъ плоскогорьѣ возвышаются развалины древней крѣпости царей микенскихъ. Съ одной стороны доступъ къ крѣпости защищенъ глубокимъ ущельемъ; вся окружность Акрополя обнесена высокими стѣнами, высота которыхъ колеблется отъ 4 до 10 метровъ при 5 метрахъ толщины. Постройка этихъ укрѣплений заслуживаетъ вниманія: каменные глыбы не лежатъ правильными рядами, тщательно скрѣпленныя цементомъ; многоугольные камни прилажены безъ цемента, а въ мѣстахъ болѣе отдѣланныхъ четырехугольныя глыбы нагромождены горизонтальными рядами, но опять-таки безъ всякаго цемента, — вотъ что представляютъ изъ себя эти укрѣпленія, такъ называемыя циклопическія постройки. Внутри вторая стѣна, высотой въ 9 метровъ, завершаетъ укрѣ-

пление. Два входа даютъ доступъ въ крѣпость: на сѣверномъ склонѣ проведенъ маленькій подземный ходъ, черезъ который можно, сдѣлавъ вылазку, внезапно напасть съ тыла на осаждающихъ; главныя ворота находятся въ сѣверо-восточномъ углу крѣпости. Тутъ между крѣпостной стѣной и большой четырехугольной башней, нѣкогда охранявшей входъ въ городъ, открывается дорога, длиной въ 15 метровъ, шириной въ 9, въ глубинѣ которой возвышаются знаменитыя ворота Львовъ. Это—почти квадратное отверстіе, образуемое двумя косяками, на которыхъ покоится огромный каменный архитравъ. Наверху въ треугольномъ углубленіи помѣщена базальтовая плита, а на ней два наступающіе другъ на друга льва положили лапы на жертвенникъ, увѣнчанный колонной: какъ извѣстно, это одно изъ древнѣйшихъ произведеній Эллинской скульптуры. Такимъ образомъ при входѣ въ акрополь былъ закрѣпленъ, такъ сказать, гербъ князей микенскихъ, которымъ нравилось этимъ чисто-азіатскимъ произведеніемъ напоминать о своемъ восточномъ происхожденіи.

Внизу крѣпости находился нижній городъ, также обнесенный укрѣпленной стѣной. И тутъ тоже встрѣчаются остатки циклопическихъ построекъ, изъ нихъ самыя замѣчательныя — это зданіе, называемое Сокровищницей Атрея. Проходъ, длиной въ 30 метровъ и шириной въ 6, обнесенный довольно высокими стѣнами, ведетъ къ воротамъ, увѣнчаннымъ огромнымъ каменнымъ архитравомъ; черезъ нихъ проходишь въ большую круглую комнату, высотой въ 15 метровъ, съ куполообразной крышей. Прежде стѣны были, сооб-

разно обычаю, упоминаемому у Гомера, въ изобиліи покрыты металлическими листами; украшенія изъ бронзы, прибитыя къ дверямъ, и наклейка изъ цвѣтнаго мрамора украшали снаружи памятникъ. Въ этомъ роскошномъ зданіи, которое, безъ сомнѣнія, было не что иное, какъ гробница, легковѣріе народное съ давнихъ поръ думало найти царское сокровище, и приманка богатствъ, будто бы зарытыхъ тамъ, не разъ соблазняла алчныхъ искателей. Съ сокровищницы Атрея турецкій губернаторъ Вели-паша снялъ покрывавшія ее украшенія, и до насъ она дошла пустой. Та же участь постигла и другія зданія того же рода, найденныя въ количествѣ шести среди остатковъ нижняго города, изъ которыхъ одно, изслѣдованное подъ руководствомъ г-жи Шлиманъ, получило имя жены археолога.

Невольно встаетъ вопросъ, какимъ образомъ могли сохраниться, почти въ цѣлости, такія древнія развалины, остатки эпохи, предшествовавшей началу исторіи, когда столько городовъ, процвѣтавшихъ еще въ классическую эпоху, исчезли безслѣдно. Такая удивительная долговременность объясняется тѣмъ, что Микены, какъ городъ, очень рано перестали существовать. Въ началѣ V вѣка зависть Аргоса разорила свою старую соперницу, въ это время уже много утратившую изъ своего бывшего блеска; и вотъ, несмотря на крайнее, сопротивленіе оказанное жителями, бившимися за стѣнами крѣпости Агамемнона, Микены пали. Несомнѣнно, что до конца второго вѣка на мѣстѣ прежняго города оставалось укрѣпленное поселеніе, но со временъ римлянъ

это мѣсто опустѣло. Великія нашествія Славянъ, византійскіе и латинскіе средніе вѣка, полчища Турокъ прошли мимо, не останавливаясь на этихъ покинутыхъ развалинахъ; ни одинъ изъ большихъ сосѣднихъ городовъ не пришелъ поискать въ нихъ матеріала для своихъ сооруженій, и крѣпость Атридовъ продолжала одиноко высится на своей скалѣ, овѣянная священными воспоминаніями поэзіи Гомера и трагическими легендами, освятившими ея стѣны.

Дѣйствительно, не многіе города въ глубокой древности пользовались болѣе блестящей славой. Исторія и поэзія наперерывъ другъ передъ другомъ свидѣтельствуютъ о мощи и богатствѣ князей микенскихъ. Гомеръ называетъ Микены городомъ хорошо выстроеннымъ, городомъ богатымъ золотомъ (*πολυχρυσος*); Фукидидъ тоже говоритъ о ихъ прославленномъ богатствѣ. По преданію, Микены были построены легендарнымъ основателемъ династіи Атридовъ Пелопсомъ, азіатскимъ выходцемъ изъ области Пактольской; Атрей и Агамемнонъ распространили свое владычество на большую часть Пелопонеса. Трагическія приключенія семьи Пелопидовъ приурочены также къ микенскимъ стѣнамъ. Убійство Агамемнона по возвращеніи изъ Трои Клитемнестрой и Эгисѣомъ, возвращеніе Ореста, чтобъ отомстить за смерть отца убійствомъ матери, всѣ эти сюжеты, ставшіе знаменитыми въ обработкѣ трагическихъ поэтовъ, проходятъ въ рамкахъ Микенскаго акрополя. Среди этой декорации разыгрывались первыя сцены изъ Эврипидова Ореста и Софокловой Электры; и, слѣдя за точнымъ описаніемъ пейзажа и крѣ-

пости Микенъ, видишь, что поэтъ побывалъ самъ на театрѣ трагическихъ событій, выведенныхъ имъ на сцену.

Столько славныхъ воспоминаній придавали микенскимъ развалинамъ особый интересъ. Съ древнѣйшихъ временъ ихъ посѣщали очень часто; и какъ въ наши дни стараются съ каждымъ найденнымъ въ Іерусалимѣ камнемъ связать какое-нибудь воспоминаніе, такъ и въ Микенахъ хотѣли найти тѣ самыя мѣста, гдѣ произошло столько драматическихъ событій. Мало того, что проводники показывали Львиныя ворота и сокровищницу Атрея, они увѣряли, что показываютъ и гробницы микенскихъ царей, прежде всего гробницу славныхъ жертвъ троянской трагедіи. Путешественникъ второго вѣка рассказываетъ, что ему показали, во время посѣщенія имъ Микенъ, пять гробницъ Агамемнона и его спутниковъ, а также могилы Клитемнестры и Эгисѳа, похороненныхъ поблизости оттуда, но внѣ священной ограды, гдѣ покоились ихъ жертвы. Этому свидѣтельству Павзанія обязаны мы открытіями Шлимана.

Найти могилу Агамемнона, какая заманчивая мечта для археолога, какой соблазнъ для чело-вѣка, такъ страстно увлекающагося Гомеромъ, какъ Шлиманъ, и уже разохотившагося открытіемъ Трои! Правда, всѣ изучавшіе до тѣхъ поръ текстъ Павзанія считали, что могилы, о которыхъ онъ говоритъ, помѣщаются въ нижнемъ городѣ; но Шлиманъ не изъ тѣхъ, что пугаются или смущаются противорѣчіемъ; онъ энергично сталъ доказывать, что искать эти знаменитые памятники надо въ самомъ акрополѣ. Въ фев-

ралъ 1874 г. онъ сдѣлалъ предварительныя изысканія, а два года спустя, 7 августа 1876 г., приступилъ къ раскопкамъ. Безъ сомнѣнія, онъ долженъ былъ испытать ужасную минуту, когда окинувъ взглядомъ столь обширный акрополь, покрытый обломками, со страхомъ задалъ себѣ вопросъ, съ какого же мѣста слѣдуетъ начинать. Но у Шлимана была вѣра. Онъ хотѣлъ отыскать могилу Агамемнона; онъ былъ увѣренъ, что найдетъ ее. У него также были деньги, лучше вѣры двигающія горами; и еще было у него непреоборимое упорство, котораго не могла сломить никакая неудача. Успѣхъ вознаградилъ эти усилія самыми удивительными открытіями, какія только, можетъ быть, были сдѣланы въ наши дни.

7 августа 1876 г. Шлиманъ велѣлъ произвести первые удары киркой подлѣ Львиныхъ воротъ, и послѣ того, какъ вырыли ихъ античный порогъ, онъ очутился на обширной площади, покрывающей западный склонъ холма, гдѣ раскопки и продолжались очень усиленно. Вскорѣ на нѣсколькихъ метрахъ глубины найдены были обломки глиняной архаической посуды, остатки циклопическихъ построекъ, и среди этихъ остатковъ обнаружались девять большихъ плитъ, въ которыхъ Шлиманъ тотчасъ призналъ надгробные памятники царскаго некрополя, который онъ искалъ. Среди этихъ плитъ четыре были украшены грубой скульптурой, искусства младенческаго и варварскаго, вѣрное свидѣтельство глубокой древности произведеній, которыя собирались открыть. Послѣдующія раскопки скоро показали, что эти плиты находились въ серединѣ огоро-

женнаго круга, приблизительно метровъ 25 въ діаметрѣ, окруженнаго двойнымъ кругомъ вбитыхъ въ землю столбовъ, на которыхъ были положены горизонтально другіе столбы, образуя такимъ образомъ вокругъ площади родъ скамьи. Шлиманъ, знающій своихъ авторовъ, тотчасъ узналъ мѣсто. Онъ вспомнилъ, что у Гомера старцы садятся въ кругъ въ священной оградѣ на плитахъ съ ровной поверхностью; онъ вспомнилъ, что площади эти, гдѣ собираются для совѣщаній царскіе совѣтники, устраивались изъ огромныхъ камней, вбитыхъ въ землю и искусно приноровленныхъ; онъ вспомнилъ, что Эврипидъ въ своей трагедіи Орестъ говоритъ о кругообразной площади въ Микенахъ; наконецъ, онъ вспомнилъ, что въ древности охотно хоронили въ серединѣ площади знаменитыхъ мужей. Съ этой минуты сомнѣніе становилось невозможнымъ: эта кругообразная ограда, расположенная при самомъ входѣ въ Микенскій акрополь, была городская площадь, остатки циклопическихъ построекъ, окружающіе эту ограду,—это дворецъ Атридовъ; что касается плитъ, онѣ доказывали, что столь желанныя могилы были близки. Оставалось только разыскать ихъ.

Счастье благопріятствовало Шлиману превыше всѣхъ ожиданій. Въ концѣ октября 1876 г. подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ были плиты, нашли четырехугольное углубленіе, длиной въ 6 метровъ 50, шириной въ 3, высѣченное въ самой скалѣ. Это была несомнѣнно гробница; къ несчастью, она была почти пуста; одно время явилось опасеніе, ужъ не были ли осквернены разыскиваемыя гробницы еще въ древности. Но

вскорѣ появилась вторая гробница на глубинѣ 4 м. 50 ниже уровня скалы, и въ этой могилѣ нашли вытянутыми на каменномъ ложѣ три скелета, головой къ Востоку. Послѣдовательно были открыты еще три такія же углубленія, въ оградѣ агоры, а вскорѣ затѣмъ обнаружили шестую могилу внѣ круга. Каждая изъ этихъ гробницъ заключала по нѣскольку тѣлъ; въ нихъ собрали кости семнадцати человѣкъ, изъ нихъ три женщины и три ребенка; между трупами одинъ сохранился почти нетронутымъ, благодаря извѣстнаго рода бальзамированію, послужившему для его сохраненія. Впрочемъ, всѣ эти тѣла, казалось, были помѣщены въ ямы очень страннымъ образомъ. вмѣсто того, чтобъ положить ихъ въ длину, ихъ, наоборотъ, размѣстили въ ширину могилы, а такъ какъ гробница въ этомъ направленіи имѣла едва 1 м. 65, то приходилось иной разъ очень сдавливать трупы, чтобъ какъ-нибудь втиснуть ихъ въ слишкомъ тѣсную для нихъ могилу. Изъ этого несомнѣнно страннаго обстоятельства, но, конечно, объясняемаго намѣреніемъ придать тѣламъ священное положеніе, Шлиманъ не преминулъ вывести хитросплетенный романъ, къ которому мы не замедлимъ вернуться. Сначала надо закончить рассказъ объ этомъ открытіи и отмѣтить, что въ немъ представляетъ исключительный интересъ,—я хочу сказать о множествѣ драгоценностей и рѣдкостныхъ предметовъ, собранныхъ въ этихъ гробницахъ.

По очень старинному обычаю древніе народы хоронили своихъ покойниковъ вмѣстѣ съ вещами, которыя они употребляли или любили во время своей земной жизни. Таковъ былъ обычай у

Египтянъ, и раскопки Танагры покажутъ намъ позднѣе продолжительную устойчивость этой традиціи. Тотъ же обычай существовалъ и въ первобытной Греціи. Умершаго не только наряжали въ лучшія одежды, и клали рядомъ съ нимъ его драгоценности и оружіе, но еще заботились о томъ—когда это было важное лицо,—чтобъ онъ, и мертвый, имѣлъ достойную себя свиту. Въ Иліадѣ мы видимъ, какъ Ахиллъ закалываетъ на могилѣ Патрокла плѣнниковъ, которые будутъ служить умершему въ его подземной жизни: вполнѣ вѣроятно, что подобная причина объясняетъ большое количество труповъ, помѣщенныхъ въ микенскихъ гробницахъ.

Надо замѣтить, что ничто не сравнится съ безподобной роскошью, съ которой похоронены эти покойники. Чтобъ проводить ихъ изъ земного міра, на нихъ надѣли самыя парадныя одѣянія, и въ могилу ихъ опускали съ золотой діадемой на головѣ, украсивъ самыми дорогими драгоценностями, самыми роскошными одеждами. На головѣ у нихъ корона, на груди поясъ и золотая перевязь, а на лицѣ, по странному обычаю, повидимому заимствованному съ Востока, золотая маска, воспроизводящая точныя черты покойнаго. На одежды ихъ нашиты золотыя пластинки; въ одной только могилѣ такихъ пластинокъ нашли 700; оружіе ихъ, съ роскошной инкрустаціей, съ ножнами, изукрашенными интересными золотыми застежками, лежитъ такъ, что рука можетъ его достать. Женщины одѣты не менѣе роскошно: у нихъ тоже діадемы на головахъ, ожерелья на шеяхъ, на пальцахъ кольца, брошки, серьги, чудесные золотые бра-

слеты. Наконецъ, подлѣ каждаго трупа сосуды—нѣкоторые изъ нихъ золотые и серебряные,—наполненные провизіей, для питанія покойнаго въ его подземной жизни. Разумѣется, всѣ эти покойники не были простыми смертными; это цари, похороненные съ большой пышностью; и по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи надежды Шлимана не обманули его.

Никто не можетъ не признать чрезвычайной важности этихъ замѣчательныхъ раскопокъ и того обстоятельства, что онѣ вполне согласуются съ легендарными рассказами о микенскихъ богатствахъ. По рыночной оцѣнкѣ драгоцѣнности, собранныя въ могилахъ акрополя, представляютъ болѣе 100.000 франковъ золотомъ: съ точки зрѣнія искусства и науки онѣ неоцѣнимы. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ открываютъ намъ, и самымъ положительнымъ образомъ, что такое были, около трехъ тысячъ лѣтъ назадъ, цивилизація и общество въ первобытной Греціи; онѣ открываютъ намъ, задолго до нашествія дорійцевъ на Пелопонесъ, существованіе богатаго и могучаго царства, съ которымъ преданіе связываетъ имя Пелопидовъ; они открываютъ намъ, подъ какимъ вліяніемъ развился этотъ міръ героическихъ временъ и образовалось это примитивное искусство Эллады. Ужъ это одно прекрасно и достаточно, чтобъ удовлетворить любого археолога. Но Шлиманъ все же не остался этимъ доволенъ. Ему хотѣлось нарушить инкогнито этихъ неизвѣстныхъ покойниковъ, найти имена этихъ масокъ, этихъ труповъ: и сомнѣваться въ ихъ именахъ онъ не могъ. Онъ принялся за работу, съ тѣмъ чтобъ открыть могилу Агамемнона: онъ

ни минуты не усумнился въ томъ, что дѣйстви-тельно отыскалъ ее. 28 ноября 1876 г. онъ отпра-вилъ Греческому королю слѣдующую ликующую телеграмму: „Крайне счастливъ объявить Вашему Величеству, что я открылъ могилы, на которыя преданіе, подтверждаемое Павзаніемъ, указываетъ какъ на гробницы Агамемнона, Кассандры, Евримедона и ихъ спутниковъ, убитыхъ всѣхъ на пиру Клитемнестрой и любовникомъ ея Эгисѳомъ. Я нашелъ въ этихъ гробницахъ огромныя сокровища, которыя одни достаточны, чтобъ наполнить большой музей, который станетъ удиви-тельнѣйшимъ въ мірѣ, и въ послѣдующіе вѣка будетъ привлекать въ Грецію тысячи иностран-цевъ... Дай Богъ, чтобъ эти сокровища стали краеугольнымъ камнемъ несмѣтнаго національ-наго богатства“. Въ то же время Шлиманъ всюду разглашалъ, что онъ отыскалъ самый трупъ Агамемнона: ему одному могло соотвѣтствовать это лицо, покрытое золотой маской съ отпечатлѣв-шейся на немъ величавой улыбкой царя царей, ему одному—этотъ трупъ съ пріоткрытымъ гла-зомъ, съ неплотно сомкнутой челюстью—явные признаки преступной небрежности, заставившей Клитемнестру забыть объ исполненіи послѣдняго долга по отношенію къ убитому супругу. При та-кой заманчивой гипотезѣ объясняются сами собой всѣ подробности открытія; и стоитъ прочесть хи-тросплетенный романъ Шлимана, а также пре-дисловіе, написанное Гладстономъ для книги о Микенахъ, гдѣ послѣдній превзошелъ даже самого автора. Если тѣло Агамемнона, пре-данное позорной смерти, было тѣмъ не менѣ похоронено съ честью посерединѣ микенской

агоры, это потому, что убійцы, опасаясь народа, не посмѣли отказать въ исполненіи послѣдняго долга передъ царемъ царей; но разъ формально удовлетворена была симпатія народа, и могила приготовлена, въ нее поспѣшили бросить трупы, не заботясь о томъ, чтобы не изуродовать ихъ непристойнымъ оскверненіемъ. Только позднѣе, когда Орестъ блистательно отмстилъ убійцамъ, могила была раскрыта, чтобъ оказать высшія почести побѣдителю Иліона. Мертвымъ было сдѣлано торжественное воздаяніе: ихъ облекли въ погребальныя наряды, и согласно священному обычаю, сожгли ихъ тѣла; и чтобы завѣщать всеобщему почитанію мѣсто, гдѣ покоились эти знаменитые усопшіе, возстановленное правительство соорудило посреди площади погребальныя плиты, отмѣчавшія мѣсто царскаго некрополя.

Разумѣется, все это очень остроумно и тонко, можетъ быть, слишкомъ остроумно и слишкомъ тонко, чтобъ быть вѣрнымъ. Если и допустить, что Агамемнонъ существовалъ не только въ воображеніи поэтовъ—а это не доказано—чѣмъ можемъ мы доказать, что микенскія гробницы связаны съ его великимъ именемъ? Несомнѣнно, конечно, что раскрытыя Шлиманомъ могилы дѣйствительно царскія гробницы: не хоронятъ съ такой роскошью неизвѣстныхъ частныхъ лицъ. Но допустивъ это, какіе можно сдѣлать отсюда выводы? Существуетъ Павзаній, отвѣчаетъ Шлиманъ, и его сообщенія рѣшительно доказываютъ, что дѣло идетъ объ Агамемнонѣ. Къ несчастью, текстъ писателя не такъ ясенъ, какъ это нужно Шлиману; онъ даетъ поводъ

къ разнымъ толкованіямъ, и изъ него можно съ одинаковымъ правомъ заключить, что эти знаменитыя могилы слѣдуетъ искать въ нижнемъ городѣ. Самъ Шлиманъ согласенъ, что во времена Павзанія могилы, открытыя въ акрополѣ, вѣроятно, не могли быть видны, такъ какъ были засыпаны обвалами съ вершины крѣпости. Наконецъ, Павзаній точно обозначаетъ пять могилъ, и Шлиманъ остановился въ своихъ раскопкахъ на этомъ вѣщемъ числѣ гробницъ. Къ несчастью, греческое правительство, разохотившись такими прекрасными находками, продолжало раскопки за свой счетъ, и открыло шестую могилу, такую же богатую, какъ и предыдущія: вотъ еще одна могила, совершенно лишняя для предположеній Шлимана. Безъ сомнѣнія, очень заманчиво принять романъ Шлимана, и вѣрить, что въ нашихъ рукахъ смертные останки Агамемнона, какъ мы нашли недавно въ Египтѣ мумію Рамзеса II. Но великій Фараонъ имѣлъ при себѣ въ могилѣ достовѣрныя бумаги, у Агамемнона ихъ нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, царскія могилы въ Микенахъ, какое бы имя ни носили цари, похороненные въ нихъ, открыли намъ цѣлый неизвѣстный періодъ Эллинской цивилизаціи; и, конечно, это много цѣннѣе, чѣмъ открытіе баснословныхъ останковъ Агамемнона. Въ былыя времена ни одинъ ученый не осмѣлился бы начинать исторію Греціи раньше VIII или IX вѣка, исторію Эллинскаго искусства раньше VI или VII. Теперь, благодаря микенскимъ раскопкамъ, мы можемъ начинать съ гораздо болѣе ранняго періода; мы можемъ изучать отношеніе Греціи къ древнимъ цивилизаціямъ

Востока, Египетской и Халдейской, Ассирійской и Финикійской, въ сравненіи съ которыми, по словамъ Платона, Греки были не болѣе какъ дѣти; мы можемъ, помимо Гомеровою поэзіи, достигь отдаленнѣйшихъ временъ, отдѣленныхъ отъ насъ болѣе чѣмъ трехтысячелѣтнимъ періодомъ времени, сдѣлать дѣломъ исторіи тѣ вѣка, которые были намъ знакомы только по религіознымъ и поэтическимъ преданіямъ, и освѣтить эти отдаленнѣйшія эпохи яснымъ и опредѣленнымъ научнымъ методомъ. Это лучше, чѣмъ приурочивать эту исчезнувшую цивилизацію къ имени Агамемнона: такой приѣмъ, можетъ быть, удобный и простой, отвѣчаетъ всему, но ничему не учитъ. А въ микенской цивилизаціи есть чему поучиться, и мало установиить ея существованіе, надо еще ее пояснить.

III.

Телеграмма, которой Шлиманъ извѣстилъ о своемъ открытіи, произвела въ ученомъ мірѣ чрезвычайное впечатлѣніе. Изученіе предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ, еще увеличило изумленіе: открывался совершенно неизвѣстный міръ. Напрасно искали въ немъ обычныхъ образцовъ Эллинскаго искусства; не находили, если можно такъ выразиться, ни одного знакомаго лица. Поражались странностью этой цивилизаціи, представлявшейся варварскою тяжеловѣсностью и сложностью ея искусства; мотивы украшеній были такъ чужды обычному Эллинскому искусству; но, съ другой стороны, они представляли, вмѣсто наивнаго неумѣнья примитивовъ,

произведенія, исполненныя такого тяжеловѣснаго и замысловатаго изящества, что нѣсколько свѣдущихъ судей отнесли ихъ, подъ этимъ первымъ впечатлѣніемъ, скорѣе къ цивилизациі періода упадка, чѣмъ ко времени зарожденія искусства. Наряду съ романомъ Шлимана народились другіе романы, не менѣе хитросплетенные и не менѣе невѣрные. Одинъ заслуженный ученый не колеблясь отнесъ эти драгоценности къ византійскому средневѣковью и объявилъ, что онѣ принадлежатъ XII вѣку нашей эры, въ родѣ тѣхъ офицеровъ Морейской экспедиціи, которые, обманувшись геральдическимъ видомъ львовъ, изваянныхъ на микенскихъ воротахъ, видѣли въ нихъ произведеніе среднихъ вѣковъ. Другіе, смущенные сходствомъ открытыхъ предметовъ съ драгоценностями варварскихъ народовъ Сѣвера, пораженные аналогіей этихъ памятниковъ съ могилами Крыма, предположили, что въ Микенахъ открыли гробницы какихъ-нибудь варварскихъ царей, не то галльскихъ вождей, опустошавшихъ Грецію во времена Пирра, не то вождей герульскихъ, нападавшихъ на Римскую имперію въ V и VI в., и они подумали, что въ этихъ могилахъ были случайно накоплены произведенія сѣверной промышленности и греческія драгоценности, награбленныя варварами въ храмахъ Арголіды. Другіе сочиняли еще болѣе смѣлые романы: основываясь на мнимомъ сходствѣ между микенскими драгоценностями и вещами, найденными въ Галльштадтскомъ некрополѣ въ Германіи, или въ некрополяхъ Венгріи, Даніи, Швеціи, они вообразили, что пришелъ съ Сѣвера какой-то народъ, неизвѣстный въ исторіи, который въ

эпоху между дорійскимъ нашествіемъ и VI вѣкомъ поселился на Микенской скалѣ и жилъ тамъ изолированно отъ сосѣднихъ Греческихъ племенъ. Въ настоящее время всѣ эти споры прекратились. Благодаря другимъ многочисленнымъ открытіямъ не только въ Арголидской области, но и въ иныхъ мѣстахъ Греціи, въ Спатѣ, въ Мениди въ Атикѣ, вплоть до Аѳинскаго акрополя, и отъ Беотіи и Эссалии на сѣверѣ, до Лаконіи на югѣ, нашлись вещи, совершенно одинаковыя съ открытыми въ Микенахъ. Сдѣлали сопоставленія, сначала оставшіяся незамѣченными, между послѣдними открытіями и предметами, найденными на островахъ, на Санторинѣ и Родосѣ, и совсѣмъ недавно на Кипрѣ и на Критѣ; и эти изслѣдованія, перейдя за узкій кругъ Аргосской равнины, доказали одновременно и древность найденныхъ предметовъ, и распространенность цивилизаціи, коей они служатъ доказательствами. Наконецъ, въ самое послѣднее время новыя значительныя раскопки были произведены въ самихъ Микенахъ, и онѣ прибавили новый матеріалъ для труднаго и сложнаго изученія этой исчезнувшей цивилизаціи.

Послѣ счастливой кампаніи 1876 г. Шлиманъ покинулъ Микены съ намѣреніемъ вернуться туда. Оставалось убрать обломки, накопившіеся на вершинѣ акрополя, изслѣдовать многочисленныя группы могилъ, разсѣянныхъ вокругъ нижняго города; Аѳинское археологическое общество, взявъ на себя эту задачу, лишило Шлимана чести довести до конца его дѣло. Въ 1886 г. оно начало раскопки на вершинѣ крѣпости; подъ разва-

линами дорійскаго храма ему посчастливилось отыскать остатки большого дворца; въ немъ хотятъ видѣть жилище микенскихъ царей, и оно, повидимому, было украшено интересной живописью, отъ которой удалось найти нѣкоторыя остатки. Благодаря этому зданію, той же эпохи, что могилы, открытыя Шлиманомъ, и напоминающему расположеніемъ частей дворцы, описанные въ пѣсняхъ Гомера, микенская цивилизація открывается передъ нашими глазами съ другой своей стороны, и мы покажемъ при изученіи раскопокъ Тиринѳа, въ чемъ ея главный интересъ. Въ то же время разысканія, произведенныя у подножія акропольскаго холма и на сосѣднихъ склонахъ, были не менѣе счастливы: въ 1887 и 1888 г. были изслѣдованы пятьдесятъ двѣ могилы и въ нихъ нашли много золотыхъ и серебряныхъ предметовъ, вещей изъ бронзы и слоновой кости, остатки вазъ, очень любопытные рѣзные камни и, что заслуживаетъ особеннаго вниманія, два желѣзныхъ кольца, тогда какъ до тѣхъ поръ въ Микенахъ не было найдено ни малѣйшаго слѣда этого металла. Всѣ эти открытія представляли разительное сходство съ прежними находками въ акрополѣ, оно было не менѣе сильно и въ самомъ устройствѣ могилъ. Расположенныя вокругъ нижняго города въ извѣстномъ числѣ маленькими группами, причемъ нѣкоторыя имѣютъ въ центрѣ гробницу съ куполомъ, предназначаемую для важныхъ особъ, могилы эти, почти всѣ заключающія по нѣскольку труповъ, имѣютъ спереди довольно длинный корридоръ, который засыпали, чтобъ преградить доступъ къ гробницѣ; и покоящіеся

въ нихъ мертвецы похоронены точно такъ же, какъ трупы, найденные въ священномъ кругѣ крѣпости.

Эти недавнія открытія еще разъ привлекли вниманіе къ Микенской цивилизаціи; и не претендуя при теперешнемъ состояніи нашихъ познаній рѣшить вполнѣ загадку, быть можетъ, во вѣкъ неразрѣшимую, нельзя тѣмъ не менѣе отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ настоятельныхъ вопросовъ, поднимаемыхъ этой загадкой. Какому народу принадлежитъ эта блестящая цивилизація, слѣды которой мы находимъ въ Микенскомъ акрополѣ? Въ какомъ вѣкѣ зародилась она? Подъ какими вліяніями развивалась? Въ чемъ ея оригинальность? Представляетъ ли она, наконецъ, отдѣльное явленіе въ исторіи, или относится къ болѣе обширному цѣлому? Все это вопросы, на которые ученые давали и продолжаютъ давать противорѣчивые отвѣты и для которыхъ должно искать только самыя общія рѣшенія. На вопросъ, безпрестанно возобновляющійся и получающій ежедневно новое освѣщеніе, неосторожно было бы отвѣчать во всѣхъ подробностяхъ; при изученіи такой сложной цивилизаціи мудрость состоитъ въ томъ, чтобъ прежде всего разобраться въ различныхъ образующихъ ее элементахъ.

Если разсматривать съ точки зрѣнія стиля и выполненія предметы, найденные при раскопкахъ въ Микенахъ, даже поверхностный наблюдатель легко различитъ среди всѣхъ этихъ драгоценностей, оружія, глиняной посуды и живописи двѣ категоріи вещей. Однѣ работы еще грубой, варварской, и хоть видна уже на нихъ печать

генія, по природѣ склоннаго къ искусству, но геній этотъ еще только просыпается и дѣлаетъ первыя попытки. Другія свидѣтельствуютъ о болѣе развитой техникѣ, о стилѣ въ искусствѣ, достигшемъ болѣе полного развитія. Значить, тутъ имѣются двѣ отличныя другъ отъ друга цивилизаціи, одна еще зачаточная, другая достигшая уже такой степени совершенства, которая предполагаетъ долговременную культуру“. Между этими двумя категоріями вещей, смѣшанными въ одномъ и томъ же погребальномъ складѣ, слѣдуетъ опредѣлить, по возможности, точныя границы, посмотрѣвъ, откуда это высшее искусство, присутствія котораго невозможно отрицать, какъ бы ни старались порой его ограничить, и затѣмъ узнать въ искусствѣ туземномъ, въ чемъ состоятъ его отличительныя и оригинальныя черты.

Извѣстно, какъ важны для исторіи легенды, образовавшіяся при зарожденіи народовъ. Первобытныя племена любятъ выражать въ конкретной формѣ руководящія идеи, какъ длинный рядъ событій, имѣвшихъ вліяніе на ихъ судьбы; они любятъ олицетворять подъ какими-нибудь знаменитыми именами эти медленныя, темныя вліянія; такимъ образомъ легенды эти проливаютъ свѣтъ на исторію. Не безъ основанія въ героическихъ преданіяхъ Арголиты попадаются иностранные князья, способствующіе развитію цивилизаціи. Это Данай, приходящій изъ Египта, Пелопсъ—изъ Азіи; и къ другимъ берегамъ восточной Греціи, которые море естественно связываетъ съ Востокомъ, также причаливаютъ экзотическіе герои — египтянинъ Кекропсъ въ

Аттику, финикіецъ Кадмъ—въ Беотию. Переведите на простую прозу эти поэтическія легенды: онѣ означаютъ, что въ этихъ славныхъ экспедиціяхъ эллинское воображеніе объединило тысячи безвѣстныхъ путешествій, благодаря которымъ мало-по-малу принесены были въ Грецію съ береговъ Азіи искусства великихъ цивилизацій Востока.

Откройте теперь историковъ и поэтовъ. И они сохранили воспоминаніе о нѣкоторыхъ великихъ морскихъ державахъ, которыя вмѣстѣ съ товарами перенесли съ азіатскихъ береговъ на острова и въ Грецію свое художественное обученіе. Таково обширное царство Фригійское, основанное около XII вѣка до нашей эры, а можетъ быть, даже и раньше, въ ущельяхъ Сипила и въ устьѣ Гермоса,—царство, съ которымъ связаны баснословныя имена Тантала и Пелопса, а памятники его представляютъ съ памятниками Арголиды подчасъ разительное сходство. Вотъ Карійская держава, бытіе которой теряется во мракѣ прошлаго, но память о ней сохранилась по всему морю Эгейскому; могущество ея распространилось на острова и вплоть до Арголиды въ тѣ времена, когда эти смѣлые искатели приключеній, въ одно и то же время мореплаватели, торговцы и пираты, заводили въ восточномъ бассейнѣ Средиземнаго моря между народами первыя прочныя сношенія. Въ XIV и XIII вѣкѣ до нашей эры финикійскіе мореплаватели, благодаря своей дѣятельной торговлѣ, становятся посредниками между Востокомъ и Греціей, еще грубой и варварской. Во времена Гомера изъ ихъ рукъ выходятъ всѣ цѣнныя вещи: на каждой

страницѣ поэтъ восхваляетъ Сидонъ, „богатый бронзой“, и эти восхитительныя вышивки, эти рѣдкія драгоцѣнности, это удивительное оружіе, эти великолѣпныя украшенія, которыя финикійскіе купцы предлагаютъ восхищенной Элладѣ. Уже съ давнихъ поръ эти искусные и смѣлые мореплаватели все расширяли и увеличивали количество своихъ торговыхъ пунктовъ; каждый годъ пріѣзжали они продавать драгоцѣнные предметы, во множествѣ собираемые въ Тиръ и Сидонъ, племенамъ Греціи и пробуждали въ ихъ наивной молодой душѣ художественное чувство. Одновременно купцы и пираты, торговцы эти обманывали безъ зазрѣнія совѣсти, ловко продавали, ловко и воровали. Пріѣзжали они вымѣнивать у Грековъ на произведенія ихъ страны предметы роскоши, которые привозили со своихъ фабрикъ: яркія матеріи, выкрашенныя въ пурпуровый цвѣтъ или тканья золотомъ, великолѣпныя вышивки, серебряныя вазы съ искусной рѣзбой, удивительныя драгоцѣнности; при случаѣ они не брезгаютъ торговать невольниками и похищать на берегахъ юношей и дѣвушекъ, которыхъ продаютъ потомъ по дорогой цѣнѣ на рынкахъ Востока. Старый Геродотъ въ началѣ своей исторіи уже рассказываетъ намъ, какъ финикійскіе купцы, настоящіе комми-вожеры древности, привозили въ АргOLIDU произведенія Египта и Ассиріи и, выставляя передъ восхищенными женщинами драгоцѣнныя украшенія и роскошныя ткани, заманивали такимъ способомъ на свои быстроходные корабли молодыхъ дѣвушекъ Аргоса и похищали ихъ. Одиссея полна подобными приключеніями, изъ которыхъ

самое извѣстное—приключеніе съ Евмеемъ, вѣрнымъ служителемъ Улисса.

Отець Евмея былъ знатнѣйшимъ гражданиномъ на одномъ изъ острововъ Архипелага. Однажды явились въ его страну финикійскіе купцы, „люди искусные въ мореплаваніи, но обманщики“, привезшіе на своихъ черныхъ корабляхъ разные предметы, которыми они обыкновенно обмѣнивались съ Греками. Была у царя этой страны между другими рабынями одна женщина изъ Сидона, „красивая, высокая, большая искусница въ рукодѣльѣ“; стирая бѣлье на берегу моря, познакомилась она съ своими соотечественниками, и одинъ изъ нихъ заговорилъ съ ней на нѣжномъ языкѣ любви, „а это,—говоритъ старый поэтъ,—прельщаетъ умъ слабыхъ женщинъ, и даже самыхъ добродѣтельныхъ изъ нихъ“. Чужеземцы предложили рабынѣ отвезти ее въ ея родную страну; чтобъ обезпечить успѣхъ похищенія, они сдѣлали видъ, что не замѣчаютъ служанки, и принялись продавать свои товары. Въ день отъѣзда одинъ изъ нихъ пришелъ къ царю съ ожерельемъ изъ золота и янтаря, подобнымъ тѣмъ, какія были найдены при микенскихъ раскопкахъ, и въ то время какъ женщины столпились, чтобы полюбоваться на драгоценность, финикіецъ сдѣлалъ знакъ служанкѣ. Она вышла, захвативъ съ собой три кубка и юнаго сына царя; нѣсколько часовъ спустя чужеземцы исчезли, отправившись въ Иѳаку, гдѣ продали Евмея въ рабство. Таковъ этотъ наивный рассказъ; изъ него видно, каковы были отношенія финикійскихъ купцовъ къ Греціи въ эпоху Гомера. То же происходило и нѣсколькими вѣками рань-

ше, когда Золотыя Микены царили надъ Арголидой.

Но это не все: въ египетскихъ документахъ, гдѣ записаны побѣды такихъ царей какъ Сети I, Рамзеса II и Менефты, упоминается въ XIV вѣкѣ до Рождества Христова о „народахъ моря“, Троянцахъ, Мисійцахъ, Ликійцахъ, Пеласгахъ, Ахейцахъ, и Шарданахъ, дважды вступавшихъ въ союзъ съ населеніемъ Сиріи и Финикіи, съ цѣлью напасть на монархію Фараоновъ. Ничто не доказываетъ лучше старинныхъ отношеній, связывавшихъ Финикіянъ съ народами Малой Азіи, Кикладскихъ острововъ и Греціи; и можно догадываться о непрестанныхъ переселеніяхъ по восточному бассейну Средиземнаго моря, происходившихъ въ тѣ отдаленныя эпохи исторіи, о постоянныхъ сношеніяхъ между обоими берегами, о несомнѣнномъ вліяніи народовъ болѣе развитыхъ на искусство и нравы народовъ менѣе развитыхъ. Но то, о чемъ можно было догадываться по легендамъ, что можно было предполагать по историческимъ свѣдѣніямъ, археологія вполнѣ доказала, обнаруживъ, какое значеніе имѣетъ вывозъ предметовъ съ Востока для цивилизаціи, раскрытой микенскими раскопками.

Съ Востока появились всѣ эти золотыя и серебряныя вазы, изящная форма которыхъ, тонкія украшенія и умѣлая техника сами по себѣ довольно ясно указываютъ на ихъ иностранное происхожденіе, что вполнѣ подтвердило одно интересное обстоятельство. Въ Египетской живописи, въ одномъ изъ еивскихъ подземелій, изображены народы-данники, приносящіе свои дары Фараону Тутмесу III; и между ними жители страны

Кафты—это и есть Финикіяне—подносятъ вазы, разительно напоминающія микенскія вазы. Они подносятъ бычачьи головы изъ серебра, украшенныя золотыми рогами, совершенно схожія съ памятникомъ этого рода, найденнымъ въ Микенахъ и съ точки зрѣнія искусства чрезвычайно замѣчательнымъ. Съ Востока появились эти фантастическія животныя изъ золота и слоновой кости, Египетскіе сфинксы и Ассирійскіе грифоны, эти ползущіе львы на вазахъ, при чемъ чрезмѣрное и совершенно условное удлиненіе тѣлъ этихъ львовъ выдаетъ ихъ иностранное происхожденіе. Съ Востока пришелъ этотъ великолѣпный левъ изъ массивнаго золота, вылитый цѣликомъ, искусно вычеканенный, одинъ видъ котораго говоритъ объ Египетской работѣ; оттуда же эти бездѣлушки изъ слоновой кости, эти женскія фигурки съ экзотическими лицами, эта голова въ митрѣ, отъ которой вѣетъ Ассиріей, и эти страусовыя яйца, украшенныя рисунками, и эти обломки египетскаго фарфора, и эти чисто-азіатскія украшенія, и эти животныя, сталкивающіяся лбами или сплетающіяся въ смертельной схваткѣ. Чтобы точнѣе опредѣлить вещи, пусть разсмотрятъ эти драгоценности, совершенно отличныя отъ искусства микенскаго, эти печати, эти рѣзныя золотыя подвѣски, такъ искусно исполненныя и изображающія большія охоты на львовъ, что такъ часто попадаетъ на Египетскихъ памятникахъ и Сирійскихъ, характерный стиль которыхъ представляетъ смѣшеніе вліянія Египетскаго съ вліаніемъ Ассиро-Халдейскимъ; это одно достаточно свидѣтельствуемъ о Финикіи. Посмотрите на эту большую печать, напо-

минающую вавилонскіе цилиндры, гдѣ изображены, вмѣстѣ съ тремя женщинами въ характерномъ костюмѣ, символы Халдейской космогоніи, рысьи головы, изображающія планеты, небесная рѣка, т. е. Млечный путь; посмотрите на фигурки божковъ, на головахъ которыхъ сидятъ голубки, на маленькій золотой храмъ, по угламъ котораго опять тѣ же голубки, и вы признаете тутъ культъ великой богини Вавилоно-Финикійской, могучей Истаръ. Посмотрите въ особенности на удивительные кинжалы съ лезвіемъ, украшеннымъ золотой рѣзью или бронзовой пластинкой съ инкрустаціями изъ золота различныхъ цвѣтовъ; умѣлая техника, равно и изображенные сюжеты—пантеры, преслѣдующія водяныхъ животныхъ, полунагіе люди, охотящіеся за львомъ, — удлиненность тѣлъ, расположеніе и сцены, ото всего тутъ вѣетъ Египтомъ, и ни на чемъ нѣтъ малѣйшаго признака мѣстнаго характера.

Но эти вещи, напоминающія Египетъ и Халдею, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно происходятъ по прямой линіи изъ этихъ далекихъ странъ, всѣ ли они одинаковаго происхожденія? На самихъ этихъ кинжалахъ, о которыхъ только что было говорено, виденъ скорѣй отпечатокъ Египта, чѣмъ подлинное его клеймо; это, какъ говоритъ Перро, скорѣе искусство, поддѣлывающееся подъ Египетъ, чѣмъ искусство Египетское. Но что же это за народъ, сумѣвшій лучше всѣхъ поддѣлываться подъ произведенія Египта и Ассиріи, смѣшавъ въ собственныхъ художественныхъ произведеніяхъ эти два несходные элемента и распространить ихъ по всѣмъ берегамъ Среди-

земнаго моря? Это—Финикіяне. Великія царства Египта и Ассиріи, какъ ни были могущественны, не имѣли флота, и мореплаватели Тира и Сидона взяли на себя познать Грецію съ ихъ искусствомъ. Сначала ихъ подражательный геній подпалъ вліянію Египетскому; до XII вѣка Финикія была вассаломъ Египта, долго не знала Ассиріи, вотъ почему такъ мало находятъ ассирійскихъ вещей въ Микенахъ. Лишь позднѣе, въ X и IX в.в. Финикіяне принесли въ Грецію образцы, позаимствованные у великаго царства Месопотамскаго: это второй періодъ Финикійскаго вліянія на Грецію.

Но рядомъ съ этимъ ввозомъ чужихъ произведеній появляется и искусство національное. Въ Микенахъ существуютъ туземные золотыхъ дѣлъ мастера, уже довольно искусные и обладающіе нѣкоторыми тайнами своего мастерства. Изъ ихъ рукъ вышли золотыя маски, покрывающія лицо мертвецовъ и очевидно сдѣланныя на мѣстѣ; изъ ихъ рукъ также вышли тонкія золотыя чеканенныя пластинки, о способѣ выдѣлыванія которыхъ раскопки даютъ намъ свѣдѣнія. Найдены были гранитныя и базальтовыя формы, представляющія тѣ же мотивы, которые рельефно представлены на золотыхъ пластинкахъ: ювелиръ не лилъ въ форму расплавленный металлъ, но съ помощью молота вталкивалъ въ нее золотой листъ, который хотѣлъ чеканить. Конечно, микенскіе золотобиты могли въ своихъ произведеніяхъ вдохновляться иногда азіатскими украшеніями и грубо подражать этимъ памятникамъ болѣе высокой цивилизаціи, но фактъ мѣстнаго производства тѣмъ не менѣе остается.

Къ этому мѣстному производству относится и малоцѣнная глиняная посуда, найденная въ такомъ большомъ количествѣ въ развалинахъ Микенъ, живопись, украшавшая резиденцію царей, и всѣ эти произведенія отмѣчены особымъ стилемъ, національнымъ геніемъ, оригинальныя черты котораго слѣдуетъ опредѣлить.

Мотивы этого декоративнаго стиля съ перваго взгляда кажутся особенно сложными, въ дѣйствительности же они могутъ быть сведены къ небольшому числу очень простыхъ элементовъ, сводящихся къ тремъ главнымъ типамъ. То это геометрическіе орнаменты, не образованные однако помощью прямыхъ линій; это кривыя линіи, спирали, завитки, круги, развивающіеся съ вольнымъ разнообразіемъ. То — и послѣднее чаще, художники ищутъ свои модели въ природѣ съ тщательной наблюдательностью и съ тонкой зрительной впечатлительностью, уже сами по себѣ замѣчательными. Ихъ вниманіе привлекаетъ жизнь растительная съ ея цвѣтами, листьями, особенно съ ея водяными растеніями; жизнь животныхъ съ ея бабочками, мухами и въ особенности вся морская фауна и береговая, всякія ракушки, медузы и морскія звѣзды, вдохновляютъ ювелировъ и горшечниковъ микенскихъ. И скоро это, сначала дѣтское искусство, захватываетъ болѣе широкое поле для своей дѣятельности: оно обращается къ изображенію животныхъ, особенно лошадей и собакъ; болѣе того, оно рискуетъ приступить къ изображенію человѣческаго лица, и на глиняной посудѣ, и въ живописи появляются вереницы воиновъ, а на одной прекрасной серебряной вазѣ, недавно

открытой, ювелиръ пользуется для изображенія человѣческихъ лицъ золотомъ и эмалью вмѣстѣ. Въ этихъ послѣднихъ своихъ проявленіяхъ Микенская цивилизація уже совсѣмъ близко подходитъ къ древнему стилю вазъ, открытыхъ въ Аѳинахъ, къ такъ называемой цивилизаціи Дипилона, слѣдовавшей, повидимому, въ Греціи за культурой, представительницей которой являются Микены.

Если обратить вниманіе на то, какое видное мѣсто занимають среди этихъ различныхъ элементовъ морская флора и фауна, станетъ ясно, что такой выборъ могъ быть сдѣланъ только народомъ, жившимъ на морѣ. Народъ этотъ уже достигъ богатства и власти; онъ обладаетъ уже большой техникой въ искусствѣ, цвѣтущей цивилизаціей. Онъ производитъ самостоятельно и порой со смѣлостью, обличающей долговременный опытъ, вещи оригинальнаго стиля; съ другой стороны, онъ поддерживаетъ обширныя сношенія морскія и торговыя, такъ какъ не смогъ найти въ своей землѣ того серебра и золота, съ которымъ обращается такъ свободно; наконецъ, онъ находится подъ вліяніемъ Азіи, проводникомъ котораго служатъ Финикіяне и которое главнымъ образомъ идетъ изъ Египта. Но какой же это все-таки народъ? Цари, спящіе въ микенскихъ гробницахъ, дѣйствительно ли предки историческихъ Грековъ, этихъ Ахейцевъ, увѣковѣченныхъ въ легендахъ и поэзіи, или это чужеземцы, принадлежащіе къ одному изъ тѣхъ народовъ, о морскомъ владычествѣ которыхъ на Кикладахъ рассказываетъ намъ исторія? Выходцы ли то изъ Фригіи, какъ это можно подуматъ

по многимъ мотивамъ, встрѣчаемымъ въ Микенахъ, начиная съ столкнувшихся лбами львовъ на воротахъ Акрополя, и кончая этими гробницами въ видѣ кургановъ, первый образецъ которыхъ данъ намъ Фригійскимъ искусствомъ? Происходятъ ли они, какъ это утверждали не безъ нѣкотораго основанія, отъ Карійской расы, нѣкогда властвовавшей надъ Архипелагомъ и распространившей свои колоніи до Герміона и Эпидавра? Способъ погребенія мертвецовъ въ Микенахъ, сходство между ихъ могилами и гробницами, недавно открытыми въ Каріи, аналогія въ приемахъ золотобитовъ микенскихъ и техникѣ драгоценныхъ вещей карійскихъ, сработанныхъ помощью молота, все это могло бы служить доказательствомъ для такого предположенія. А можетъ быть, они Критяне, какъ это утверждаетъ недавняя теорія, и ведутъ свое начало съ эпохи перваго Эллинскаго государства, основаннаго въ Архипелагѣ, съ которымъ по преданію связано имя Миноса? Не легко рѣшить такія задачи, и очень трудно опредѣлить числами эту цивилизацію. Позволительно колебаться между мнѣніемъ тѣхъ, кто отодвигаетъ время ея къ XVII вѣку до христіанской эры, и тѣхъ, кто хотѣлъ бы приблизить ее къ VIII вѣку до Рождества Христова; быть можетъ, слѣдуетъ на этотъ счетъ придерживаться средняго мнѣнія, которое по многимъ причинамъ относитъ микенскую цивилизацію къ XII вѣку до нашей эры. Что касается остальнаго, какъ, напримѣръ, происхожденія царей, чей вѣковой сонъ былъ потревоженъ Шлиманомъ, возможно, что мы никогда ничего не узнаемъ; быть можетъ, по красивому

выраженію Перро, народъ этотъ, строитель и собиратель сокровищъ, останется въ исторіи такъ же замаскированнымъ, какъ замаскированы въ могилахъ лица его царей.

IV.

Но, за недостаткомъ точныхъ формулъ, исторія во всякомъ случаѣ можетъ сдѣлать нѣкоторыя приобрѣтенія относительно этихъ отдаленныхъ временъ и прійти къ общимъ выводамъ.

Дѣйствительно, Микенская цивилизація не представляетъ единственнаго явленія въ исторіи первыхъ временъ Греціи; другія открытія позволили сопоставить эти памятники съ подобными имъ предметами, и доказали, что степень цивилизаціи, найденная нами въ Микенахъ, была въ известную эпоху общей для всего восточнаго бассейна Средиземнаго моря. Въ 1877 г. раскопки, сдѣланныя въ Спатѣ въ Аттикѣ, обнаружили въ разрытыхъ могилахъ то же смѣшеніе произведеній мѣстныхъ и азіатскихъ, и рядомъ съ предметами ввоза съ Востока, еще болѣе многочисленными, чѣмъ въ Микенахъ, рядомъ съ вліяніемъ чужеземнымъ, болѣе распространеннымъ и опредѣлившимся, — несомнѣнные слѣды мѣстнаго производства, представляющаго тѣ же черты, что и Микенское искусство. Устройство куполообразныхъ гробницъ храма Геры близъ Аргоса, въ Мениди въ Аттикѣ, памятниковъ того же рода, изслѣдованныхъ въ 1881 г. Шлиманомъ въ Орхоменѣ и совсѣмъ недавно въ Димини въ Фессаліи (1887), въ Вафіо въ Лаконіи (1889),

совершенно сходно съ устройствомъ кругообразныхъ гробницъ въ Микенахъ; а предметы изъ золота, бронзы, слоновой кости, произведенія изъ стекла, вазы и оружіе, а въ особенности два удивительныхъ золотыхъ кубка, найденные въ Вафію, украшенные изображеніями боя быковъ и людей, представляютъ разительное сходство съ Микенами. То же самое замѣтно и при раскопкахъ въ Тиринѣ (1885), гдѣ на вершинѣ акрополя былъ отрытъ дворецъ, подобный микенскому. Это еще не все. Помимо континентальной Греціи, памятники, найденные въ Архипелагѣ, принадлежатъ той же цивилизаціи. На камняхъ высѣчены тѣ же мотивы, что встрѣчаются обыкновенно въ архитектурѣ и живописи Микенъ, а при раскопкахъ на Санторинѣ, на Родосѣ, особенно въ некрополѣ Іалиса, въ некрополяхъ Кносса на Критѣ и въ Арсиноѣ на Кипрѣ, въ развалинахъ Гиссарлыка и особенно въ этомъ знаменитомъ „дворцѣ Миноса“, недавно открытомъ Эвансомъ въ Кноссѣ, обнаружено множество предметовъ, сравненіе съ которыми чрезвычайно поучительно. Такъ образовалась, увеличиваясь съ каждымъ днемъ, новая группа древностей, представленная слѣдующими семью именами: Гиссарлыкъ, Санторинъ, Іалисъ, Кноссъ, Микены, Тиринѣ и Спата; такъ открылась намъ цѣлая эпоха цивилизаціи въ древнемъ мірѣ. Въ этихъ пунктахъ, столь различныхъ и столь отдаленныхъ одинъ отъ другого, подмѣчаютъ одно и то же состояніе искусства и промышленности, до тѣхъ поръ неизвѣстное, общее всему восточному бассейну Средиземнаго моря. Разумѣется, цивилизація эта не развилась въ одинъ

день, характерныя черты ея, обнаруженныя въ различныхъ мѣстахъ раскопокъ, смѣнялись одна другой на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ. „Гиссарлыкъ отмѣчаетъ зарожденіе ея въ далекомъ прошломъ и первое ея развитіе, Санторинъ дальнѣйшій шагъ впередъ; Кносъ и Іалисъ показываютъ намъ совершенство орнаментаціи съ мотивами изъ растительнаго міра, Микены и Тиринъ—злоупотребленіе этими принципами украшенія и удивительный успѣхъ этого искусства; Спата относится къ моменту, когда Азіатское вліяніе, давно испытываемое, становится первенствующимъ“. Въ самомъ дѣлѣ, два теченія проходятъ черезъ всѣ эти цивилизаціи: съ одной стороны, имѣется искусство туземное и мѣстное, формы котораго не мѣняются, декоративные мотивы котораго хоть и совершенствуются долгой практикой, все же сохраняютъ всегда свой специфическій характеръ; а съ другой стороны, чувствуется чужеземное вліяніе, растущее съ каждымъ днемъ и примѣшивающее къ этимъ туземнымъ элементамъ произведенія цивилизаціи и искусства, ушедшихъ впередъ. Микены сохраняютъ въ своихъ вазахъ формы Санторина и Іалиса, но ихъ орнаментація становится болѣе разнообразной, восточное вліяніе значительнѣй. Но пусть сравнятъ Микены со Спатою. Если и попадаются нѣкоторыя родственныя формы, если нѣкоторыя характерныя черты и схожи, общій видъ совершенно различенъ. Поэтому относительное время этихъ цивилизацій не подлежитъ никакому спору. Гиссарлыкъ древнѣе Санторина и Іалиса; послѣдніе два предшествуютъ Микенамъ, въ свою очередь болѣе

древнимъ, чѣмъ Спата. Если требуется во что бы то ни стало обозначить приблизительныя числа, Гиссарлыкъ надо отнести къ болѣе раннему періоду, чѣмъ къ XVI вѣку, Санторинъ къ XVI, Іалисъ и Кноссъ къ XIV, Микены и Тиринѣ къ XIII или XII, Спату къ XI до христіанской эры.

Безъ сомнѣнія, между этой Микенской цивилизаціей и собственно Эллинскимъ искусствомъ трудно установить совершенно точныя отношенія: Микены отмѣчаютъ почти послѣдній предѣлъ долгаго артистическаго развитія, и между эпохой ихъ величія и той, когда Греція осознала себя, земля Эллады была потрясена страшнымъ переворотомъ—нашествіемъ Дорійцевъ. Тѣмъ не менѣе въ этой отдаленной цивилизаціи замѣтно нѣкоторое стремленіе къ самостоятельности, которое составляетъ естественное введеніе въ исторію Греческаго искусства. Открытія въ Микенахъ являлись на первыхъ порахъ страннымъ незнакомцемъ; теперь они образуютъ первую главу къ исторіи эллинскихъ древностей.

ГЛАВА II.

Раскопки въ Тиринѣ.

(1884—1885.)

У южной окраины Арголидской долины, недалеко отъ моря, среди низинъ и болотъ, надъ самой дорогой изъ Навплии въ Аргось поднимается скалистая возвышенность. На этомъ плоскогорьѣ, едва достигающемъ 22 метровъ, высилась нѣкогда старая грозная Тиринская крѣпость, крѣпкія стѣны которой слыли за одно изъ чудесъ древности, и по своей колоссальной громадѣ могли быть приравнены къ египетскимъ пирамидамъ. Согласно легендѣ, эти гигантскія сооруженія выстроены баснословными архитекторами—циклопами, пришедшими изъ Ликіи. Легенда эта рассказываетъ еще, что могучіе цари правили нѣкогда этой крѣпостью; тамъ же, говорятъ, родился и долго властвовалъ одинъ изъ самыхъ прославленныхъ героевъ Греціи—Геракль. Но великія Микены съ давнихъ поръ затмили свою скромную сосѣдку. Тиринѣ призналъ власть царей, правившихъ въ высокой крѣпости Агамемнона, и, повидимому, раздѣлялъ участь своихъ владыкъ вплоть до того дня, когда зависть Аргоса однимъ ударомъ сразила и владыку, и

его вассала. Съ тѣхъ поръ, покинутый Тиринѣ постепенно пустѣлъ и, наконецъ, былъ погребенъ подъ собственными развалинами. На вершинѣ плоскогорья, среди остатковъ византійскихъ сооружений, виднѣлись только безформенныя груды обугленныхъ стѣнъ, сохранившихся, казалось, отъ среднихъ вѣковъ; крѣпостная стѣна, частью разрушенная, частью засыпанная землей, утратила свою былую величавость, и путешественники, которые передъ тѣмъ осматривали грозную Микенскую крѣпость, такъ гордо возвышающуюся на своемъ скалистомъ подножьѣ, едва удостоивали взглядомъ развалины Тиринѣа, гдѣ, казалось, не было ничего интереснаго. Однако огромныя груды каменныхъ глыбъ, служившихъ для сооружений, остатки подземныхъ ходовъ, тщательно продѣланныхъ въ толщѣ стѣнъ, нѣкоторыя колонны неизвѣстнаго зданія, открытыя на вершинѣ акрополя, давали внимательнымъ археологамъ указанія на существованіе тутъ древней крѣпости, и вотъ вдругъ недавнія раскопки, предпринятыя Шлиманомъ, воскресили ея былую славу.

Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ, предпринятыхъ въ 1876 году и почти тотчасъ прерванныхъ, Шлиманъ началъ въ мартѣ 1884 года раскопки Тиринѣа. И на этотъ разъ опять въ продолженіе двухъ послѣдовательныхъ кампаній (1884—1885) судьба чудеснымъ образомъ вознаградила его усилія. Намъ была возвращена не только старинная крѣпостная стѣна со всѣми ея башнями и подземными ходами, тщательно очищенная отъ покрывавшей ее земли и открывшая намъ мудрое и сложное устройство примитивныхъ крѣпостей, но на вершинѣ акрополя, среди обломковъ,

былъ открытъ большой царскій дворецъ съ пропилеями, украшенными колоннами, съ дворами, окруженными портиками, съ обширными покоями, изукрашенными живописью. Планъ этого зданія, возстановленный въ мельчайшихъ подробностяхъ и съ полной точностью, даетъ намъ живой образъ роскошныхъ дворцовъ Алкиноя и Менелая, описанныхъ гомеровскими поэтами. Шлиманъ, любящій торжественныя телеграммы, въ слѣдующихъ выраженіяхъ возвѣстилъ міру о своемъ открытіи: „Троекратное ура въ честь Паллады Аѳины! Поистинѣ я работалъ тутъ съ удивительнымъ успѣхомъ! Явленъ міру огромный дворецъ съ безчисленными колоннами. Стѣнная живопись представляетъ замѣчательный интересъ; не менѣе интересна живопись на вазахъ, совершенно примитивныя изображенія людей и животныхъ. Планъ этого чудеснаго доисторическаго дворца можетъ быть точно возстановленъ, и открытіе его, не имѣющее себѣ равнаго, возбудитъ всеобщій восторгъ“. Но надо сознаться, что прежде всего оно вызвало къ себѣ нѣсколько скептическое отношеніе. Заслуженные археологи, и въ ихъ числѣ знаменитый англійскій архитекторъ Пенрозъ, утверждали, что предполагаемый дворецъ временъ Гомера не что иное, какъ византійское сооруженіе X или XI вѣка; къ открытію Шлимана отнеслись какъ къ „необычайной галлюцинаціи анти-научной восторженности“, и газета „Times“, присоединившись къ этой полемикѣ, очень потѣшалась надъ „окончаніемъ археологическаго крестоваго похода, торжество котораго было возвѣщено міру при громкомъ звукѣ трубъ и литавръ“.

Къ счастью, Шлиманъ, умудренный своимъ

приключеніемъ въ Микенахъ, и не довѣряя больше съ прежнимъ легкомысліемъ своему пылкому воображенію, принялъ въ Тиринѣѣ всѣ мѣры предосторожности; онъ взялъ съ собой сотрудника, представлявшаго несомнѣнную научную величину, Дөрпфельда, стоявшаго впоследствии во главѣ нѣмецкой археологической школы въ Аѣинахъ, и этотъ извѣстный архитекторъ велъ раскопки вполне увѣренно и по чисто-научному методу. Когда въ 1885 году ему поручили докончить раскопки крѣпости, онъ въ сочиненіи, изданномъ Шлиманомъ, напечаталъ объ сдѣланныхъ открытіяхъ столь же точный, сколь любопытный отчетъ, и изысканія его заслуживаютъ полнаго довѣрія. Въ этомъ убѣдились, когда въ 1886 году Лондонское Общество Изученія Греціи устроило по этому вопросу публичный диспутъ. Шлиманъ и Дөрпфельдъ, пріѣхавшіе нарочно изъ Аѣинъ, безъ труда убѣдили своихъ противниковъ. Какъ разъ около того же времени на вершинѣ Микенскаго акрополя открыли остатки дворца, подобнаго Тиринескому, построеннаго по тому же плану и по тѣмъ же техническимъ приемамъ, украшеннаго живописью того же стиля и относящагося къ той же эпохѣ. Теперь всѣ возраженія отвергнуты, и въ Тиринѣѣ можно безъ всякаго сомнѣнія любоваться на крѣпость и дворецъ, построенные за тринадцать или четырнадцать вѣковъ до нашей эры.

I.

Тиринеская крѣпость возвышается на каменистомъ плоскогорьѣ, длиною въ 300 метровъ,

шириною въ 100, склонъ котораго, спускаясь на нѣсколько метровъ съ юга къ сѣверу, образуетъ три послѣдовательныя террасы. На самой высокой, откуда открывается широкій видъ къ югу и къ морю, въ самомъ красивомъ мѣстѣ крѣпости былъ выстроенъ царскій дворецъ; немного ниже, въ средней части, другая терраса, шириной въ 30 метровъ и соединявшаяся съ дворцомъ узкой лѣстницей, служила для помѣщенія прислуги и части гарнизона; еще ниже тянулась нижняя крѣпость, узкая и длинная, гдѣ вѣроятно находились амбары, конюшни для лошадей, но въ этомъ мѣстѣ раскопки не были доведены до конца. Возвышенность окружена высокими и толстыми стѣнами, сложенными изъ большихъ известковыхъ глыбъ, грубо отесанныхъ, изъ нихъ нѣкоторыя колоссальныхъ размѣровъ, имѣютъ отъ 2—3 метровъ въ длину и слишкомъ метръ въ высоту и толщину. Очень грубо сложенные и съ виду гораздо болѣе архаическія, чѣмъ многоугольные камни микенскихъ стѣнъ, глыбы эти все же отнюдь не держатся только собственной тяжестью, какъ это долго предполагали: въ промежуткахъ, заложенныхъ маленькими камнями, видны слѣды известки.

Благодаря этимъ приѣмамъ вокругъ всей возвышенности воздвигли гигантскую стѣну, толщиной отъ 7—8 метровъ и по крайней мѣрѣ до 9 метровъ высоты, въ крѣпости нижней; въ верхней крѣпости она достигала еще большихъ размѣровъ. Тутъ толщина стѣнъ имѣла отъ 15—17 метровъ и не менѣе того въ высоту; здѣсь вокругъ дворца, представлявшаго центръ крѣпости, были собраны самыя сильныя средства защиты.

Многочисленные выступы разнообразили профиль крѣпости, огромныя башни, пересѣкая широкую круговую линію, прикрывали главные входы; обширное полукруглое сооруженіе образовывало на западной лицевой сторонѣ нѣчто въ родѣ плацъ-парада, а на вершинѣ стѣны, въ длинныхъ крытыхъ портикахъ, могли укрываться защитники. Но, несомнѣнно, самую любопытную часть укрѣпленія представляли подземные ходы, устроенные въ толщѣ стѣны на южномъ и восточномъ склонѣ. Съ давнихъ поръ было извѣстно, что южная стѣна заключала въ себѣ двѣ галлерей, параллельныя фронту обороны, устроенныя на раз-личномъ уровнѣ и, вѣроятно, соединявшіяся одна съ другой; подобная галлерей существовала вдоль восточной стѣны, и всѣ три, съ крѣпкими сводами въ видѣ выступовъ, казалось, были предназначены, чтобы давать доступъ къ нижней террасѣ. Недавнія раскопки доказали недостаточность этихъ объясненій, послѣ того, что была открыта цѣлая сѣть подземныхъ галлерей, гораздо болѣе сложная, чѣмъ предполагали. Какъ и думали раньше, верхняя галлерей соединялась лѣстницей съ нижней, но, къ удивленію, увидали, что нижняя галлерей вела къ пяти комнатамъ со сводами какъ бы готической формы, выстроеннымъ въ толщѣ стѣны; точно такъ же и галлерей восточной стѣны вела къ шести помещеніямъ того же типа; черезъ узкую скрытую въ стѣнѣ бойницу въ корридоръ проникалъ свѣтъ. Другія подземныя комнаты были устроены внутри большихъ башенъ западной стѣны. Такимъ образомъ былъ устроенъ цѣлый рядъ казематовъ, служившихъ цистернами и подземными

складами. Наконецъ, особыя стѣны защищали на сѣверѣ и востокѣ дворецъ царя, отдѣляя его отъ нижней крѣпости и прикрывая надежнымъ образомъ главный входъ въ крѣпость.

Согласно обычаю, двое воротъ открывали доступъ въ ограду. На западномъ склонѣ подземный выходъ велъ черезъ полукруглый выступъ къ узкому ходу, годному лишь для пѣшеходовъ, и гдѣ по лѣстницѣ—до сихъ поръ видны 65 ступеней—поднимались до самой крѣпости, а оттуда по нѣсколькимъ ступенькамъ во дворецъ царя. Это былъ потайной ходъ со стороны моря, игравшій большую роль при защитѣ крѣпости.

Главный входъ, служившій для повозокъ и лошадей, былъ устроенъ на восточномъ склонѣ. Чтобы болѣе отлого подняться на высоту двадцати метровъ, отдѣлявшую равнину отъ уровня крѣпости, дорога шла покатымъ подъемомъ вдоль подножья крѣпостной стѣны, чьи выступы и башни, прикрывая, защищали ее; она кончалась на вершинѣ узкимъ проходомъ, продѣланнымъ въ стѣнѣ, гдѣ находилась сбоку колоссальная башня, затѣмъ шла дальше узкимъ коридоромъ между восточной стѣной крѣпости и укрѣпленными террасами дворца, кончаясь воротами крѣпости, довольно схожими по размѣрамъ и расположенію съ Львиными воротами въ Микенахъ. И теперь видны еще тяжелый каменный порогъ и огромные косяки, оставшіеся отъ этихъ воротъ, а также замѣтны слѣды массивной балки, которая, скользя между двумя столбами, запирала ворота. Это еще не все: преодолѣвъ это препятствіе, надо было итти опять по узкому проходу метровъ двадцать; наконецъ, у юго-восточнаго края крѣпостной

стѣны выходили на большую площадь, прямо противъ величественнаго портала. Это былъ входъ во дворецъ царя.

Изъ этого видно, съ какой исключительной заботливостью предупреждали всякую опасность осады, съ какой предусмотрительностью охраняли всѣ входы въ крѣпость, вынуждая непріятеля къ долгимъ развѣдкамъ по узкимъ проходамъ, защищеннымъ высокими стѣнами и неприступными башнями; съ какимъ искусствомъ были сложены стѣнные выступы и террасы одна надъ другой, такъ что дворецъ представлялъ собою какъ бы редутъ въ крѣпости. Такой способъ постройки, хоть и представляющійся намъ грубымъ, все же свидѣтельствуетъ объ умѣлой техникѣ, достигнушей извѣстнаго совершенства. Нужны были опытные архитектора, чтобы сложить стѣны изъ глыбъ, изъ которыхъ меньшая вѣситъ отъ 3000 до 4000 килограммовъ, а нѣкоторыя до 13000; нужны были рабочіе достаточно искусные, чтобы вывести своды этихъ галлерей и этихъ казематовъ; нужна была цѣлая армія рабочихъ, долгіе годы мира и значительное богатство, чтобы построить эту грозную крѣпость.

Порталомъ большой площади кончаются оборонительныя постройки и начинается дворецъ. Тутъ зданія должны были служить новымъ потребностямъ; тутъ требовались обширные дворы, большія залы для пріемовъ, удобное сообщеніе между отдѣльными покоями, много свѣта и въ то же время много тѣни и прохлады, наконецъ, извѣстнаго рода изящество и роскошь, чтобы сдѣлать домъ достойнымъ обиталищемъ для царя. До сихъ поръ, чтобы представить себѣ эти цар-

скія жилища героической эпохи, у насъ были только поэмы Гомера и его описанія дворцовъ Улисса, Приама, Алкиноя или Менелая; но, несмотря на всѣ усилія, которыя мы дѣлали, чтобы возстановить планъ этихъ резиденцій, многіе изъ поставленныхъ нами вопросовъ оставались безъ отвѣта. Теперь на Микенскомъ и Тиринѣскомъ акрополѣ можно прослѣдить за развитіемъ стариннаго дворца эпохи Гомера; безъ сомнѣнія, эти княжескія жилища, открытыя заступомъ археолога, древнѣе, а порою и роскошнѣе жилищъ, описанныхъ въ эпopeяхъ, но существенныя черты плана и общія начала постройки тѣ же самыя; именно это и дѣлаетъ такими интересными раскопки въ Тиринѣ и Микенахъ и придаетъ имъ такое важное значеніе.

Теперь пройдемъ по большимъ пропилеямъ, выходящимъ на площадь; главный мотивъ ихъ, съ героической эпохи вплоть до пропилей Акрополя, остается все тотъ же; мы входимъ въ обширный дворъ, почти прямоугольный, окруженный комнатами и портиками, гдѣ начинаются лѣстницы, ведущія къ подземнымъ галлереямъ стѣны; въ сѣверо-западномъ углу мы проходимъ черезъ вторыя монументальныя ворота, называемыя малыми пропилеями и ведущія къ самому дворцу. Тутъ мы находимъ большой прямоугольный дворъ въ 15 метровъ длины и 20 ширины, окруженный портиками, это дворъ при помѣщеніяхъ для мужчинъ, самый высокій пунктъ и центръ всего дворца. На его южной передней сторонѣ возвышается грандіозный жертвенникъ Зевса Геркейскаго, четырехугольная каменная глыба, а подъ нимъ круглый ровъ, предназна-

чавшійся для стока въ него жертвенной крови; противъ жертвенника, на сѣверной части двора помѣщеніе для мужчинъ. Двѣ ступени ведутъ въ украшенныя колоннами сѣни, вымощенныя такъ же, какъ и самый дворъ, и, пройдя черезъ трое большихъ воротъ, мы входимъ въ первую залу, нѣчто въ родѣ прихожей, а оттуда въ парадную залу, помѣщеніе для мужчинъ, или мегаронъ, большую комнату длиной въ 12 и шириной въ 10 метровъ, самую значительную во всемъ дворцѣ; четыре колонны поддерживали посрединѣ крышу, и между ними, на мозаиковомъ красномъ съ синимъ полу, производившемъ впечатлѣніе, точно онъ былъ покрытъ восточнымъ ковромъ, возвышался семейный очагъ.

По лѣвую сторону отъ этого большого строенія шло множество корридоровъ и маленькихъ комнатъ, непосредственно сообщавшихся со дворомъ мегарона; между ними нашли очень интересную комнату: купальную. Извѣстно, какое значеніе древніе придавали чистоплотности, и какъ они заботились объ удобствахъ въ этомъ отношеніи для своихъ гостей; этимъ объясняется и то, что купальная комната была совсѣмъ близко отъ входнаго двора и недалеко отъ пріемной залы. Но самое расположеніе комнаты необыкновенно любопытно; полъ составленъ изъ огромной глыбы, вѣсящей не менѣе 20.000 килограммовъ; стѣны въ прежнія времена были обшиты деревомъ; посрединѣ находилась ванна изъ обожженной глины, и вода вытекала по подземнымъ проводамъ, проложеннымъ подъ дворцомъ, куда собирались воды со дворовъ и со всего дома.

По правую руку отъ помѣщенія для мужчинъ находилось помѣщеніе для женщинъ, а передъ нимъ также былъ устроенъ дворъ, окруженный портиками и состоявшій изъ сѣней и прямоугольной залы, подобной залѣ мегарона, но только меньшихъ размѣровъ. Гинекей, не имѣвшій съ мужскими покоями никакого прямого сообщенія, былъ отдѣленъ отъ остального дворца рядомъ дверей и корридоровъ. Съ одной стороны, внутреннимъ дворомъ и длиннымъ корридоромъ, онъ примыкалъ къ большимъ пропилеямъ, съ другой—къ большому двору мегарона, цѣлымъ рядомъ проходовъ, окружавшихъ мужское помѣщеніе и пересѣкавшихъ все лѣвое крыло дворца. Въ этой же части, самой задней и уединенной царскаго жилища, помѣщались брачные покои съ передней, оружейная зала и сокровищница.

Таковъ планъ Тиринскаго дворца; но, кромѣ этого каменнаго фундамента, почти ничего не уцѣлѣло, и приходится возстановливать разрушенныя стѣны, вновь возводить рухнувшія крыши; приходится отыскивать расположеніе и украшеніе всѣхъ этихъ залъ, чтобы возвратить этому царскому жилищу его былой видъ, его былую жизнь. Вообще стѣны Тиринскаго дворца были выведены изъ плитъ песчаника, скрѣпленныхъ известью, въ каменную толщу были вставлены длинныя деревянныя балки, игравшія роль связей и придававшія всей постройкѣ больше прочности. Часто для верхней части стѣны употреблялся необожженный кирпичъ, и все покрывалось глиняной штукатуркой и слоемъ извести. Но существенную роль въ этой постройкѣ играло дерево. Угольники, под-

держивавшіе украшенія стѣнъ, дверные косяки, колонны съ ихъ капителями, столбы, потолки, иногда даже пороги комнатъ, все это было изъ дерева; деревянная обшивка покрывала стѣны нѣкоторыхъ комнатъ, а именно купальной и стѣней мегарона. Крыши на отесанныхъ столбахъ были плоскія и, какъ вездѣ на Востокѣ, расположены террасами. Свѣтъ проникалъ черезъ двери и боковыя отверстія, сдѣланныя подъ крышей въ верхней части стѣны. Наконецъ, полы въ залахъ были тщательно выложены своего рода мозаикой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ похожей на коверъ, украшены стѣнной живописью и скульптурой, отъ которыхъ найдены очень любопытные остатки. Изъ нихъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ — это красивый алебастровый фризъ со вложенной голубой глазурью, украшавшій стѣни мегарона, орнаментація этого фриза воспроизводитъ мотивы, уже знакомые по Микенамъ, Мениди и Орхомену. Стѣнные фрески не менѣе интересны и проливаютъ много свѣта на зачатки живописи въ Греціи. По известковой штукатуркѣ тянутся широкія параллельныя полосы различныхъ цвѣтовъ; дальше видишь цвѣты, розетки, меандры и спирали, представляющіе по расположенію разительное сходство съ скульптурой потолка, найденной въ куполѣ Орхомена. Въ другихъ мѣстахъ появляется человѣческое лицо; открыто множество остатковъ крылатыхъ чудовищъ, столь дорогихъ воображенію примитивныхъ художниковъ; но самая замѣчательная изъ этихъ картинъ — это изображеніе разъяреннаго быка, на спинѣ котораго стоитъ человѣкъ на половину колѣнопреклонен-

ный. Разумѣется, съ технической стороны фрески эти еще очень грубы; палитра художника знаетъ только пять красокъ: бѣлую, черную, синюю, красную, желтую; но впечатлѣніе получалось не менѣе сильное, ибо эта живопись сіяла всѣмъ блескомъ своего примитивнаго колорита.

Но не нужно слишкомъ увлекаться наружнымъ блескомъ этихъ произведеній искусства. Дворцы времянь Гомера, образцомъ которыхъ служитъ дворецъ въ Тиринѣѣ, не знакомы съ той утонченной чистоплотностью и удобствами, ставшими необходимыми современному человѣку. — „Въ большихъ залахъ этихъ резиденцій на очагѣ, занимающемъ ихъ центръ, цѣлый день готовятъ кушанья, и дымъ покрываетъ стѣнки густымъ слоемъ копоти; тяжелый воздухъ пропитанъ запахомъ горѣлаго сала; по угламъ валяются потроха только что убитыхъ животныхъ, бычачьи ноги и головы, шкуры, испачканныя кровью. Во дворѣ и того хуже. Передъ самой дверью жилища куча навоза, а на ней валяются собаки, покрытыя паразитами“. Возможно, что цивилизація Тиринѣѣ, хотя по времени болѣе древняя, была по качеству болѣе утонченной; дворцы времянь Гомера не знаютъ ни стѣнной живописи, ни половъ, открытыхъ на Тиринѣѣскомъ акрополѣ; но несомнѣнно, что ихъ общій видъ не представляетъ никакого различія. Чтобы представить себѣ, каковы были эти дворцы, достаточно вспомнить, каковы до сихъ поръ на современномъ Востокѣ конаки пашей или беевъ Малой Азіи. „Въ обширныхъ постройкахъ перемишаны дерево и камень: *селямликъ* соответствуетъ мегарону, *гаремъ* гинекею; въ большихъ

грязныхъ дворахъ, окруженныхъ службами для рабовъ и амбарами для провизіи, то же смѣшеніе слоняющихся людей съ свободно бродящими животными; внутри жилища тотъ же контрастъ роскоши съ неряшливостью. Такимъ образомъ, жизнь и обычаи современнаго Востока во многихъ отношеніяхъ представляютъ лучшій комментарий античнаго міра временъ Гомера“.

II.

Открытія, сдѣланныя въ Тиринѣѣ—и это не меньшая доля представляемаго ими интереса—дополняютъ съ очень интересной точки зрѣнія картину первобытной цивилизаціи, открытой благодаря раскопкамъ въ Микенахъ. Зданія и памятники, найденные въ обоихъ акрополяхъ, относятся дѣйствительно къ одной и той же эпохѣ и принадлежатъ къ тому же періоду величія и славы. Выше уже было обращено вниманіе на разительное сходство, существующее между живописью Тиринѣа и скульптурой потолка въ Орхоменѣ. Между этими фресками и фресками, украшавшими дворецъ въ Микенахъ, существуетъ не меньшее сходство; и тутъ также находишь эти длинныя параллельныя разноцвѣтныя полосы, и эти робкія попытки художника, старающагося изобразить фигуры людей и животныхъ. Глиняная посуда, найденная въ Тиринѣѣ, въ общемъ такого же стиля, какъ и микенскія вазы; фризъ во дворцѣ представляетъ украшеніе, очень схожее съ мотивами, встрѣчающимися въ Микенахъ и Мениди; наконецъ, какъ здѣсь, такъ и тамъ восточное вліяніе оставило свои слѣды, и это

одно изъ наиболѣе любопытныхъ открытій, сдѣланныхъ тиринѣскими раскопками. Повсюду встрѣчаются слѣды Финикійскаго вліянія какъ въ манерѣ стройки, такъ и въ манерѣ украшенія зданія. Подземныя галлерей, устроенныя въ толщѣ стѣнъ, со сводчатыми комнатами вокругъ нихъ, встрѣчаются въ укрѣпленіяхъ Финикійскихъ городовъ Африки, въ Карѣагенѣ и Тапсѣ, Гадруметѣ и въ Утикѣ. И такъ велико сходство между обоими этими планами, что необходимо признать за несомнѣнную истину присутствіе въ Тиринѣ финикійскихъ архитекторовъ, или по крайней мѣрѣ архитекторовъ, учившихся у Финикійцевъ. Оттуда же и техническіе приемы, употребляемые при постройкѣ дворцовыхъ стѣнъ: финикійскіе мастера, построившіе для Соломона Іерусалимскій храмъ, употребляли точно такъ же каменные кладки со столбами изъ кедроваго дерева; и то же смѣшеніе дерева съ камнемъ встрѣчается въ Тиринѣ, какъ и въ Микенахъ. Наконецъ, эта голубая глазурь, украшающая алебастровый фризъ мегарона, представляетъ статью ввоза съ Востока: съ древнѣйшихъ временъ Египетъ употреблялъ этотъ способъ украшеній, но матеріалъ для нихъ получался изъ Финикіи, съ Финикійскихъ фабрикъ получила Греція эту голубую глазурь, окрашенную при помощи мѣдныхъ солей, которая встрѣчается въ Мениди и въ Спатѣ, въ Микенахъ и Тиринѣ, и которую зналъ Гомеръ, называющій ее „куаpos“ и рассказывающій, что ею украшены были фризы во дворцѣ Алкиноя.

Итакъ, нельзя не признать Восточнаго вліянія, глубоко отразившагося на Тиринѣской цивили-

лизаціи. Надо замѣтить, что Тиринѣскій дворецъ нѣскольکو болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ Микенскія гробницы. Не въ одинъ день возникъ цѣлый рядъ памятниковъ, отмѣчающихъ развитіе этой отдаленной цивилизаціи: гробницы, вырытыя въ скалѣ Микенскаго акрополя, древнѣе куполообразныхъ гробницъ въ нижнемъ городѣ и царской резиденціи, воздвигнутой на вершинѣ холма; могилы съ корридорами въ Спатѣ и Навплии еще болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ эти памятники. Всюду общія черты остаются тѣ же, но подробности различны до безконечности. По мѣрѣ того какъ время движется впередъ, искусство становится все болѣе увѣреннымъ въ себѣ, и восточное вліяніе все болѣе сильнымъ, вплоть до того дня, когда новая цивилизація, представительницами которой являются аѣинскія вазы Дипилона, смѣняетъ цивилизацію Микенскую. Тиринѣскій дворецъ—современникъ Микенскихъ куполообразныхъ гробницъ, но повидимому онъ существовалъ дольше Микенскихъ построекъ. Среди его развалинъ находятъ обломки вазъ съ геометрическими украшеніями, съ человѣческими изображеніями, совершенно сходными съ изображеніями на глиняной посудѣ Дипилона; тамъ находятъ еще болѣе любопытные обломки, какъ бы образующіе переходъ отъ вазъ Микенскихъ къ вазамъ послѣдующаго періода. Такъ Тиринѣѣ являетъ намъ послѣ величія Микенской цивилизаціи ея послѣднія усилія и упадокъ.

Когда нашествіе дорійцевъ опустошило Арголиду, все, что оставалось отъ этой блестящей культуры, было сметено этимъ вихремъ; болѣе суровая нація явилась на смѣну богатыхъ царей,

любителей роскоши, царствовавшихъ въ Микенахъ и Тиринѣ; долгіе годы войнъ сдѣлали нравы болѣе дикими и болѣе грубыми. Въ то же время Финикійцы, бывшіе раньше воспитателями первобытной Греціи, стали мало-по-малу забывать дорогу въ Элладу. Постепенно изгоняемые съ острововъ Архипелага, утративъ монополію морской торговли, отстраненные отъ своей дѣятельности непрерывными войнами, нарушавшими безопасность, они не могли уже больше поддерживать прежнихъ близкихъ сношеній съ западнымъ побережьемъ Эгейскаго моря. Цивилизація отъ этого могла только потерять, и, дѣйствительно, времена Гомера—эпоха значительно болѣе суровая и болѣе грубая, чѣмъ эпоха Микенская. Однако и тутъ всѣ завоеванія прошлаго не могли исчезнуть, и Тиринскій дворецъ остается, воплощеннымъ въ камнѣ и деревѣ, образцомъ дворцовъ героической эпохи. Съ этой именно стороны зданіе это представляетъ большой интересъ для исторіи человѣческаго жилища,—Греческій домъ ни болѣе ни менѣе, какъ развитіе дворца временъ Гомера, съ которымъ познакомили насъ раскопки Тиринскаго акрополя.

ГЛАВА III.

Раскопки въ Додонѣ.

(1876.)

Большая прямая дорога, ведущая черезъ горы греческой Тессаліи въ оттоманскій Эпиръ, со временъ древности соединявшая Адриатическое море съ Эгейскимъ, представляетъ для путника разительный контрастъ. Выйдя изъ Лариссы, поднимаешься по высокой Пенейской долинь, проходя дубовыми и платановыми лѣсами; идешь мимо интересныхъ монастырей, словно повисшихъ между небомъ и землей, безстрашно зацѣпившись за горныя базальтовыя вершины, и по мѣрѣ того какъ все выше поднимаешься по горному склону, окидываешь взоромъ всю плодородную долину Тессаліи; проходишь Мецовскій переваль и разомъ видъ мѣняется: передъ вами голые суровые склоны, хаосъ беспорядочно нагроможденныхъ горъ; здѣшняя суровая природа, по словамъ Жирарда, какъ бы томится, не находя возможности свободно проявить свои силы. Самое озеро, открывающееся у подножія горы и отражающее въ своихъ водахъ крѣпость и минареты Янины, мало смягчаетъ суровый характеръ этой мѣстности; дальше всюду

только глубокія долины, стиснутыя высокими горами, гдѣ текутъ быстрые потоки, гдѣ тянутся болотистыя равнины. Климатъ такъ же суровъ, какъ сама природа. Большую часть года горы покрыты снѣгомъ; въ узкихъ горныхъ проходахъ бѣшено дуетъ вѣтеръ; на высокихъ вершинахъ часто грохочетъ громъ; въ иныхъ долинахъ Эпира, по статистикѣ, приходится въ среднемъ 49 бурныхъ дней въ году, максимумъ для всей Европы.

Къ этой печальной мѣстности приурочены нѣкоторыя греческія легенды о преисподней. Здѣсь же, среди этой природы, такъ сильно дѣйствовавшей на первобытныя души народовъ древности, Греція воздвигла одно изъ своихъ самыхъ древнихъ и чтимыхъ святилищъ. Въ узкой и мрачной долинѣ Додона, подъ сѣнью высокихъ дубовъ, окружавшихъ святилище Зевса, Эллинская мифологія получила свое начало, и зародился первый великій оракуль Греціи. Подъ этимъ же суровымъ небомъ развился и грубый культъ, гдѣ нѣкоторые обряды напоминаютъ скорѣе аскетизмъ среднихъ вѣковъ, нежели радостный расцвѣтъ эллинской жизни. Этотъ своеобразный характеръ, представляющій главный интересъ святилища Додоны и, какъ слѣдствіе его, исторія древняго, исчезнувшаго теперь оракула настолько идутъ въ разрѣзъ съ обычнымъ представленіемъ объ античномъ мірѣ, что заслуживаютъ нѣкотораго вниманія.

I.

Вплоть до послѣднихъ лѣтъ святилище Додоны было извѣстно только по имени. Исторія и легенда полны его славой, но точное его мѣ-

стонахожденіе не было извѣстно. „О, Додона, — писалъ Байронъ въ Чайльдъ-Гарольдѣ, — гдѣ твой древній лѣсъ, гдѣ твой священный фонтанъ, гдѣ твои божественные оракулы? Какая долина повторяетъ еще слова владыки боговъ? Гдѣ слѣды храма Юпитера Громовержца? Все, все забыто“. Знали, что Додона въ Эпирѣ, и искали ее въ окрестностяхъ Янинскаго озера; но вплоть до того дня, какъ Карапанось сумѣлъ въ 1876 г. отыскать при достопримѣчательныхъ раскопкахъ само святилище, на этотъ счетъ царила полнѣйшая неувѣренность. Теперь сомнѣнія невозможны. Къ западу отъ Янинскаго озера, въ сырой и плодоносной долині Чараковисты, у подножія голой вершины Томароса, въ живописной и печальной мѣстности, Карапанось открылъ остатки Зевсова оракула. Среди долины, высота которой 500 метровъ надъ уровнемъ моря, подымается на мысѣ, нависающемъ надъ долиной, маленькая стѣна древней крѣпости, снабженная башнями; у подножія этого акрополя прекрасный, въ совершенствѣ сохранившійся, театръ служилъ для игръ въ честь додонскихъ боговъ. Подлѣ, на склонѣ холма, стѣны отмѣчаютъ еще границы священной ограды, среди которой, на вершинѣ площади, былъ выстроенъ храмъ, позднѣе передѣланный въ христіанскую церковь. Карапанось открылъ главныя черты расположенія этого святилища, а также двухъ сосѣднихъ зданій, несомнѣнно заключавшихъ раньше священное сокровище или предназначенныхъ для служенія оракулу. Ниже этихъ строеній тянулась обширная площадь съ входомъ, окруженнымъ портиками, вдоль которыхъ

были расположены на рядѣ маленькихъ подставокъ дары, приносимые Зевсу его поклонниками. Въ центрѣ площади была навѣрно посажена священная дубовая роща, слава Додоны, въ глубинѣ которой скрывались пророческое дерево Зевса, чудесный источникъ и оракуль бога. Среди развалинъ древняго святилища Карапанось сдѣлалъ не одно любопытное открытіе. Правда, онъ не открылъ богатой серіи мраморныхъ статуй—мраморъ былъ рѣдокъ въ Эпирѣ,—ни складовъ золота и серебра: храмъ въ послѣднее время своего существованія былъ нѣсколько разъ ограбленъ, а то и разрушенъ до самаго основанія, и видны еще среди развалинъ слѣды большого пожара, опустошившаго святилище. Но за неимѣніемъ очень цѣнныхъ предметовъ Карапанось открылъ множество вкладовъ и благочестивыхъ приношеній, бронзовыхъ вазъ и канделябръ, треножниковъ и вѣнцовъ, а также большое количество мелкихъ вещей, служившихъ для семейнаго обихода, оружіе и драгоценныя украшенія, шпоры и пики, браслеты и серьги, шпильки и зеркала вплоть до маленькихъ шпателей, служившихъ женщинамъ для раскладыванія притираній. Какъ въ наши дни въ прославленныхъ святилищахъ вѣшаютъ на стѣнки часовень серебряныя или золотыя сердца или статуэтки святыхъ, такъ въ древности приносили богамъ фигурки изъ терракоты или бронзы; и нѣкоторыя бронзовыя фигурки, найденныя въ Додонѣ и обращающія на себя вниманіе мѣдной окисью зеленой или голубой, имѣютъ для исторіи архаическаго искусства чрезвычайно важное значеніе. Что еще любопытнѣе—это рядъ малень-

кихъ свинцовыхъ дощечекъ, сохранившихся въ архивахъ храма, на которыхъ люди, приходившіе посоветоваться съ оракуломъ, вырѣзали текстъ вопросовъ, съ которыми они обращались къ богу. Хотя эти остатки дошли до насъ въ небольшомъ количествѣ — едва 45, — они несомнѣнно составляютъ самую интересную часть открытія Карапаноса. Благодаря этимъ памятникамъ, поистинѣ единственнымъ въ своемъ родѣ, мы проникаемъ за кулисы прорицалищъ и въ самое сердце благочестивой жизни древности.

Въ этой-то отдаленной области Греціи, въ этой Додонѣ „съ ея суровыми зимами“, по выраженію поэта, среди густыхъ лѣсовъ, подъ рокотъ ключей, среди всѣхъ этихъ таинственныхъ голосовъ природы, впервые почудилось Грекамъ, что они слышатъ голосъ боговъ; тутъ-то и надо искать колыбель и первое проявленіе Эллинской религіи.

II.

Благочестивые пилигриммы, приходившіе въ Додону, встрѣчались тамъ съ двойнымъ культомъ: культомъ Юпитера и соединеннымъ съ нимъ культомъ богини Діонеи, а также съ двойнымъ жреческимъ сословіемъ: жрецы, называвшіеся Селлами или Томурами, жрицы, именовавшіеся Пелейадами, т.-е. горлицами. Откуда происходили эти божества и религіозныя корпораціи, посвященныя служенію имъ?

Вопросъ этотъ занималъ уже почтеннаго Геродота, посѣтившаго Додону въ концѣ V вѣка, и съ любопытствомъ спрашивавшаго жрецовъ объ ихъ священныхъ легендахъ. Античный

культъ никогда не смущался въ подобныхъ случаяхъ, и жрицы Додоны рассказали чрезвычайно красивую исторію нескромному вопрошателю. Повидимому, вся античная Греція находила удовольствіе въ томъ, чтобы связывать съ Египтомъ свои наидревнѣйшія преданія: великая монархія Фараоновъ, задававшая тонъ по части модъ и искусствъ, умѣла возбуждать также и религіозный восторгъ. Поэтому-то именно въ Египтѣ слѣдовало искать начало происхожденія культа Зевеса. Рассказываютъ, что два голубя улетѣли однажды изъ египетскихъ Оивъ и, подобно голубю въ баснѣ, отправились въ дальнія страны. Одинъ остановился въ Ливіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ позднѣе было сооружено капище оракула Юпитера Аммона; другой, перелетѣвъ черезъ моря, достигъ Додоны и, усѣвшись на дубу, заговорилъ человѣческимъ голосомъ и приказалъ слушающему его народу устроить на томъ мѣстѣ капище оракулу Зевеса. Вотъ что рассказали Геродоту три жрицы храма; но старый историкъ, въ наивности своей стремясь разрѣшить религіозныя задачи, хотѣлъ знать болѣе. Когда случай привелъ его, во время одного изъ путешествій, въ египетскія Оивы, онъ опять сталъ спрашивать жрецовъ, и они рассказали ему, что нѣкогда Финикіяне похитили въ Египтѣ двухъ жрицъ и продали ихъ—одну въ Ливіи, другую—въ Додонѣ. „И когда я ихъ спросилъ—прибавляетъ Геродотъ,—какъ они могутъ знать навѣрно то, о чемъ мнѣ только что рассказали, они отвѣтили, что съ величайшимъ рвеніемъ разыскивали тѣхъ двухъ женщинъ, что имъ невозможно было отыскать ихъ, но что позднѣе они полу-

чили на ихъ счетъ тѣ самыя свѣдѣнія, которыя я только что сообщилъ“. Геродота было не трудно заставить повѣрить, онъ счелъ себя удовлетвореннымъ; и какъ истый ловкій грекъ, скоро нашелъ способъ примирить обѣ легенды.

Въ черной додонской голубицѣ онъ нашелъ удобнымъ признать Египтянку съ ея темнымъ цвѣтомъ лица, сравнивая ея непонятный варварскій говоръ съ птичьимъ щебетаньемъ, — „любопытный примѣръ чистосердечной и разсудительной довѣрчивости грековъ къ баснословнымъ рассказамъ, увлекавшимъ этотъ великій умъ, выступившій въ то же время впервые въ роли историка“.

Однако, подъ этими священными легендами скрывалась доля истины. Согласно обычаямъ первобытныхъ народовъ, первые жители Додонской долины поклонялись темнымъ силамъ обожествленной природы: Зевсу, т.-е., какъ показываетъ его прозвище *Ναῖος*, элементу влаги, проникающему и оплодотворяющему землю, и Діонеѣ, землѣ-производительницѣ. Но къ этому первоначальному представлению присоединились другія начала: символъ голубицы, тѣсно связанный съ восточнымъ культомъ Афродиты, свидѣтельствуемъ о занесеніи чужеземныхъ обрядовъ, о чемъ уже говорили Геродоту египетскіе жрецы. Первобытное божество—Діонея—слилось съ сирійской богиней, и къ пелазгическимъ жрецамъ Зевса присоединились экзотическія жрицы, пришедшія слѣдомъ за Астартой. Отсюда это двойное жречество, о которомъ, не останавливаясь дольше на этихъ тайнахъ трансцедентной миѳологии, слѣдуетъ распространиться нѣсколько подробнѣе.

Въ религіяхъ древности жреческое сословіе Додоны занимаетъ особое мѣсто. Въ одной изъ Гомеровыхъ поэмъ Ахиллъ обращается съ торжественной молитвой къ національному божеству своей печальной и суровой родины. Тутъ стоитъ указать на нѣкоторые стихи; „Могучій Зевсъ, богъ Пеласговъ, царящій далеко отсюда въ ледяной Додонѣ, гдѣ живутъ вокругъ тебя Селлы, твои глашатаи, они же спятъ на землѣ, и вода никогда не оmyваетъ ихъ ногъ“. Эти суровые обычаи, видящіе въ заботахъ о тѣлѣ помѣху святости, ничуть не удивили бы въ суровыхъ аскетахъ Индіи, поклонникахъ Брамъ; но въ Греческомъ мірѣ, среди вольной и радостной жизни, распускающейся пышнымъ цвѣтомъ въ твореніяхъ Гомера, это суровое явленіе страннымъ образомъ противорѣчитъ общему тону картины. Не будь этихъ нѣсколькихъ стиховъ Гомера, невозможно было бы заподозрить, что въ первобытномъ Эллинскомъ обществѣ существовалъ аскетизмъ, и мы могли бы утверждать, что никогда Греческій міръ не зналъ его. Такъ, въ средніе вѣка, читая блестящіе рассказы Фруассара, видишь только общество элегантное и легкомысленное, шумное и радостное, сохраняющее вплоть до самой смерти праздничный видъ, тѣмъ не менѣе это—то самое время, когда писалась книга, полная глубокой печали и аскетизма, носящая названіе Подражаніе (Θοмы Кемпійскаго).

Наравнѣ съ этими языческими монахами, и жрицы храма были подчинены не менѣе строгимъ правиламъ. Въ мрачномъ и суровомъ Эпирѣ, подъ строгимъ надзоромъ аскетовъ Томароса,

онѣ очень скоро утратили былую нѣжность. И онѣ тоже должны были приспособиться къ мѣстному воздуху, строгая дисциплина явилась на смѣну легкихъ правилъ сирійскихъ храмовъ, и верховный жрецъ, стоявшій во главѣ двойной общины, надзирая за жреческимъ сословіемъ, строго слѣдилъ, чтобы никакая внѣшняя мѣрская забота не могла отвлечь отъ исключительнаго служенія божеству.

Святилище Додоны еще по другой причинѣ пользовалось по всей Греціи громкой славой. Въ священныхъ рощахъ, окружавшихъ храмъ, вѣяло таинственнымъ дыханіемъ боговъ; въ шопотѣ чудодѣйственнаго источника, бившаго у подножія высокихъ дубовъ, слышались нездѣшніе голоса; въ трепетаніи бронзовыхъ треножниковъ, приходившихъ въ движеніе отъ ласки вѣтровъ, проявлялась воля небесъ, и во всѣхъ этихъ голосахъ природы посвященные умѣли отличить и понять пророческія откровенія и прорицанія владыки боговъ. Извѣстно, какую важную роль играли въ древности оракулы: для набожныхъ людей Эллинскаго міра оракуль оказывалъ почти тѣ же услуги, какихъ мы просимъ теперь у нашихъ повѣренныхъ и докторовъ, обращаясь къ нимъ за совѣтомъ. Не только города отправляли къ богу официальныя депутаціи, чтобы получить отъ него принципы здоровой политики и правила хорошаго правленія, но и всякое частное лицо, разъ оно затруднялось какъ поступить, несло на судъ оракула свои сомнѣнія и недоразумѣнія. Одни спрашиваютъ у него, какъ сохранить свое здоровье и здоровье своихъ близкихъ; другіе просятъ посовѣтовать, какъ лучше выращивать

свои стада. Купцы освѣдомляются о возможномъ успѣхѣ своихъ торговыхъ предпріятій; наслѣдникъ спрашиваетъ, какъ ему лучше поступить при дѣлежѣ наслѣдства—взять ли городской домъ или деревенскій. Всякій рассказываетъ богу о своихъ частныхъ дѣлахъ, а иной открываетъ и самыя интимныя вещи. Карапаносъ нашель въ развалинахъ Додоны цѣлый рядъ вопросовъ, обращенный къ оракулу Зевса; иные изъ нихъ крайне забавны по наивности и нескромности. На маленькихъ свинцовыхъ дощечкахъ, гдѣ вѣрный долженъ былъ написать свою просьбу, проstackъ совѣтуется съ Юпитеромъ насчетъ пропавшихъ одѣялъ и подушекъ, чтобы узнать, самъ ли онъ ихъ потерялъ, или они у него украдены. Другой хочетъ знать заранѣе, готовить ли ему небо еще дѣтей, кромѣ уже дарованной ему дочери. Третьи находятся еще въ большемъ затрудненіи, и иногда вопросы ихъ должны были чрезвычайно смущать бога.

Такимъ образомъ, оракуль не разъ бывалъ въ затруднительномъ положеніи. Иногда вѣрные предлагали ему настоящія загадки. На одной изъ свинцовыхъ дощечекъ, открытыхъ Карапаносомъ, какой-то богомалець спрашиваетъ у бога, удастся ли задуманное имъ предпріятіе, если онъ поступитъ такъ, какъ замыслилъ. Никакого больше поясненія: это уже дѣло Юпитера отгадать мысли своего не очень экспансивнаго поклонника; вѣдь не даромъ обладаешь ясновидѣніемъ. Въ подобныхъ случаяхъ жрецы, на которыхъ было возложено толкованіе божественнаго откровенія, должны были обладать рѣдкой находчивостью и исключительнымъ дипломатическимъ искус-

ствомъ, чтобы съ честью выйти изъ такого опаснаго положенія. Къ несчастью, додонскія записи не сохранили намъ ни одного отвѣта оракула, что въполнѣ понятно. Вѣрные бережно уносили съ собой совѣтъ, данный богомъ; тѣмъ не менѣе мы не можемъ не жалѣть безконечно о потерѣ этихъ документовъ. Во всякомъ случаѣ можно думать, судя по тому, что намъ извѣстно, что жрецы, въ качествѣ людей умѣлыхъ, знали какъ устроиться. Къ ихъ услугамъ являлся тотъ неясный таинственный языкъ, излюбленный оракулами, гдѣ добрая воля вѣрныхъ легко находила все, чего только могла пожелать. Кромѣ того, въ качествѣ людей осторожныхъ, жрецы принимали всякія мѣры, чтобы самымъ искуснымъ образомъ обставить всю процедуру консультаціи, чтобъ не обмануть какимъ-нибудь неловкимъ отвѣтомъ довѣрія вопрошающихъ, которымъ пользовался Додонскій богъ, и которое являлось очень прибыльнымъ для нихъ самихъ.

Въ эфирскомъ святилищѣ было нѣсколько приемовъ для полученія прорицаній. То съ религіознымъ почтеніемъ прислушивались къ священному шуму вѣщаго дуба; то слѣдили за полетомъ голубокъ, которыя, усаживаясь на пророческое дерево, пробуждали молчавшіе до тѣхъ поръ голоса дуба; то толковали шопотъ чудодѣйственнаго источника, имѣвшаго странное свойство гасить зажженные факелы и зажигать потухшіе, чуть только ихъ подносили къ его струямъ, то вопрошали мѣдныя чаши, повѣшенныя въ священнѣхъ рощахъ вокругъ Зевсова дуба и чей безконечно-длительный звонъ, переливаясь волной отъ чаши къ чашѣ, опредѣлялъ отвѣтъ ора-

кула на заданные ему вопросы. Позднѣе, чтобы привлечь какимъ-нибудь ловкимъ изобрѣтеніемъ стеченіе вѣрныхъ, придумали новый способъ вопрошанія при помощи этого звона. Рядомъ съ бронзовой чашей, поставленной на колонну, ставили статую ребенка, держащаго въ рукѣ хлысть, и каждый разъ, какъ поднимался вѣтеръ, хлысть, состоявшій изъ трехъ металлическихъ цѣпочекъ, ударялъ въ мѣдь, заставляя ее звучать. Надо полагать, что она звучала продолжительно: о большихъ говорунахъ древности любили говорить, что они похожи на додонскую чашу.

Однако приходившіе на совѣщаніе къ оракулу не входили въ непосредственное общеніе съ богомъ. Въ самомъ дѣлѣ, они бы очень мѣшали толковать удовлетворительно всѣ эти таинственные голоса природы, въ которыхъ проявлялась воля небесъ, а съ другой стороны, и у жрецовъ была тысяча причинъ близко надзирать за всѣмъ ритуаломъ прорицалищъ. Итакъ, желавшимъ имѣть совѣщаніе съ богомъ жрецы вручали маленькія свинцовыя дощечки, куда вѣрный писалъ свой вопросъ, а также обыкновенно свое имя и названіе своей родины, но очень слѣдили за тѣмъ, чтобы онъ какъ-нибудь не написалъ на дощечкѣ просьбы слишкомъ нескромной, т.-е. слишкомъ трудно исполнимой. Обыкновенно вѣрный выражалъ свой вопросъ въ извѣстныхъ освященныхъ формулахъ по одному и тому же образцу, предлагаемыхъ или продиктованныхъ жрецомъ. Если жители Коркиры желали узнать, какимъ образомъ могли бы они, наконецъ, возстановить хорошее упра-

вление въ своемъ городѣ, потрясенномъ раздорами, оракуль не принималъ вопроса въ такой формѣ. Онъ не хотѣлъ стать на сторону той или иной партіи, раздиравшей государство, и ловкій жрецъ находилъ всегда какую-либо уловку, чтобы не скомпрометировать Зевса въ неблагодарныхъ политическихъ дѣлахъ. Депутату Корциры онъ диктовалъ этотъ вопросъ въ слѣдующей формѣ, болѣе удобной для отвѣта: „Какому богу надо вознести жертвоприношенія и молитвы, чтобы получилось согласіе“. Выходила двойная выгода: Юпитеръ не боялся больше поспорить съ республикой; кромѣ того, какъ богъ, соблюдавшій товарищескія отношенія, онъ могъ направлять вѣрныхъ къ алтарямъ другихъ божествъ, обмѣнявшись любезностями съ сосѣдними святилищами на выгодныхъ условіяхъ, такъ что, не подрывая собственнаго кредита, могъ извлечь еще и выгоду. Послѣ этого свинцовая дощечка вручалась жрицамъ храма, на которыхъ спеціально возлагалась обязанность толковать смыслъ божественныхъ откровеній. Въ прежнія времена жрицы сами передавали вѣрнымъ отвѣтъ бога; позднѣе, какъ видно, нашли неудобнымъ эти непосредственныя сношенія богомольцевъ, нравы которыхъ были нѣсколько грубы и дики—съ женщинами, приставленными служить при храмѣ: отнынѣ толкователями воли Зевеса передъ лицомъ благочестивыхъ вопрошателей стали жрецы, и они же толковали проричанія, переданныя жрицами.

Чтобы отблагодарить Зевса за его добрые совѣты и за его милость, вѣрующіе, раньше чѣмъ вернуться къ себѣ съ отвѣтомъ оракула,

нымъ, безъ всякаго смущенія принимаетъ дары, откуда бы они ни шли. Во время владычества Птолommeевъ цари Сирійскіе осыпають дарами Аполлона, а Делосъ въ отплату за ихъ щедрость воздвигаетъ имъ статуи. Наравнѣ съ важными придворными Египта въ почетныхъ надписяхъ упоминаются министры, врачи и всякаго рода приближенные царей сирійскихъ; на ряду съ празднествами въ честь Птолommeя устанавливаютъ празднества въ честь Селевка. То же самое и въ отношеніи Македоніи: Делосъ оказываетъ почетъ Деметрію, Антигону или Филиппу съ тѣмъ же благоговѣніемъ, какъ и ихъ соперникамъ, принимая подарки однихъ съ той же благодарностью, какъ подарки другихъ. Тѣмъ самымъ онъ упрочилъ за собой на будущія времена доброе расположеніе къ себѣ своихъ будущихъ владыкъ. Дѣйствительно, въ концѣ III вѣка покровительство надъ Делосомъ переходитъ къ Македоніи, и портикъ Филиппа—блестящее доказательство благодарностей, выпавшихъ на долю острова Аполлона вслѣдствіе македонскаго владычества.

Какъ Македонія за Египтомъ, такъ Родосъ за Македоніей послѣдовалъ въ началѣ II вѣка. Въ теченіе долгой борьбы III вѣка постоянной цѣлью великой морской республики было ограждать острова Архипелага отъ всякихъ завоеваній какой-либо державы, которыя могли бы угрожать его собственной торговлѣ. Прежде всего Родосъ старался оградить свободу морей и установить равновѣсіе державъ, стремившихся къ владычеству надъ Эгейскимъ моремъ; такъ, когда Египетъ и Македонія поочередно утратили свое

главенство, онъ остался на Востокѣ единственной значительной силой. Во главѣ большого торговаго союза, имѣющаго нѣкоторое подобіе съ средневѣковымъ Ганзейскимъ союзомъ, Родосъ становится теперь покровителемъ и владыкой Цикладъ. Флотъ его обезпечиваетъ безопасность морей и нейтралитетъ Делоса; его торговцы смѣло пользуются на этомъ торговомъ рынкѣ монополіей, которую они сумѣли захватить. Впрочемъ, жителямъ Делоса все равно, кто станетъ ихъ владыкой, они не теряютъ ни при какихъ обстоятельствахъ. Со всѣхъ концовъ Эллинскаго міра стекаются къ нимъ поклонники и несутъ дары изъ Греціи и Азіи, изъ Египта и съ острововъ. Изъ Коса, Родоса, Александріи торжественныя посольства отправляются каждый годъ въ Делосъ—великія державы Востока не знаютъ, какъ и чѣмъ почтить Аполлона. Если Аѳины не отзываются на призывъ и повидимому досадуютъ на бога, делосцы легко съ этимъ мирятся, благодаря наплыву богомольцевъ со всего Востока. Въ отплату за ихъ щедрость Делосъ всѣмъ воздвигаетъ статуи и для всѣхъ устраиваетъ празднества; и всѣ въ свою очередь покрываютъ священный островъ великолѣпными памятниками. Одинъ изъ сирійскихъ царей сооружаетъ портикъ Роговъ; другой покрываетъ Делосъ статуями; Филиппъ Македонскій строитъ портикъ, и самые незначительные цари жертвуютъ сообразно съ своими средствами. Такъ островъ переходитъ изъ рукъ въ руки, всегда сохраняя за собой славу и почетъ; онъ обогащается и украшается; и жители его ведутъ тихую жизнь, принимая и ублажая иностранцевъ, зарабатывая много денегъ откар-

мливаніемъ птицъ, и занимаясь то содержаніемъ гостинницъ, то продажей невольниковъ.

Вмѣстѣ съ религіей процвѣтаетъ и торговля. Находясь въ центрѣ Цикладъ, мѣстѣ пересѣченія большихъ дорогъ античнаго міра, снабженный великолѣпной гаванью, Делосъ, благодаря всѣмъ этимъ огромнымъ преимуществамъ, долженъ былъ стать выдающимся складочнымъ мѣстомъ для товаровъ. Потому делосцы завязываютъ всевозможныя дѣловыя сношенія съ Александріей, Византіей, Родосомъ, Критомъ. Дальновидная и искусная дипломатія руководитъ ихъ отношеніями и ихъ связями; „на ряду съ религіозными побужденіями и земныя соображенія опредѣляютъ ихъ симпатіи. Потребность въ безопасности толкаетъ ихъ къ Криту, притону разбойниковъ, которыхъ надо подкупить, такъ какъ нельзя ихъ сокрушить; экономическія соображенія влекутъ ихъ къ Родосу и Византіи, двумъ большимъ торговымъ пунктамъ на Востокѣ, всѣ дѣла которыхъ проходятъ черезъ Делосъ“. Главная статья торговли—хлѣбъ. Дѣйствительно, вопросъ продовольствія являлся важнѣйшимъ для Делоса, такъ какъ собственная земля не могла его прокормить; поэтому островъ вступилъ въ сношенія со всѣми странами, производившими хлѣбъ,—съ Кизикомъ и Лампсакомъ, съ Херсонесомъ Понтійскимъ и Пантикапеей, а также со всѣми государствами, перевозившими хлѣбъ. Но не довольствуясь ввозомъ, достаточнымъ для собственнаго продовольствія, делосцы хотятъ сдѣлаться поставщиками хлѣба для всей Греціи, сосредоточивая въ доступномъ для всѣхъ мѣстѣ этотъ необходимый товаръ; со времени

Родосской гегемоніи Делосѣ замышляетъ сдѣлаться рынкомъ, общимъ для всей Греціи. Однако, несмотря на всѣ эти честолюбивые замыслы, несмотря на счастливое положеніе и превосходство порта, несмотря на привилегированное положеніе священнаго города, Делосѣ въ началѣ II вѣка былъ мѣстомъ только третьяго или четвертаго разряда. Между нимъ и могущественными городами Греціи и Азіи условія были неравныя: ему нечего было ждать отъ нихъ кромѣ соперничества и конкуренціи. Родосѣ притязалъ на морскую монополію; Коринѣѣ былъ въ полномъ блескѣ и силѣ, а Делосѣ самъ по себѣ не пользовался никакими преимуществами, которыя могутъ сдѣлать городъ большимъ торговымъ портомъ. Его скудная почва мало плодородна; онъ не могъ снабжать ни деревомъ для постройки судовъ, ни другими предметами вывоза. Такимъ образомъ, Делосѣ могъ быть только складочнымъ мѣстомъ, рынкомъ, зависящимъ отъ другихъ. Если онъ былъ богатъ и роскошенъ въ III вѣкѣ, онъ этимъ обязанъ гораздо больше религіи, чѣмъ торговлѣ; онъ обязанъ этимъ наплыву иноземцевъ, которые своимъ благочестіемъ обогащали храмъ и дѣлали изъ делосцевъ настоящихъ паразитовъ Аполлона. Но вскорѣ послѣ того положеніе измѣнилось, въ тотъ день, когда Римъ появился на Востокѣ, его вмѣшательство черезъ нѣсколько лѣтъ подняло Делосѣ на первое мѣсто; побѣды его въ Македоніи и Азіи имѣли для острова важныя послѣдствія. Священный городъ III вѣка дѣлается городомъ торговымъ, и послѣднимъ своимъ блескомъ Делосѣ обязанъ этой экономической революціи, столь быстрой и необычайной.

Въ концѣ III вѣка римляне начинаютъ проникать на Востокъ. Съ этого времени въ Делосѣ зарождается первая колонія римскихъ торговцевъ и капиталистовъ, которая вслѣдъ затѣмъ расцвѣла; и съ этого же времени политическій инстинктъ делосцевъ заставляетъ ихъ войти въ сношенія съ великой республикой, могущество которой все возрастало. Когда вскорѣ затѣмъ война привела въ Архипелагъ римскія эскадры, Сенатъ очень скоро познакомился съ портомъ Делоса, надежной и удобной стоянкой въ мѣстахъ порой опасныхъ, превосходнымъ наблюдательнымъ пунктомъ въ центрѣ Цикладъ, при этомъ вдвойнѣ оберегаемымъ и природой, и религіей. Онъ нашель мѣсто хорошимъ; и эта военная база естественно сдѣлалась въ мирное время избраннымъ складомъ большого морского рынка восточнаго побережья Средиземнаго моря. Въ самомъ дѣлѣ, покуда Западъ оставался внѣ торговаго движенія, значеніе Делоса оставалось второстепеннымъ: съ появленіемъ же новаго потребителя—Италіи понадобилось и новое мѣсто, гдѣ бы товары различныхъ мѣстностей могли, на поль-пути отъ мѣста происхожденія, быть сосредоточены и стать доступными этому важному покупателю. Римляне поняли, насколько Делосъ былъ сотворенъ для этой роли, и вслѣдъ за римскими полководцами, пришедшими поклониться Аполлону и учредить на островѣ политическій протекторатъ, явились капиталисты, основавшіе въ Делосѣ торговые дома и банки; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого благоденствіе колоніи настолько возросло, ея вліяніе настолько усилилось, что она заняла на островѣ пер-

вое мѣсто. По просьбѣ этихъ смѣлыхъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ торговцевъ Сенатъ въ 166 г. прибѣгаетъ къ мѣрѣ, оказавшейся рѣшающей для будущей судьбы Делоса. Чтобы подорвать всякое иноземное соревнованіе, въ особенности соревнованіе съ Родосомъ, чтобы сосредоточить на островѣ Аполлона все торговое движеніе Востока, Римъ учреждаетъ на Делосѣ порто-франко. Для римскихъ банкирскихъ конторъ, основанныхъ тамъ, это явилось главнымъ условіемъ ихъ благоденствія; въ то же время, чтобы упрочить преобладаніе римлянъ въ Делосѣ, Сенатъ изгналъ въ громадномъ количествѣ и отправилъ въ ссылку делосцевъ, послѣ чего возвратилъ островъ ихъ прежнимъ владыкамъ Аѳинянамъ. Но въ сущности этотъ возвратъ былъ лишь дипломатической фикціей, которая не можетъ насъ обмануть: всѣмъ руководили и изо-всего извлекали выгоды сами Римляне. Съ виду правительство какъ бы аѳинское, но въ дѣйствительности съ Аѳинами соединяется всегда римская колонія, въ ея рукахъ всѣ богатства и она ведетъ всѣ крупныя дѣла. Родосъ, до тѣхъ поръ обладавшій торговой монополіей, этой мѣрой Сената былъ въ конецъ разоренъ; въ три года его таможенные доходы понизились съ милліона на 150.000 драхмъ. Еще одно счастливое обстоятельство подняло до высшей точки благоденствіе Делоса: это было разрушеніе Коринѳа (146). Отнынѣ Делосъ не имѣлъ больше соперниковъ, и благоденствіе его должно было сильно возрасти. Ставъ торговымъ центромъ между Греціей, Азіей, Италией, онъ получилъ монополію восточной торговли, и монополія эта была чрезвычайно прибыльна и выгодна.

Всѣ предметы роскоши, производимые Востокомъ, находили покупателей въ Римѣ и продавались очень дорого; чтобы спросъ не превысилъ предложенія, произведенія искусства, дорогія ткани и пряности, произведенія греческихъ и азіатскихъ странъ свозились грудями на большія празднества или, вѣрнѣе, ярмарки Делоса. Рабы привозились во множествѣ на этотъ знаменитый рынокъ, гдѣ въ одинъ день продавалось болѣе 10.000 головъ этого человѣческаго скота. Подъ высокимъ покровительствомъ Рима торговля производилась въ безопасности; а когда Азія въ свою очередь стала римской провинціей (133), когда несмѣтныя богатства этой страны попали въ руки римскихъ капиталистовъ, для делосскаго порто-франко это была новая выгода.

На этомъ именно времени, т.-е. около послѣдней трети II-го столѣтія слѣдуетъ остановиться, чтобы составить себѣ понятіе о коммерческомъ благосостояніи Делоса.

Тутъ также въ надписяхъ можно найти отвѣтъ на вопросъ, по какимъ направленіямъ шла торговля Делоса, и каково было поле ея дѣятельности. Множество памятниковъ, воздвигнутыхъ царямъ Востока, монархамъ и чиновникамъ Понта и Вивиніи, Сиріи, Каппадокіи, Парѣи, Египта, свидѣтельствуютъ объ отношеніяхъ, существовавшихъ между этими царствами и священнымъ островомъ. Дѣйствительно, къ Востоку направлена вся торговля Делоса; главнымъ сосредоточіемъ ея является Сирія и Египетъ, занимающіе первое мѣсто въ промышленности того времени и находящіеся въ прямыхъ сношеніяхъ съ производительными странами Азіи, внутренней Африки и

дальняго Востока. Въ Египтѣ все сосредоточивается въ Александріи; въ Сиріи 12 городовъ, приморскихъ портовъ, служатъ этапомъ между внутренней страной и Делосомъ. Изъ всѣхъ этихъ странъ народъ толпами стекается на священный островъ; не только цари и знатныя особы дѣлаютъ приношенія храму и считаютъ за честь имѣть тамъ свою статую, но и частныя лица во множествѣ стремятся туда. Въ Делосѣ встрѣчаются люди всѣхъ національностей и всѣхъ странъ: Сирійцы и Египтяне, Римляне и Аѳиняне; и съ давнихъ поръ они являются въ такомъ большомъ количествѣ, что образуютъ богатые и могущественныя корпораціи. Съ 150 года учреждается ассоціація тирскихъ купцовъ, подъ покровительствомъ Геракла; затѣмъ, подъ покровительствомъ Посейдона бейрутскіе купцы образуютъ свое общество; еще позднѣе аполлоніасты соединяются въ религіозную и коммерческую корпорацію, также находящуюся подъ покровительствомъ національнаго божества. Такимъ же образомъ организуются Евреи, Сирійцы Гіераполиса и Аскалона; Египтяне учреждаютъ общество, ревниво охраняющее свои національные обычаи и, повидимому, имѣвшее довольно важное значеніе; но среди всѣхъ этихъ иностранныхъ колоній самой вліятельной и богатой является колонія итальянская и римская, съ середины II вѣка образовавшая корпорацію подъ покровительствомъ Гермеса и владычествовавшая на Делосѣ.

Вслѣдъ за людьми являются и боги; хотя Аполлонъ все еще сохраняетъ номинально первое мѣсто, благочестивые люди охотнѣе обращаютъ теперь свои молитвы къ болѣе молодымъ боже-

ствамъ, особенно къ богамъ восточнаго міра, культъ которыхъ всегда такъ сильно плѣнялъ людей. Эллинизированный Востокъ захватываетъ Грецію, и Греція не можетъ этому противостоять. Изида и Сераписъ, Анубисъ и Гарпократъ, сирійская Астарта имѣютъ на Делосѣ свои храмы, своихъ вѣрныхъ и свои мистеріи. Эти культы имѣютъ настолько важное значеніе, что Аѳины находятъ нужнымъ ввѣрить ихъ аѳинскимъ жрецамъ; и, дѣйствительно, многочисленныя надписи свидѣтельствуютъ о количествѣ приношеній, сдѣланныхъ этимъ капищамъ. Тирійцы, Сидонцы, жители Лаодикеи и Милета, Виѳиніи и Понта, Египта и Сиріи тѣснятся вокругъ этихъ новыхъ жертвенниковъ, и даже римляне присоединяются къ этому поклоненію.

Такимъ образомъ, Делосъ все больше и больше становится городомъ международнымъ, космополитическимъ. Это видно по возрастанію квартирной платы, совпадающей съ пониженіемъ арендной. Чѣмъ больше наплывъ иностранцевъ, тѣмъ больше и спросъ на жилища, большинство домовъ превращается въ склады и гостиницы. Въ то же время городъ все больше украшается со всѣхъ сторонъ. Большія торговыя компаніи покупаютъ участки земли, строятъ храмы, воздвигаютъ портики и залы для своихъ собраній, на которыхъ обсуждались общіе интересы и способы повліять на рынокъ. Зданія эти группируются вокругъ священнаго озера, и всѣ отличаются большими размѣрами и красотой, безмолвно свидѣтельствуя о могуществѣ собиравшихся въ нихъ корпорацій. Между ними самое замѣчательное—зданіе, воздвигнутое римскою колоніей. Это самое большое и, какъ

можно предположить, самое красивое зданіе въ Делосѣ. Вокругъ обширнаго двора въ 25 метровъ длины и 70 ширины идетъ, возвышаясь, портикъ, а позади него тянется большое зданіе, раздѣленное на множество комнатъ, выходящихъ въ другіе портики и на сосѣднія улицы. Все зданіе построено изъ мрамора; подъ портикомъ поставлены скамьи и статуи; тамъ и сямъ открываются большія залы, служащія мѣстомъ собранія, гдѣ выставлены портреты благодѣтелей корпораціи; въ подвальныхъ этажахъ помѣщались склады и тутъ нашли длинные, правильно разставленные ряды амфоръ. Ничто лучше этого обширнаго зданія не даетъ понятія о томъ важномъ значеніи, какое занимали римляне въ Делосѣ, и о богатствѣ этого острова.

Въ то же время возростало и благоустройство порта; молъ, набережныя, склады были или увеличены или отстроены заново; и работы эти—остатки ихъ еще до сихъ поръ видны—поражаютъ своими размѣрами, достойными могущества и благоденствія Делоса.

Вдоль всего западнаго побережья можно прослѣдить линію набережныхъ: то на неправильныхъ глыбахъ, сваленныхъ въ море одна на другую, громоздятся огромные куски гранита; то видишь высѣченную скалу. Широкій молъ, и теперь еще хорошо защищающій делосскій рейдъ, выдается въ море въ видѣ рукава; на сѣверной оконечности острова другой волнорѣзъ ослаблялъ силу морскаго прибоя; болѣе къ югу цѣлый рядъ моловъ образовывали тихія стоянки, гдѣ можно было легко нагружать и выгружать товары. Набережныя вели прямо къ складамъ, тянувшимся

вдоль побережья и раздѣлявшимся на двѣ группы храмомъ Аполлона. Въ сѣверной части по всему холму, отдѣляющему священное озеро отъ моря, тянулись обширныя зданія, построенныя вдоль гавани; они поднимались параллельно къ священной оградѣ и, наконецъ, поворачивали съ юга на сѣверъ передъ гаванью итальянцевъ. И теперь еще можно видѣть длинный рядъ этихъ залъ,—это доки Делоса. Въ южной части портикъ Филиппа служилъ для выставки товаровъ, а за нимъ были расположены вдоль берега другіе склады. Скоро къ этимъ зданіямъ долженъ былъ присоединиться новый памятникъ: къ востоку отъ портика Филиппа итальянская колонія поставила четырехугольный портикъ, представлявшій настоящій базаръ. Несмотря на то, что теперь это однѣ развалины, нельзя безъ восхищенія смотрѣть на эти сооруженія; они одинаково поражаютъ какъ своей удивительной крѣпостью, такъ и искуснымъ расположеніемъ. Дѣйствительно, Делосъ былъ для римлянъ образцовымъ портомъ, исключительно торговымъ городомъ, и они думали оказать Пуццолу величайшую честь, назвавъ его маленькимъ Делосомъ.

Война съ Митридатомъ нанесла ударъ этому благосостоянію. Одинъ изъ полководцевъ царя понтійскаго опустошилъ Делосъ; храмы были разграблены, статуи разбиты, римская колонія частью уничтожена, частью разсѣяна. Послѣ этого Делосъ никогда не могъ подняться. Конечно, когда война окончилась, Римляне возвратились на островъ, возстановили разрушенныя зданія и вновь принялись за дѣла; но новыя несчастія обрушились на Делосъ; пираты не соблюли его

нейтралитета, беспощадно разграбили храмы: это былъ послѣдній ударъ. Однако делосская торговля боролась еще нѣкоторое время; но соревнованіе Остіи и Пуццоли въ конецъ ее уничтожило. Послѣ катастрофы 87 г. жители Востока перестали посѣщать Делось; скоро и Римляне покинули его; къ концу I-го столѣтія островъ почти совсѣмъ опустѣлъ и хоть сохранялъ еще память о своей былой религіозной славѣ, торговое его богатство было совершенно уничтожено.

„Эта съ виду необычайная судьба,—говорить г. Гомоль,—это исключительное величіе, это полное и непоправимое паденіе объясняются причинами, уловить которыя не трудно. Благосостояніе острова было совершенно искусственнымъ. Делось не производитъ ничего; онъ слишкомъ малъ, слишкомъ бесплоденъ, чтобы питать сколько-нибудь многочисленное населеніе, обеспечивать его нужды; тамъ не хватало даже воды, никакая промышленность тамъ не развивалась; за исключеніемъ знаменитой бронзы нельзя привести ни одного предмета торговли собственно делосскаго происхожденія; не имѣя никакого вывоза, нуждаясь въ ввозѣ всего, городъ могъ служить только складочнымъ мѣстомъ товаровъ.

„Исключительно счастливое географическое положеніе, религіозное вліяніе позволили ему сыграть видную роль, сдѣлали изъ него многлюдный и могущественный городъ и транзитный портъ, мѣсто сбора богомольцевъ и купцовъ греческаго міра; но достаточно было одному бѣдствію постигнуть это случайное населеніе, одному какому-нибудь несчастію его разсѣять, или только

затронуть его интересы, чтобы торговые пути перешли въ руки другого города, болѣе искуснаго, чтобы культъ былъ заброшенъ и островъ палъ, и палъ окончательно и безповоротно, ибо онъ не заключалъ въ себѣ самомъ никакихъ источниковъ существованія.

„Однѣ и тѣ же причины дѣйствуютъ одинаково во всѣ времена. Вслѣдъ за возрожденіемъ Греціи явилась возможность и возрожденія Делоса; когда захотѣли найти въ Эгейскомъ морѣ удобную гавань для пароходныхъ линій, ее прежде всего рѣшили устроить въ Делосѣ. Выбрали однако Сиру, такъ же хорошо расположенную и такую же бѣдную, даже еще болѣе пустынную; ей нѣтъ и пятидесяти лѣтъ, а теперь въ ней 35000 жителей; она пала бы, какъ и Делосъ, если бы австрійскій Ллойдъ, *Messageries maritimes* и другія пароходныя общества перенесли въ другое мѣсто свои конторы; уже конкуренція Пирея задерживаетъ ея развитіе. Тинось унаслѣдовалъ религіозную роль Делоса, и Греція представляетъ любопытнѣйшее зрѣлище, когда пестрыя толпы народа, гдѣ слышишь всякія нарѣчія и видишь всякіе одѣянія Востока, тѣснятся на праздникахъ Богородицы 27 марта и 15 августа.

„Существуютъ, слѣдовательно, неизмѣнные географическіе законы: мѣстоположеніе, религія, торговые интересы создали Сиру и Тинось, какъ раньше создали Делосъ“.

IV.

Среди античныхъ храмовъ нѣтъ ни одного, не исключая Парѣнона, управленіе котораго

можно было бы такъ подробно изучить и которое было бы намъ такъ достовѣрно извѣстно, какъ управленіе храма Аполлона Делосскаго. Единственный въ своемъ родѣ рядъ документовъ, не существующій для другихъ святилищъ Греціи, позволяетъ возстановить съ самой строгой точностью и въ мельчайшихъ подробностяхъ эту сторону религіозной жизни древности. Надписи, касающіяся этого предмета, составляютъ обширный томъ, въ которомъ болѣе 600 отрывковъ, представляющихъ болѣе 150 отдѣльныхъ надписей, и среди нихъ не мало надписей въ 300, 400 или 500 строкъ. Касаясь всей исторіи Делоса, эти документы проливаютъ особенно яркій свѣтъ на 150 лѣтъ (315—166 г.), въ теченіе которыхъ островъ былъ независимъ. На этотъ одинъ періодъ приходится не менѣе 450 надписей или отрывковъ надписей.

Документы эти двухъ родовъ: одни знакомятъ съ отчетностью священной казны, другіе представляютъ списки приношеній и собственно имущества храма. Необходимо дать себѣ отчетъ, что такое было святилище въ древности. Прежде всего, богъ былъ крупнымъ помѣщикомъ; не только государство надѣляло храмъ землей, но, благодаря щедрости частныхъ лицъ, эти владѣнія храма все расширялись. Кромѣ того, въ священную кассу поступала десятая доля военной добычи; святилище получало долю со всѣхъ конфискованныхъ имуществъ; наконецъ, денежные дары сопровождали часто дары земельные; и по мѣрѣ того, какъ возрастала слава бога и распространялся его культъ, многочисленнѣе становились и приношенія, деньги въ видѣ монетъ и

слитковъ все больше накоплялись въ ларцахъ бога. Такъ появлялась собственность движимая и недвижимая. На ряду съ этимъ источникомъ дохода занимали видное мѣсто приношенія, непроизводительный капиталъ если угодно, но имѣвшій значительную стоимость и ежегодно возраставшій. Благочестивые люди почти исключительно приносили въ даръ знаменитымъ святилищамъ предметы роскоши: золото, серебро, бронзу; эти священныя коллекціи очень скоро уже представляли изъ себя огромный капиталъ. Объ этомъ можно судить по описанію древнихъ авторовъ, составлявшихъ списки этихъ приношеній, по инвентарямъ, сохранявшимся въ Олимпіи и Дельфахъ, по большому числу монографій, посвященныхъ древними учеными этимъ сокровищамъ, по подлиннымъ спискамъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ храмовъ, какъ, на примѣръ, Парѳенона, или храма Геры на Самосѣ, по многочисленнымъ приношеніямъ, найденнымъ при раскопкахъ Додоны и Олимпіи. Такимъ образомъ, храмъ былъ въ одно и то же время банкирской конторой, кладовой и музеемъ; само собой разумѣется, приходилось распоряжаться всѣми этими богатствами и охранять ихъ. Раскопки на Делосѣ и познакомили насъ съ отчетами этого управленія.

Дѣйствительно, въ этомъ городѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, управленіе храмовъ занимало выдающееся мѣсто.

„Делосъ, — говоритъ Гомоль, — существуетъ лишь благодаря Аполлону; онъ ему обязанъ всѣмъ: безопасностью, богатствомъ, поэтической славой и той нравственной силой, вліяніе которой испытывали на себѣ наиболѣе великія державы, также

прибѣгая и къ ея поддержкѣ. Поэтому делосцы смотрѣли на религію какъ на главное, если не единственное свое дѣло. Храмы, въ особенности храмъ Аполлона, были предметомъ ихъ исключительныхъ заботъ; они всячески ихъ поддерживали, какъ престоль своего культа, какъ долю національнаго наслѣдія, какъ источникъ ихъ величія и благосостоянія. Они благоговѣнно сохраняли безчисленныя приношенія, составлявшія украшеніе святилища, какъ почетный титулъ ихъ города, свидѣтелей могущества ихъ боговъ, главные элементы ихъ богатства. Еще болѣе настоятельная причина побуждала ихъ оберегать священные сокровища. Ежегодные доходы, остатокъ отъ поступленій, запасный капиталъ, составляли фондъ тѣмъ болѣе значительный, что городъ былъ маленькій и доходы его умѣренные; къ нему прибѣгало государство во всѣхъ нуждахъ“. По всѣмъ этимъ причинамъ, духовнымъ и матеріальнымъ, управленіе сокровищницей Аполлона было самымъ существеннымъ дѣломъ въ Делосѣ.

Четыре должностныхъ лица, избираемые на годъ и различно именовавшіяся въ разныя эпохи, завѣдывали священными сокровищами. Обыкновенно двое изъ нихъ предсѣдательствовали при жертвоприношеніяхъ и религіозныхъ церемоніяхъ, на двухъ другихъ были возложены главнымъ образомъ обязанности административныя, они заботились о поддержаніи храмовъ, завѣдывали имуществомъ движимымъ и недвижимымъ, а также казной. Они же отдають займы подъ проценты свободную наличность, сдаютъ въ наемъ и въ аренду недвижимыя имущества, сдаютъ

на откупъ налоги, сдаютъ подрядчикамъ работы; они хранятъ приношенія, утварь храма и завѣдуютъ общественной казной. Вслѣдствіе этого они, съ одной стороны, окружены самымъ большимъ почетомъ, съ другой, надъ ними устанавливается самый строгій надзоръ. Смѣняясь ежегодно, они обязаны представить отчетъ о своемъ управленіи, доказать, что ни одна вещь не была похищена, оправдать употребленіе ввѣренныхъ имъ суммъ. Передача казны смѣняющимися іеропами и ихъ замѣстителямъ сопровождалась торжественной церемоніей, совершавшейся съ большою помпой; и это легко объяснить: общественный кредитъ могъ пошатнуться. Въ присутствіи сената и должностныхъ лицъ іеропы прежде всего представляли финансовый отчетъ и передавали наличность, затѣмъ они приступали къ передачѣ сокровищъ. Для этого дѣлали общую повѣрку священныхъ предметовъ, пересматривая ихъ одинъ за другимъ, взвѣшивая ихъ, подробно описывая; послѣ этого смѣняющіеся администраторы сдавали казну на руки своимъ преемникамъ, и послѣдніе принимали на себя дѣло на основаніи инвентаря. Наконецъ, списки приношеній доводились до всеобщаго свѣдѣнія и тщательно сохранялись, что было сопряжено тоже съ большими расходами; столбы, на которыхъ они записывались, выставлялись рядами вдоль улицъ и площадей въ наиболѣе почитаемыхъ и въ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстахъ священнаго острова, наглядно свидѣтельствуя передъ всѣми о богатствѣ Аполлона и о благочестіи его поклонниковъ. До раскопокъ Гомоля нѣсколько отрывковъ надписей едва давали воз-

возможность самымъ поверхностнымъ образомъ заглянуть въ интересный механизмъ священнаго управленія. Теперь мы имѣемъ множество самыхъ разнообразныхъ документовъ. Есть отчеты общіе и частичные, реестры доходовъ и расходовъ, контракты по найму и сдачѣ въ аренду, есть надписи, похожія на вѣдомость торговаго дома, гдѣ записывались ввозъ и вывозъ товаровъ, есть полные отчеты о состояніи казны, являющіеся балансомъ священной кассы. На ряду съ этими документами, настоящими приходо-расходными книгами большого банкирскаго дома, не менѣе интереса представляютъ и инвентари; они даютъ намъ точное представленіе о томъ, чѣмъ былъ древній храмъ, т.-е. о томъ, что онъ былъ своего рода музеемъ, гдѣ хранились всевозможные предметы культа и украшеній святилища; они знакомятъ насъ также съ внутреннимъ устройствомъ храма, съ принадлежностями и ритуаломъ священныхъ церемоній. Благодаря множеству документовъ, управленіе священной казной становится для насъ вполне яснымъ и скрытый нѣкогда въ храмѣ музей раскрываетъ передъ нами всѣ свои тайны.

Казна Аполлона, хранившаяся, согласно древнему обычаю, въ глиняныхъ сосудахъ, состояла изъ двухъ частей, подведенныхъ подъ двѣ отдѣльныхъ рубрики: суммы, переданныя іеропамъ ихъ предшественниками, составляли кассовую наличность; суммы, полученные въ теченіе года, составляли поступленія. Доходы, представлявшіе активъ, были довольно значительны и разнообразны. Прежде всего, то были имѣнія и дома, отдаваемые богомъ въ наемъ, поля и пастбища,

сдававшіяся имъ въ аренду; арендная и наемная плата и составляли первую категорію доходовъ. Затѣмъ шли права, уступленныя Аполлону делосскимъ государствомъ: право на ловлю пурпура въ морѣ, прилежающемъ къ священному острову, право на рыбную ловлю въ морѣ и священномъ пруду, право взимать пошлину съ товаровъ, привозимыхъ на Делосъ, и съ судовъ, бросившихъ якорь въ портѣ. Наконецъ, такъ какъ доходы бога съ избыткомъ покрывали расходы, каждый годъ получался излишекъ, отдававшійся за хорошій процентъ въ долгъ городамъ или частнымъ лицамъ. Быть можетъ, спросятъ, былъ ли Аполлонъ пріятнымъ собственникомъ и удобнымъ заимодавцемъ: надписи отвѣчаютъ и на этотъ вопросъ. Аполлонъ сдавалъ дома на всѣ вкусы и на всякія надобности, погреба и мастерскія, лавки для лѣчебныхъ товаровъ и бани, дома для жилья большіе и маленькіе, у него были также всевозможныя земли, поля и пастбища. Но всего больше онъ дорожилъ тѣмъ, чтобы всѣ его владѣнія приносили хорошій доходъ. Управителямъ храма вмѣнялось въ обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ имѣнія были всегда сданы и на самыхъ лучшихъ условіяхъ; такъ какъ сдача въ аренду производилась по однообразному, разъ навсегда установленному договору, найденному при раскопкахъ, намъ извѣстно, каковы были эти условія.

Аренда заключалась на 10 лѣтъ, и наниматель долженъ былъ представить достаточное ручательство. Арендную плату обязаны были вносить въ сроки опредѣленные въ контрактѣ, и за промедленіе платили неустойку: Аполлонъ не любилъ

неаккуратныхъ плательщиковъ. Если неустойка не оказывала дѣйствія, прибѣгали къ болѣе строгимъ мѣрамъ: къ принудительной продажѣ урожая, къ задержанію животныхъ и рабовъ; затѣмъ, если наниматель все же не расплачивался, у него отбирали имѣніе и записывали его имя на столбъ среди должниковъ бога. Аполлонъ въ дѣлахъ не любилъ шутить: если какое-нибудь условіе аренднаго договора не исполнялось, онъ по праву расторгался; если арендаторъ впадалъ въ бѣдность, соглашеніе прекращало свое дѣйствіе на законномъ основаніи. Къ этому надо прибавить, что Аполлонъ въ сущности не былъ очень богатъ. Его земельныя владѣнія носятъ живописныя и звучныя названія: Пруды, Пальмы, Луга, но они были немногочисленны и представляли небольшой доходъ. Наемная плата приносила ежегодно 1700 франковъ, а арендная—7000 франковъ, неважный доходъ для бога. Прибавьте къ этому, что земельныя владѣнія, по мѣрѣ наплыва иностранцевъ въ Делосъ и развитія торговли становилось все труднѣе сдавать въ аренду: на земледѣльческій трудъ, какъ наименѣе выгодный, было немного охотниковъ, и арендная плата стала значительно падать. Правда, въ видѣ справедливаго возмѣщенія поднималась наемная плата за дома. Несмотря на эту прибавку, Аполлонъ былъ недостаточно богатъ, чтобы терпѣть промедленіе своихъ арендаторовъ.

По счастью, займы округляли доходы бога. Храмъ кредитовалъ какъ города, такъ и частныхъ лицъ, и Аполлонъ имѣлъ на всѣхъ Цикладахъ своихъ маленькихъ заемщиковъ. Изъ одного сохранившагося контракта мы видимъ, на ка-

кихъ условіяхъ богъ соглашался давать займы обращающимся за помощью къ его кошельку. Онъ давалъ ссуду на 5 лѣтъ по 10⁰/₀; проценты должны были уплачиваться ежегодно, а возвратъ капитала обязательенъ былъ черезъ пять лѣтъ. Такъ какъ въ подобныхъ дѣлахъ, да еще между Греками, никогда нельзя быть слишкомъ осторожнымъ, богъ получалъ закладную на имѣніе заемщика, требовалъ надежнаго поручительства, и сверхъ всего этого оставлялъ за собой право ареста и принудительной продажи всего имущества заемщика. Даже Делосское государство при заключеніи займа въ священной кассѣ не пользовалось льготами со стороны мудро недовѣрчиваго Аполлона. Надо было представить серьезныхъ поручителей въ уплатѣ долга, выдать храму закладную на общественные доходы; и всѣ эти условія записывались въ официальномъ актѣ, который вручался третьему лицу, обыкновенно одному изъ крупныхъ делосскихъ банкировъ. Изъ этого видно, что Аполлонъ управлялъ своимъ имуществомъ какъ добрый отецъ семейства, и боялся упустить что-либо, что могло принести нѣкоторый барышъ.

Въ хорошо управляемомъ домѣ не пренебрегаютъ никакой прибылью. Поэтому богъ велитъ продавать всѣ приношенія, жертвуемая его храму натурой: гусей, горлицъ, шкуры жертвенныхъ животныхъ. Повсюду у дверей святилища были разставлены пни, игравшіе роль нашихъ кружекъ: это былъ также маленькій доходъ бога. Разъ въ годъ открывали эти сокровищницы,—такъ назывались онѣ въ Делосѣ; но, по видимому, онѣ приносили самый ничтожный до-

ходъ. Таковы были ежегодные доходы Аполлонова храма. Сборщикамъ поручалось собирать ихъ, и въ концѣ года, при заключеніи сборовъ, они вносили ихъ въ священную кассу. Къ этому нужно прибавить пособія, выдававшіяся святилищу государствомъ на праздничные расходы, на хоры и драматическія представленія: какъ видно, театральныя пособія очень древняго происхожденія.

Когда іеропамъ надо было произвести платежи, они брали изъ храмовъ одинъ изъ сосудовъ и въ присутствіи должностныхъ лицъ вынимали оттуда требуемая деньги. Въ самомъ дѣлѣ, расходы были довольно значительные. Прежде всего, надлежало поддерживать священныя зданія, иногда строить новыя; общественныя работы были роскошью, которую позволялъ себѣ Аполлонъ. Само собой разумѣется, что и тутъ соблюдали самую строгую экономію; надлежащія работы отдавались съ публичныхъ торговъ тому, кто соглашался на наименьшую плату; сохранилось нѣсколько контрактовъ относительно этихъ построекъ; тутъ все тщательно предусматрѣно: и матеріаль, и срокъ окончанія работъ, и ручательства, которыя должны были представить подрядчики, и время, и сумма платежей вплоть до малѣйшихъ подробностей исполненія: изъ этихъ торговыхъ сдѣлокъ какъ будто слѣдуетъ, что подрядчикъ не наживался на счетъ бога.

На ряду съ этими тратами, несомнѣнно, самыми крупными въ священномъ бюджетѣ, значились еще расходы по культу. Тутъ было множество маленькихъ тратъ, появлявшихся каждый мѣсяць. То надо чистить храмъ,—столько-то за очистку.

То требовалось украсить цвѣтами жертвенники и зажечь жертвенный огонь, — столько-то за гирлянды, смолу, хворостъ и уголь. То надо устраивать празднества, въ которыхъ участвовали хоры — столько-то за лампы и другія принадлежности, выданныя фигурантамъ. Содержаніе зданій влекло за собой разные расходы: требовались губки, льняныя матеріи, селитра, воскъ, щелокъ для мытья; нуженъ былъ ладанъ, соль, уксусъ и въ особенности масло, которое употреблялось въ огромномъ количествѣ. Наконецъ, были расходы по управленію, шедшіе на покупку пергамента и рѣзьбу на столбахъ.

Это еще не все: надо платить жалованье служителямъ храма. Флейтщица, на примѣръ, получала въ году 120 драхмъ на прокормленіе и 20 на туалетъ. Три музыканта получали 120 драхмъ на прокормленіе и 16 на одежду. Каждый храмъ содержалъ неокоровъ, или ризничихъ, получавшихъ по 120 драхмъ въ годъ, храмъ Аполлона имѣлъ одинъ трехъ ризничихъ; правда, что имъ платили меньше. Затѣмъ былъ еще архитекторъ, получавшій 120 драхмъ, секретарь — 80, еще нѣсколько лицъ, и всѣмъ имъ платили изъ священной кассы.

Впрочемъ, бюджетъ Аполлона сводился съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами. Ежегодный приходъ составлялъ 27000 драхмъ, расходы — приблизительно 21000. Такимъ образомъ, ежегодно оставался излишекъ въ 6000 драхмъ, и богъ пускалъ ихъ въ оборотъ, помѣщая ихъ подъ хорошій процентъ. По одному отчету начала II вѣка кассовая наличность составляетъ болѣе 60000 драхмъ, весь активъ 92000.

Богатство храма не состояло только въ деньгахъ и земляхъ. Къ нимъ присоединялось множество приношеній, представлявшихъ значительную цѣнность. Раньше было сказано, въ какомъ почетѣ находился культъ Аполлона, особенно въ восточныхъ странахъ, съ какимъ рвеніемъ благочестивые цари и частныя лица несли свои дары и подношенія къ подножію жертвенниковъ Делоса. Вообще это не были преходящіе дары, принесенные всего разъ и случайно, каждый годъ съ наступленіемъ обычныхъ празднествъ появлялись и прежнія посольства, нагруженные великолѣпными дарами. Это было вѣчное жертвованіе, назначенное большинствомъ восточныхъ царей святилищу Делоса; поэтому въ дни торжественныхъ празднествъ, устраивавшихся въ ихъ честь и посвященныхъ ихъ имени, Птолемеи, Антигоны и Деметріи выказали бы себя съ плохой стороны, если бы правильно не проявляли своей благодарности какимъ-нибудь великолѣпнымъ даромъ. Частныя лица, крупные торговцы, толпами прибывавшіе на Делосъ, соперничали въ этомъ отношеніи съ царями; наконецъ, сама делосская община дѣлала богатыя приношенія богу, которому была обязана всѣмъ. Покуда продолжалось благоденствіе священнаго острова, никогда не изсякалъ источникъ этихъ приношеній, и вся исторія Делоса вкратцѣ представлена въ этихъ спискахъ, гдѣ перечислены эти дары. Немалое было дѣло сохранять и держать въ порядкѣ такую казну, и этой-то именно необходимости обязаны мы столь интересными и поучительными инвентарями делосскаго народа.

Чиновники, завѣдывавшіе финансами, также и

казной, заботились о томъ, чтобы содержать въ хорошемъ состояніи и сохранять неприкосновенными священныя коллекціи. Отсюда довольно сложная отчетность при приѣмѣ даровъ. Когда вѣрный дѣлалъ приношеніе, жрецъ принималъ его, въ качествѣ представителя бога; онъ записывалъ его во входящій реестръ, затѣмъ отводилъ ему мѣсто въ храмѣ. Обыкновенно оставляли въ отдѣльной группѣ приношенія текущаго года; и только въ концѣ его, при составленіи генеральной описи, ихъ присоединяли къ общему собранію вещей.

Эту-то генеральную опись и находимъ мы въ надписяхъ. Въ концѣ каждаго года дѣлали торжественный осмотръ всѣмъ храмамъ острова. Дѣйствительно, не всѣ приношенія помѣщали въ святилищѣ Аполлона; они встрѣчались и въ храмѣ Артемиды, въ храмѣ Семи статуй, въ Пориносѣ Ойкосѣ, еще въ другихъ мѣстахъ, и всѣ эти зданія, всѣ эти склады находились подъ надзоромъ іероповъ. Въ каждомъ мѣстѣ пересматриваютъ приношенія по послѣдней описи и тщательно провѣряютъ, нѣтъ ли недочета. Чтобы избѣжать малѣйшей ошибки, всякая вещь подробно описана; точно указано мѣсто, гдѣ она помѣщена, близъ дверей ли, у правой или у лѣвой стѣны; кромѣ этихъ главныхъ пунктовъ, отмѣчаютъ еще характерныя черты вещи и опредѣляютъ ея вѣсъ. Дѣло въ томъ, что смѣняющимся должностнымъ лицамъ необходимо доказать, что они передаютъ вклады въ томъ же видѣ, какъ приняли ихъ, а вступающимъ въ исполненіе своихъ обязанностей іеропамъ надо знать положительно, въ какомъ состояніи находится ввѣряемая имъ казна.

Понятно, что эти описи интересны въ разныхъ отношеніяхъ. Прежде всего, они даютъ возможность представить себѣ, какова была внутренность античнаго храма. Сѣни, какъ и само святилище, полны приношеніями; нѣкоторые предметы повѣшены на стѣну, другіе поставлены на землю или лежатъ на столахъ; большая часть помѣщена на полкахъ или на подставкахъ. Вещи хрупкія или драгоцѣнныя заперты въ ларцахъ, маленькія вещи и монеты сложены въ сосудахъ; наконецъ, предметы однородные и изъ одного матеріала обыкновенно сложены вмѣстѣ: такъ золото, серебро, бронза и другіе матеріалы, желѣзо, дерево, мраморъ, изъ которыхъ сдѣланы приношенія, раздѣлены по разрядамъ.

Легко понять, что отъ постояннаго увеличенія числа приношеній въ концѣ-концовъ становилось тѣсно; нѣкоторыхъ вещей нельзя было найти, другія отъ тѣсноты помѣщенія портились. Тогда приступали къ генеральной уборкѣ. Чтобы очистить мѣсто, переносили часть вещей въ другое святилище; остальную часть расплавляли. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ принимавшіяся мѣры, многіе изъ употреблявшихся для богослуженія предметовъ въ концѣ-концовъ снашивались, и обыкновенно ихъ не поправляли. Такимъ образомъ, мало-по-малу накоплялось множество священныхъ предметовъ, вышедшихъ изъ употребленія; и когда количество ихъ становилось слишкомъ обременительнымъ, отъ нихъ избавлялись, отправляя ихъ въ плавку.

Не безъинтересно узнать, изъ какихъ предметовъ состояло это богатство; и это изслѣдованіе въ то же время даетъ понятіе объ устройствѣ и

украшеніи древняго храма. Размѣщеніе вещей дѣлалось не случайно, а на основаніи художественнаго чутья; желали прежде всего, чтобы общій видъ былъ красивъ и достоинъ бога. Съ этой цѣлью по стѣнамъ развѣшивали вѣнки правильными линіями, которые представляли вокругъ храма какъ бы ярко расцвѣченный фризъ; дорогія ткани и разныя драгоценности служили къ украшенію статуи бога; сосуды употреблялись для приданія еще большаго блеска торжественнымъ празднествамъ.

Дѣйствительно, у Аполлона была полная обстановка; прежде всего, у него была своя посуда, свой столовый сервизъ, состоявшій изъ всевозможныхъ сосудовъ и блюдеъ, обыкновенно изъ серебра или золота, и больше всего тутъ было фіаловъ, это своего рода чаши, съ очень разнообразными украшеніями. Въ делосскихъ храмахъ хранилось значительное количество фіаловъ: въ одномъ святилищѣ Аполлона болѣе 1600, гладкихъ или съ украшеніями, чеканенныхъ или съ выпуклой работой, съ украшеніями, изображавшими плоды и листья, животныхъ или людей, золоченыхъ или вороненыхъ, или съ инкрустаціями изъ драгоценныхъ камней. Затѣмъ, были всевозможные сосуды всякихъ наименованій, всякихъ формъ, всякой величины, сосуды для питья и для возліяній; ларцы, курильницы для ладана, лампы, канделябры, люстры, столы для приношеній, ложа для выставки статуй, треножники и многое другое—словомъ, полная обстановка. За столовой посудой слѣдовалъ гардеробъ, множество тканей и драгоценностей, украшеній для причесокъ и вѣнцовъ, матерій, тканей золо-

томъ или пурпуромъ, служившихъ для облаченія бога, а то и жрецовъ его. Статуя Аполлона имѣла на головѣ вѣнецъ, и въ сокровищницѣ хранилось для перемѣны еще діадема; на пальцѣ бога сверкало кольцо; Хариты были также увѣнчаны; еще другая статуя имѣла свои одѣянія и уборы. Затѣмъ слѣдовало множество вѣнцовъ, колецъ, запястій, ожерелій, цѣпей, булавокъ, ушныхъ подвѣсокъ, украшенныхъ драгоценными камнями или камнями рѣзными, брошекъ, ларчиковъ для ароматовъ и притираній, вѣеровъ и опахаль изъ слоновой кости съ золотыми инкрустаціями. Всѣ эти вещи появлялись на свѣтъ божій въ дни торжественныхъ празднествъ и должны были производить удивительное впечатлѣніе. Прибавьте къ этому всякіе профессиональные инструменты: зонды и кадуцеи, луки и колчаны, мечи и шлемы, якоря и рули, множество приношеній вѣрующихъ въ память избѣгнутой опасности. Наконецъ металлическіе слитки и монеты, а въ особенности художественныя произведенія, представлявшія среди приношеній одинъ изъ самыхъ интересныхъ отдѣловъ.

Безъ сомнѣнія, эта часть описей отнюдь не отвѣчаетъ необычайному богатству находокъ, сдѣланныхъ въ Олимпіи,—тутъ насчитываютъ тысячами маленькіе предметы изъ бронзы и большіе не рѣдкость. На Делосѣ, наоборотъ, не нашли почти ни одного предмета этого рода, и въ описи упоминаютъ о нихъ очень рѣдко. Все же и тутъ можно указать на кое-какія интересныя подробности: такъ, напримѣръ, храмъ обладалъ нѣкоторыми произведеніями живописи, мебелью съ раскрашенными панно, и картинами, между

которыми нѣсколько портретовъ. Сокровищница заключала въ себѣ также статуэтки людей и животныхъ изъ золота, серебра или дерева. Наконецъ, хотя большія статуи обыкновенно въ инвентаряхъ не отмѣчаются, все же можно и на ихъ счетъ собрать кое-какія интересныя свѣдѣнія. Въ храмѣ Изиды была статуя египтянки съ младенцемъ на колѣняхъ; въ храмѣ Геры—каменные изображенія, завернутыя въ льняныя ткани; въ другихъ мѣстахъ изображенія Артемиды, Афродиты, Сераписа, а въ храмѣ Агатэ Тюхэ мраморная статуя богини съ золоченымъ рогомъ изобилія въ лѣвой рукѣ, со скипетромъ въ правой и съ вѣнцомъ на головѣ, украшеннымъ драгоценными камнями. Наконецъ, въ инвентаряхъ упоминается статуя Аполлона, и благодаря этому можно возстановить образъ бога, какимъ онъ возвышался въ своемъ храмѣ, какимъ его изваяли нѣкогда древніе мастера Тектей и Ангелій, съ лукомъ въ правой рукѣ и съ тремя граціями—на лѣвой. Въ инвентаряхъ II вѣка встрѣчается намекъ на эту группу и на золотые вѣнцы, которыми царица Стратоника украсила эти четыре фигуры. Слѣдовательно, по всей вѣроятности въ это время еще свято хранили въ святилищѣ примитивныя произведенія; и видно, что статуя была золотая, и можетъ быть, золото было наложено на слоновую кость или на деревянную статую.

V.

Однако эти свѣдѣнія, разсѣянные по инвентарямъ, дали бы намъ скудное понятіе о художе-

ственныхъ богатствахъ Делоса, еслибъ раскопки не возвратили намъ извѣстнаго числа памятниковъ. Конечно, эта археологическая добыча далеко не богата въ сравненіи съ цѣлымъ рядомъ надписей, найденныхъ при изслѣдованіи острова, въ сравненіи также со множествомъ произведеній искусства, покрывавшихъ нѣкогда побережье Делоса. Раньше путешественникъ высаживался на берегъ среди множества статуй, и еще въ XV вѣкѣ Бондельмонте насчитывалъ тысячами мраморные остатки, разбросанные по берегу. Теперь же лишь нѣсколько памятниковъ уцѣлѣло отъ разрушенія; но, несмотря на малое количество, находки эти очень любопытны и представляютъ для исторіи архаическаго искусства исключительный интересъ.

Напомнимъ о статуяхъ, открытыхъ въ аѳинскомъ Акрополѣ и дающихъ намъ возможность изучить послѣдовательныя измѣненія одного и того же художественнаго типа. Рядъ совершенно одинаковыхъ произведеній, не менѣе интересныхъ и еще болѣе великолѣпныхъ, былъ найденъ на Делосѣ, они еще болѣе древняго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, по очень странной и счастливой случайности Делосъ если сравнительно бѣденъ архаическими надписями, зато богатъ очень древней скульптурой, принадлежащей самымъ старымъ греческимъ школамъ, наксосской и хіосской.

Съ середины VII вѣка эти примитивныя школы находились въ полномъ расцвѣтѣ: въ это время онѣ настолько уже подвинулись въ технику мрамора, что въ нихъ нельзя видѣть начинающихъ мастеровъ; въ это время онѣ уже создали

два пластическихъ типа, усвоенныхъ греческимъ примитивнымъ ваяніемъ, и ставшихъ популярными. Одинъ типъ представляетъ человека голаго, стоящаго неподвижно, слегка выставивъ лѣвую ногу, какъ бы готовясь идти; руки висятъ плотно прижатыя къ тѣлу; этотъ типъ встрѣчается въ Ферѣ, Орхоменѣ и Акціумѣ, и въ другихъ мѣстахъ, и мы его изучимъ подробнѣе, когда будемъ говорить о раскопкахъ, сдѣланныхъ въ храмѣ Аполлона Птоосскаго. Другой типъ—женскій, образцы котораго встрѣчаются повсемѣстно, въ Элевсинѣ, въ Паросѣ, въ аѳинскомъ акрополѣ, который уже описанъ нами. Оба типа имѣются и въ Делосѣ; такими съ конца VI вѣка древніе наксосскіе мастера изображали Аполлона и Артемиду. Древняя статуя бога не сохранилась до нашихъ дней, но на ея пьедесталѣ можно прочесть имя изваявшаго ее скульптора Ификартида наксосскаго; это самая древняя подпись художника, какую мы знаемъ. Взамѣнъ того сохранилось древнее изображеніе Артемиды, посвященное богинѣ, какъ гласитъ надпись, высѣченная на камнѣ, Никандрой наксосской; это самая древняя греческая скульптура, какую мы знаемъ. Какъ мы легко можемъ понять, въ этомъ примитивномъ произведеніи VII вѣка отнюдь не слѣдуетъ искать тонкости работы; невозможно представить себѣ что-либо болѣе грубо-наивное. Подъ плотнымъ покровомъ, окутывающимъ всю фигуру, не обрисовывается ни одна линія тѣла; торсъ походитъ болѣе на геометрической чертежъ, чѣмъ на человеческую фигуру; лицо совершенно плоское, очертанія его едва уловимы; во всемъ этомъ

грубомъ и неумѣломъ обрубкѣ чувствуется подражаніе деревяннымъ идоламъ, отчего эта находка и пріобрѣтаетъ интересъ. Она воочію показываетъ намъ древній ξόανον, едва обтесанный, соотвѣтствующій типу самыхъ древнихъ идоловъ, которыхъ пытались сдѣлать похожими на человека, и она показываетъ намъ, какой изобразилъ могущественную богиню Артемиду въ тѣ далекія времена наксосскій ваятель.

На ряду съ наксосской школой Хиосъ даетъ намъ иное, не менѣе любопытное, изображеніе богини. Это—статуя женщины съ діадемой на головѣ и съ крыльями за плечами и на ногахъ. Поза ея странная: неизвѣстно, стоитъ ли она неподвижно или идетъ, на колѣняхъ ли она или во весь ростъ; этой неопредѣленной и условной позой старые ваятели архаической школы старались изобразить быстрое движеніе бѣга. Одежнія тяжелыя и грубыя, торсъ стянутъ своего рода панцыремъ или деревяннымъ корсетомъ; но въ лѣпкѣ головы, отдѣланной съ большою тщательностью, уже видны нѣкоторыя важнѣйшія качества Греческаго искусства. Конечно, тутъ много несовершенствъ и видна неопытность, но уже проявляется искусная техника, уже чувствуется стараніе придать выраженіе фигурѣ и нѣкоторую тонкость чертамъ, и уже замѣтна въ лицѣ, по выраженію Гомоля, „особая прелесть нѣсколько неловкой граціи, отличающей примитивныхъ мастеровъ“. На пьедесталѣ статуи можно прочесть имена скульпторовъ VI вѣка, изваявшихъ эту статую,—Микиадъ и Архермъ Хиосскіе.

Подъ этимъ вліяніемъ, пришедшемъ съ Востока черезъ посредство острововъ, ваяніе развивается

какъ въ Делосѣ, такъ и въ Акрополѣ; и собранныя десять статуй, позой и одеждой безусловно схожихъ съ аѳинскими статуями, еще разъ даютъ намъ возможность прослѣдить послѣдовательное измѣненіе божественнаго типа Артемиды, начиная съ момента его зарожденія вплоть до послѣднихъ дней архаизма. Правда, делосскія богини не имѣютъ несравненнаго блеска молодости дѣвушекъ съ Акрополя. Яркія краски, ихъ покрывавшія, стерлись или потускнѣли, и у большинства изъ нихъ недостаетъ головы, но онѣ представляютъ не меньшій интересъ для изученія пріемовъ Греческаго примитивнаго искусства. Безполезно повторять сдѣланныя нами раньше замѣчанія по поводу аттическихъ мраморныхъ статуй; между статуями делосскими и аѳинскими наблюдается близкое родство, и развитіе обѣихъ группъ происходитъ одинаковымъ образомъ. Тутъ также съ давнихъ поръ типъ установленъ въ его существенныхъ чертахъ, но частичными видоизмѣненіями каждый мастеръ улучшаетъ его; такимъ образомъ форма становится изящнѣе, поза граціознѣе, въ складкахъ одеждъ больше гибкости. Если сопоставить съ примитивнымъ идоломъ самую позднюю изъ архаическихъ фигуръ, если сравнить первое и послѣднее произведеніе этого длиннаго ряда, можно окинуть взглядомъ путь, пройденный отъ середины VII вѣка до первыхъ годовъ V вѣка. Правда, и въ этихъ болѣе новыхъ статуяхъ еще всесильно царитъ архаизмъ, но въ нихъ можно уже найти замѣчательныя техническія пріемы и очень тонкое чувство формы; это уже искусство, а порой почти великое искусство.

Спросятъ, конечно, откуда взялись эти памятники, большинство которыхъ было найдено въ одномъ единственномъ мѣстѣ, въ священной оградѣ Артемиды? Въ инвентаряхъ часто упоминается храмъ о Семи статуяхъ, въ которомъ видятъ первое святилище богини; это какъ разъ число статуй, найденныхъ въ этой части острова, и вѣроятно, благодаря раскопкамъ, мы имѣемъ подлинныя произведенія, нѣкогда украшавшія одинъ изъ самыхъ древнихъ храмовъ Делоса.

Аполлонъ, какъ было указано выше, имѣлъ, подобно Артемидѣ, свои статуи на Делосѣ; но менѣе счастливый, чѣмъ его божественная сестра, онъ намъ гораздо менѣе извѣстенъ, чѣмъ она. Отъ статуй Ификартида сохранился лишь пьедесталь; отъ колоссальнаго Аполлона, сооруженнаго въ VI вѣкѣ наксосцами, осталось лишь основаніе и обломки торса и бедеръ. Прибавьте къ этому архаическую голову въ стилѣ Аполлона Ѳерскаго и двѣ статуи безъ головы, относящіяся къ VI вѣку и представляющія бога въ установленной позѣ, хорошо извѣстной по статуямъ Ѳеры и Орхомена; ничего больше не дошло до насъ изъ многочисленныхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ Аполлону Делосскому множествомъ его поклонниковъ.

Лишнее будетъ останавливаться дольше на нѣкоторыхъ другихъ статуяхъ - портретахъ божествъ, найденныхъ на Делосѣ, равно какъ и на довольно многочисленныхъ статуяхъ III и II вѣка. Всѣ знаменитые ваятели того времени оставили какое-нибудь свое произведеніе на священномъ островѣ, и гавань Итальянцевъ въ особенности полна была этими памятниками. Одинъ

изъ самыхъ замѣчательныхъ изъ нихъ—это статуя воина, работа Агасіи Эфесскаго, родственника создателя Боргезскаго борца, находящагося въ Луврѣ; на ряду съ этимъ мастеромъ надписи называютъ еще въ III вѣкѣ и концѣ II вѣка Телетима и Эвтихида, нѣсколько позднѣе Поликла и Діонисія, Демострата Аѳинскаго и Аристандра Паросскаго. Большинство этихъ ваятелей были Аѳинянами; совершенно естественно, что когда островъ сталъ вновь собственностью Аѳинъ, многіе аттическіе ваятели стали искать счастья въ этомъ богатомъ и роскошномъ городѣ, гдѣ можно было получать много прибыльныхъ заказовъ.

Не останавливаясь на этихъ произведеніяхъ второго разряда, обратимся къ другой декоративной группѣ, найденной въ Делосѣ,—я разумѣю статуи, украшавшія фронтоны храма Аполлона. Дѣйствительно, у подножія святилища передъ восточнымъ и западнымъ фасадомъ отрыли среди другихъ обломковъ шесть статуй одинаковаго размѣра и, очевидно, предназначавшихся для украшенія одного и того же зданія: дѣйствительно, это—произведенія одного стиля, если не одного рѣзца. Не менѣе очевидно, что эти мраморныя украшенія были прикрѣплены къ стѣнѣ: задняя часть сдѣлана очень небрежно, и теперь еще тамъ видны слѣды желѣзныхъ крюковъ, къ которымъ были прикрѣплены статуи; отсюда съ полнымъ вѣроятіемъ можно заключить, что онѣ служили для заполнения тимпана фронтона. Не легко опредѣлить ихъ сюжетъ. На двухъ фасадахъ храма изображена была сцена похищенія; на западной сторонѣ главный мотивъ,

занимавшій центръ фронтона, представляетъ женщину, похищающую мальчика; на восточной— мужчина уноситъ на рукахъ молодую дѣвушку. Вокругъ размѣщены были статуи молодыхъ женщинъ, зовущихъ на помощь или убѣгающихъ отъ похитителя. Но хотя возможно приблизительно возстановить эту сцену, нельзя ее объяснить, и легенда объ Аполлонѣ ничего не сообщаетъ намъ объ эпизодахъ, изображенныхъ на фронтонахъ его храма.

Поэтому приходится ограничиться простымъ указаніемъ на художественную цѣнность и стиль этихъ мраморныхъ произведеній. Достоинство ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Группа, представляющая мужчину, похищающаго молодую дѣвушку, особенно замѣчательна, торсъ женщины, наклоненная голова безподобны. Все полно движенія и жизни, къ тонкости и изяществу исполненія здѣсь присоединяется энергія и мощь выраженія, и въ особенности извѣстная смѣлость въ распланировкѣ группы и въ позѣ фигуръ.

Двѣ статуи молодыхъ дѣвушекъ заслуживаютъ не меньшаго вниманія. Теперь вслѣдствіе порчи мрамора о нихъ иногда судятъ невѣрно и находятъ разные недостатки въ работѣ; въ сущности же фигуры эти очень изящны; очертанія ихъ очень тонки; тѣла, полныя жизни, соединяютъ грацію съ силой; одежды исполнены съ легкостью и искусствомъ. Разумѣется, это произведенія не перваго разряда, равно не принадлежатъ они и къ лучшимъ временамъ аттической школы; несомнѣнно, въ нихъ нѣтъ яснаго величія фронтоновъ Парѣнона, ни утонченнаго изящества,

какое видимъ въ балюстрадѣ храма Безкрылой Побѣды (Никэ Аптеросъ), но тѣмъ не менѣе ихъ нельзя поставить ниже произведеній первой половины IV вѣка, и онѣ вполнѣ заслуживаютъ почетнаго мѣста среди памятниковъ ваянія, созданныхъ Аѳинами въ эту эпоху.

Таковы главные результаты раскопокъ на Делосѣ; и ясно видно, какую выгоду извлекла наука изъ этого дѣла, осуществленнаго почти исключительно французами. Почему же эти замѣчательныя открытія такъ мало извѣстны, за исключеніемъ тѣснаго круга спеціалистовъ и ученыхъ? Почему Франція, сдѣлавшая ихъ, какъ будто ихъ вполнѣ игнорируетъ? Мы не можемъ достаточно нахвалиться удивительными, великими и дорого стоящими предпріятіями, затѣянными Германіей и доведенными до конца въ Пергамѣ и Олимпіѣ; и ослѣпленные блескомъ этихъ великолѣпныхъ открытій, мы легко забываемъ собственные подвиги; мы рѣдко и съ чрезмѣрной скромностью говоримъ о Делосѣ, не потому ли, что изслѣдованія тамъ стоили менѣе дорого и что 20 или 30000 франковъ, истраченныхъ въ 10 лѣтъ, меньше производятъ шума, чѣмъ милліонъ, израсходованный въ долинахъ Олимпіи? Делосъ несомнѣнно заслуживаетъ большей справедливости и большей извѣстности; его имя должно занимать въ исторіи археологическихъ завоеваній столь же значительное мѣсто, что и Олимпія, и Пергамъ. У насъ по крайней мѣрѣ это имя заслуживаетъ полнаго сочувствія; ибо эти раскопки во всякомъ случаѣ дѣлаютъ честь Аѳинской школѣ, руководившей ими, и Франціи, принявшей ихъ.

ГЛАВА VI.

Раскопки въ храмѣ Аполлона Птоосскаго.

(1884—1888.)

Къ западу отъ большой низкой долины, покрытой еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ болотами озера Копай, на небольшомъ разстояніи отъ деревни Кардицы (древней Акрефіэ), находятся недавно открытыя развалины святилища Аполлона Птоосскаго. Тамъ на высокой террасѣ, служившей фундаментомъ зданія, поднимался на склонѣ горы Птоіона дорическій храмъ, посвященный богу, и оракуль его, прославившійся по всей Беотіи, постоянно привлекалъ къ нему толпы вѣрныхъ. По легендѣ, Аполлонъ самъ основалъ это святилище: когда богъ, рассказываетъ Пиндаръ, ходилъ по свѣту, ему случилось разъ остановиться на вершинѣ Птоона: „тутъ, окидывая взглядомъ лежавшую у ногъ его равнину, принялся онъ скатывать съ горы огромныя каменные глыбы; это и есть первое основаніе его храма“. Слава оракула, повидимому, была очень велика въ первобытной Греціи: въ раскопкахъ найдено множество остатковъ бронзовыхъ приношеній, треножниковъ, вазъ, всякаго рода утвари и въ особенности драгоцѣнныя ста-

туэтки архаической эпохи—благочестивые дары, посвященные, какъ гласятъ надписи, Аполлону. Слава святилища была настолькоъ распространена, что на совѣщаніе съ оракуломъ шли изъ далекой Азіи, и жрецы имѣли достаточно сношеній съ заморскими странами, чтобы давать иногда отвѣты на карійскомъ нарѣчій; такъ, когда на Грецію обрушилось персидское нашествіе, Аполлонъ, къ которому, впрочемъ, ахеменидскіе цари выказывали особое почтеніе, пережилъ здоровымъ и невредимымъ это бѣдствіе; больше того, Мардоній не погнушался съ благоговѣйнымъ смиреніемъ просить совѣта у Птоосскаго бога. Позднѣе, послѣ жестокой военной экзекуціи, произведенной Александромъ надъ Фивянами, святилище было менѣе счастливо; любовь народная, повидимому, была имъ утрачена и, какъ кажется, лишь во II-мъ вѣкѣ надъ нимъ возсіяла новая и продолжительная слава. Въ это время священныя игры, устраиваемыя каждые четыре года, вновь привлекаютъ въ храмъ толпы вѣрныхъ; и съ удивительнымъ единодушіемъ—съ нѣкоторыми примѣрами его мы уже встрѣчались—сосѣдніе боги спѣшатъ рекомендовать новое учрежденіе.

Совѣтъ Дельфійской амфиктіоніи провозглашаетъ на время празднованія игръ Птоіа священный миръ, подобный тому, который нѣкогда способствовалъ величію Олимпіи; онъ объявляетъ неприкосновеннымъ всякаго, кто только принимаетъ участіе въ этихъ празднествахъ; онъ признаетъ за святилищемъ Аполлона право убѣжища. Знаменитый оракуль Трофонія въ Лебадеѣ выказываетъ себя не менѣе галантнымъ

въ отношеніи къ Птоосскому богу: въ заявленіи, столь же туманномъ, сколь торжественномъ, онъ говоритъ, что новыя состязанія будутъ признаны священными играми. Итакъ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ святилище, повидимому, непрерывно процвѣтало. Большинство городовъ Беотіи считаетъ за честь участвовать въ празднованіи этихъ игръ и дѣлать храму благочестивыя приношенія; каждые четыре года, когда городъ Акрефізъ отправляетъ по распоряженію Аполлонова пророка посольство, съ порученіемъ пригласить на праздникъ беотійскіе города, со всѣхъ сторонъ стекается народъ, чтобы присутствовать на состязаніяхъ въ музыкѣ, пѣніи и поэзи, устраиваемыхъ въ театрѣ, въ процессіяхъ и торжественныхъ танцахъ, въ блестящихъ пирахъ, даваемыхъ въ продолженіе игръ собравшемуся народу; и сами Аѳиняне, жители такихъ городовъ Пелопонеса, какъ Аргось и Мантинея, такіе отдаленные города Азіи, какъ Эфесь, принимаютъ иногда участіе въ этихъ празднествахъ. Богатыя частныя лица дѣлаютъ вклады, чтобы увеличивать блескъ этихъ игръ. Беотійскій союзъ, который, наравнѣ съ городомъ Акрефізъ, имѣлъ власть и надзоръ надъ святилищемъ, оказываетъ богу всякій почетъ, и вѣрныя спѣшаютъ на совѣщанія съ пророкомъ Аполлона. Еще въ римскую эпоху празднества, повидимому, справлялись съ необычайнымъ блескомъ; среди агонистовъ, предсѣдательствовавшихъ въ тѣ времена на играхъ, былъ богатый Эпаминондъ изъ Акрефізъ, одинъ изъ благодѣтелей города и храма, тотъ самый, который въ Птоосскомъ храмѣ велѣлъ вырѣзать любопытную рѣчь, произнесенную Не-

рономъ въ Коринѣѣ, когда онъ возвращалъ свободу Грекамъ,—любопытный памятникъ императорскаго краснорѣчія, найденный недавно благодаря счастливой случайности.

Въ 1884 г. Морисъ Голло, членъ французскаго археологическаго института въ Аѣинахъ, началъ въ Пердиковрисѣ, надъ деревней Кардицей, раскопки святилища Аполлона Птоосскаго; неоднократно счастливо производимыя раскопки эти очень скоро привели къ самымъ блестящимъ результатамъ. Имъ мы обязаны не только многочисленными надписями, проливающими совершенно особый свѣтъ на культъ Аполлона, на управленіе храмомъ, на устраиваемыя въ его честь игры, но среди развалинъ памятниковъ, найденныхъ въ достаточномъ количествѣ, чтобы дать возможность вѣрно реставрировать зданія, Голло открылъ богатую и очень цѣнную серію мраморныхъ и бронзовыхъ статуй, проливающихъ совершенно новый свѣтъ на исторію греческаго архаическаго искусства и первые шаги его развитія.

Извѣстно, какой значительный интересъ представляютъ для исторіи искусства памятники, позволяющіе прослѣдить послѣдовательныя измѣненія одного и того же типа; раскопки на Делосѣ и въ Элевсинѣ, открытія Акрополя показываютъ, при помощи какихъ медленныхъ и проникновенныхъ изысканій, при помощи какихъ тонкихъ и поучительныхъ видоизмѣненій старыя греческія мастера мало-по-малу усовершенствовали однообразный типъ, долгіе годы служившій образцомъ для изображенія женскаго тѣла. Наряду съ этими женскими фигурами, изображе-

ніями богинь или простыхъ смертныхъ, древніе ваятели Эллады создали также и мужской типъ, долго служившій въ архаическихъ мастерскихъ образцомъ для людей или боговъ, изобразить которыхъ пыталось искусство; многочисленныя образцы, найденныя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ Орхоменѣ и на Терахъ, на Делосѣ и Наксосѣ, въ Акціумѣ и въ Тенеѣ, а также и другихъ мѣстахъ, показали, насколько въ примитивномъ искусствѣ этотъ типъ являлся общимъ для большинства школъ, и дали возможность найти его характерныя черты. Безбородый мужчина, совершенно нагой, стоитъ въ неподвижной и застывшей позѣ, съ руками, опущенными вдоль тѣла, слегка выставивъ впередъ одну ногу; голова поставлена прямо, и длинныя волосы сзади падаютъ на плечи, ложась на нихъ вѣеромъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на важное значеніе сохранившихся образцовъ, этотъ рядъ архаическихъ статуй, въ которыхъ обыкновенно думали видѣть изображеніе Аполлона, былъ еще недостаточно полонъ для глубокаго изученія этого типа. Раскопки въ Пердиковрисы, обогативъ драгоценными памятниками это интересное собраніе, даютъ въ то же время совершенно новыя свѣдѣнія и неожиданную точность въ этихъ трудныхъ изслѣдованіяхъ. Дѣйствительно, онѣ дали намъ—правда, въ болѣе или менѣе изуродованномъ видѣ—но тѣмъ не менѣе очень поучительныя одиннадцать повтореній, почти тождественныхъ, того же самого мотива; и памятники эти, образующіе съ конца VII вѣка и вплоть до третьей четверти VI вѣка почти непрерывный рядъ, указываютъ, какъ примитивные мастера постоянно

усовершенствовали изображеніе мужского типа.

Критскимъ ваятелямъ, работавшимъ въ концѣ VII вѣка въ Пелопонесѣ, приписываютъ обыкновенно изобрѣтеніе этого скульптурнаго типа; въ самомъ дѣлѣ, въ дорическихъ странахъ, гдѣ Аполлонъ почитался національнымъ божествомъ, должно было впервые проявиться стремленіе его изобразить. Подъ вліяніемъ старыхъ мастеровъ Дипіона и Скиллы этотъ первобытный образецъ, вырѣзавшійся еще изъ дерева, распространился въ центральной и сѣверной Греціи и вдохновлялъ дошедшія до насъ архаическія произведенія изъ мрамора. Однако среди этихъ древнихъ скульптуръ съ давнихъ поръ различались двѣ главныя группы; Аполлоны еерскіе и те-нейскіе общимъ сложеніемъ тѣла, съ сильно выпуклыми чертами лица, дѣланной, натянутой улыбкой, кривящей губы, значительно отличаются отъ статуй Орхомена и Акціума. Несомнѣнно, образцомъ служилъ одинъ и тотъ же первобытный типъ; но въ разныхъ областяхъ, куда онъ былъ занесенъ, онъ былъ свободно истолкованъ, сообразно съ мѣстными вкусами, и сталъ исходной точкой оригинальнаго художественнаго развитія. Это самымъ нагляднымъ образомъ доказываютъ статуи въ Пердиковрисси,—онѣ представляютъ столь многочисленныя аналогіи съ орхоменскимъ типомъ, что нельзя не видѣть въ нихъ ярко выраженнаго отпечатка туземнаго искусства, и такимъ образомъ эти драгоценныя мраморныя статуи, уже съ удивительной точностью показавшія намъ приемы, благодаря которымъ греческіе ваятели хоть и медленнымъ путемъ, но пришли къ усовершенствован-

нію одного изъ излюбленныхъ образцовъ первобытныхъ мастеровъ, оказываютъ намъ еще ту услугу, что знакомятъ насъ, при помощи единственной въ своемъ родѣ серіи памятниковъ, съ архаическимъ искусствомъ въ Беотіи, до сихъ поръ почти намъ неизвѣстнымъ.

Отдаленные зачатки этого скульптурнаго типа должно несомнѣнно искать въ деревянныхъ образцахъ; этими грубыми обрубками вдохновлялся создатель изваянія изъ туфа, несомнѣнно самой древней находки Птоона, вполне зачаточной скульптуры, напоминающей древнихъ идоловъ, не имѣющихъ еще человѣческой фигуры, этихъ грубо высѣченныхъ боговъ въ видѣ колонны или столба, которымъ поклонялась въ своемъ наивномъ благочестіи первобытная Греція. Въ Аполлонѣ Орхоменскомъ видны еще пріемы деревянной скульптуры; хотя мраморъ начинаетъ замѣнять первобытный матеріалъ, хотя безформенный и безполый обрубокъ уже принимаетъ нѣкоторую неопредѣленную человѣческую форму, все же чувствуется въ этой древнемъ изваяніи живой слѣдъ идола, вырѣзаннаго изъ узкой доски; плоскостями, прерѣзанными съ почти геометрической точностью, широкими, внезапно пересѣкающимися поверхностями, намѣчалъ старый мастеръ очертанія торса, безсознательно примѣняя къ мрамору начальную технику деревянной скульптуры. Плоскій толстый профиль свидѣтельствуетъ о прежней неопытности, неуваженіе къ анатоміи доказываетъ скорѣе вліяніе школьной традиціи, нежели непосредственное изученіе человѣческаго тѣла; тѣмъ не менѣе, несмотря на неумѣлость исполненія, видно наивное стараніе превратить въ живую фи-

гуру примитивный ксоанонъ, а въ солидной структурѣ тѣла можно уже отмѣтить относительную вѣрность пропорцій. Этимъ усовершенствованнымъ типомъ должны были широко пользоваться беотійскіе мастера, и нѣсколько обломковъ, найденныхъ въ храмѣ Аполлона Птоосскаго, несомнѣнно современны Аполлону Орхоменскому. Однако это примитивное искусство не остается долго на одномъ мѣстѣ: каждый мастеръ стремится какой-либо новой искусной чертой придать старому образцу больше гибкости и жизни; и незамѣтными переходами, но все же быстро, беотійскіе ваятели подвигаются впередъ. Одинъ высѣкаетъ эту интересную каменную голову, найденную въ 1885 г. въ Пердиковрисы, которая грубоватой работой и сухимъ остовомъ свидѣтельствуется одновременно и о недавнемъ еще вліяніи техники по дереву, и о близкомъ родствѣ съ Аполлономъ Орхоменскимъ, но которая по своей грубой энергіи и оригинальности выраженія уже указываетъ на дѣйствительный успѣхъ; конечно, произведеніе полно недостатковъ, но также и добрыхъ намѣреній и обѣщаній; подъ неопытной еще рукой чувствуется пламенное желаніе наблюдать природу и подражать ей, сознательная искренность, которой безусловно не вѣдалъ орхоменскій ваятель. Такимъ образомъ, переходя незамѣтно отъ успѣха къ успѣху, благодаря раскопкамъ Голло, мы можемъ прослѣдить этотъ путь въ его мельчайшихъ подробностяхъ,—примитивный типъ преображается и утончается. Посмотрите на длинный рядъ древнихъ статуй, украшавшихъ храмъ Птоона; всѣ, за малымъ

исключеніемъ, воспроизводятъ тотъ же типъ, а между тѣмъ каждая изъ нихъ отмѣчаетъ хоть и не быстрый, но все же шагъ впередъ. Одна изъ лучше всего сохранившихся статуй изъ этой серіи еще очень близко напоминаетъ мраморное изваяніе Орхомена: та же поза, то же строеніе, то же лицо, та же техника, а между тѣмъ въ произведеніи виденъ несомнѣнный успѣхъ. Конечно, отъ изображенія этого еще вѣетъ холодомъ; анатомія его въ зачаточномъ видѣ, рисунокъ чисто-условный, но уже ваятель ищетъ понравиться, уже видна въ немъ забота о сохраненіи граціи и изящества, замѣтны честолюбивыя желанія, которыхъ не зналъ его суровый предшественникъ; если въ его произведеніи и нѣтъ жизни, во всякомъ случаѣ наивное неумѣніе его не лишено нѣкоторой прелести. Еще нѣсколько лѣтъ, и это упорное стремленіе къ достиженію пластической правды будетъ увѣнчано чуть ли не полнымъ успѣхомъ. Въ прекрасномъ мраморномъ торсѣ, видимо принадлежащемъ второй половинѣ VI вѣка, линіи уже болѣе гибкія и закругленныя, тѣло мягче и плотнѣй; но въ особенности—и это большая новость—фигура выходитъ изъ своей традиціонной неподвижности; руки, до тѣхъ поръ словно пришитыя къ тѣлу, свободно отдѣляются и протягиваются впередъ. Разумѣется, въ этой фигурѣ видна еще большая неопытность, видно самое ограниченное знаніе анатоміи. Но уже въ этомъ мраморномъ изваяніи, какъ и въ Аполлонѣ Тенейскомъ, относящемся къ той же эпохѣ, чувствуется, что устарѣвшія традиціи уступаютъ мѣсто лучше понятой правдѣ. „Произведенія этого времени,—

какъ говоритъ Голло, — нравятся намъ менѣе тѣмъ, что мы въ нихъ видимъ, нежели тѣмъ, о чемъ они намъ позволяютъ догадываться; они особенно привлекаютъ своими обѣщаніями, видимыми несмотря на ихъ несовершенство, тѣмъ грядущимъ, которое они намъ возвѣщаютъ, возбуждаемымъ въ насъ довѣрчивымъ ожиданіемъ скорого появленія совершенныхъ произведеній“.

Что особенно замѣчательно въ произведеніяхъ беотійской школы—это искренность работы, преслѣдующей безъ всякой предвзятой мысли, безъ всякой системы, безъ малѣйшаго слѣда дѣланности, такъ ясно отмѣченной въ Аполлонѣ Тенейскомъ, лишь одну пластическую правду, слѣдуя скорѣй навѣтамъ природы, нежели научнаго метода; это желаніе разнообразить позы, придать гибкость движеніямъ, стремленіе хотя бы и неумѣлыми нововведеніями порвать съ скучнымъ однообразіемъ традиціонныхъ типовъ. Конечно, рука часто измѣняетъ мастеру; умѣніе не соотвѣтствуетъ наивной смѣлости представленія; тѣмъ не менѣе произведенія эти нравятся своей естественностью, непосредственностью, и порой достигающимъ цѣли усиліемъ. Въ этомъ заключается интересъ одной любопытной мраморной головы, произведеніе второй половины VI вѣка, архаизмъ которой, уже усовершенствованный, отмѣченъ захватывающей прелестью. Въ ней можно различить всѣ оригинальныя качества беотійской школы: овалъ лица, нѣсколько выдающійся профиль, очень выпуклые глаза, въ особенности сдержанная усмѣшка указываютъ на стараніе художника видоизмѣнить условный типъ; помимо этого, работа часто превосходная, очертанія столь же

же мягкія, сколь точныя, попытка сдѣлать лицо выразительнымъ—все это показываетъ, что стараніе художника не осталось безплоднымъ. Отъ этой фигуры вѣтъ чистотой, почти величіемъ, и среди архаической скульптуры Беотіи она заслуживаетъ выдающагося мѣста.

Съ давнихъ поръ на ряду съ неподвижнымъ Аполлономъ, котораго мы видимъ въ длинномъ рядѣ статуй Пердиковрисы, старые ваятели Греціи въ своемъ страстномъ желаніи порвать съ однообразіемъ освященныхъ традицій, создали другой типъ бога, такого же безбородаго и обнаженнаго, какъ прежній, но въ болѣе свободной и живой позѣ; въ этомъ новомъ изображеніи обѣ руки, отдѣленныя отъ туловища начиная отъ локтя, протянуты впередъ, и въ каждой рукѣ по какому-нибудь атрибуту, обыкновенно лукъ и стрѣлы. Задолго до того, какъ знаменитое произведеніе Канаха, Аполлонъ Милетскій, дало этому мотиву повсемѣстное распространеніе, мастера архаической школы любили воспроизводить этотъ типъ; и одно очень древнее бронзовое произведеніе, открытое въ Птоонѣ, грубой, почти дѣтски неумѣлой работы, съ тяжелыми плоскими формами, съ страннымъ почти безформеннымъ лицомъ, представляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ этого второго разряда изображеній. Нѣсколько другихъ бронзовыхъ статуэтокъ относятся къ той же серіи; но въ то время, какъ большія мраморныя статуи, воздвигнутыя въ оградѣ Птоона, почти всѣ вышли изъ рукъ мѣстныхъ ваятелей, бронзовыя статуэтки, болѣе удобопереносимыя, были привезены изъ многихъ различныхъ мѣстъ, скопившись въ святи-

лицѣ бога; судя по родинѣ жертвователя, онѣ принадлежать различнымъ художественнымъ школамъ, и вслѣдствіе этого являются для насъ крайне поучительными. Одна изъ нихъ еще очень архаическаго вида, но твердо и умѣло очерченная, отдѣланная до мельчайшихъ подробностей, изящная до утонченности, но нѣсколько дѣланная и холодная, по странному сходству позы, типа и прически напоминаетъ статуэтку Аполлона, открытую въ Наксосѣ и приобрѣтенную Берлинскимъ музеемъ; обѣ—произведенія конца VI вѣка, и общій ихъ видъ нѣсколько сухой; ихъ нѣсколько чрезмѣрная точность, повидимому, указываетъ, что онѣ вышли изъ дорической мастерской Пелопонеса. Другая, наоборотъ, хотя воспроизводитъ тожественный мотивъ и относится приблизительно къ той же эпохѣ, по работѣ существенно отличается отъ своей сосѣдки: формы тяжелыя и четырехугольныя; очень ясно выраженный типъ лица разительнымъ образомъ напоминаетъ мраморныя фигуры беотійской школы; и, несмотря на наивность, доведенную до смѣшного, несмотря на неумѣніе и явную несостоятельность, произведеніе это нравится своей естественностью, лишенной всякой дѣланной систематичности. Тутъ находишь всѣ черты примитивной беотійской скульптуры: стремленіе къ оригинальному, отсутствіе всякой предвзятости, поразительную искренность работы, и тѣмъ самымъ статуэтка эта представляетъ разительный контрастъ съ пелопонесскими произведеніями. Разумѣется, въ послѣднихъ больше умѣнья; и порой, какъ, напримѣръ, въ женской фигуркѣ, найденной въ Птоонѣ и принадлежащей той же школѣ, въ нихъ видно любопытное смѣшеніе

дѣланнаго архаизма съ почти совершеннымъ изяществомъ, но имъ не хватаетъ непринужденности, въ ихъ изяществѣ чувствуется упорное прилежаніе, слѣпое уваженіе къ условностямъ школы. Беотійская статуэтка не знаетъ этихъ тонкостей, но взамѣнъ ихъ обладаетъ естественными качествами, силой и энергіей; „это твореніе самопроизвольное и поспѣшное, не вполнѣ удачное, конечно, но во всякомъ случаѣ свѣжее и сдѣланное со вкусомъ“. Этимъ она дополняетъ намъ представленіе, какое мы уже составили себѣ по мраморнымъ статуямъ Птоона, о примитивныхъ ваятеляхъ въ Беотіи. „Въ нихъ меньше таланта, — говоритъ Голло, — чѣмъ чувства, мало умѣнія, но много искренности; если произведенія ихъ очень далеки отъ пластическаго совершенства, зато они близки къ природѣ; они не имѣютъ никакого понятія о томъ, чему можно научиться, но инстинктивно обладаютъ нѣкоторыми изъ качествъ, которыхъ нельзя пріобрѣсти путемъ обученія“.

Что придаетъ нѣкоторымъ изъ этихъ статуй еще другой интересъ, это то, что онѣ несомнѣнно воспроизводятъ твореніе большого стиля, быть можетъ Аполлона Филезскаго, изваяннаго Канахомъ Сикіонскимъ въ концѣ VI вѣка для храма Дидима въ Милетѣ. Нѣкоторыя древнія воспроизведенія этой знаменитой статуи, такъ, напри- мѣръ, Пайнъ-Найтъ въ Лондонѣ, Аполлонъ Странгфордскій въ Британскомъ музеѣ, наконецъ, рѣдкостная бронза изъ Піомбино, находящаяся въ Луврѣ, даютъ намъ довольно вѣрное понятіе о творчествѣ пелопонесскаго ваятеля. Богъ изображенъ въ стоячей позѣ, безъ бороды и совершенно нагой; онъ слегка выставилъ лѣвую ногу, руки отъ локтя приподняты, въ одной изъ нихъ

лукъ, въ другой—молодой олень, въ характерномъ положеніи, созданномъ архаическими мастерами. Волосы короткіе, вьющіеся на лбу, сзади падали густой волной и симметричными прядями ложились на грудь, глаза были сдѣланы изъ серебра или драгоценныхъ камней. Крайне связанное еще условностями примитивнаго искусства, произведеніе Сикіонскаго ваятеля хранить много слѣдовъ прежней неподвижности и окоченѣлости, однако въ его Аполлонѣ національныя черты уже утончены, могучія формы свидѣтельствуя о болѣе серьезномъ изученіи природы, и если выраженіе еще нѣсколько равнодушно-шаблонное, какое мы находимъ въ прекрасной архаической головѣ Аполлона, открытой въ Геркуланумѣ, во всякомъ случаѣ огроменъ успѣхъ, благодаря которому въ нѣсколько лѣтъ примитивные мастера могли пройти долгій путь, отдѣляющій произведенія Канаха отъ грубаго и сухого Аполлона Орхоменскаго.

Благодаря раскопкамъ Птоона найдена статуя изъ паросскаго мрамора, въ которой нельзя не признать копію съ бронзы Канаха. Представляя разительное сходство съ Аполлономъ изъ Піомбино и съ странгфордскимъ мраморомъ, но нѣсколько болѣе древняго происхожденія, чѣмъ эти два повторенія Аполлона Дидимейскаго, статуя изъ Пердиковрисы принадлежитъ къ переходному времени отъ примитивной архаической скульптуры къ скульптурѣ эгинской; она несомнѣнно относится къ концу VI вѣка и нѣсколько древнѣе, чѣмъ фигуры западнаго эгинскаго фронтона, съ которыми она, впрочемъ, представляетъ много аналогичнаго. Въ этой статуѣ, дѣйствительно, не видишь легкости и свободы нѣсколько

поверхностной беотійской школы, ни тонкаго изящества и бьющей ключомъ жизни аттическихъ произведеній, цѣнность этой фигуры въ анатомической правильности, въ тщательномъ изученіи всѣхъ подробностей мускулатуры, въ строгости отдѣлки, въ правильности и простотѣ общаго строенія: и этимъ она напоминаетъ стиль эгинской школы. Какъ во всѣхъ мраморныхъ произведеніяхъ Эгины, исполненіе головы далеко ниже тѣла, она не такъ законченна, выраженіе почти отсутствуетъ, она также свидѣтельствуетъ о сильномъ вліяніи старыхъ школъ Пелопонеса. Въ этомъ дорическомъ произведеніи, видимо вдохновленномъ бронзой Канаха, любопытно видѣть, кромѣ повторенія типа знаменитой статуи, одно изъ послѣднихъ видоизмѣненій, которымъ греческое архаическое искусство подвергло типъ Аполлона.

Въ общемъ трудѣ о раскопкахъ, предпринятыхъ въ храмѣ Аполлона Птоосскаго, Голло познакомитъ насъ еще со многими другими памятниками, которыхъ намъ невозможно перечислить. Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы хотѣли только отмѣтить огромный интересъ этого недавняго изслѣдованія, проливающего такой яркій свѣтъ на приемы греческаго архаическаго искусства и обнаруживающаго въ цѣломъ рядъ значительныхъ памятниковъ медленнаго превращенія, черезъ которыя прошелъ одинъ изъ излюбленнѣйшихъ типовъ примитивныхъ мастеровъ, и на упорныя усилія старыхъ школъ Пелопонеса и Беотіи, любознательное прилежаніе которыхъ въ соединеніи съ оригинальными качествами приготавливали полный расцвѣтъ эллинскаго искусства.

ГЛАВА VII.

Раскопки въ Олимпіи.

(1875—1881.)

I.

Въ западной части Пелопонеса, въ мѣстности, называвшейся въ древности Элидой, вдоль береговъ Алфея тянется равнина, шириной около 1000 метровъ, со всѣхъ сторонъ окруженная невысокими холмами; черезъ узкую ложбину рѣка находитъ выходъ изъ высокихъ горъ Аркадіи, и тутъ, словно успокоившись, медленнѣй и не такъ стремительно катитъ свои волны; она извивается фантастическими изгибами, образуя на пути своемъ множество маленькихъ островковъ и принимая въ себя по дорогѣ всѣ притоки, текущія къ ней съ сѣвернаго склона долины; изъ нихъ самый значительный называется Кладеемъ. У слиянія этихъ двухъ рѣкъ, у лѣсистаго подножія горы Кроніона или Олимпа Элидскаго воздвигнутъ былъ въ древности знаменитый Олимпійскій храмъ; и въ этой-то маленькой долинѣ, вокругъ святилища Зевеса, устраивались самыя знаменитыя игры древней Греціи. Если вѣрится наивнымъ легендамъ жрецовъ, происхожденіе этихъ игръ относится къ тѣмъ далекимъ време-

намъ золотого вѣка, когда Зевсъ былъ младенцемъ, отецъ его Сатурнъ правилъ міромъ, и сами боги не гнушались принимать участіе въ этихъ играхъ; на нихъ Юпитеръ оспаривалъ скипетръ у Сатурна, Аполлонъ побѣдилъ въ бѣгѣ Гермеса и въ борьбѣ Ареса. Позднѣе,—говоритъ легенда—Пелопсъ, сынъ Тантала, придалъ Олимпійскимъ играмъ совершенно новый блескъ, благодаря знаменитому происшествію, когда онъ съ помощью Зевса одолѣлъ царя Эномая и женился на прекрасной Гипподаміи. Исторія эта извѣстна, она принадлежитъ къ числу самыхъ славныхъ событій изъ прошлаго Олимпіи, и искусство увѣковѣчило память объ ней на одномъ изъ фронтоновъ храма. Эномай царь элидскій, имѣлъ, по сказанію, дочь Гипподамію, и дельфійскій оракуль возвѣстилъ ему, что онъ умретъ въ самый день свадьбы своей дочери. Твердо рѣшивъ вслѣдствіе этого не соглашаться ни на какое сватовство, царь нашель удобный способъ отдѣлаться отъ жениховъ: онъ приглашалъ ихъ на состязаніе въ бѣгѣ, начальнымъ пунктомъ котораго былъ жертвенникъ Зевса въ Олимпіи, конечнымъ—жертвенникъ Нептуна въ Коринѣ; на протяженіи этого довольно долгаго пути могло случиться много происшествій, и обыкновенно мѣткое копье царя освобождало его дорогой отъ противника. Когда въ свою очередь явился Пелопсъ, сынъ Тантала, онъ оказался болѣе счастливымъ и въ особенности болѣе искуснымъ; будучи очень богатымъ, онъ подкупилъ возницу Эномая, и тотъ опрокинулъ своего господина; побѣжденный царь съ отчаянія лишилъ себя жизни; послѣ этого Пелопсъ женился на Гиппо-

даміи, занялъ опустѣвшій тронъ и, желая выказать богамъ свою благодарность, возстановилъ съ небывалымъ блескомъ Олимпійскія игры. По другимъ рассказамъ, Геркулесъ, побѣдивъ Авгія, царя Элиды, принесъ въ долину Алфея въ честь отца своего Зевса торжественныя жертвы; изъ жертвеннаго пепла онъ воздвигъ богу жертвенникъ и въ священной оградѣ, которую онъ обнесъ стѣной, впервые устроилъ Олимпійскія состязанія. Наконецъ, въ IX вѣкѣ одинъ мѣстный царь, Ифитъ, установилъ сроки священнаго перемирія, позволявшіе безпрепятственно устраивать эти празднества. Съ тѣхъ поръ, по торжественному договору, принятому всѣми народами Пелопонеса, олимпійская территория стала нейтральнымъ государствомъ, куда былъ запрещенъ доступъ всякой вооруженной толпѣ, и неприкосновенность которой охранялась сообща всѣми Греками. Отнынѣ безопасность Олимпа была освящена и величіе его упрочено; малоизвѣстный мѣстный праздникъ одной изъ областей Пелопонеса долженъ былъ стать для Эллады національнымъ учрежденіемъ, и элійцы показали свой здравый смыслъ и свою благодарность, воздвигнувъ на самомъ красивомъ мѣстѣ святилища, при входѣ въ храмъ Зевса, статую стараго царя Ифита, вѣнчаемаго Экехеріей, богиней, олицетворяющей священный миръ, которому Олимпъ былъ обязанъ своимъ благосостояніемъ.

Всѣмъ извѣстно, какъ Олимпійскія игры стали національнымъ праздникомъ Греціи и какъ, періодически повторяясь каждые четыре года, онѣ, начиная съ 776 года, легли въ основаніе единственной хронологической системы, общей для всей

Эллады,—системы Олимпіадъ. Дѣйствительно, болѣе другихъ эллинскихъ игръ, болѣе, чѣмъ игры немейскія и истмійскія, болѣе даже, чѣмъ празднества Аполлона въ Дельфахъ, торжества Зевса Олимпійскаго служили національнымъ центромъ греческаго міра. Со всѣхъ побережій богомольцы толпами стекались сюда. Дорійцы и іоняне, жители Аѳинъ, Спарты и Өивъ, не взирая ни на какое соперничество или ненависть, среди своихъ самыхъ ожесточенныхъ войнъ, забывали на время съ приближеніемъ этихъ празднествъ свои старые раздоры, и на этомъ мирномъ сборномъ пунктѣ, гдѣ всѣ сходились и встрѣчались, проводили нѣсколько дней въ полномъ ладу. Получить награду на Олимпійскихъ играхъ считалось болѣе важнымъ, чѣмъ добиться какой-бы то ни было иной славы; и могучіе владыки того времени, цари далекой Кирены и тираны Сициліи, главы могучихъ аристократій Коринѳа, Аргоса и Өессаліи, богатые граждане демократическихъ городовъ, не имѣли большаго честолюбія, какъ получить награду въ Олимпѣ на бѣгахъ колесницъ. Ни трудности мореплаванія, ни дальность пути, ни близкая опасность отъ нашествія иноземцевъ не могли уменьшить пылъ Эллиновъ къ этимъ величайшимъ народнымъ собраніямъ Греціи; даже въ то самое время, когда Леонидъ умиралъ геройской смертью въ Өермопилахъ, Греки, собравшись на Олимпѣ, продолжали, не смущаясь, священныя игры въ честь своихъ боговъ. Дѣло въ томъ, что всѣ эти упражненія на ристалищахъ, эти побѣды на аренѣ имѣли въ Эллинскомъ античномъ мірѣ совершенно иное значеніе, чѣмъ у насъ. Долгая тренировка тѣла,

которой подчинялись побѣдители Олимпійскихъ игръ, это страстное увлеченіе гимнастикой, выработывавшей атлетовъ и бѣгуновъ, являлось гораздо большимъ, чѣмъ простой забавой; оно входило въ систему воспитанія и являлось почти долгомъ въ отношеніи отечества, такъ какъ, благодаря этимъ упражненіямъ, отечество получало образцовыхъ солдатъ и доблестныхъ гражданъ. „Съ такими людьми, какъ побѣдители на Олимпійскихъ играхъ, не нужно стѣнъ“, гласило древнее изреченіе; и, дѣйствительно, атлеты, получившіе въ награду вѣнокъ изъ дикой маслины, прославлялись на ряду съ самыми великими полководцами; они съ торжествомъ вступали въ свой родной городъ, и побѣда ихъ, подобно самымъ великимъ военнымъ удачамъ, являлась видимымъ знакомъ покровительства боговъ.

Отсюда понятенъ быстрое развитіе Олимпійскихъ игръ. Прибавьте къ этому, что на эти великія собранія Греціи, на это международное мѣсто встрѣчъ Эллинскаго богопочитанія никто не являлся съ пустыми руками. Всякій спѣшилъ съ благоговѣніемъ принести свой даръ къ подножію жертвенника Юпитера Олимпійскаго; вокругъ святилища каждый городъ воздвигалъ статуи въ честь своихъ атлетовъ-побѣдителей, каждый городъ послѣ какой-нибудь удачи посвящалъ богу, какъ десятую часть добычи, какой-нибудь памятникъ съ краснорѣчивой надписью, напоминавшей будущимъ поколѣніямъ славу и благочестіе воздвигшихъ его. Всѣ великія политическія событія, волновавшія греческій міръ, равно и всѣ превратности судьбы обогащали новыми приношеніями олимпійскій храмъ;

цари, тираны и города въ своемъ тщеславіи соперничали другъ съ другомъ въ щедрости, величайшіе греческіе художники работали надъ произведеніями, тысячами покрывавшими площадь и террасы священной ограды, и эти собранія приношеній, это множество мраморныхъ и бронзовыхъ статуй, собранныхъ подъ большими деревьями, окружавшими святилище, представляли изъ себя несравненный музей, самый знаменитый и самый прекрасный во всей Греціи. Еще въ римскую эпоху, когда, впрочемъ, эти празднества уже въ значительной степени утратили былой блескъ, посѣтители Олимпіи возвращались оттуда ослѣпленные всѣми ея чудесами и множествомъ статуй—ихъ насчитывали болѣе 3000,—составлявшихъ нѣмую, но удивительную свиту олимпійскаго бога. Павзаній, въ десяти книгахъ давшій описаніе всей Греціи и лишь одну посвятившій памятникамъ Аттики, останавливается, пораженный и восхищенный, передъ сокровищами Олимпіи и посвящаетъ цѣлыхъ двѣ книги, быть можетъ самыхъ любопытныхъ изъ всего его труда, перечисленію произведеній искусства, статуй боговъ, героевъ и атлетовъ, накопленныхъ благочестивыхъ приношеній, жертвенниковъ, памятниковъ и храмовъ, тѣснившихся въ священной оградѣ.

Такъ велика была слава олимпійскихъ игръ, что онѣ пережили даже торжество христіанства. Хотя далеко не на вершинѣ своей былой славы, онѣ просуществовали до конца IV вѣка, до того дня, когда испанецъ Θεодосій вступилъ на престоль цезарей. Этому ревностному христіанину пришлось начать жестокую борьбу съ поверженными богами

язычества, и, дѣйствительно, въ 393 г. священныя игры были отпразднованы въ послѣдній разъ. Въ слѣдующемъ году императорскимъ указомъ онѣ были запрещены навсегда; въ прекрасной и мирной долинѣ Олимпіи все смолкло вокругъ храма Зевса; храмы, опустошенные въ пользу столицы, должны были предоставить Константинополю свои самыя рѣдкостнѣйшія чудеса; между ними Юпитеръ Фидія, нѣкогда искусившій артистическій диллетантизмъ Калигулы, сталъ добычей императорскаго любостыжанія; перенесенный въ Византію, онъ, при случившемся тамъ нѣсколько позднѣе пожарѣ, погибъ безвозвратно. Однако храмы продолжали стоять, много памятниковъ оставалось на своихъ освященныхъ мѣстахъ; быть можетъ, языческіе жрецы еще совершали въ Альтисѣ обычное поклоненіе своимъ богамъ, когда готы Алариха нахлынули на Пелопонесъ. Окруженные у самыхъ окрестностей Олимпіи императорскими войсками, они, конечно, не пощадили богатствъ святилища; однако, еще въ 426 году храмы оставались нетронутыми, въ этомъ году императоръ Θεодосій II велѣлъ сжечь зданія Олимпіи. Теперь боги пали навѣки. Но человѣческія руки не въ состояніи были бы разбросать по землѣ гигантскія глыбы и огромныя колонны языческихъ памятниковъ въ томъ видѣ, какъ ихъ нашли. Природа взяла на себя окончательно привести въ исполненіе императорскіе указы, и землетрясенія, столь частыя въ Пелопонесѣ, рушили то, чего не могли поколебать люди. Въ 522 году въ первый разъ, и вновь 9 іюля 551 года страшныя катастрофы разразились на Востокѣ; Патрасъ, Навпактъ, Коринѣъ были пре-

вращены въ грудѣ развалинъ, въ то же время погибла и Олимпія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ среди развалинъ сохранялась жалкая деревушка подъ защитой византійской крѣпости, построенной послѣ нашествія готовъ вокругъ храма Зевса; нѣсколько бѣдныхъ жилищъ, церковь да могила однѣ напоминаютъ этихъ темныхъ жителей павшей Олимпіи, да по монетамъ видно, что они оставались тамъ приблизительно до VII вѣка. Затѣмъ воцарилось молчаніе, а съ нимъ и забвеніе. Славянскіе завоеватели, занявшіе Пелопонесъ, французскіе бароны, основавшіеся на полуостровѣ Мореѣ, венеціанцы, турки, всѣ прошли не оглядываясь мимо могилы, гдѣ былъ погребенъ священный городъ Олимпіи; и природа, такъ хорошо умѣющая цѣлить и врачевать, медленно, но неуклонно прикрывала зеленымъ покровомъ и налетомъ песка зіяющія раны развалинъ. Пришлось копать на пять, на шесть метровъ глубины, чтобы докопаться до развалинъ разрушенныхъ зданій Олимпіи.

Очень долго приписывали полное исчезновеніе памятниковъ Олимпіи наводненію, причиненному разливомъ Алфея. Въ самомъ дѣлѣ, объ этой грозной рѣкѣ съ давнихъ поръ ходила недобрая слава; и эллинская мифологія, съ любовью сохранявшая въ своихъ легендахъ и преданіяхъ великія явленія природы, уже рассказывала, съ какой бѣшеною страстью рѣчной богъ, влюбившись въ нимфу Аретузу, безъ устали преслѣдовалъ ее въ волнахъ Іоническаго моря, вплоть до далекихъ береговъ Сициліи. Такимъ образомъ, этому бѣшеному потоку охотно приписывали поглощеніе Олимпіи и долго льстили себя на-

деждой открыть подъ иломъ этой рѣки Олимпію такой, какой она была во дни своей славы, подобно Помпеѣ, открытой нетронутой подъ пепломъ Везувія. Увы, отъ этой надежды пришлось отказаться. Въ дѣлѣ уничтоженія памятниковъ Алфей принялъ самое малое участіе; но христіанскіе поселяне, основавшись среди развалинъ, варварски распорядились зданіями священной ограды, и оскѣданія почвы, частыя въ этой части Греціи, мало-по-малу dokonчили работу смерти. Со склоновъ горы Кроніона, поднимающейся съ сѣверной стороны надъ Олимпіей, огромныя глыбы обсыпались на строенія, прислоненныя къ горѣ. Кладей, прорвавъ плотины, которыми древніе урегулировали его теченіе, въ одинъ прекрасный день проложилъ себѣ путь черезъ Альтисъ; наконецъ, Алфей унесъ своимъ теченіемъ низкія береговыя полосы сосѣднихъ съ нимъ земель: и до раскопокъ, предпринятыхъ въ послѣднее время, Олимпія представляла изъ себя лишь однообразную и пустынную степь, гдѣ глазъ не могъ встрѣтить и слѣда ея былого великолѣпія. Въ 1723 году въ первый разъ Олимпія вышла изъ забвенія, въ которомъ находилась; и первый французъ—не бесполезно напомнить объ этомъ—обратилъ всеобщее вниманіе на эту почву, гдѣ нѣмецкая наука сдѣлала съ тѣхъ поръ столько славныхъ открытій. Въ письмѣ отъ 14 іюня 1723 года ученый бенедиктинецъ Монфоконъ, поздравляя кардинала Квирини, только что назначеннаго епископомъ Корфу, распространялся о прекрасныхъ открытіяхъ, которыя тотъ, благодаря своему назначенію, можетъ сдѣлать въ древней области Корфу, въ Кефалоніи и

Занте; затѣмъ онъ прибавлялъ: „Но все это ничтожно сравнительно съ тѣмъ, что можно найти на берегахъ Мореи, противъ этихъ острововъ. Это—древняя Элида, гдѣ праздновались олимпійскія игры, гдѣ воздвигалось множество памятниковъ въ честь побѣдителей, статуй, барельефовъ, надписей. Земля должна быть начинена ими, но что совсѣмъ необычайно, это то, что, какъ мнѣ думается, никто еще не дѣлалъ изысканій въ этомъ мѣстѣ“. Позднѣе Винкельманъ выражалъ то же желаніе: „Я увѣренъ,— писалъ онъ, что въ Элидѣ можно собрать жатву, которая превзойдетъ всякія ожиданія, и что основательное обслѣдованіе этой мѣстности прольетъ яркій свѣтъ на исторію искусства“. И, не довольствуясь произнесеніемъ этихъ пророческихъ словъ, неутомимый археологъ, ставшій, по остроумному замѣчанію одного современника, католикомъ, чтобы лучше изучить Римъ, и охотно ставшій бы мусульманиномъ, чтобы изслѣдовать Олимпію, проповѣдовалъ для успѣха своей идеи цѣлый крестовый походъ, стараясь заинтересовать въ этомъ предпріятіи владыкъ римской церкви, и вплоть до дня своей смерти (1768 году) онъ знакомилъ своихъ многочисленныхъ друзей со своимъ излюбленнымъ планомъ. „Чего дѣйствительно хочешь,— говорилъ онъ—то становится вполнѣ возможнымъ, а это дѣло не менѣе близко моему сердцу, чѣмъ моя исторія искусства“.

Вмѣстѣ съ Винкельманомъ смерть унесла въ могилу и его проектъ. Но въ это же самое время въ первый разъ оксфордскій богословъ Ричардъ Чендлеръ посѣтилъ въ 1766 году развалины Олимпіи и возвѣстилъ ученому міру, что въ

этомъ затерянномъ уголкѣ Пелопонеса существуютъ остатки большого храма дорическаго стиля. Вслѣдъ за нимъ французскій путешественникъ Фовель, получившій отъ маркиза де Шузель-Гуфье археологическую командировку, открылъ въ этихъ развалинахъ храмъ Юпитера Олимпійскаго; впрочемъ, въ это время святилище служило для сосѣднихъ деревень каменоломней, куда вслѣдствіе, прискорбной привычки, уничтожившей столько античныхъ памятниковъ, приходили за камнями для построекъ и находили ихъ совсѣмъ отесанными и вполнѣ готовыми. Съ этихъ поръ толчокъ былъ данъ; другіе путешественники, изслѣдовавшіе Пелопонесъ между 1801 и 1808 годами, въ свою очередь объявили, что тутъ можно было ожидать самыхъ блестящихъ открытій; въ это же время Катремеръ де Кинси работалъ надъ своей книгой объ Олимпійскомъ Юпитерѣ Фидія; и по его совѣтамъ, и при поддержкѣ французской Академіи лордъ Спенсеръ Стенгопъ издалъ въ 1824 году первую полную карту Олимпійской области.

До тѣхъ поръ однако, не предпринимали никакихъ раскопокъ. И опять на долю Франціи—не надо этого забывать—выпала честь сдѣлать первое систематическое изслѣдованіе этихъ развалинъ. Извѣстно, какъ въ 1829 году во время войны за независимость Эллиновъ правительство Карла X послѣ Наваринскаго сраженія высадило на Пелопонесъ отрядъ войскъ подъ командой маршала Мезона. Какъ раньше экспедиція Бонапарта въ Египетъ, такъ и экспедиція въ Морею сопровождалась ученой миссіей; и въ то время какъ саперные офицеры составляли карту полу-

острова, а естественники изучали его флору и фауну, комиссія археологовъ и художниковъ, подъ руководствомъ архитектора Авеля Блуэ изслѣдовала античные памятники. Между пунктами, на которые академія обращала особенное вниманіе миссіи, первое мѣсто занималъ олимпійскій храмъ; и дѣйствительно, предпринятая тутъ раскопки позволили менѣе чѣмъ въ шесть недѣль найти всѣ необходимые элементы для полной реставраціи храма, изданной Блуэ въ его прекрасномъ трудѣ объ экспедиціи въ Морею. Кромѣ того, несмотря на то, что Дюбуа плохо руководилъ раскопками, открыли обломки изваяній, имѣющихъ большое значеніе и обогатившихъ луврскій музей, и между ними прекрасную метопу, изображающую Геркулеса, укрощающаго критскаго быка; метопа эта представляетъ одно изъ самыхъ удивительныхъ произведеній античнаго ваянія. Несмотря на такое счастливое начало, работы были скоро пріостановлены: говорили, что въ пріостановкѣ этой играла роль зависть грековъ, и будто Каподистрія, бывшій тогда президентомъ временнаго правительства, запретилъ раскопки, лишавшія Грецію части ея національной славы. Можетъ быть, имѣется болѣе прозаическое и болѣе простое объясненіе: лѣтнія жары могли несомнѣнно принудить миссію прекратить работы, а отъѣздъ экспедиціи не позволилъ возобновить ихъ осенью.

Какъ бы то ни было, раскопки эти во всякомъ случаѣ показали, что украшенія храма Зевса не всѣ погибли, и что среди обломковъ можно было отыскать произведенія мастеровъ, потрудившихся для великолѣпія храма. Поэтому всѣ,

кто посѣщаль Олимпію, упорно требовали возобновленія раскопокъ, которыя не могли не быть плодотворными. Белэ не разъ выражалъ желаніе, чтобы французское правительство снарядило новую экспедицію, его не слушали. Знаменитому берлинскому профессору Эрнсту Курціусу больше посчастливилось. Призванный въ 1844 году вслѣдствіе счастливыхъ обстоятельствъ къ исполненію обязанности воспитателя прусскаго принца, онъ сумѣлъ съ 1852 года, благодаря своей знаменитой рѣчи, возбудить благосклонное вниманіе своего царственнаго воспитанника и заинтересовать его этимъ предпріятіемъ; и юный принцъ, выказывавшій съ тѣхъ поръ умъ развитой и свободолюбивый, проявленный позднѣе благороднымъ и несчастнымъ Фридрихомъ III, обѣщаль, что сумѣетъ, когда настанетъ время, помочь этому предпріятію. Время пришло послѣ войны 1870 года, когда новая германская имперія захотѣла къ своей военной славѣ прибавить славу мирныхъ дѣлъ, когда въ особенности казна стала полна до краевъ; тогда и Курціусъ получилъ наконецъ необходимыя средства на изслѣдованіе Олимпіи, и 25 апрѣля 1874 года, по заключенной съ эллинскимъ правительствомъ конвенціи, Германія получила разрѣшеніе предпринять раскопки. Имперское правительство принимало на свой счетъ всѣ расходы. Греція оставляла за собой всѣ могущія быть найденными вещи.

Не торгуясь, нѣмецкій рейхстагъ вотироваль первый кредитъ въ 200.000 франковъ; но греки не слишкомъ торопились утверждать договоръ. Аѳинское археологическое общество протесто-

вало, палата и общественное мнѣніе колебались, не довѣряя нѣмцамъ. Никто не могъ повѣрить, что предпріятіе, преслѣдовавшее исключительно ученую цѣль, можетъ не обогатить берлинскихъ коллекцій хоть единымъ кускомъ мрамора; уже и въ 1876 году, годъ спустя послѣ начала раскопокъ, одна важная греческая особа тайно поздравляла одного нѣмецкаго ученаго съ безпримѣрной ловкостью, съ какой его соотечественники вывозили изъ Греціи олимпійскій мраморъ. Грековъ можно было извинить: воспоминаніе о лордѣ Эльджинѣ, увезшемъ изъ Парѣнона скульптурныя произведенія, — это одна изъ тѣхъ вещей, которыхъ народъ не можетъ забыть. Пришлось также долго бороться съ упрямыми патриотами, возмущавшимися, что позволяли иностранцамъ выкапывать шедевры античной Греціи; однако 11 ноября 1875 года окончательно приняли конвенцію. Уже съ мѣсяць (4 октября 1875 г.) какъ было приступлено къ раскопкамъ.

Ихъ продолжали безъ перерыва въ теченіе шести кампаній до 20 мая 1881 года, благодаря щедрости нѣмецкаго правительства, благодаря великодушію германскаго кронпринца, не разъ жертвовавшего изъ своей шкатулки, благодаря восьми или девяти стамъ тысячъ франковъ, которыя Германія — это должно признать — сумѣла найти и истратить на исключительно научное предпріятіе, не доставившее ея музеямъ ни единого памятника. Цѣлыхъ шесть лѣтъ подъ рядъ ежегодно отъ октября до мая, 300 рабочихъ занимались этимъ громаднымъ дѣломъ, состоявшимъ въ расчисткѣ на пять, на семь метровъ въ глубину не только священной ограды храма,

собственно Альтиса, обширнаго прямоугольника длиною въ двѣсти и шириною въ сто семьдесятъ пять метровъ, но еще многочисленныхъ зданій, окружавшихъ святилище и предназначенныхъ для управленія храма, для игръ, составлявшихъ славу Олимпіи, для помѣщенія иностранцевъ, привлекаемыхъ этими празднествами. Сто тридцать статуй и мраморныхъ барельефовъ, тринадцать тысячъ бронзовыхъ предметовъ, шесть тысячъ монетъ, четыреста надписей, около тысячи глиняныхъ предметовъ, сорокъ памятниковъ—такова была удивительная добыча изслѣдователей; и едва ли надо прибавлять, какое важное значеніе и какой огромный интересъ имѣютъ для исторіи и архитектуры грековъ эти достопримѣчательныя раскопки. Теперь всѣ эти художественныя богатства наполняютъ галереи музея, воздвигнутаго въ Олимпіи щедротами великодушнаго эллина Зингроса; и благодаря имъ, мы можемъ теперь, какъ нѣкогда благочестивые богомольцы, стекавшіеся къ святилищу Зевса, обозрѣвать собраніе всѣхъ этихъ памятниковъ, быть можетъ, единственное въ мірѣ, составлявшее раньше античную Олимпію. Благодаря современнымъ раскопкамъ, великій священный городъ возникаетъ передъ нашими глазами такимъ, какимъ его видѣлъ и описалъ Павзаній, и мы не только можемъ отыскать точный планъ зданій, но и оживить эти развалины, возсоздать эти разрушенные храмы и вновь увидать Олимпію такой, какой она была въ счастливые дни своей славы, и во всей первоначальной свѣжести ея памятниковъ.

II.

Природа чудеснымъ образомъ приспособила Олимпію къ ея будущей судьбѣ, одаривъ долину Элиды несравненнымъ очарованіемъ. Съ сѣверной стороны горы Ахеи и альпійскія плоскогорья Аркадіи защищали ее отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ; съ юга каменная громада Мессеніи умѣряла зной жгучихъ южныхъ вѣтровъ; лишь въ единственную брешь, открытую къ морю, мягкое влажное дуновеніе запада проникало въ рѣчную долину, гдѣ возвышалась Олимпія. Поэтому на вершинѣ холмовъ, замыкающихъ равнину, въ прекрасно орошенной долинѣ, образующей ихъ основаніе, растительность была изобильная и роскошная, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ у подножія горы Кроніона воды Кладея сливались съ водами Алфея. На возвышенностяхъ темнѣли чащи сосенъ, отѣняя своей зеленью ландшафтъ; въ долинѣ густой лѣсъ осѣнялъ святилище своей листвою, благодаря чему ограда Олимпіи получила наименованіе Альтиса, что значитъ священная роща. Вдоль платановыхъ аллей, подъ высокими деревьями ютилось множество памятниковъ и храмовъ; могучіе бѣлые стволы серебристыхъ тополей осѣняли могилу Пелопса; вокругъ ипподрома и ристалища росли густолиственные оливы; вездѣ кругомъ по склону холмовъ виноградъ, оливы и мирты переплетали свою листву, а луга по долинѣ, покрытые весной яркими, разноцвѣтными анемонами, дѣлали изъ олимпійскаго святилища благоуханно свѣжій цвѣтущій пріютъ. Одинъ аѳинскій ораторъ утверждаетъ, что Олимпія построена въ самой прекрасной

части всей Греціи; и, дѣйствительно, житель сухой и безплодной Аттики не могъ не восхищаться при видѣ прелестной зеленѣющей долины Алфея. Что касается насъ, мы несомнѣнно находимъ больше оригинальности и очарованія въ строгой красотѣ аттического пейзажа, въ этихъ линіяхъ Парнаса и Пентеликона, такъ отчетливо и гармонично вырисовывающихся на ясномъ вечернемъ небѣ, въ этихъ высокихъ голыхъ горахъ, гдѣ лишь одна маслина отбѣняетъ своей блѣдной листвою общее однообразіе фона, но которыя, вспыхнувъ подъ солнцемъ, загораются такими роскошными, такими удивительными красками; граціозный олимпійскій пейзажъ съ его мягкой, такъ сказать умѣренной красотой, съ его смѣющейся привѣтливой миловидностью меньше поражаетъ насъ и трогаетъ. Но для древнихъ грековъ, влюбленныхъ, какъ теперешніе мусульмане, въ цвѣты, въ зелень и тѣнь листвы, онъ представлялъ съ своими рощами и текущими водами необыкновенно подходящую рамку для памятниковъ, воздвигавшихся въ оградѣ, и для справлявшихся тамъ празднествъ.

Теперь предположимъ, что въ одинъ изъ такихъ прекрасныхъ дней, посвященныхъ этимъ торжественнымъ увеселеніямъ, мы прибываемъ въ Олимпію, подобно древнему богомольцу, по одной изъ семи большихъ дорогъ, соединявшихъ святилище съ остальной Греціей, на примѣръ, по самой знаменитой изъ нихъ, по Священной дорогѣ, или по дорогѣ Олимпійской, ведшей черезъ равнину изъ Элиды въ Олимпію и соединявшейся на берегу Алфея съ дорогой, шедшей отъ моря и отъ гавани. Это была пре-

лестная аллея, по бокамъ украшенная маленькими храмами, статуями, гробницами, благоухающими отъ изобилія цвѣтовъ рощами, и вела она, подобно аллеѣ какого-нибудь парка, къ правому берегу Кладея. Переправимся черезъ потокъ и въ углу, образуемомъ Кладеемъ при сліяніи его съ Алфеемъ, у подножія горы Кроніона, возвышающейся надъ нимъ съ сѣверной стороны, при чемъ склоны ея покрыты мѣстами зданіями, мы найдемъ священный городъ Олимпію. Онъ состоитъ изъ двухъ частей: съ одной стороны священная ограда Альтиса, обнесенная съ трехъ сторонъ бѣлой стѣной, съ другой — многочисленныя зданія, построенныя вокругъ ограды; тутъ владѣнія боговъ, тамъ учрежденія, приготовленныя для забавы или удобства богомольцевъ.

Нѣсколько воротъ ведутъ въ ограду. Пройдемъ однимъ изъ трехъ входовъ, устроенныхъ въ западной стѣнѣ и ведущихъ къ Альтису при помощи подземнаго выхода посрединѣ, и двухъ болѣе обширныхъ проходовъ, устроенныхъ по его двумъ концамъ. Входъ юго-западный, это — торжественныя ворота, какими священная процессія проходитъ въ святилище; они ведутъ насъ къ террасамъ, окружающимъ главный памятникъ ограды, одно изъ самыхъ изумительныхъ чудесъ Олимпіи—великій храмъ Зевса. Это прекрасное зданіе дорическаго стиля, приблизительно современное Парѣенону; оно имѣетъ шестьдесятъ четыре метра въ длину и двадцать высоты и фасадъ его украшенъ шестью колоннами; на фронтонахъ прекрасная скульптура, по преданію приписываемая Пеонію и Алкамену; въ центрѣ (центральной части храма) находилась статуя изъ

золота и слоновой кости, произведеніе Фидія, изображавшая Зевса Олимпійца во всемъ его спокойномъ царственномъ величіи.

Не будемъ останавливаться при этомъ быстромъ осмотрѣ на множествѣ памятниковъ и статуй, покрывающихъ площадь передъ храмомъ и на каждомъ шагу повторяющихъ образъ владыки боговъ; прежде всего направимся къ самому священному изъ всѣхъ памятниковъ въ оградѣ—къ большому жертвеннику овальной формы, занимающему центръ Альтиса, гдѣ, по преданію, была принесена первая жертва Зевсу. Онъ состоитъ изъ двухъ, одинъ надъ другимъ, этажей: изъ широкаго кругообразнаго помоста, гдѣ закалывали жертвы и изъ второй террасы, цѣликомъ образованной изъ жертвенныхъ остатковъ и увѣнчанной жертвенникомъ, гдѣ сжигали тѣла жертвенныхъ животныхъ. Тутъ-то жрецы Зевса, охваченные священнымъ экстазомъ, предсказывали будущее, тутъ истинный центръ олимпійскаго культа. Впрочемъ, сама его высота—семь метровъ—увеличивавшаяся съ каждымъ годомъ, свидѣтельствовала какъ о древности происхожденія, такъ и о горячей преданности поклонниковъ верховнаго владыки Альтиса.

Если съ этого центрального пункта окинуть взглядомъ различные памятники священной ограды, то прежде всего увидишь къ сѣверу отъ храма Зевса Пелопіонъ, или гробницу Пелопса, высокій курганъ, насыпанный надъ прахомъ героя; передъ его оградой былъ портикъ, открытый на западъ; далѣе находилось святилище Геры, очень древній храмъ дорическаго стиля, полный всякихъ приношеній, статуй и разныхъ

рѣдкостей; тамъ показывали игрушку Гипподаміи и знаменитый ларець изъ кедроваго дерева, съ дорогими инкрустаціями изъ золота и слоновой кости, куда былъ спрятанъ своей матерью коринѣскій тиранъ Кипсель; тамъ можно было полюбоваться на чудесный столъ, куда возлагались вѣнки побѣдителей, шедевръ художественной промышленности у грековъ; тамъ же была и рѣдкостная статуя Праксителя—Гермесь, несущій младенца Діониса,—случайно найденная при раскопкахъ. Далѣе виднѣлся еще третій храмъ, также дорическаго стиля, посвященный матери боговъ и называвшійся Метроономъ, и, наконецъ, къ западу отъ храма Геры еще два зданія: кругообразная ротонда, выстроенная Филиппомъ Македонскимъ послѣ Херонейской битвы—изящное зданіе іоническаго стиля, украшенное статуями изъ золота и слоновой кости, изображавшими Филиппа и сына его Александра,—и пританей, гдѣ устраивались торжественные пиры.

Надъ этими памятниками на террасѣ, возвышавшейся на три, четыре метра, и куда всходили по широкимъ лѣстницамъ, находился рядъ строеній, громоздившихся по склону Кроніона,—то были тринадцать сокровищницъ, воздвигнутыхъ нѣкоторыми городами для пріема и храненія въ нихъ дорогихъ приношеній, посвящавшихся ими Зевсу. Тутъ также посѣтитель могъ подивиться на безчисленное множество рѣдкостей: въ сокровищницѣ сикіонцевъ показывали мечъ Пелопса и два большихъ бронзовыхъ ларца, принесенные въ даръ тираномъ Мирономъ; въ сокровищницѣ сиракузцевъ можно было видѣть дары, присланные Гелономъ въ память побѣды

его надъ кареагенянами. Затѣмъ шли сокровищницы другихъ городовъ великаго греческаго союза и Сициліи, Метапонта и Сибариса, Селинунта и Гелы, и сокровищница Мегары, отъ которой нашли цѣнные обломки украшеній. Наконецъ, къ западу отъ этого ряда строеній находился любопытный памятникъ римской эпохи—полукруглое зданіе, или экседра, передъ которымъ въ широкой бассейнѣ вливались воды изъ водопровода, это былъ очень цѣнный подарокъ, сдѣланный Олимпіи риторомъ Иродомъ Аттикомъ. Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ источникъ не бьетъ въ окрестностяхъ Альтиса, и въ лѣтнюю пору деревья подвергались большому риску погибнуть отъ засухи, равно страдали и богомольцы, стекавшіеся сюда во время празднествъ. Такимъ образомъ, элидскіе инженеры съ давнихъ поръ были крайне озабочены устройствомъ цистернъ и водопроводовъ, чтобы снабжать Олимпію водой во время засухи и сохранять необходимую влагу для святилища. Иродъ Аттикъ захотѣлъ сдѣлать лучше: онъ отвелъ теченіе одного изъ притоковъ Алфея и съ помощью большого водопровода направилъ его на склонъ горы Кроніона, откуда воды распредѣлялись по всему Альтису. Вокругъ экседры возвышалась двадцать одна мраморная статуя, а на памятникѣ можно было прочесть имя Региллы, жены Ирода Аттика, памяти которой онъ посвятилъ это сооруженіе.

Съ восточной стороны вдоль ограды Альтиса тянулся длинный портикъ. Это былъ Пойкиле или галлерейя Эхо, получившая свое названіе отъ необыкновеннаго эхо, повторявшаго до семи разъ произнесенныя слова. Съ этого мѣста, гдѣ можно

было укрыться отъ жгучихъ лучей солнца и дурной погоды, открывался чудесный видъ на все святилище, и богомольцы толпами тѣснились тутъ во время Олимпійскихъ празднествъ. Передъ Пойкиле тянулась агора, покрытая статуями, жертвенниками и приношеніями, и на ней же длинная трибуна, параллельная портику, вѣроятно, предназначавшаяся для должностныхъ лицъ; быть можетъ, она служила также для публичныхъ чтеній, такъ какъ туда приходили самые знаменитые писатели Эллады, ораторы и философы, историки и поэты и читали свои произведенія собравшимся грекамъ. Къ югу отъ Пойкиле тянулась другая галерея, — портикъ Агнапта, прямо противъ жилища Гелланодиковъ; иногда въ этомъ зданіи помѣщали почетныхъ гостей, тамъ остановился и Неронъ, когда прибылъ въ Олимпію.

Прибавьте теперь ко всѣмъ этимъ памятникамъ множество жертвенниковъ, которые помѣщались въ священной оградѣ, и которые ежемѣсячно обходили процессіи жрецовъ; Павзаній насчитываетъ ихъ отъ шестидесяти до восьмидесяти, и каждый изъ нихъ требовалъ по крайней мѣрѣ ежемѣсячной жертвы. Прибавьте еще благоговѣйно сохраняемыя въ святилищѣ реликвіи, какъ, на примѣръ, маслина, посаженная Геракломъ, или старая деревянная колонна изъ дома Эномая. Еще прибавьте множество статуй, воздвигавшихся богамъ, въ особенности Зевсу, различными народами Греціи, между ними статуя, посвященная побѣдителями при Платеѣ; на ея основаніи были вырѣзаны имена городовъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ; или еще огромное изображеніе въ девять метровъ вы-

соты, принесенное въ даръ элійцами въ память ихъ побѣды надъ Аркадіей. Другіе памятники говорили о вѣроломствахъ, совершенныхъ во время игръ нѣкоторыми атлетами; такъ, у подножія террасы сокровищницъ цѣлый рядъ изображеній бога, называвшихся з а н а м и, былъ воздвигнутъ на деньги, наложенныя въ видѣ штрафа на провинившихся. Къ этому надо еще прибавить множество приношеній въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на примѣръ, передъ храмомъ Зевса, сплошь покрывавшихъ Альтисъ статуями. Здѣсь надъ западными террасами, можно было видѣть хоръ изъ тридцати пяти бронзовыхъ дѣтей, посвященный городомъ Мессиной, тамъ дальше группы дѣтей изъ камня, произведеніе Каламиса, принесенныя въ даръ Зевсу жителями Агригента. Еще дальше была группа Онатаса, изображавшая греческихъ героевъ, бросавшихъ жребій, кому достанется честь сразиться съ Гекторомъ, и огромная статуя Геракла въ 5 метровъ высоты, и великолѣпные дары сицилійца Микиѳа, воспитателя дѣтей Анаксилая изъ Регіума, и бронзовый быкъ эретрійцевъ и въ особенности Побѣда Пэонія, принесенная въ даръ мессенцами изъ Навпакта, сохранившаяся до нашихъ дней. Еще прибавьте безчисленное множество статуй атлетовъ, изображенія квадригъ и коней побѣдителей,—примите во вниманіе, чтобы достойно оцѣнить этотъ несравненный музей, что всѣ эти произведенія изъ мрамора и бронзы были отмѣчены именами величайшихъ мастеровъ.

Снаружи Альтиса было еще много другихъ зданій, предназначенныхъ для празднованія игръ,

для помѣщенія гостей и служащихъ при храмахъ. На восточной сторонѣ находилось ристалище, тянувшееся у подножія горы Кроніона на протяженіи ста девяносто двухъ метровъ; оно соединялось съ священной оградой сводчатымъ проходомъ, служившимъ для процессіи атлетовъ и судей на состязаніяхъ; въ томъ же кварталѣ между ристалищемъ и берегомъ Алфея находился гипподромъ длиною въ семьсотъ семьдесятъ метровъ, но онъ почти совершенно исчезъ, благодаря частымъ наводненіямъ. Къ югу отъ святилища поднимался Булевтерій, гдѣ во время празднествъ засѣдалъ олимпійскій сенатъ; это было любопытное сооруженіе состоявшее изъ четырехугольнаго двора съ двумя пристройками по бокамъ, заканчивавшимися хорами; на югъ отъ этого зданія тянулась обширная площадка, откуда открывался видъ на дальніе берега Алфея, на лужайку, покрытую во время игръ безчисленной толпой, надъ которой стоялъ шумъ и крикъ мірскихъ увеселеній, неразлучныхъ со всякими религіозными празднествами. Тутъ же триумфальныя ворота съ тремя проѣздами, продѣланная во времена римлянъ въ южной стѣнѣ Альтиса; однако съ самага основанія дворець сената имѣлъ непосредственное сообщеніе съ священной оградой.

Наконецъ, на западѣ, вдоль Кладея—прочныя плотины задерживали и регулировали его теченіе—находились большой гимнастическій залъ, окруженный портиками, изъ нихъ одинъ имѣлъ двѣсти-десять метровъ длины, и нѣсколько дальше—палестра, куда состязающіеся на играхъ приходили оканчивать свои подготовительныя упражненія. Къ югу отъ этого зданія группиро-

вались дворцы жрецовъ, Теоколеонъ, родъ монастыря съ цѣлымъ рядомъ келій, выходившихъ на четырехугольный дворъ, и рядомъ съ нимъ была часовня, или Героонъ, посвященный легендарнымъ предкамъ олимпійскаго класса жрецовъ. Дальше находилась мастерская Фидія, прямоугольное сооруженіе той же формы и почти тѣхъ же размѣровъ, какъ и целла храма Зевса; наконецъ, къ юго-западу отъ ограды былъ Леонидеонъ, обширное зданіе, окруженное портиками, гдѣ во время игръ оказывали особое гостепріимство исключительно важнымъ посѣтителямъ, какъ, напримѣръ, римскому правителю Ахаіи. Дѣйствительно, во время этихъ торжественныхъ собраній Греціи надо было озаботиться о помѣщеніи если не всего множества богомольцевъ, располагавшихся лагеремъ въ долину, то во всякомъ случаѣ о помѣщеніи важныхъ особъ, царей, государственныхъ людей, начальниковъ торжественныхъ посольствъ, которые своимъ присутвіемъ оказывали честь олимпійскимъ играмъ. Они помѣщались въ Леонидеонѣ у почетныхъ воротъ Алтиса въ самомъ красивомъ мѣстѣ Олимпіи, откуда открывался удивительный видъ на чудесную картину, какую представлялъ тогда изъ себя священный городъ.

III.

Въ этомъ-то мѣстѣ каждые четыре года, ко времени наступленія великихъ празднествъ, собирались греки, чтобы присутствовать на знаменитыхъ играхъ, превращавшихъ Олимпію на нѣсколько дней въ столицу Эллинскаго міра. Всѣмъ извѣстно, какой глубокой интересъ возбуждали

эти состязанія, какое значеніе имѣли для древнихъ тѣлесныя упражненія, какую славу стяжали на аренѣ побѣдители-атлеты. „Какъ вода—наилучшій изъ элементовъ, какъ золото—наидрагоценнѣйшій металлъ для смертныхъ, какъ свѣтъ и жаръ солнца превосходитъ всякій другой свѣтъ и жаръ, такъ нѣтъ болѣе славной побѣды, какъ побѣда на Олимпійскихъ играхъ“, говоритъ Пиндаръ. Само собой разумѣется, среди всѣхъ этихъ упражненій на олимпійскихъ ристалищахъ, приводившихъ въ восторгъ самую отборную греческую знать, многія показались бы намъ теперь крайне грубыми, и извѣстнаго сорта удалъ самыхъ выдающихся атлетовъ могла бы до извѣстной степени напомнить подвиги ярмарочныхъ борцовъ. Однако въ наши дни, когда тѣлесныя упражненія начинаютъ занимать въ школахъ подобающее имъ мѣсто, когда школьныя игры овладѣваютъ всеобщимъ вниманіемъ, и возрожденіе физическое, повидимому, признается средствомъ возрожденія нравственнаго и его дополненіемъ, не будетъ лишнимъ сказать нѣсколько словъ о способѣ, какимъ древніе поддерживали бодрость тѣла, развивая его гибкость и изящество, и о томъ, какимъ образомъ античная гимнастика, на ряду съ нѣкоторыми профессиональными борцами, настоящими героями ристалищъ, умѣла воспитать и затѣмъ представить на восхищеніе греческихъ патріотовъ, на олимпійскихъ поляхъ, наиболѣе отборныхъ воиновъ, равно и наиболѣе достойныхъ гражданъ.

А между тѣмъ происхожденіе Олимпійскихъ игръ было самое скромное. Первоначально по традиціи, шедшей отъ основателей игръ, пред-

лагалась одна единственная премія, назначался одинъ единственный конкурсъ на бѣга, состоявшій въ томъ, чтобы разъ пробѣжать пространство ристалища въ его длину. Мало-по-малу, для разнообразія и усложненія игръ, чтобы увеличить заманчивость празднествъ и привлечь на нихъ большее количество зрителей, къ первоначальнымъ состязаніямъ присоединились другія упражненія. Къ различнаго рода бѣгамъ—ихъ вводили постепенно—присоединили пентатлонъ, т.-е. пять различныхъ испытаній: бѣга, метанія диска и копья, прыганія и борьбы; потомъ борьба цеста или кулачный бой; нѣсколько позднѣе, въ 680 году, установлены были упражненія на ипподромѣ, бѣга на колесницахъ, а вслѣдъ затѣмъ и скачки; наконецъ, придумали соединеніе борьбы съ кулачнымъ боемъ, такъ называемый панкратій и съ тѣхъ поръ циклъ игръ сталъ полнымъ. Могли придумывать еще какіе-нибудь новыя подробности, присоединять къ лошадинымъ бѣгамъ бѣга муловъ или жеребятъ, допускать на ипподромъ, на ряду съ квадригами, упряжки въ двѣ лошади, устроить для дѣтей тѣ же упражненія, что и для взрослыхъ—ничего характернаго не прибавили больше къ олимпійской программѣ. Однако всѣ эти испытанія чрезвычайно увеличили блескъ праздника. Вначалѣ оно длилось всего одинъ день, но по мѣрѣ того, какъ списокъ состязаній возрасталъ и состязующіеся являлись въ большемъ количествѣ, одного дня оказалось мало; и однажды—это случилось въ 472 году—бѣга и пентатлонъ затянулись такъ долго, что наступила почти совсѣмъ ночь, когда пришелъ чередъ панкратію, и борьба затянулась далеко за

полночь. Явилось необходимымъ продлить время празднества; теперь олимпійскія состязанія стали продолжаться цѣлыхъ пять дней. Чтобы понять всю неотразимую прелесть, какую имѣло для цѣлой Греціи это черезъ четыре года повторявшееся въ Олимпіи торжество, надо познакомиться съ нимъ въ его окончательной формѣ, когда оно достигло полнаго своего блеска.

Высшее управленіе играми принадлежало городу Элидѣ, который возлагалъ завѣдываніе ими на десять должностныхъ лицъ, называвшихся элланодиками, т.-е. судьями эллиновъ; эти лица, назначавшіяся на каждую олимпіаду, должны были завѣдывать организаціей праздника, руководствомъ игръ и судомъ при состязаніяхъ. Чтобы справиться съ такой тяжелой задачей, не мѣшало приготовиться за нѣкоторое время до начала олимпійскихъ торжествъ; и дѣйствительно, за десять мѣсяцевъ до открытія празднествъ судьи состязаній вступали въ исполненіе своихъ обязанностей, и, чтобы войти вполнѣ въ курсъ этого труднаго и сложнаго дѣла, они надзирали и руководили въ гимназіи Элиды упражненіями атлетовъ, присутствовали на продолжительныхъ испытаніяхъ въ тренировкѣ, какой подвергались лошади и люди,—словомъ, долгой и упорной практикой усовершенствовали свои теоретическія познанія въ этой темной для нихъ области. Въ то же время они записывали кандидатовъ, желавшихъ состязаться, и съ помощью традиціонныхъ олимпійскихъ регламентовъ они соображали, отвѣчали ли состязующіеся требуемымъ правиламъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не всѣ допускались къ со-

стызаніямъ на олимпійскихъ играхъ. Въ теченіе долгаго времени желающій принять въ нихъ участіе долженъ былъ доказать, что онъ—чистокровный Эллинъ, и намъ извѣстенъ случай, когда Македонскій царь вынужденъ былъ установить при помощи документовъ, что онъ не варваръ; тѣмъ не менѣе, это условіе понималось и примѣнялось довольно широко; даже самимъ Римлянамъ разрѣшалось состязаться какъ народу, родственному лишь съ Греками. Кромѣ того, требовалось быть свободнымъ по рожденію, наконецъ, надо было имѣть чистую совѣсть и быть въ мирѣ съ людьми и богами. Кто совершилъ какое-либо преступленіе, нечестіе или святотатство, того безжалостно отвергали; въ теченіе долгаго времени спартанцы, виновные въ нарушеніи священнаго мира, были изгоняемы съ празднествъ; Аѳиняне, отказавшіе въ уплатѣ Зевсу штрафа, подверглись не менѣе жестокой карѣ; а такъ какъ оракулы были всегда склонны сноситься другъ съ другомъ и поддерживать другъ друга, то, чтобы принудить Аѳинянъ къ уплатѣ долга, Дельфы отказали имъ въ своемъ содѣйствіи, и Пиѳія молчала, покуда Олимпія не была удовлетворена. Понятно, чтобы принимать участіе въ играхъ, было вовсе не лишнимъ быть богатымъ. Необходимая подготовка, дорожныя траты и расходы, какіе приходилось производить во время праздника, составляли не малую сумму. Вслѣдствіе этого извѣстныя состязанія, какъ, на примѣръ, бѣга на колесницахъ и скачки, были, повидимому, болѣе аристократическаго свойства, и богатые знатные люди съ нѣкоторымъ презрѣніемъ относились къ простымъ

атлетическимъ упражненіямъ, требующимъ меньше затратъ, а потому болѣе доступнымъ людямъ средняго достатка: опасались натолкнуться тутъ на нѣсколько смѣшанное общество.

Но если состязующійся и отвѣчалъ всѣмъ указаннымъ требованіямъ, этого еще не было достаточно. Разъ онъ былъ записанъ, онъ долженъ былъ подчиниться совсѣмъ особой тренировкѣ, длившейся десять мѣсяцевъ, и подвергнуться въ теченіе этого времени особому режиму. Затѣмъ онъ долженъ былъ отправиться въ Элиду, чтобы подвергнуться тамъ, согласно уставу, тридцатидневному искусу, упражняться каждое утро въ гимнастикѣ въ присутствіи судей состязаній, подвергавшихъ состязующихся предварительному экзамену и распредѣлявшихъ ихъ, согласно возрасту и силамъ, по различнымъ разрядамъ. Затѣмъ, за нѣкоторое время до праздниковъ судьи и атлеты съ лошадьми и упряжью отправлялись въ Олимпію по священной дорогѣ; и въ то время, какъ должностныя лица, которымъ были поручены организація и полицейскій надзоръ на празднествахъ, отдавали послѣднія приказанія и дѣлали необходимыя распоряженія по части устройства мѣстъ для бѣга, помѣщенія посѣтителей, устройства порядка церемоній, состязующіеся продолжали свои упражненія въ гимназіяхъ и палестрахъ, помѣщавшихся въ большихъ зданіяхъ, спеціально для нихъ построенныхъ. Еще и теперь вдоль западной стѣны Альтиса можно найти интересныя развалины этихъ построекъ, представляющихъ для насъ древнѣйшіе образцы этого рода памятниковъ.

Наконецъ, наступалъ великій день. Каждые че-

тыре года олимпійскія игры праздновались въ то же самое время, въ полнолуніе, слѣдовавшее за лѣтнимъ солнцестояніемъ. Обыкновенно это было въ концѣ іюня или началѣ іюля, и можно легко себѣ представить, что въ это время въ глубокой долинѣ Алѳея жара была настолько удручающая, что требовалось извѣстнаго рода мужество, чтобы въ теченіе цѣлаго дня просиживать на ристалищѣ или на ипподромѣ подъ жгучими лучами солнца. Но все равно, какъ только священные послы Зевса провозглашали по всему греческому міру офиціально изъ конца въ конецъ о днѣ праздника и наступленіи священнаго мира, со всѣхъ сторонъ народъ поднимался и пускался въ путь, чтобы присутствовать на торжествѣ. Полководцы и государственные мужи, какъ, напримѣръ, Ѡемистокль или Филопемь, встрѣчавшіе порой въ Олимпіи восторженный пріемъ, философы и писатели, Анаксагоръ и Пифагоръ, Сократъ и Платонъ, Горгій и Демосѳенъ, поэты, какъ Симонидъ и Пиндаръ, ясновидящіе, какъ Аполлоній Тіанскій,—словомъ, всѣ самые выдающіеся и по богатству, и по таланту греки собирались на Олимпійскихъ празднествахъ. Города отправляли торжественныя посольства, пышныя процессіи въ яркихъ одѣяніяхъ, шитыхъ золотомъ и пурпуромъ, соперничавшія другъ съ другомъ въ блескѣ и великолѣпіи, и выставлявшія всѣмъ на показъ на великолѣпныхъ повозкахъ богатые дары, приносимые ими богу, стараясь затмить другъ друга; цари, участвовавшіе въ бѣгахъ, важныя особы, являвшіяся, чтобы присутствовать на торжествѣ, не менѣе городовъ кичились своимъ богатствомъ;

въ Олимпію приходили столько же, чтобы по-смотреть, сколько и показать себя. Затѣмъ шли несмѣтныя толпы богомольцевъ, которыхъ привлекало на эти праздники крайнее любопытство. Были тутъ художники, искавшіе выгодныхъ заказовъ, купцы и промышленники всякаго рода, выискивавшіе выгодное дѣло. По случаю религіознаго праздника открывалась большая ярмарка, и пестрѣли въ долинѣ палатки, и тѣснились на рѣкѣ барки, подвозившія пропитаніе всей этой толпѣ, расположившейся лагеремъ у подножія Альтиса; безчисленныя стада, предназначенныя для жертвоприношенія, тянулись по дорогамъ, а на лужайкѣ безконечными рядами пестрѣли палатки и веселые кабачки; и отъ всей этой громадной толпы, кишѣвшей въ равнинѣ Олимпіи, шелъ немолчный ликующій гомонъ и шумъ. Однѣ только женщины не допускались на этотъ праздникъ. Онѣ могли принимать участіе въ бѣгахъ и получать награды, какъ сдѣлала Киниска, сестра Агезилая, бронзовыя лошади которой красовались подъ деревьями Альтиса, но все же женщины не должны были проникать за ограду. Въ то время какъ ихъ мужья, сыновья и братья предавались борьбѣ на ристалищѣ, онѣ, удалившись на южный берегъ Алѳея, прислушивались издали къ шуму рукоплесканій. Одинъ единственный разъ законъ былъ нарушенъ: одна женщина, именемъ Ференика, дочь одного знаменитаго родосскаго борца, гордившагося своимъ происхожденіемъ отъ Геркулеса, — не могла рѣшиться оставить сына, когда пришло время состязаній; переодѣвшись мужчиной, она выдала себя за учителя гимнастики и

смѣшалась съ толпой другихъ гимнастовъ; но, когда сынъ ея былъ провозглашенъ побѣдителемъ, материнскія чувства и волненія взяли верхъ надъ всѣмъ остальнымъ, и, забывъ всякую осторожность, она захотѣла пойти обнять своего сына: она такъ заторопилась, что одѣяніе ея раскрылось и выдало ее. Законъ не допускалъ никакихъ исключеній: всякая женщина, захваченная въ чертѣ ограды, приговаривалась къ смерти. Однако судьи помиловали ее ради ея славнаго рода; но, чтобы подобная продѣлка не могла повториться, учителя наравнѣ съ учениками должны были впредь оставаться нагими.

Утромъ того дня, когда начинались священныя празднества, прежде всего приступали къ торжественнымъ возліаніямъ богамъ. Отъ имени государства Элиды приносили жертву Зевсу, и въ теченіе всего дня священныя процессіи обходили Альтисъ, возлагая приношенія въ святилищахъ. Въ это время за оградой въ Булевтеріи шли послѣднія приготовленія къ играмъ. Передъ статуей Зевса Оркійскаго, покровителя клятвъ, всѣ участники состязаній—атлеты, возницы, учителя, судьи—въ торжественныхъ выраженіяхъ приносили клятву, что подчиняются всѣмъ предписаннымъ обязательствамъ, и не могутъ упрекнуть себя ни въ какомъ легкомысліи или святотатствѣ; положивъ руку на жертвенникъ, они обѣщали еще вести себя честно во всѣхъ долженствующихъ начаться состязаніяхъ. Затѣмъ элланодики размѣщали по порядку состязующихся; бросали жребій, какія пары должны состязаться, назначали бѣгунамъ и колесницамъ мѣсто, съ котораго они должны были начинать.

Вечеръ проходилъ въ разговорахъ и увеселеніяхъ; государственные мужи уединялись, чтобы потолковать о политикѣ; друзья, встрѣтившіеся послѣ долгой разлуки, забывъ обо всемъ, пускались въ безконечныя бесѣды; атлеты, сосредоточенно торжественные и взволнованные ожиданіемъ завтрашняго дня, набирались силъ къ нему, а подъ открытымъ небомъ при свѣтѣ трепетныхъ звѣздъ многочисленные богомольцы засыпали съ чувствомъ радостнаго ожиданія грядущаго торжества.

Съ первыми же лучами солнца праздникъ начинался. Задолго до этого, еще когда тѣни ночи окутывали Олимпію, смутный шумъ ужъ возвѣщаль о пробужденіи несмѣтной толпы; тѣснясь, богомольцы спѣшати къ ристалищу, чтобы захватить лучшія мѣста; и задолго до восхода солнца высокія земляныя насыпи, устроенныя вокругъ арены, гдѣ могутъ помѣститься 40.000 людей, уже сплошь покрыты зрителями. Въ ту самую минуту, когда первый лучъ солнца упадаетъ на долину съ высотъ Аркадіи, раздается звукъ трубъ, и торжественное шествіе вступаетъ въ ристалище черезъ сводчатый проходъ, соединяющій его съ Алтисомъ. Элланодики въ длинныхъ пурпуровыхъ хламидахъ усаживаются на трибуну, устроенную у конечнаго пункта; учителя провожаютъ своихъ учениковъ, дѣлая имъ послѣднія наставленія; депутаты отъ различныхъ государствъ, знатные иностранцы занимаютъ предназначенныя для нихъ почетныя мѣста; состязующіеся являются по вызову и тоже направляются къ указанному имъ мѣсту.

Олимпійское ристалище представляло длинный

прямоугольникъ въ двѣсти одиннадцать метровъ длины и тридцать два ширины; скаковой кругъ занималъ пространство въ шестьсотъ футовъ (142 м.), и говорили, что самъ Геркулесъ измѣрилъ его когда-то своимъ могучимъ шагомъ. Вокругъ всей арены откосы замѣняли искусственный амфитеатръ, а во всю длину небольшого каменнаго порога, служившаго границей для зрителей, шла вокругъ ристалища канава, по которой въ водоемы была проведена свѣжая вода, предназначенная для атлетовъ и другихъ присутствующихъ. Состязующіеся раздѣвались въ палаткѣ, помѣщавшейся въ западной части, и игры начинались. Онѣ продолжались три дня, изъ нихъ первый предназначался для дѣтей, два другіе для взрослыхъ; но упражненія были тѣ же для обоихъ разрядовъ состязующихся.

Сначала происходили бѣга, древнѣйшій родъ состязаній въ Олимпіи. Начинали съ простыхъ бѣговъ (стадіонъ, дромось), бѣга на скорость, состоявшаго въ томъ, чтобы пробѣжать одинъ разъ ристалище въ длину; это было одно изъ любимѣйшихъ зрѣлищъ, ибо тутъ при скорости бѣга лучше, чѣмъ когда-либо, видна была красота формъ и изящество тѣла; затѣмъ шель бѣгъ двойной (діолось), гдѣ надо было два раза пробѣжать ристалище въ длину, и бѣгъ длительный (долихось), когда надо было сдѣлать 12 круговъ по аренѣ; чтобы одолѣть это пространство въ 4 съ половиной километра требовалось не столько скоро бѣжать, сколько не поддаваться усталости; поэтому при этомъ упражненіи скорѣе шли, чѣмъ бѣжали. Испытанія эти были особенно трудны, потому что скаковой

кругъ былъ устроенъ не на твердой утрамбованной почвѣ, а усыпанъ толстымъ слоемъ мелкаго песку, въ которомъ ноги вязли, и вслѣдствіе этого требовалось двойное усиліе. Само собой разумѣется, что начинали съ бѣга медленнаго, за нимъ слѣдовалъ двойной и наконецъ простой: тутъ каждый состязующійся, возбужденный криками толпы и возгласами противниковъ, проявлялъ наибольшее напряженіе своей силы. Увлеченіе этихъ бѣгуновъ было иногда удивительно; они двигались съ такой быстротой, что ихъ трудно было разглядѣть, когда они проходили; при этомъ они проявляли такую выносливость, что одинъ побѣдитель въ долихосѣ, пришедшій первый къ цѣли, продолжалъ свой бѣгъ, чтобы пойти извѣстить о своей побѣдѣ Аргосъ, свою родину, и пришелъ туда въ тотъ же вечеръ: между Олимпіей и Аргосомъ прямымъ путемъ надо слѣлать 90 километровъ и пройти черезъ двѣ горы. Обыкновенно побѣдителей изображали въ положеніи быстрого бѣга: такъ изобразилъ своего Бѣгуна скульпторъ Миронъ; до насъ дошла одна его бронзовая копія.

Затѣмъ призывали на арену борцовъ. Для этого упражненія требовалось больше ловкости и спеціальное обученіе. Дѣйствительно, въ этомъ испытаніи цѣнилась не столько грубая сила, сколько знаніе техники, быстрота и вѣрность взгляда, позволяющія слѣдить и угадывать малѣйшее движеніе противника, умѣнье отражать ударъ и разнообразность способовъ нападенія. Какъ и фехтованіе, борьба была искусствомъ, при чемъ дѣло шло не о простомъ умѣнн побѣждать, но побѣждать съ благород-

нымъ изяществомъ. Обыкновенно надо было трижды повалить противника, такъ чтобы онъ плечами коснулся земли; но не такъ-то легко было ухватить тѣло, натертое масломъ; поэтому, по Олимпійскому обычаю, допускались всякія уловки, состоявшія въ томъ, чтобы вытянуть ногу противника или дернуть его за нее, или однимъ прыжкомъ вскочить сзади къ нему на плечи; иногда также удавалось борцамъ изо всей силы вцѣпиться въ противника и силой собственной тяжести свалить его на землю: это былъ любимый пріемъ знаменитаго Милона Кротонскаго. Другой видъ борьбы заключался въ томъ, чтобы продолжать ее, когда одинъ изъ состязующихся былъ уже повергнутъ на землю; тогда борьба переходила въ настоящую рукопашную схватку, гдѣ всѣ средства были хороши, хватали другъ друга за горло, кусались до крови. „Ихъ спины—говоритъ Гомеръ,—трещали подъ неистовымъ напоромъ ихъ дерзкихъ рукъ; липкій потъ медленно катился съ ихъ членовъ, а бока и плечи были покрыты вспухшими кровоподтеками“. Именно этотъ моментъ борьбы изображенъ на знаменитой группѣ борцовъ, хранящейся въ флорентійской Трибунѣ; борьба прекращалась лишь тогда, когда одинъ изъ противниковъ признавалъ себя побѣжденнымъ.

Борьба Цеста была еще болѣе дика и груба; объ ней даетъ понятіе въ очень смягченномъ видѣ англійскій боксъ. При этомъ своеобразномъ кулачномъ боѣ у атлетовъ на рукахъ были длинные ремни изъ мягкой кожи, кое-гдѣ скрѣпленные гвоздями или маленькими кусками олова: въ такомъ видѣ изображенъ Борець въ Дрез-

денскомъ музеѣ. Вооруженные такимъ образомъ противники бросались другъ на друга, нанося другъ другу страшные удары: изъ такого испытанія выходили обыкновенно въ крайне плачевномъ видѣ. Герои Гомера, готовясь къ этой страшной борьбѣ, ни о чемъ иномъ и не помышляютъ, какъ только о томъ, чтобъ изорвать въ куски тѣло и разбить кости противнику, и дѣйствительно, побѣжденный удаляется, едва волоча ноги, харкая кровью, уронивъ голову, вотъ-вотъ готовый испустить духъ. Не разъ сражающіеся оставались на мѣстѣ, и во всякомъ случаѣ являлись съ мѣста побоища съ очень поврежденными носами, ушами и зубами; послѣднее было такимъ характернымъ признакомъ, что обыкновенно на памятникахъ побѣдители кулачныхъ боевъ изображались съ очень вспухшими ушами; таково и прекрасное изображеніе изъ бронзы, найденное въ Олимпійской гимназіи. Иногда бѣдняги возвращались изъ этого испытанія совершенно неузнаваемыми: „Черезъ 20 лѣтъ,—говорится въ одной эпитаграммѣ,—собака Улисса, Аргось, узнала его; но ты, Стратофонъ, послѣ 4-хъ часового кулачнаго боя такъ измѣнился, что тебя не узнаютъ не только собаки, но и сами сограждане твои. Что я говорю, сограждане? Если ты посмотришь на себя въ зеркало, ты непременно воскликнешь: „клянусь, я не Стратофонъ“. Однако, одинъ врачъ древности утверждалъ, что кулачный бой превосходное лѣкарство противъ головокруженія и мигрени: но надо сознаться, что такое лѣченіе было черезчуръ радикальнымъ. Борьба продолжалась, покуда одинъ изъ сражающихся не признавалъ

себя побѣжденнымъ; и главная заслуга состояла скорѣе въ томъ, чтобы ловко избѣгать ударовъ, чѣмъ отражать ихъ; высшее изящество заключалось въ томъ, чтобы побѣдить, не получивъ ни одинаго удара, еще больше того—въ томъ, чтобы и не нанести ни одинаго, но такъ сумѣть утомить противника, чтобы онъ, выбившись изъ силъ, вынужденъ былъ отказаться отъ борьбы.

Упражненія второго дня оканчивались панкратиємъ. Это было соединеніемъ борьбы съ кулачнымъ боемъ, и зрѣлище это цѣнилось особенно высоко, такъ какъ тутъ сила соединялась съ ловкостью: ни одно испытаніе не увлекало такъ публику, и прославленные атлеты ни при какомъ другомъ упражненіи не стремились такъ къ побѣдѣ, какъ тутъ. Всѣмъ извѣстна удалъ этихъ знаменитыхъ борцовъ древности, мускулы которыхъ, развитые, какъ у Геркулеса Фарнезскаго, могли выдержать всякое испытаніе. Одинъ изъ борцовъ схватилъ быка за заднюю ногу и держитъ такъ крѣпко, что копыто остается у него въ рукѣ; другой останавливаетъ одной рукой колесницу, которую кони мчатъ во весь опоръ; Милонъ Кротонскій стягиваетъ себѣ голову веревкой и, напряживъ жилы, рветъ ее. Полидамъ, подобно Геркулесу, встрѣчаетъ льва и поражаетъ его. Во время Олимпійскихъ празднествъ подвиги и ловкія выходки героевъ ристалища служили неизсякаемымъ источникомъ для всякихъ розсказней; и сами они не упускали случая блеснуть своимъ удалствомъ. Вслѣдствіи этого большинство изъ нихъ кончили плохо: у Милона Кротонскаго руки попали въ расщелину дерева, и онъ умираетъ въ

такомъ положеніи, съѣденный волками; Полидамъ погибаетъ, раздавленный паденіемъ скалы, которую онъ напрасно старался поддержать своими могучими руками.

На слѣдующій день игры продолжались на ипподромѣ. Къ несчастью раскопки не даютъ намъ никакихъ свѣдѣній насчетъ этого зданія, и мы знаемъ его лишь по описанію Павзанія. Онъ шель, навѣрно, параллельно ристалищу и длина его равнялась четыремъ стадіямъ: собственно скаковой кругъ имѣлъ два стадія въ длину, т.-е. 770 метровъ. Онъ имѣлъ форму продолговатаго корабля, оканчивавшагося на востокъ полукруглымъ скатомъ, на западѣ *барьеромъ* или *афезисомъ*, снабженнымъ параллельными стойлами, обращенными къ полю ристанія, гдѣ послѣ бросанія жребія помѣщались колесницы или лошади. Посреди находился жертвенникъ, увѣнчанный искусно сдѣланнымъ орломъ: когда орелъ взлеталъ, это служило сигналомъ начинать бѣга. Въ это время веревки, замыкавшія стойла, опускались, и когда всѣ состязающіеся были размѣщены въ рядъ у другого барьера, звуки трубъ возвѣщали, что время начинать. Прежде всего происходили бѣга на колесницахъ, запряженныхъ четверкой лошадей; кузовъ помѣщался на двухъ низкихъ колесахъ, двѣ лошади запряжены были въ дышло, двѣ въ пристяжку; возница правилъ стоя, держа въ рукахъ вожжи и хлыстъ; это состязаніе считалось моднымъ и привлекало больше всего самыхъ могущественныхъ и богатыхъ людей Эллады; одержать на немъ верхъ считалось наиболѣе лестнымъ; среди побѣдителей называютъ Кимона и Алкивіада, Гелона Сира-

кузскаго и Герона, и много другихъ. Правда, что ни одно зрѣлище не увлекало такъ страстно зрителей: колесницы мчались, сталкиваясь, по аренѣ, лошади, обезумѣвъ, взвивались на дыбы, огибая столбъ въ концѣ, гдѣ въ своемъ жертвенникѣ скрывался демонъ Тараксиппъ, страшилище лошадей. Надо читать Иліаду Гомера или знаменитый рассказъ въ Электрѣ Софокла, волнуящее описаніе этихъ бѣшенныхъ скачекъ, гдѣ не одинъ изъ состязающихся разбивался на смерть. За бѣгами на колесницахъ слѣдовали конскіе бѣга, гдѣ надлежало сдѣлать 12 круговъ на ипподромѣ; послѣдніе также имѣли большое значеніе. Лошади - побѣдители осыпались почестями; имъ воздвигались статуи, сооружали великолѣпныя гробницы; иногда даже ихъ погребали, подобно конямъ Кимона, вмѣстѣ съ хозяиномъ въ семейномъ склепѣ.

Точно такъ же, какъ и на теперешнихъ нашихъ скачкахъ, награду получалъ не возница или всадникъ, а владѣлецъ лошадей. Не важно было даже, если жокей былъ сбитъ съ лошади, лишь бы лошадь продолжала скакать, соблюдая всѣ правила. Такъ кобыла Фейдоласа, сбросивъ всадника, продолжала правильно свой бѣгъ, и, чуть раздался звукъ трубы, замедливъ шагъ, остановилась сама, придя первой, у судейской трибуны. Фейдоласъ получилъ награду, а лошади, одержавшей такую прекрасную побѣду, была воздвигнута статуя въ Альтисѣ.

По окончаніи скачекъ возвращались на ристалище, и начинался пентатлонъ. Это было самое сложное и самое красивое упражненіе, лучше

всего выказывавшее полную гармонію челоуѣческаго тѣла; побѣдившіе въ этой игрѣ слыли за самыхъ красивыхъ людей, „ибо тѣла ихъ,—говоритъ Аристотель,—обладаютъ одинаковой силой и быстротой“. Но побѣда эта давалась трудно: надо было пройти черезъ пять послѣдовательныхъ испытаній: прыганіе, метанье диска, метанье копья, бѣгъ и борьба. Два послѣднія уже намъ извѣстны. Что касается прыганія, надо было перескочить черезъ громадное пространство; для этого состязающіеся всходили на эластичный трамплинъ и для большаго размаха раскачивали тяжелые шары, тяжесть которыхъ должна была потомъ помочь имъ остановиться какъ разъ на назначенномъ мѣстѣ. Для слѣдующаго испытанія первоначально пользовались камнями, позднѣе кругообразными дисками, часто украшенными скульптурой; ихъ надлежало бросать, какъ можно дальше. Нѣсколько знаменитыхъ статуй,—ихъ нихъ самая прославленная, хранящаяся въ Римѣ во дворцѣ Массими и представляющая копію съ Миронова Дискобола,—изображаютъ различныя положенія, которыя принимали атлеты для прицѣла и метанія диска; въ Берлинскомъ же музеѣ сохраняется одинъ изъ такихъ палетовъ, имѣющихъ въ діаметрѣ 0.21, а вѣсомъ 2 килограмма.

Наконецъ, игры заканчивались вооруженными бѣгами. Это былъ своего рода церемоніальный военный маршъ, которымъ дважды проходили вдоль ристалища. Первоначально конкуренты были въ полномъ вооруженіи; позднѣе сохранили только щитъ. Такое изображеніе имѣемъ мы въ Луврской статуѣ, извѣст-

ной подъ именемъ Боргезскаго гладіатора, въ которомъ мы должны признать гоплитодрома побѣдителя.

Послѣдній день праздниковъ предназначался для раздачи наградъ. Онѣ были очень просты, въ чисто античномъ духѣ: вѣнокъ изъ дикой маслины, вѣтки для котораго срѣзались съ священнаго дерева, нѣкогда посаженнаго Геракломъ, да пальмовая вѣтвь, символы силы и безсмертія, вотъ все, что назначалось побѣдителямъ. Но церемонія увѣнчанія была очень торжественна. Передъ храмомъ Зевса на столѣ изъ золота и слоновой кости, чеканенномъ Колотомъ, были разложены награды, и въ то время, какъ герольдъ при рукоплесканіяхъ толпы возвѣщалъ имя триумфатора и его родины, элланодики возлагали вѣнки на чело этихъ олимпіониковъ. Однако, побѣды на ристалищѣ сопровождались и множествомъ преимуществъ матеріальнаго свойства: въ своемъ родномъ городѣ побѣдители кормились въ Пританеяхъ; ихъ избавляли отъ всякихъ пошлинъ и наконецъ, кромѣ благодарности отъ своихъ соотечественниковъ, побѣдители получали и всякія другія награды; въ театрѣ имъ давались почетныя мѣста, и часто пожизненная пенсія обезпечивала имъ въ будущемъ беззаботное существованіе. Но все это было ничто въ сравненіи съ вѣчной славой, какую давалъ имени побѣдителя скромный Олимпійскій вѣнокъ.

Празднество было кончено; оставалось лишь возблагодарить боговъ. Триумфаторы приносили жертвы на жертвенникахъ Альтиса и возносили благодареніе богамъ. Чтобы усилить великолѣпіе этой торжественной процессіи, родственники

и сограждане побѣдителя, не скупясь, представляли въ его распоряженіе свои кошельки: и при звукѣ флейтъ, и при пѣніи хора великолѣпное шествіе медленно двигалось по Альтису. Затѣмъ слѣдовали процессіи священныхъ обществъ, желавшихъ воздать почестъ Олимпійскимъ богамъ; затѣмъ торжественный пиръ, собиравшій въ Пританеѣ побѣдителей и самыхъ знаменитыхъ иностранцевъ, пришедшихъ на праздникъ; затѣмъ были еще великолѣпныя пиры, которые щедрые побѣдители устраивали своимъ роднымъ и друзьямъ, своимъ соотечественникамъ, иногда и всей толпѣ, собравшейся въ Олимпіи. Это осмѣлился сдѣлать Алкивіадъ; но чтобы хватило средствъ на такой гигантскій пиръ, потребовалось ни болѣе не менѣе, какъ содѣйствіе нѣсколькихъ союзныхъ съ Аѳинами городовъ, счастливыхъ польстить самолюбію плѣнительнаго героя, который такъ по-царски захотѣлъ отпраздновать свою побѣду.

Прибавьте ко всему этому, чтобы составить себѣ полное понятіе объ этомъ чудесномъ праздникѣ, всевозможныя увеселенія и развлеченія, которыя устраивались для богомольцевъ. Государственные мужи вели въ Олимпіи самыя важныя дипломатическія переговоры и считали за честь оставить въ Альтисѣ копію знаменитыхъ договоровъ; прославленные софисты, Гиппій и Горгій, ведутъ въ Олимпіи бесѣды съ собравшейся толпой; писатели, какъ Геродотъ, читаютъ свои произведенія, и даже иногда, съ Лисіемъ и Исократомъ, въ Олимпійскія рѣчи вторгается политика. Цари, хваставшіеся остроуміемъ, приказывали читать тамъ свои стихи и не

разъ были немилосердно освистаны; ученые демонстрировали тамъ свои открытія, художники выставяли свои картины. Въ Олимпіи Аэцій знакомить публику съ своей картиной, изображающей свадьбу Александра, а Зевксисъ тщеславно выставяетъ на показъ деньги, которыя онъ зарабатывалъ своей кистью. Нельзя достигнуть полной славы, разъ она не была освящена на великихъ празднествахъ Зевса; и, превознося на нихъ физическую силу, Греція въ то же время отводитъ почетное мѣсто произведеніямъ челоуѣческаго духа.

Наконецъ, раньше, чѣмъ оставить Олимпію, побѣдители воздвигали себѣ статуи въ священной оградѣ. Чаше это были идеальныя изображенія, и лишь, послѣ трехъ триумфовъ атлетъ могъ заказать свой портретъ. Извѣстно, насколько такой обычай способствовалъ къ украшенію Олимпіи: множество статуй, заказанныхъ самымъ знаменитымъ художникамъ того времени, пріютилось такимъ образомъ подъ высокими деревьями Альтиса. Охотно изображаютъ себя въ видѣ побѣдителя, и особенно побѣдители на конскихъ бѣгахъ соперничали между собой въ роскоши и великолѣпіи; часто также наряду со своими статуями они ставили изображенія своихъ возницъ и лошадей. Теперь отъ этого несравненнаго музея осталось лишь нѣсколько основаній статуй, нѣсколько головъ безъ туловищъ: все остальное погибло при разрушеніи Олимпіи.

Кончался праздникъ, и священный городъ смолкалъ. Однако онъ не пустѣлъ окончательно. Въ укромномъ Альтисѣ жрецы продолжали приносить на алтаряхъ священные жертвы, и въ

промежутки между Олимпійскими состязаніями большія религіозныя торжества не разъ привлекали богомольцевъ къ Элидскому святилищу. Каждая пять лѣтъ праздники Геры собирали мѣстныхъ женщинъ, а также женщинъ пограничныхъ областей; каждый день оракуль Зевса привлекалъ къ себѣ благочестивыхъ людей, желавшихъ знать будущее. Но интересъ къ великимъ играмъ превышалъ все остальное: имъ была обязана Олимпія своей славой, своимъ благосостояніемъ, своимъ блескомъ и несравненнымъ великолѣпіемъ своихъ памятниковъ.

IV.

Среди этихъ памятниковъ ни одинъ не былъ такъ знаменитъ, какъ большой храмъ, сооруженный жителями Элиды въ честь Зевса; отдѣлка его была поручена самымъ знаменитымъ художникамъ V вѣка. Благодаря исключительно счастливой случайности, мы и теперь еще можемъ возстановить въ его цѣломъ это удивительное зданіе и не только въ главныхъ линияхъ его архитектуры, но и во всемъ блескѣ его рѣдкостныхъ скульптурныхъ украшеній. Благодаря удачнымъ раскопкамъ, найдена была бóльшая часть мраморныхъ статуй, нѣкогда украшавшихъ храмъ, а онѣ открыли намъ школу ваянія, до тѣхъ поръ почти неизвѣстную. Благодаря имъ, великіе мастера, — античный міръ не скупился расточать имъ похвалы, — выходятъ изъ окутывавшаго ихъ раньше мрака и являются передъ нами въ произведеніяхъ, оправдывающихъ ихъ славу; благодаря имъ, новый свѣтъ озаря-

еть художественный періодъ, все еще темный, время, предшествовавшее Фидію. Вслѣдствіе всего этого надлежитъ остановиться нѣсколько на этихъ произведеніяхъ и на святилищѣ, самомъ знаменитомъ изъ всѣхъ Олимпійскихъ зданій.

Павзаній рассказываетъ, что около половины V вѣка жители Элиды, побѣдивъ въ большомъ сраженіи жителей Писы, своихъ сосѣдей, оспаривавшихъ у нихъ главенство, рѣшили употребить добычу этой военной кампаніи на сооруженіе Зевсу достойнаго его храма. Начатое, вѣроятно, около 470 года, зданіе уже очень подвинулось впередъ къ 457; въ 445, по одному достовѣрному свидѣтельству, оно было вполнѣ окончено; и быстрота работы, наравнѣ съ изяществомъ замысла, дѣлаетъ большую честь строителю, Ливону Элидскому, которому была поручена работа памятника. Храмъ былъ построенъ не изъ мрамора, а изъ известняка, добытаго изъ сосѣднихъ каменоломенъ, сверху покрытъ гипсовой штукатуркой; онъ былъ дорическаго стіля, съ шестью колоннами спереди и тринадцатью съ боковъ; пространство его было 64 метра въ длину и 27 въ ширину; верхній уголъ фронтона возвышался на 21 метръ надъ землей. Внутри кровля поддерживалась двойнымъ рядомъ дорическихъ колоннъ: подъ портикомъ надъ входомъ въ пронаосъ и опистодомъ два ряда вылѣпленныхъ метопъ представляли подвиги Геркулеса. На наружномъ фризѣ храма метопы, противъ обыкновенія, не были покрыты скульптурой и лишь разноцвѣтные орнаменты, меандры и изображенія другихъ листьевъ, да золоченые щиты отбѣняли бѣлизну архитрава. Глав-

ныя скульптурныя украшенія находились на фронтонахъ; на восточномъ фасадѣ была изображена исторія знаменитыхъ бѣговъ на колесницахъ, стоившая жизни Эномаю; на западномъ сраженіе кентавровъ съ лапифами; наконецъ, надъ восточнымъ фронтономъ, наверху и по угламъ, помѣщалось изображеніе Побѣды изъ золоченой бронзы и двѣ вазы изъ того же металла, произведенія скульптора Пэонія изъ Мендеи. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ мѣстные художники строили храмъ и лѣпили метопы, Олимпійская традиція приписывала мраморы фронтоновъ иностраннымъ мастерамъ, и какъ позднѣе для того, чтобы воздвигнуть Зевсу достойную его статую, въ Олимпію былъ приглашенъ Фидій съ его учениками, такъ и украшеніе фронтона, говорятъ, было возложено на двухъ самыхъ прославленныхъ въ то время мастеровъ: Алкамена Аѳинскаго, изваявшаго фигуры западнаго фасада, и Пэонія изъ Мендеи, исполнившаго группы восточнаго фронтона. Именно ихъ-то и нашли мы главнымъ образомъ при Олимпійскихъ раскопкахъ.

Павзаній сообщаетъ намъ, какой эпизодъ легенды скульпторъ выбралъ для сюжета восточнаго фронтона: это приготовленіе къ бѣгамъ, гдѣ должны были состязаться Пелопсъ и Эномай. „Посреди фронтона, говоритъ писатель, статуя Зевса; рядомъ съ нимъ направо Эномай, на дѣвающій на голову шлемъ, а подлѣ него жена его Стеропа, одна изъ дочерей Атласа. Возница Эномая сидитъ передъ четверкой лошадей. Дальше два человѣка безъ именъ, но, очевидно, что и на нихъ возложена обязанность смотрѣть

за лошадьми Эномая. На этомъ концѣ фронтона лежитъ Кладей. Съ лѣвой стороны фронтона за Зевсомъ идутъ Пелопсъ и Гипподамія, потомъ возница Пелопса; затѣмъ тимпанъ сужается, и на концѣ его изваянъ Алфей“.

Несмотря на простоту композиціи, ради которой по бокамъ Зевса были помѣщены двѣ симметричныя группы изъ пяти фигуръ, а углы фронтона заполнены удлинеными тѣлами двухъ рѣкъ, не легко возстановить въ томъ порядкѣ, какой они занимали прежде на фасадѣ храма, остатки скульптуры, найденные при раскопкахъ. При паденіи съ вершины фронтона всѣ эти изображенія изъ мрамора разбились, и въ особенности фигуры восточнаго фасада дошли до насъ крайне обезображенными. Пришлось складывать отдѣльные куски, возстановлять уничтоженное цѣлое; и хотя задняя часть мрамора обыкновенно оставалась гладкой и мы имѣемъ въ этомъ полезныя указанія, хотя высота различныхъ фигуръ, пропорціональная требованіямъ треугольнаго фронтона, позволяетъ приблизительно найти ихъ мѣсто, однако, изысканія зовременныхъ ученыхъ не дали значительныхъ результатовъ и въ различныхъ предложенныхъ группировкахъ композиція часто совершенно различная. Надо видѣть въ Олимпійскомъ музеѣ или, по крайней мѣрѣ, на прекрасныхъ гравюрахъ, приложенныхъ къ послѣднимъ трудамъ Лалу и Монсо ¹⁾, обломки, — изъ нихъ нѣкоторыя замѣчательны, — оставшіеся отъ восточнаго фронтона. Посрединѣ нагой торсъ прекрасной работы, изображавшій Зевса въ стоячемъ положеніи; неподвижный, высокомерный высился онъ между двухъ параллельныхъ

группъ, дѣлившихъ фронто́нъ на двѣ половины; по правую сторону бога стоитъ царь Эномай, съ копьемъ въ одной рукѣ, гордо подпершись другою; отъ него сохранился могучій торсъ, а голова сильно повреждена; по лѣвую сторону Пелопсъ, совсѣмъ еще молодой и безбородый, съ юнымъ, гибкимъ, полнымъ изящества тѣломъ, а по бокамъ обоихъ противниковъ поставленныя другъ противъ друга съ тою же правильною симметрией Стеропа, въ длинной одеждѣ, слегка отвернувшая голову, и задумчивая Гипподамія, одѣтая въ тяжелый дорическій пеплосъ съ прямыми негнушимися складками; послѣднія фигуры завершаютъ центральный мотивъ композиціи. Далѣе съ обѣихъ сторонъ расположены группы лошадей, представляющія искусный переходъ отъ фигуръ, изображенныхъ стоячими, къ фигурамъ колѣнопреклоненнымъ или лежачимъ подъ спускающимся отлого фронтономъ, а рядомъ съ упряжками молодые люди на корточкахъ, возницы или товарищи героевъ; нельзя съ полной точностью опредѣлить ихъ мѣсто, но позы ихъ и положенія иногда поражаютъ естественной простотой и граціей. Наконецъ, въ лѣвомъ углу фронтона—рѣка Алфей съ могучимъ торсомъ, съ полными крѣпкими членами; онъ приподнялся на локтѣ, чтобы смотрѣть на состязаніе; съ другой стороны у праваго края находятся двѣ фигуры, лучше всего сохранившіяся и, быть можетъ, самыя замѣчательныя на восточномъ фронтонѣ: въ углу Кладей съ нервнымъ стройнымъ торсомъ, съ изящной тонкой головой; онъ приподнялся на обоихъ локтяхъ и смотритъ впередъ собой съ упорнымъ любопытствомъ; въ

особенности хорошъ между лошадыми и рѣчнымъ богомъ красавецъ-старикъ: онъ сидитъ, опершись локтемъ на правую ногу, и вытянувъ лѣвую; тѣло его внизу завернуто въ одежды, оставляющія открытыми торсъ. Голова, вполнѣ сохранившаяся, полна выраженія удивительной мощи: черепъ, голый на макушкѣ, обрамленъ на затылкѣ и вискахъ длинными вьющимися волосами; широкій лобъ изборозженъ морщинами; взглядъ устремленъ прямо передъ собой; губы вотъ-вотъ заговорятъ. Своей нѣсколько грубой искренностью статуя эта заслуживаетъ особаго вниманія: рѣдко античное искусство передавало съ такимъ реализмомъ такую жизненную мощь.

Западный фронтонъ болѣе сложной композиціи, и уже Павзаній затруднялся, какъ его описать: „Какъ разъ посрединѣ,— говоритъ онъ, изображенъ Пириѳой, а рядомъ съ нимъ съ одной стороны царь кентавровъ Эвритій, похищающій жену Пириѳоя, и Кеней, оказывающій помощь Пириѳою; съ другой стороны Тезей съ топоромъ въ рукахъ сражается съ кентаврами. Одинъ изъ кентавровъ похитилъ молодую дѣвушку, другой — юношу“. Ясно, что было тутъ изображено: это былъ любимѣйшій мотивъ Аттической школы, воспроизведшей его на фризѣ храма Тезея, на метопахъ Парѳенона и на храмѣ Фигаліи. Однако, въ Олимпіи изображенная сцена была менѣ проста, чѣмъ ее описываетъ Павзаній. вмѣсто девяти указанныхъ имъ лицъ при раскопкахъ найдены 20 или 21, и послѣ того, какъ съ большимъ трудомъ эти обломки были сложены одинъ съ другимъ, все же

оказалось, что не легко былъ возсоздать вполнѣ соответствующее имъ цѣлое. А между тѣмъ и тутъ, какъ и на восточномъ фронтоѣ, группы противопоставлены одна другой со строгой симметрией. Въ центрѣ сражающихся стоитъ Аполлонъ, вытянувъ правую руку, — главная фигура всей сцены, — и широкое мускулистое тѣло бога, его юношеская голова, причесанная по архаической модѣ, спокойная и ясная поза, такъ противорѣчащая бѣшеному пылу сраженія, придаютъ этой фигурѣ странный характеръ. По обѣ стороны отъ бога группы изъ трехъ лицъ, тѣла сплелись въ жаркой схваткѣ: слѣва царь кентавровъ схватываетъ Деидамію, которая всей силой своихъ вытянутыхъ рукъ отталкиваетъ чудовище, въ то время какъ Пириѳой бросается на помощь къ молодой женщинѣ; направо молодая дѣвушка бьется въ рукахъ другого кентавра, уже раненаго въ голову ударомъ топора, только что нанесеннымъ ему Тезеемъ. И по обѣ стороны этого центрального мотива, симметрично противоположныя одна другой, слѣдуютъ другія группы, уменьшаясь въ высоту, по мѣрѣ пониженія фронтона: съ плотными крупами кентавровъ переплетаются торсы молодыхъ людей, гибкія тѣла молодыхъ женщинъ бьются въ рукахъ похитителей, и всѣ эти фигуры перемѣшаны въ самыхъ разнообразныхъ и смѣлыхъ позахъ. Наконецъ, по угламъ фронтона женщины, на корточкахъ, съ ужасомъ слѣдятъ за превратностями борьбы; и на самомъ краѣ, съ каждой стороны нимфа: безпечная и невозмутимая, она тѣмъ не менѣе съ любопытствомъ посматриваетъ на разыгрывающуюся передъ ея глазами драму¹⁾.

Официальные путеводители, сопровождавшие паломниковъ по Альтису, утверждали, что восточный фронтонъ былъ созданіемъ Пэонія, а фигуры западнаго фасада изваяны Алкаменомъ. Послѣ олимпійскихъ раскопокъ современная археологія упорно сражалась, защищая или нападая на эту традицію: и несмотря на долгіе споры, очень трудно, а то и невозможно, добиться тутъ правды; но во всякомъ случаѣ, чтобы разрѣшить эту трудную задачу, надо прежде всего оцѣнить по достоинству и охарактеризовать стиль олимпійскихъ фронтоновъ.

Разсматривая одѣянія, замѣчаешь что на нихъ обращено мало вниманія. Въ то время, какъ у архаическихъ мастеровъ ткани расположены симметричными, грубыми складками, въ то время, какъ на мраморныхъ фигурахъ Парѣнона, онѣ облегаютъ тѣло удивительно мягко и поразительно гармонично, тутъ, наоборотъ, одѣянія небрежно накинуты, точно наброшены случайно, а иногда и такъ странно, что подъ ихъ складками почти невозможно различить живыя формы. Разсматривая тѣла, наряду съ отдѣльными великолѣпными частями, замѣчаешь въ общемъ очень поверхностную работу, спѣшную отдѣлку, странную вялость рѣзца. Не найдешь тутъ строгихъ неподвижныхъ линій архаическаго искусства и въ то же время не увидишь еще и изящной точности искусства Аттическаго. Недостаточное знакомство съ анатоміей, а иногда и полное ея непониманіе, отсутствіе эластичности въ мускулахъ, округлыя и неопредѣленныя очертанія, мягкое и дряблое тѣло, таковы характерныя черты этихъ фигуръ, неудовлетворительныхъ по

рисунку. Рука художника, въ исключительной погонѣ за эффектомъ, кажется, сознательно пренебрегала изученіемъ формъ. Что касается позъ, онѣ иногда поражаютъ своей смѣлостью и всегда отличаются необыкновеннымъ реализмомъ, а потому не ищите тутъ ни искусно соразмѣрныхъ движеній эгинскихъ воиновъ, ни несравненнаго благородства фигуръ Парѣнона. Въ мраморныхъ статуяхъ Олимпіи нѣтъ ничего идеальнаго: Клады ползетъ на животѣ, позы молодыхъ людей, стоящихъ на корточкахъ на восточномъ фронтонѣ—совсѣмъ не академическія; и хотя стоячія фигуры имѣютъ болѣе достойную позу, главная ихъ цѣнность заключается въ томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ проявляютъ жизненные черты. Посмотрите, наконецъ, на головы этихъ фигуръ: по очень рѣдкой и счастливой случайности большинство этихъ статуй дошло до насъ не въ видѣ безголовыхъ торсовъ, и въ то время, какъ среди фигуръ Парѣнона лишь у одной сохранилась голова, въ Олимпіи сохранились въ цѣлости три головы восточнаго фронтона и одиннадцать западнаго. И тутъ, какъ и въ одѣянїяхъ, какъ и во всемъ остальномъ, вы найдете странныя несоотвѣтствїя. Нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ имѣютъ совершенно архаическій видъ: лобъ низкій, черепъ широкой, симметрично положенные волосы тщательно завиты, иногда даже волосы прикрыты шапкой, и, согласно обычаю примитивовъ, живопись часто приходитъ на помощь слабому рѣзцу. А наряду съ небрежной скульптурой встрѣчаются восхитительныя головы, лица въ профиль съ живымъ взглядомъ, съ выразительнымъ ртомъ; нѣкоторыя женскія головы на

западномъ фронтонѣ блещутъ молодостью и восхитительной граціей и, несмотря на нѣсколько холодное выраженіе; на нихъ печать какого-то неуловимаго аристократическаго изящества.

Въ концѣ, концовъ, въ этихъ произведеніяхъ странное и оригинальное смѣшеніе достоинствъ и недостатковъ; архаическія традиціи идутъ тутъ бокъ о бокъ съ совершенно новыми дерзаніями; рядомъ съ удивительной работой много небрежности, неточности, неумѣнія, даже полного невѣжества; и что еще болѣе странно, на обоихъ фронтонахъ встрѣчаются тѣ же характерныя черты; неоконченность и спѣшность работы, — видно, что едва давали себѣ трудъ скольконибудь обдѣлывать статуи съ задней стороны; въ отдѣлкѣ неувѣренность и поверхностность; такъ что дѣйствительно съ перваго взгляда кажется, что всѣ онѣ произведенія одной школы, вышли изъ однѣхъ и тѣхъ же рукъ.

Но посмотрите на композицію, которая несравненно выше работы на обоихъ фронтонахъ: правда, на обоихъ фасадахъ группы расположены согласно столь же строгой, сколь чрезмѣрной симметріи; однако, какая разница. На востокѣ фигуры расположены чуть-ли не случайно, не видно, чѣмъ связаны онѣ съ общимъ ходомъ дѣйствія; какъ было остроумно замѣчено, онѣ разставлены точно кегли. Теперь сравните съ этой неподвижностью, съ этой сухостью, совсѣмъ иную драматическую композицію западнаго фронтона, страстность движенія, смѣлость разнообразія, которыми онъ запечатлѣнъ; видно, что у художника явились честолюбивые замыслы создать дѣйствіе въ мраморѣ, желаніе сгруппиро-

вать фигуры по извѣстной идеѣ; и несмотря на нѣкоторыя слабости, произведеніе не оказалось много ниже мечты. Такимъ образомъ въ конечномъ выводѣ наталкиваешься на странное противорѣчіе: композиція обоихъ фронтоновъ повидимому, не можетъ быть одного и того же мастера; а между тѣмъ стиль обоихъ произведеній, какъ кажется, выдаетъ одинъ и тотъ же рѣзецъ.

Чтобы объяснить это тождество въ работѣ, это несоотвѣтствіе между замысломъ и исполненіемъ, и наконецъ эту немощность, не встрѣчающуюся у великихъ художниковъ, слѣдуетъ ли предположить, что аѳинскіе мастера доставили эскизы, а мѣстные ваятели по этимъ рисункамъ исполнили скульптуру на фронтонахъ? Такое раздѣленіе труда не было рѣдкостью, и самъ Фидій удовольствовался тѣмъ, что сдѣлалъ рисунки для Парѳенонскаго фриза. Слѣдуетъ ли, наоборотъ, стараться отыскать между мраморными произведеніями восточнаго фронтона и Побѣдой, подписанной именемъ Пэонія, черты сходства, усиливаться открыть на западномъ фронтонѣ хоть какой-нибудь слѣдъ тонкаго аристократическаго вкуса, характеризующаго талантъ Алкамена? Слѣдуетъ ли могучей силѣ и искреннему реализму восточнаго фасада противопоставлять болѣе тонкую изящную пропорціональность, болѣе определенное и менѣе грубое очертаніе формъ, какое, повидимому, находятъ на западномъ фасадѣ; и чтобы спасти, во что бы то ни стало, традиціи и сохранить за Пэоніемъ и Алкаменомъ славу и авторство этихъ произведеній, слѣдуетъ ли извинять небрежность отдѣлки, предположивъ,

что эти декоративныя статуи, поставленныя на 19 метровъ высоты, были сдѣланы такъ, чтобы на нихъ смотрѣть издали, чтобы съ особой силой поражать зрѣніе, и что на такомъ разстояніи не важны тщательность въ подробностяхъ и законченность исполненія?

Конечно, соблазнительно отыскать подлинное твореніе двухъ великихъ мастеровъ, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ, показать, какъ эти два художника, современники и соперники Фидія, но отъ него независимые, работали въ Олимпіи раньше, чѣмъ тамъ появился великій аѳинскій скульпторъ и, подготовляя своими произведеніями, предшествовавшими фронтонамъ Парѳенона, тѣ пути, гдѣ Фидій обрѣтетъ различные элементы своего генія. Соблазнительно, конечно, между Эгинетами и великимъ Аттическимъ мастеромъ помѣстить его предшественниковъ, различныхъ по направленію: первый изъ нихъ, Пэоній, неистово горячій, главнымъ образомъ преслѣдующій декоративный эффектъ; онъ бьетъ сильно, даже грубо, чтобы быть понятымъ толпой, своего рода античный Микель-Анжело, обладающій, какъ и римскій мастеръ, энергіей, чувствомъ жизни и искренностью реализма¹⁾; второй, Алкамень, болѣе тонкій, болѣе аристократичный,—его шедевръ, Афродита въ садахъ была знаменита во всемъ древнемъ мірѣ, благодаря изяществу конечностей и лица,—болѣе умѣлый чѣмъ Пэоній, но менѣе его могучій, болѣе изящный, но менѣе нервный и менѣе потрясающій, однако обладающій болѣе проникновенной прелестью и болѣе оригинальной граціей: оба провозвѣстники и предшественники Фидія, сумѣвшаго аттическую

грацію одного соединить съ мастерской простотой, съ величавой мощью другого, почерпнутыми изъ могучей школы пелопонесскихъ мастеровъ.

Къ несчастью, нѣтъ прямыхъ доказательствъ въ пользу этихъ заманчивыхъ гипотезъ. Наше знаніе древности настолько отрывочно, что невозможно бываетъ указать время жизни самыхъ знаменитыхъ художниковъ, самыхъ прославленныхъ именъ, и ихъ приходится приурочивать къ довольно неопредѣленному періоду; а, съ другой стороны, изученіе произведеній искусства, даже для самыхъ свѣдущихъ людей, вещь настолько субъективная, что каждый видитъ ихъ своими глазами. Прибавьте къ этому, что олимпійская скульптура своими неожиданными качествами на первыхъ порахъ сильно смутила тѣхъ, кто принялся за ея изученіе и тогда станетъ понятно, что отъ неожиданности появилось и большое разногласіе въ мнѣніяхъ. „Представьте себѣ, остроумно замѣчаетъ Райе, охотника, подкарауливающего дикую козу и вдругъ видящаго, что выскакиваетъ кабанъ, и вы поймете чувство растерянности, возбужденное этими открытіями“.

Въ то время, какъ иные признаютъ ихъ, — и таково мнѣніе одного изъ лучшихъ знатоковъ античнаго искусства, — за произведенія особой школы сѣверной Греціи, другіе съ меньшей увѣренностью видятъ въ нихъ явные слѣды аттического искусства; въ то время какъ одни открываютъ, по крайней мѣрѣ въ западномъ фронтонѣ, разительное сходство съ метопами Парѣнона, другіе, наоборотъ, заявляютъ, что эти изваянія гораздо болѣе ранняго періода, чѣмъ аѣинскія, и что на нихъ нѣтъ и слѣда Фидіева

вліянія. Въ то время, какъ иные видятъ въ нихъ оригинальныя произведенія Пэонія и Алкамена, другіе оставляютъ за этими художниками лишь славу замысла и приписываютъ исполненіе мастерамъ мѣстной школы, сумѣвшимъ лишь использовать модели учителей. Одни поражены, что въ этихъ изваяніяхъ столько еще архаическаго, другіе видятъ въ нихъ исключительно характерныя признаки, отмѣчающіе новое искусство... При такомъ разнообразіи мнѣній дѣлать опредѣленные выводы значило бы выказать крайнюю самонадѣянность: но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ потопить въ потокѣ словъ и пререканій сами эти столь замѣчательныя произведенія, открытыя въ Олимпіи. Они имѣютъ полное право занять въ исторіи эллинской скульптуры значительное мѣсто, и къ какой бы школѣ ни принадлежали анонимные мастера, создавшіе ихъ, они должны занимать выдающееся мѣсто среди непосредственныхъ предшественниковъ Фидія.

Впрочемъ, Олимпійскія раскопки возвратили намъ и подлинное произведеніе скульптора, которому по преданію приписывали восточный фронто́нь. Передъ фасадомъ храма Навпактскіе мессенцы воздвигли въ 424 году на высокомъ пьедесталѣ статую Побѣды въ память славной побѣды при Сфактеріи, одержанной ими надъ ихъ исконными врагами Лакедемонянами; и на пьедесталѣ этого памятника, по счастью сохранившагося до нашихъ дней, можно прочесть вслѣдъ за посвященіемъ: „Пэоній изъ Мендеи, сдѣлалъ эту статую и за украшенія на фронто́нь храма получилъ призъ“. Слѣдовательно, тутъ невозможно

никакое сомнѣніе; и больше, чѣмъ фронтоны, подлинный мраморный памятникъ, скрѣпленный подписью, знакомитъ насъ съ большимъ почти неизвѣстнымъ мастеромъ, работавшимъ въ Олимпіи.

Богиня изображена улетающей ввысь, у ногъ ея паритъ орелъ; все ея тѣло прекраснымъ движеніемъ подалось впередъ, и въ то время, какъ лѣвая нога едва касается пьедестала, правая упирается еще въ мраморную подставку, которая, выкрашенная раньше въ лазурный цвѣтъ, изображала пространство, куда улетааетъ Побѣда. Подъ плащомъ, раздуваемымъ вѣтромъ, подъ мягкой и тонкой тканью, обрисовывается все тѣло; и длинный дорическій пеплосъ, открывающій лѣвое плечо и ногу, приподнятъ сзади гармоничными складками. Раньше статую поддерживали большія распростертыя крылья и широкой раздувающійся по вѣтру плащъ сохранялъ равновѣсіе; прежде, приподнятая лѣвая рука придавала богинѣ еще болѣе гордый видъ,—и голова,—къ несчастью отъ нея осталась лишь задняя часть,—вѣнчала красоту этого удивительнаго изваянія. Но и такъ, сильно поврежденное, произведеніе это все еще восхитительно; и нельзя достаточно похвалить живописность и силу замысла, несравненную смѣлость безудержнаго порыва, изящество и гибкость линій, глубокое чувство реального. Если сравнить Побѣду съ изваяніями восточнаго фронтона, станетъ почти невозможнымъ, повидимому, приписать одному и тому же мастеру такія различныя произведенія. Конечно, кто хочетъ во что бы то ни стало придерживать традицій, тотъ можетъ отмѣтить

и тутъ и тамъ одинаковый, порой чрезмѣрный, реализмъ, замѣтитъ, что отдѣльная статуя, предназначенная, чтобы на нее смотрѣли вблизи, требовала болѣе тщательной отдѣлки, чѣмъ декоративныя изваянія фронтона, напомнитъ наконецъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Пэоній работалъ надъ фасадомъ храма, прошло не менѣе 20 лѣтъ, и что въ такой длинный промежутокъ большой художникъ не можетъ не идти впередъ. Конечно, если бы можно было принять такую гипотезу, было бы интересно изучить по этимъ изваяніямъ постепенное художественное развитіе знаменитаго мастера, показать, какъ этотъ ваятель, независимый и гордый, помимо своей воли испытывалъ на себѣ вліяніе великаго движенія, охватившаго Грецію, и какъ къ природнымъ своимъ свойствамъ, къ смѣлости и силѣ, къ древнимъ традиціямъ своей школы онъ присоединялъ стремленіе къ болѣе тонкой и тщательной отдѣлкѣ, большее изящество и грацію. Но помимо всѣхъ этихъ предположеній достаточно самого произведенія, чтобы познакомиться съ его авторомъ; конечно, его нельзя сравнивать съ прекрасными изваяніями Пареемона; но создавшій его мастеръ заслуживаетъ не быть забытымъ. Повидимому онъ оказалъ продолжительное вліяніе на послѣдующія поколѣнія. Въ Олимпійскомъ памятникѣ много чертъ, напоминающихъ дивную статую Побѣды Самоеракійской, много подробностей, заставляющихъ вспоминать объ изваяніяхъ Галикарнаса и Ксанѳа: та же любовь къ сильнымъ движеніямъ, къ развѣвающимся по вѣтру плащамъ, къ выразительнымъ и драматическимъ позамъ,

это тотъ же пррывъ, та же стремительная сила жизни; и если вѣрно, что эти различныя произведенія относятся къ школѣ Скопаса, то Паросскій мастеръ происходитъ отъ Пэонія болѣе, чѣмъ отъ кого-либо другого.

Кромѣ изваяній фронтоновъ, двѣнадцать метопъ, помѣщенныхъ подъ колоннадой храма, украшали фризы святилища. Эти барельефы изображали работы Геракла, и съ 1829 года Морейская экспедиція открыла важные обломки двухъ изъ нихъ, сохраняющіеся въ Луврѣ; благодаря нѣмецкимъ раскопкамъ на свѣтъ божій появились многочисленныя остатки другихъ метопъ, такъ что возможно составить полное понятіе о каждой изъ нихъ. Не вдаваясь въ безполезныя подробности, достаточно будетъ указать на тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ дѣйствительно, благодаря тому, что хорошо сохранились, большой интересъ для исторіи эллинскаго искусства. На первомъ мѣстѣ стоятъ двѣ луврскія метопы: Гераклъ, укрощающій Критскаго быка, безусловно лучшая метопа изъ всей этой серіи, а также Гераклъ, убивающій птицъ Стимфальскаго озера; послѣдняя, къ счастью, дополняется нѣмецкими открытіями. Дальше идетъ бой Геракла съ Геріономъ, карликомъ о трехъ туловищахъ, чистка Авгіевыхъ конюшенъ, гдѣ Аѳина стоитъ позади героя съ шлемомъ на головѣ, а онъ, поднявъ руки, въ позѣ вполнѣ реалистической, точно выталкиваетъ метлой кучу нечистотъ. Наконецъ, еще метопа, изображающая Геракла, отправляющагося къ Атласу за золотыми яблоками Гесперидъ. Легенда эта извѣстна. Чтобы достигнуть цѣли и получить чудесныя плоды Гераклъ по-

просилъ Атласа, чтобъ тотъ сорвалъ ихъ ему въ знаменитомъ саду. За это онъ предложилъ гиганту на минуту замѣнить его въ трудной работѣ поддерживать на своихъ плечахъ вселенную. На Олимпійской метопѣ изображенъ именно тотъ моментъ, когда Атласъ, принявъ договоръ, приноситъ герою золотыя яблоки. Въ центрѣ, Гераклъ стоитъ нагой и, приподнявъ руки, поддерживаетъ небо, покоющееся на его головѣ. Передъ нимъ Атласъ держитъ въ каждой рукѣ по три золотыхъ яблока, налѣво одна изъ Атлантидъ, одѣтая въ тяжелый дорическій пеплосъ. Но вотъ и конецъ легенды, которую не разсказалъ олимпійскій ваятель. Освободившись отъ своей вѣчной ноши, Атласъ такъ обрадовался свободѣ, что вознамѣрился оставить вселенную на спинѣ Геракла, и самому отнести золотыя яблоки царю Эврисею; это не входило въ расчеты почтеннаго Геракла, начинавшаго находить, что небо черезчуръ тяжело ложится ему на плечи. По счастью для него, онъ въ этотъ день оказался не менѣе хитрымъ, чѣмъ сильнымъ; притворившись, будто принимаетъ предложеніе Атласа, онъ попросилъ только въ видѣ милости, чтобы ему позволили смастерить подушку, пригодную для поддержанія тяжести вселенной и чтобы куда только онъ смастеритъ подушку, гигантъ на минуту взвалилъ опять себѣ на плечи свою привычную ношу. Неосторожный Атласъ согласился, и можно легко себѣ представить, что герой, чуть только небо оказалось на прежнемъ своемъ мѣстѣ, схватилъ яблоки, да и былъ таковъ. Преданіе не сохранило имени скульпторовъ, изваявшихъ Олимпійскія метопы;

но время происхожденія этихъ барельефовъ можетъ быть опредѣлено довольно вѣрно. Эти большія каменные плиты высотой въ 1 метръ 60, а шириной въ 1 метръ 50, не могли быть, подобно изваяніямъ на фронтонахъ, прибавлены гораздо позже къ зданію, давно уже законченному; они такъ хорошо вставлены между триглифами фриза, что очевидно были помѣщены такъ во время сооруженія храма, т.-е. между 460—450 гг. Впрочемъ, достаточно только взглянуть на эти барельефы, чтобы видѣть, что они не вполнѣ еще свободны отъ архаическихъ традицій. Въ симметріи тяжелыхъ и прямыхъ складокъ одеждъ еще отчасти сохраняется застылость примитивовъ; головы четырехугольныя и костлявыя съ грубо намѣченными волосами и бородами, такъ что, согласно древнему обычаю, живопись должна тутъ прійти на помощь пластикѣ; позы сохраняютъ иногда полнѣйшую неподвижность. Словомъ, если сравнить эти метопы съ метопами храма Тезея въ Аѳинахъ, изображающими тотъ же мотивъ, олимпійскіе барельефы окажутся гораздо болѣе архаической работы, хотя они едва ли болѣе чѣмъ на десять лѣтъ старше аѳинскихъ изваяній. Они вдохновлены совсѣмъ иными традиціями и ни въ какой степени не испытали вліянія аттической школы. Слѣдовательно, желать видѣть въ этихъ метопахъ двѣ различныя школы, одну чисто пелопоннескую, другую вдохновенную указаніями Пэонія, это значитъ докапываться до слишкомъ большихъ тонкостей; желать опредѣлить въ какой мѣрѣ стиль этихъ метопъ приближается къ стилю фронтоновъ, это значитъ терять

время на безплодные изысканія. Въ дѣйствительности эти барельефы несомнѣнно произведеніе мѣстныхъ мастеровъ, приглашенныхъ архитекторомъ храма, какъ только приступили къ украшенію зданія; и навѣрно эти ваятели изъ Пелопонеса были достаточно искусны. Они умѣли уже настолько отдѣлаться отъ архаическихъ традицій, чтобы передать въ самыхъ простыхъ, но вѣрныхъ чертахъ точную анатомію и мощную мускулатуру тѣла. Если въ расположеніи часто и видна еще нѣкоторая наивность и неумѣлость, все же они умѣютъ порой подняться до болѣе высокихъ замысловъ, и Луврская метопа по трогательной простотѣ композиціи, по могучей трезвости исполненія, по замѣчательному знанію дѣла, по дерзновенной смѣлости рисунка есть несомнѣнно настоящій шедевръ. Въ сравненіи съ метопами Парѣенона, которыя, однако, болѣе поздняго періода, Олимпійскій барельефъ ничуть не теряетъ. Правда, работа этихъ пелопоннескихъ мастеровъ иногда нѣсколько суха и архаична; но съ другой стороны они, вмѣстѣ съ замѣчательной добросовѣстностью, съ рѣдкимъ пониманіемъ декоративныхъ требованій, съ удивительнымъ чувствомъ природы соединяли полноту и силу, какой нѣтъ у мастеровъ аттической школы. А потому они, какъ и ваятели фронтоновъ, заслуживаютъ быть отмѣченными среди другихъ предшественниковъ Фидіа. Въ Парѣенонскихъ фронтонахъ встрѣчаются нѣкоторыя главные качества, отличающія Луврскую метопу; и для насъ представляется не малымъ интересомъ объяснить по Олимпійскимъ изваяніямъ происхожденіе Фидіева произведенія.

А теперь въ силу того, что на священной почвѣ Олимпіи мы вкратцѣ находимъ всю исторію греческой скульптуры, намъ слѣдуетъ обратиться къ одному изъ чудесъ Альтиса, къ знаменитой статуѣ Зевса Олимпійскаго, слывшей, по свидѣтельству всего античнаго міра, за образцовое произведеніе Фидіа, за верхъ торжества, когда-либо достигнутаго эллинскимъ творчествомъ.

Когда жители Элиды закончили сооруженіе храма Зевса, у нихъ естественно явилось честолюбивое желаніе воздвигнуть богу статую, достойную его; къ кому же было имъ обратиться для этого, какъ не къ знаменитому мастеру, который въ это же время воздвигалъ на Аѳинскомъ Акрополѣ безподобный памятникъ богинѣ Палладѣ. Олимпійское святилище ни въ чемъ не должно было уступать Парѳенону: и Фидій былъ призванъ въ Пелопонесъ. Когда работы на Акрополѣ были закончены, быть можетъ, даже нѣсколькими годами позднѣе, послѣ знаменитаго процесса, окончившагося изгнаніемъ изъ Аѳинъ Периклова друга, во всякомъ случаѣ, послѣ 438 г. великій мастеръ прибылъ въ Олимпію съ цѣлой компаніей художниковъ, долженствовавшихъ помогать ему въ работѣ; между ними былъ художникъ Панаэнъ, родственникъ Фидіа, украсившій цѣлымъ рядомъ фресокъ внутренность храма Зевса. Аѳинскіе художники были встрѣчены съ большими почестями; въ распоряженіе Фидіа предоставили великолѣпную мастерскую, размѣрами и расположеніемъ совершенно одинаковую съ святилищемъ храма, гдѣ должна была быть воз-

двигнута статуя; такимъ образъ мастеръ заранѣе могъ судить о впечатлѣніи, какое будетъ производить статуя съ предназначеннаго для нея мѣста.

Созданіе Фидія помѣщалось въ глубинѣ святилища въ отгороженномъ мѣстѣ, куда доступъ былъ строго запрещенъ, все залитое свѣтомъ, падавшимъ на него изъ верхняго отверстія храма. Павзаній, видѣвшій статую, даетъ ея подробное описаніе. Богъ былъ изображенъ сидящимъ на тронѣ; въ одной рукѣ у него былъ скипетръ, на другой онъ держалъ, подобно Аѳинѣ Парѳенону, крылатую Побѣду. На немъ былъ плащъ, открывавшій плечо и верхъ груди и прикрывавшій широкими складками низъ торса; обнаженные части тѣла были изъ слоновой кости, одежды изъ золота различныхъ оттѣнковъ, а плащъ покрытъ рѣзьбой, точно усыпанъ цвѣтами. На кудряхъ оливковый вѣнокъ изъ зеленаго золота напоминалъ объ обычной наградѣ Олимпійскихъ побѣдителей. Богъ сидѣлъ въ спокойной внушительной позѣ, „кроткій и миролюбивый, говоритъ Діонъ Хризостомъ, охраняя объединенную и умиротворенную Грецію“. Что касается типа лица, извѣстенъ знаменитый рассказъ, будто Фидій вдохновился слѣдующими стихами Гомера: „Такъ сказалъ сынъ Сатурна и сдвинулъ черныя брови; волосы бога, пропитанные амброзіей, зашевелились на его безсмертной головѣ, и онъ потрясъ обширный Олимпъ“.

Особо величавый характеръ этого огромнаго произведенія, — статуя имѣла 13 метровъ высоты, — дополнялъ тронъ изъ золота и слоновой кости, изъ мрамора и чернаго дерева, на

которомъ возсѣдалъ богъ. Это было чудо искусства, гдѣ рѣзьба и скульптура могли поспорить съ богатствомъ матеріаловъ. Округленно-выпуклыя фигуры поддерживали сѣдалище; барельефы, изображающіе, помимо другихъ мотивовъ, восемь родовъ игръ, практиковавшихся въ Олимпіи, шли вокругъ нихъ; на высокой спинкѣ надъ головой бога двѣ группы изображали Времена года и Грацій; на основаніи, поддерживавшемъ памятникъ, были изображенія великихъ божествъ, образующихъ свиту владыки боговъ; на золотой скамейкѣ, куда были поставлены ноги бога, находились изваянія львовъ, и барельефъ, гдѣ была изображена битва Тезея съ Амазонками. Вся миѳологія была сконцентрирована въ этомъ изображеніи, размѣровъ гигантскихъ, гдѣ золото и слоновая кость, живопись, рѣзьба и скульптура соединились вмѣстѣ, чтобы всѣми своими тонами и линіями производить впечатлѣніе могучаго блеска и богатѣйшей гармоніи.

Къ несчастью, идеальный типъ, созданный Фидіемъ, намъ почти неизвѣстенъ. Статуя исчезла быть можетъ, при пожарѣ храма, или въ Константинополѣ, если вѣрно, что Θεодосій I велѣлъ перевезти ее въ свою столицу; и среди многочисленныхъ бюстовъ Зевса, наполняющихъ наши музеи, ни одинъ не можетъ претендовать на точное воспроизведеніе статуи Фидія. Идеаль, созданный Аѳинскимъ ваятелемъ, подвергся послѣ него многимъ измѣненіямъ, каноническій типъ бога утратилъ много изъ своихъ достоинствъ въ рукахъ послѣдователей великаго учителя; такъ что невозможно сказать, до какой степени копіи удаляются отъ оригинала. Въ то

время, какъ нѣкоторыя вѣрныя копіи даютъ намъ приблизительно точное понятіе о Парѣенонской Аѣинѣ, бюстъ Отриколійскій и Зевсъ Вероспи, хранящійся въ Ватиканѣ, въ которыхъ долго видѣли вѣрныя копіи Юпитера Олимпійскаго,—представляютъ лишь посредственныя и слабыя ему подражанія. Подлинныя снимки съ лучшаго произведенія Фидіа надо искать на монетахъ, чеканенныхъ въ Элидѣ во времена Адріана. На этихъ памятникахъ волосы, охваченные оливковымъ вѣнкомъ, падаютъ по-просту на затылокъ, открывая ухо, и раздѣлены на тонкія пряди. Высокій и широкій лобъ, густыя брови напоминаютъ верховнаго владыку боговъ и людей, въ то время какъ низъ лица и ротъ указываютъ на бога мирнаго и кроткаго, о которомъ говоритъ Діонъ Хризостомъ. Не бога разгнѣваннаго, мечущаго громъ и молнію, изобразилъ Фидій, но отца боговъ и людей, верховное величіе котораго покоится на ясной неизмѣнности и умѣряется безконечной кротостью. На созданіе Аѣинскаго мастера древній міръ излилъ весь запасъ своихъ похвалъ. „Ступайте въ Олимпію, восклицаетъ Эпиктетъ, чтобы полюбоваться на произведеніе Фидіа, и считайте несчастьемъ, если умрете, не увидѣвъ его“. Кто имѣлъ счастье его видѣть, бывалъ такъ потрясенъ, точно присутствовалъ при явленіи самого божества. „О, Фидій, говоритъ одинъ поэтъ, или богъ сошелъ съ небесъ на землю, чтобъ предстать передъ тобой, или ты взошелъ на Олимпъ, чтобы лицезрѣть бога“. „Еслибъ даже, говоритъ Діонъ Хризостомъ въ своей Олимпійской рѣчи, у человѣка душа была смущена трудомъ и забо-

тами до такой степени, что онъ утратилъ бы отраду сна, я увѣренъ, увидя произведеніе Фидія, онъ забылъ бы всѣ печали и тревоги, какія несетъ съ собой жизнь: такъ велика, о, Фидій, красота твоего произведенія, столько вложилъ ты въ него священнаго трепета и великолѣпія“. Рассказываютъ, что благочестивый и важный Павелъ-Эмилій, побѣдитель Персея, пришелъ въ такое восхищеніе при видѣ этого совершеннаго величія, что принесъ Эллинскому богу жертву съ той же торжественностью, съ какой онъ приносилъ поклоненіе Юпитеру Капитолійскому.

Но среди всѣхъ этихъ свидѣтельствъ самое трогательное, на мой взглядъ, это прекрасная и наивная легенда, сохранявшаяся Олимпійскимъ преданіемъ. Когда Фидій окончилъ свое твореніе, когда статую поставили на ея высокій пьедесталь въ глубинѣ святилища, художникъ обратился къ богу съ горячей молитвой, чтобы не было отвергнуто его произведеніе, и чтобы богъ, какимъ либо явнымъ знаменіемъ, открылъ ему, что признаетъ въ этомъ произведеніи смертнаго достойное выраженіе своего верховнаго величія. И вотъ небо разверзлось, загремѣлъ громъ, и въ раскрытую крышу храма богъ, въ знакъ своего довольства, метнулъ на паперть святилища ослѣпительную молнію. Черная мраморная плита съ золотымъ кругомъ посерединѣ сохранялась на томъ мѣстѣ, гдѣ своимъ чудеснымъ свидѣтельствомъ богъ освятилъ твореніе Фидія.

V.

Въ теченіе долгихъ вѣковъ, что существовало Олимпійское святилище, много другихъ зданій было воздвигнуто вокругъ Зевсова храма; много знаменитыхъ памятниковъ эллинскаго искусства нашло пріютъ подъ высокими деревьями Альтиса; и если—въ этомъ нельзя не сознаться—раскопки возвратили намъ самую небольшую долю этихъ чудесъ, онѣ тѣмъ не менѣе открыли много поучительнаго, чего мы раньше не знали. Въ частности онѣ пролили совершенно новый свѣтъ на темные и отдаленные зачатки греческой цивилизаціи и греческаго искусства, и однимъ этимъ онѣ уже заслуживаютъ полнаго вниманія современной археологіи. Въ прежнія времена, когда Аполлонъ Бельведерскій слыль за памятникъ наивысшаго совершенства греческаго искусства, быть можетъ, отвернулись бы съ нѣкоторымъ презрѣніемъ отъ этихъ наивныхъ попытокъ искусства, идущаго ошупью, отъ этихъ давнихъ и грубыхъ памятниковъ первобытной цивилизаціи. Теперь такое презрѣніе показалось бы до нѣкоторой степени невѣжествомъ. Микены и Гиссарлыкъ, Делось и Акрополь сроднили насъ съ тѣмъ долгимъ періодомъ, когда подготовлялся расцвѣтъ античнаго искусства, и заставили насъ войти во вкусъ еще нѣсколько грубой, но могучей силы примитивовъ. Олимпія оказываетъ намъ не менѣе цѣнныя услуги: благодаря раскопкамъ въ ней, архитектура и скульптура архаическаго періода получили совершенно неожиданное освѣщеніе.

Къ сѣверу отъ святилища Зевса высился

храмъ Геры, одно изъ самыхъ древнихъ зданій Олимпійскаго Альтиса: оно было, по крайней мѣрѣ, VIII вѣка до нашей эры, и можно судить, какой интересъ для исторіи примитивной архитектуры представляетъ этотъ храмъ, самый древній, какой только встрѣчается на эллинскомъ материкѣ. Извѣстно, какіе были возбуждены безконечные споры по поводу исторіи происхожденія и образованія греческихъ стилей: въ то время, какъ, по мнѣнію однихъ, эллинскій храмъ строился съ самага начала изъ каменныхъ плитъ, другіе утверждали, что первые памятники греческой архитектуры были изъ дерева, и что главныя черты расположенія классическаго храма взяты у этого примитивнаго зданія. Олимпійскій храмъ Геры служитъ блестящимъ подтвержденіемъ этого послѣдняго мнѣнія. Уже Павзаній, посѣтивъ этотъ храмъ, съ удивленіемъ замѣтилъ въ задней части зданія дубовую колонну, остатокъ, какъ говорили, первобытнаго памятника; раскопки вполнѣ подтвердили сообщеніе путешественника. Дѣйствительно, въ то время, какъ отъ другихъ построекъ Альтиса были найдены въ землѣ главныя части зданій, тутъ отъ архитрава и фриза не осталось ничего: очевидно, всѣ эти части были деревянные. Что еще болѣе имѣетъ значенія, это безконечное разнообразіе каменныхъ колоннъ, образывавшихъ колоннаду храма; ни одна не похожа на другую; капители ихъ представляютъ всѣ послѣдовательные типы, начиная отъ тяжелой примитивной капители VII или VI вѣка вплоть до изящной и подлинной капители V, вплоть до холодной, сухой капители римской эпохи. Легко объяснить

такую странность, если допустить, что сначала всѣ столбы были деревянные, и что постепенно съ теченіемъ времени они замѣнялись каменными колоннами.

Таковъ былъ древній храмъ Геры; за исключеніемъ фундамента изъ каменныхъ плитъ и стѣнъ изъ кирпича, единственнымъ матеріаломъ для колоннъ и верха зданія служило дерево; черепичная крыша, самая древняя изъ извѣстныхъ намъ, покрывала зданіе; а внутри крѣпкіе пилястры, приставленные къ боковымъ стѣнамъ, замѣняли ряды колоннъ и образовывали вдоль стѣнъ нѣчто въ родѣ часовень. Но самая оригинальная часть памятника—это украшенія изъ обожженной глины и богатый разноцвѣтный орнаментъ, покрывавшій его наружныя части.

Въ деревянномъ храмѣ, несомнѣнно болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ было необходимо оберегать отъ всякихъ переменъ погоды выдающіяся и болѣе высокія части, какъ напримѣръ, фронтоны и карнизъ; съ этою цѣлью употребляли облицовку изъ обожженной глины, служившую къ тому же для храма блестящимъ и богатымъ украшеніемъ¹⁾. Поэтому-то примѣненіе такого способа получило столь широкое распространеніе, во всѣхъ античныхъ памятникахъ Олимпіи. Фронтонъ храма Геры былъ увѣнчанъ интереснымъ глинянымъ раскрашеннымъ постаментомъ, единственнымъ въ своемъ родѣ колоссальнымъ произведеніемъ почти кругообразной формы, покрытымъ разноцвѣтными украшеніями. Сокровищница Гелы была украшена подобнымъ же образомъ. Построенная около 582 года жителями Сицилійскаго

города, она, хоть и выстроена изъ известняка, сохранила стиль примитивной орнаментаціи. Вся верхняя часть зданія была облицована кессонами изъ раскрашенной глины, прикрѣпленными большими бронзовыми гвоздями къ карнизу и къ рамѣ фронтоновъ, и увѣнчанными наверху карнизами изъ того же матеріала, которые служили для стока воды. „Трудно себѣ представить, какой оригинальный и привлекательный видъ придавало зданію это роскошное и гармоничное украшеніе, и какіе удивительные ресурсы для украшенія своихъ деревянныхъ храмовъ находила греческая архитектура VI вѣка въ употребленіи раскрашенной глины“.

Въ теченіе всего архаическаго періода греческій міръ украшалъ такимъ образомъ воздвигаемая имъ зданія. Въ глубинѣ самой Великой Греціи и Сициліи; въ Гелѣ и Селинунтѣ, въ Сиракузахъ, въ Метапонтѣ, въ Кротонѣ храмы были облицованы раскрашенной глиной; и даже, когда камень замѣнилъ дерево, въ постройкѣ памятниковъ примѣнялись тѣ же способы орнамента, во всякомъ случаѣ тамъ, гдѣ матеріаль былъ низшаго качества. Когда въ V вѣкѣ мраморъ почти вездѣ вытѣснилъ известнякъ, глина утратила свое значеніе; тѣмъ не менѣе до римской эпохи она продолжала играть нѣкоторую роль въ архитектурныхъ украшеніяхъ памятниковъ; и теперь, когда она, повидимому, снова выступаетъ на сцену, не бесполезно указать мимоходомъ на античное происхожденіе этихъ искусныхъ сочетаній, которыя такъ недавно еще соединяли глину съ желѣзомъ, и производили чудеса по окраскѣ и легкости.

Исторія древней скульптуры не мало обязана Олимпійскимъ раскопкамъ: онѣ вернули намъ безконечный рядъ памятниковъ, позволяющій какъ-бы вкратцѣ обозрѣть съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ всю исторію греческой пластики. Въ глубокихъ слояхъ Олимпійской почвы нашли тысячи маленькихъ приношеній изъ глины и бронзы, сложенныхъ вѣрными у подножія первобытныхъ жертвенниковъ Альтиса, грубая техника которыхъ сама по себѣ свидѣтельствуесть о глубокой древности. Тутъ мы видимъ треножки, фигурки животныхъ, лошадей, оленей, коровъ и птицъ, портреты людей необыкновенной наивности, все это выкованное съ помощью молота или сдѣланное изъ пластинокъ, склепанныхъ вмѣстѣ; и во всѣхъ этихъ произведеніяхъ искусства и промышленности очень замѣтно вліяніе востока. Здѣсь, на западномъ берегу Эллады, какъ и на всемъ побережьѣ Архипелага, видишь слѣдъ старинныхъ сношеній съ Азіей, имѣвшихъ большое значеніе въ началѣ греческой цивилизаціи. Изъ Египта и Финикіи заимствованъ былъ обычай, близкій сердцу первобытныхъ богомольцевъ Олимпіи, приносить къ подножію жертвенниковъ собственные портреты и изображенія своихъ животныхъ, чтобъ непрестанно оживлять въ памяти бога воспоминанія объ его горячихъ поклонникахъ; отсюда и стиль орнамента на этихъ архаическихъ бронзахъ, геометрическіе рисунки, цвѣты лотоса или пальмы, странныя животныя—грифы и сфинксы,—все это заимствовано у искусства Востока. Однако, хотя образцы и приходятъ изъ Азіи, большинство этихъ предметовъ уже эллинскаго издѣлія, и нѣ-

которые изъ нихъ поражаютъ своею жизненностью; нѣкоторые были исполнены въ Аргосѣ, поддерживавшемъ повидимому съ отдаленнѣйшихъ временъ постоянныя сношенія съ Востокомъ. Среди этихъ приношеній—древнѣйшія изъ нихъ относятся къ VIII вѣку—первое мѣсто занимаютъ прекрасный бронзовый грифъ и нѣсколько металлическихъ чеканенныхъ пластинокъ, изъ которыхъ одна, совершенно восточнаго характера, изображаетъ Артемиду персидскую, стоящую между двухъ львовъ. Это навѣрное произведеніе VII вѣка.

Далѣе, если мы оставимъ этотъ первоначальный періодъ и перейдемъ къ эпохѣ архаическаго искусства, мы найдемъ Олимпійскаго бога въ бронзовыхъ и глиняныхъ фигуркахъ такимъ, какимъ его изображали до Фидія. Тутъ въ особенности обращаетъ на себя вниманіе прекрасная бронзовая голова, нѣсколько сухой работы, но съ большимъ знаніемъ анатоміи, что напоминаетъ технику эгинскихъ мастеровъ; это произведеніе очень тщательной работы, почти кропотливой, гдѣ еще видно архаическое искусство, нѣсколько реалистическое, но уже глубоко выразительное. Затѣмъ слѣдуетъ колоссальная голова Геры, къ несчастью сильно поврежденная, одно изъ древнѣйшихъ произведеній греческаго архаическаго искусства; въ этой каменной фигурѣ начала VI вѣка, гдѣ видно что-то незаконченное, какъ бы стертое, все же чувствуется дѣтское усиліе придать лицу выраженіе доброты и яснаго величія. Имѣется еще голова воина, самое древнее мраморное изваяніе, открытое въ Олимпіи, это несомнѣнно, портретъ, въ которомъ

много еще архаическаго, но довольно тонкія очертанія котораго уже указываютъ на начало V вѣка. Но среди этихъ примитивовъ всего интереснѣе изваянія изъ туфа, украшавшія фронтоны Мегарской сокровищницы. На узкомъ тимпанѣ, длиною едва въ 6 метровъ, и высотой только въ 0,73 метра, двѣнадцать фигуръ въ половину натуральной величины представляютъ тотъ же сюжетъ, который позже былъ такъ блестяще исполненъ Пергамскими ваятелями: битва титановъ и боговъ; на этомъ ограниченномъ пространствѣ, не допуская статуй, барельефы представляли пять паръ сражающихся; изъ нихъ одна только посрединѣ, гдѣ виденъ Зевсъ, поражающій титана, достаточно хорошо сохранилась. Работа эта очень архаическая, анатомія чрезвычайно неточная и условная; живопись должна была возмѣстить недостатки рѣзца, и многочисленные слѣды красной краски выдѣляются на синемъ фонѣ тимпана. Тѣмъ не менѣе это произведеніе второй половины VI вѣка имѣетъ свою цѣну; вмѣстѣ съ изваяніями изъ туфа, недавно открытыми въ Акрополѣ, оно представляетъ древнѣйшій образчикъ украшеній фронтона изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ.

Прежде, чѣмъ обратиться къ главному произведенію, къ самому прекрасному открытію, сдѣланному при Олимпійскихъ раскопкахъ, надо упомянуть еще о нѣкоторыхъ прекрасныхъ изваяніяхъ IV вѣка, о прелестной головѣ Афродиты изъ паросскаго мрамора, представляющей нѣсомнѣнно слѣпокъ съ Венеры Книдской Праксителя; ея закругленный подбородокъ, изящный овалъ, слегка волнистые волосы и полный кро-

тости взглядъ напоминаютъ тончайшій рѣзецъ великаго аѳинскаго мастера; кромѣ того въ большой гимназіи найдена идеальная голова атлета, изящная грація которой и законченность работы также обнаруживаютъ школу Праксителя. Въ особенности слѣдуетъ упомянуть о чудесной бронзовой головѣ, поразительной по своей жизненной правдѣ, по несравненной смѣлости реализма; это несомнѣнно портретъ побѣдителя на Олимпійскихъ играхъ, въ которомъ художникъ сумѣлъ съ рѣдкой смѣлостью передать энергичное выраженіе, почти дерзкое и грубое, этого дикаго побѣдителя. Техника несравненна, чеканка бронзы тщательна до послѣдней степени: несомнѣнно, удивительнымъ музеемъ была гимназія, гдѣ находились такія дивныя произведенія.

Но самое великолѣпное открытіе въ Олимпіи было сдѣлано среди развалинъ храма Геры. Въ своемъ описаніи храма Павзаній, перечисляя многочисленныя заключенныя въ немъ произведенія искусства, говоритъ: „Есть еще мраморный Гермесъ, что держитъ на рукахъ младенца Діониса; статуя эта работы Праксителя“. Восьмого мая 1877 года это мраморное изваяніе было найдено среди обломковъ, и благодаря счастливой случайности оно великолѣпно сохранилось. Богъ, совсѣмъ еще молодой, и очень изящный, стоитъ, небрежно прислонившись къ стволу дерева, на который сбросилъ свой плащъ; тѣло мягко склоняется впередъ, ложась всей тяжестью на слегка выставленную правую ногу, причемъ линіи его образуютъ граціозный волнообразный изгибъ, особенно выдавая выгибъ бедра. На лѣвой рукѣ у него сидитъ младенецъ

Діонисъ, который положилъ одну рученку на плечо бога, поднявъ другую съ жадностью, и все его маленькое тѣлице трепещетъ отъ нетерпѣнія. Дѣло въ томъ, что правой рукой, къ несчастію утраченной, Гермесъ показывалъ ребенку какой-то предметъ, возбуждавшій его желаніе, вѣроятно виноградную кисть, что подтверждается нѣкоторыми слѣпками этой группы, ставшей знаменитой уже въ древности; слѣпки эти несомнѣнно средняго достоинства, но они сохраняютъ слабый слѣдъ Праксителя.

Таково это рѣдкостное произведеніе; мраморъ его сохранилъ весь свой былой блескъ, все свое былое обаяніе, и едва ли нужно восхвалять это удивительное изваяніе, ибо оно исполнено въ совершенствѣ и съ несравненной граціей выраженія; что можетъ быть заманчивѣе этого контраста между волненіемъ ребенка, почти лихорадочнымъ, и невозмутимымъ спокойствіемъ бога, съ полуулыбкой слегка наклонившаго голову. Нельзя достаточно подчеркнуть, какъ важно для исторіи искусства обладать оригинальнымъ произведеніемъ одного изъ величайшихъ мастеровъ Греціи, котораго древніе вполнѣ единодушно и не колеблясь ставили наравнѣ съ Фидіемъ. До этого открытія мы могли лишь догадываться о творествѣ Праксителя по неудовлетворительнымъ слѣпкамъ; и хотя эти копіи могутъ дать нѣкоторое понятіе о Венерѣ Книдской или Аполлонѣ Савроктонскомъ, хотя Луврскій сатиръ, найденный при Палатинскихъ раскопкахъ, былъ принятъ нѣкоторыми за оригинальное произведеніе великаго мастера, все же то были слабые намеки на творенія одного изъ самыхъ прославленныхъ ваятелей древно-

сти. Теперь намъ въ подлинномъ произведеніи открылся его геній; и когда вспомнишь, какъ рѣдко имѣемъ мы подобное счастье относительно другихъ ваятелей—Лизиппъ, Поликлетъ и другіе не знакомы намъ ни по одному безусловно подлинному оригиналу—тогда станетъ понятенъ исключительный интересъ Олимпійскаго изваянія. Правда, Гермесъ Праксителя, сравнительно съ другими произведеніями этого ваятеля, не пользуется исключительной славой; онъ не былъ въ древности такъ знаменитъ, какъ всѣ эти Венеры, Амуры и Сатиры, созданные тѣмъ же аѳинскимъ ваятелемъ. Каковы же должны были быть эти произведенія, если и второстепенное изваяніе кажется намъ такимъ великолѣпнымъ!

Не предполагая разбирать здѣсь характерныя черты Праксителява генія, надо все-таки отмѣтить, какіе новые элементы этотъ великій мастеръ ввелъ въ эллинское искусство. Древніе критики, всегда выражающіеся недостаточно ясно, говорятъ, что болѣе чѣмъ кто-либо онъ сумѣлъ приблизиться къ правдѣ, не впадая въ то же время въ реализмъ, и что онъ сумѣлъ оживить свои мраморныя статуи всѣми страстями души человѣческой.

Дѣйствительно, изображаемые имъ боги не имѣютъ ничего общаго съ богами Фидія, парящими въ своемъ верховномъ величіи такъ недоступно высоко надъ всѣми человѣческими слабостями: четвертый вѣкъ, когда жилъ Пракситель, утратилъ уже благоговѣйныя чувства и религіозную вѣру, и не могъ больше создавать столь высокіе образы. Усиленіе роскоши и удобствъ жизни, утонченность умственной культуры ослабили силу

страстей и угасили пылъ восторговъ предыдущаго вѣка. Въ глазахъ новаго общества боги Олимпа уже не сверхчеловѣческіе лики, къ которымъ нельзя прикасаться безъ религіознаго трепета; рѣзецъ Праксителя роднитъ съ ними, низводитъ ихъ до уровня смертныхъ, одушевляетъ ихъ всѣми страстями, всѣми чувствами человѣческими. Аполлонъ становится молодымъ человѣкомъ, играющимъ съ ящерицей; Венера—молодой женщиной, спускающей съ себя одежды, собираясь купаться; и художникъ гораздо больше стремится облечь ихъ въ утонченно-изящныя формы, чѣмъ выразить величіе чувства.

Всѣ эти статуи полны гармоничной граціи, юношеской гибкости формъ, порой почти женственной. „Чтобы подчеркнуть волнообразную гибкость тѣла, фигура не становится въ отвѣсномъ положеніи, а держится на одной ногѣ или мягко прислоняется къ стволу дерева; такимъ образомъ художникъ прерываетъ вертикальныя линіи торса и ногъ, разнообразитъ видъ симметрическихъ членовъ, выдвигаетъ красоту бедеръ и общее изящество очертаній“. Въ такой небрежной и спокойной позѣ изображены Гермесъ, и Аполлонъ, и Сатиръ. Она является характерной для произведеній Праксителя.

Не менѣе любопытно приглядѣться и къ тщательности отдѣлки мельчайшихъ подробностей. Вообще лица, которыя любитъ изображать художникъ, это—совсѣмъ молодые люди: но ни одинъ изъ атлетовъ котораго ваятель могъ бы взять, какъ модель, не обладалъ любимыми имъ нѣжными гармоничными формами; Апоксіомень Лизиппа, такъ хорошо сложенный, такой изящ-

ный, и въ то же время сильный, кажется совсѣмъ грубымъ рядомъ съ эфебами Праксителя. Великій аѳинскій мастеръ лѣпитъ болѣе мягкія и дѣвственныя тѣла, игра мускуловъ едва видна подъ тонкой кожей. И Пракситель бралъ эту округлость членовъ, эту утонченную нѣжность у женскихъ моделей, изъ различныхъ этюдовъ и достигалъ прелести неописуемой.

Но что болѣе всего восхищало въ произведеніяхъ Праксителя, это его головы. Тутъ, дѣйствительно, сказалось исключительное умѣнье выражать чувства, какимъ въ равной мѣрѣ не обладалъ ни одинъ изъ древнихъ художниковъ. Несомнѣнно, что голова Гермеса не противорѣчитъ этому мнѣнію; тѣмъ не менѣе изваяніе это, повидимому, свидѣтельствуешь, что эта группа—произведеніе ранняго періода дѣятельности художника, и въ немъ замѣтны нѣкоторые слѣды подражанія Мирону. Однако, несмотря на нѣкоторую сухость работы и кое-какіе недостатки, въ общемъ исполненіе удивительное; умѣние доведено тутъ до такого совершенства, что незамѣтно никакого усилія, и способы исполненія такъ просты, что кажется, будто плодъ долгихъ измышленій и упорнаго труда дался художнику случайно и произведеніе было исполнено въ одинъ пріемъ.

Еслибъ Олимпійскія раскопки дали намъ только одну эту статую, то и тогда Германія могла бы по праву гордиться своимъ предпріятіемъ. Но онѣ представляютъ еще и другой, гораздо большій интересъ. Съ художественной точки зрѣнія онѣ могутъ считаться однѣми изъ самыхъ значительныхъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ; съ

археологической точки зрѣнія онѣ ясно доказали, сколько еще античная почва скрываетъ въ себѣ сокровищъ, и какую выгоду наука и искусство могутъ извлечь изъ этихъ изысканій, которыя иногда считаются бесполезными или слишкомъ дорого стоящими. Послѣдняя точка зрѣнія вызываетъ на нѣсколько грустныя мысли. Конечно, всякій государственный бюджетъ имѣетъ свои требованія, и археологическія миссіи являются довольно большою роскошью; конечно, торговые договоры вещь крайне почтенная, и тутъ нужно смотрѣть въ оба, прежде чѣмъ рѣшиться понизить, на примѣръ, пошлину на изюмъ; но когда Греція въ обмѣнъ на это предлагаетъ дать привилегію на раскопки въ Дельфахъ, а Дельфы стоятъ Олимпіи, развѣ малѣйшее колебаніе или равнодушіе не являются тутъ крайне обидными? Конечно, когда думаешь о милліонѣ, затраченномъ Германіей на равнинѣ Олимпіи, не можешь не восхищаться Франціей за то, что она при своихъ въ общемъ очень умѣренныхъ средствахъ столько сдѣлала для науки на Востокѣ; но что бы она сдѣлала еще, еслибы, какъ говорилъ Райэ, у насъ выказывали къ археологическимъ изслѣдованіямъ хоть четвертую долю интереса, какой выказываютъ къ нимъ Палата Общинъ въ Лондонѣ или Берлинскій Рейхстагъ? ¹⁾

ГЛАВА VIII.

Раскопки въ Элевсинѣ.

(1882—1889.)

Изъ всѣхъ обычныхъ экскурсій туристовъ, посѣщающихъ Аѳины, ни одна такъ не пріятна и не легка, какъ экскурсія въ Элевсинѣ. Дорога, идущая приблизительно вдоль древняго священнаго пути, по которому нѣкогда двигалась торжественная процессія посвященныхъ, пересѣкаетъ при выходѣ изъ города большую оливковую рощу, тянущуюся отъ Кефиссіи до моря по бесплодной аттической равнинѣ темной лентой своей тускло-зеленой листвы; затѣмъ, поднимаясь въ гору, она проходитъ черезъ послѣднія отроги Парнаса прелестнымъ Коридальскимъ ущельемъ, гдѣ въ тѣнистой долиинѣ, покрытой соснами и кипарисами, стоитъ маленькій Дафнійскій монастырь со своей изящной церковью византійскаго стиля; при выходѣ изъ ущелья сразу открывается видъ на ослѣпительно сверкающую гладь моря, на голубыя воды, омывающія Саламинѣ, на деревушку Левсину, древній Элевсинѣ, пріютившійся въ глубинѣ тихаго залива, а вдали поднимаются Мегарскія горы, съ высокой вершиной Киеерона. Затѣмъ вдоль соленыхъ озеръ, посвященныхъ нѣ-

когда Деметръ и Коръ, дорога идетъ все дальше берегомъ моря и приводитъ къ деревнѣ, населенной теперь албанцами въ ихъ живописныхъ костюмахъ; но какъ это ни странно—деревня ихъ находится только въ 20 километрахъ отъ Аѳинъ—они почти ни слова не понимаютъ по-гречески. Въ этомъ-то мѣстѣ нѣкогда возвышалось святилище Деметры; къ этому-то мѣсту античная мифологія приурочила легенду объ этой богинѣ, одну изъ самыхъ красивыхъ и трогательныхъ легендъ, созданныхъ когда-либо эллинскимъ воображеніемъ.

Надо прочесть въ прекрасномъ гимнѣ Деметръ, найденномъ около ста лѣтъ тому назадъ въ одной московской библіотекѣ, эпической и въ то же время мистической разсказъ объ этой божественной трагедіи, въ которой греки символизировали всѣ превращенія растительнаго царства, жизнь и смерть природы. Когда Плутонъ, разсказываетъ поэтъ, похитилъ юную Прозерпину въ ту самую минуту, что она собирала цвѣты на смѣющемся Нисскомъ лугу, раздирающій крикъ молодой дѣвушки услышанъ былъ на Олимпѣ, и Деметра, мать ея, почувствовавъ въ сердцѣ острую боль при звукѣ этого молящаго голоса, бросилась на землю на поиски своей любимой дочери. Тутъ начинаются долгія мучительныя страданія горестной матери. Безмолвная, безутѣшная проходитъ она по землѣ и по небу, распрашивая всѣхъ о своемъ пропавшемъ ребенкѣ: „въ теченіе девяти дней, говоритъ поэтъ, всѣми чтимая богиня блуждала по землѣ, держа зажженные факелы въ рукахъ; поглощенная своимъ горемъ, не вкушала она ни амброзіи, ни нектара; не погружала она

тѣла своего въ прохладную воду“. А когда всевидящее солнце сообщило ей, наконецъ, имя похитителя и согласіе на то самого Зевса, разгнѣванная богиня навсегда покинула Олимпъ; затѣмъ отказавшись отъ своей безсмертной красоты, пряча подъ видомъ и одѣяніемъ старухи неутѣшную скорбь, пронзившую ея сердце, пошла она странствовать по городамъ и селеніямъ, вѣчно снѣдаемая сожалѣніями о потерянной дочери. Наконецъ, послѣ долгихъ скитаній она, полная скорби, пришла просить пріюта у легендарнаго владыки маленькаго городка Элевсина; удрученная усталостью, измученная страданьемъ, богиня присѣла у колодца въ тѣни маслины: и въ восхитительной сценѣ, гдѣ упоминается о прелестнѣйшихъ обычаяхъ восточнаго гостепрїимства, описывается, какъ молодыя дѣвушки, придя къ колодцу за водой, замѣчаютъ старую женщину, задаютъ ей вопросы и отводятъ въ жилище царя, гдѣ она проситъ, чтобы ее приняли въ услуженіе: ей поручаютъ ходить за юнымъ сыномъ царя. Но ничто не можетъ утѣшить богиню въ ея глубокой скорби, ни доброе отношеніе къ ней ея хозяевъ, ни ихъ кроткія слова. „Сидя на своемъ мѣстѣ, она держала передъ лицомъ своимъ обѣими руками покрывало; все безмолвна, погруженная въ свои мысли она сидѣла неподвижно, не обращаясь ни къ кому ни съ какимъ словомъ, ни съ какимъ жестомъ; не примѣчая ни чьей улыбки, не прикасаясь ни къ пищѣ, ни къ питью, сидѣла она, снѣдаемая скорбью по дочери“.

Но долго Деметра не можетъ скрывать свою божественность, которую она выдаетъ почти по-

мимо своей воли; и смиренная служанка внезапно превращается на глазахъ у своихъ хозяевъ во всемогущую богиню, оплодотворительницу земли, одарившую человечество злаками; и она обѣщаетъ сама обучить смертныхъ, пріютившихъ ее, своимъ священнымъ мистеріямъ въ томъ храмѣ, какой они собираются воздвигнуть ей на высокомъ холмѣ Элевсина.

Однако, это лишь эпизодъ одного изъ самыхъ дорогихъ для элевсинской легенды повѣствований; но божественныя страсти этой античной Mater Dolorosa на этомъ не оканчиваются, богиня остается вдали отъ Олимпа, и гнѣвъ ея проявляется страшнымъ образомъ. Земля становится бесплодной, посѣвы не даютъ урожая, ибо надъ міромъ тяготѣетъ проклятіе Деметры, и оскорбленная мать не умиротворится, пока не увидитъ вновь свою любимую дочь. Тогда по приказу Зевса Кора вновь возвращается къ свѣту; но передъ тѣмъ какъ покинуть подземную обитель, она съѣдаетъ тайкомъ гранатное зерно, — священный залогъ и символъ ея союза съ своимъ подземнымъ супругомъ; отнынѣ она не можетъ проводить всю свою жизнь съ матерью на Олимпѣ; треть года она будетъ оставаться подъ землей; „когда же, въ часъ благоуханной весны, земля одѣнется тысячами разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ“, юная богиня ежегодно будетъ покидать подземный мракъ и подниматься въ обитель боговъ. Увидавъ дочь, Деметра смиряется, на землѣ возстановляется прежній порядокъ, деревья вновь покрываются листьями, луга цвѣтами, вездѣ опять радость. Но, вѣрная своему обѣщанію, раньше чѣмъ возвратиться на

Олимпъ, богиня научаетъ смертныхъ Элевсинскимъ таинствамъ; она открываетъ Триптолему, своему первому жрецу и учредителю своего культа, чудесныя тайны земледѣлія, и онъ понесетъ ихъ по всему міру; она въ особенности посвящаетъ его въ тѣ высшія таинства, „въ которыя нельзя проникнуть, которыми нельзя пренебречь, и которыя запрещено раскрывать, ибо въ благовѣйномъ трепетѣ передъ божествами нѣмѣеть языкъ“.

Едва ли нужно пояснять смыслъ этой прекрасной легенды. Ее породило созерцаніе явленій природы, скорбь этой природы во время зимы, и наступающій затѣмъ расцвѣтъ ея съ приходомъ весны. Но эти явленія природы, въ которыхъ нашъ холодный разумъ доискивается до естественныхъ причинъ, богатѣйшее воображеніе грековъ сумѣло одѣть въ самые удивительные цвѣта. Для нихъ „природа была полна живыхъ силъ и страстей, божественныхъ образовъ, способныхъ радоваться и страдать, и различныя измѣненія царства природы стали въ глазахъ ихъ чудесными актами драмы, одновременно божественной и человѣческой“. Ежегодное нисхождение Кору въ адъ и ея возвращеніе къ свѣту явились символомъ погѣва, сѣмянъ бросаемыхъ въ землю, исчезающихъ въ нѣдрахъ ея, а также возрождающейся весны, ея расцвѣта; скорбь Деметры, разлученной съ дочерью, изображала тоску и томительную скудость земли въ зимнюю пору. Но къ этимъ идеямъ физическаго порядка скоро присоединились болѣе высокія идеи порядка нравственнаго: жизнь и смерть человѣка, самая загадка судьбы человѣческой

были сопоставлены съ превращеніями земли, съ жизнью и смертью природы; скоро исключительная забота о будущей жизни стала преобладать надъ трогательной исторіей божественной трагедіи; это соединеніе и породило Элевсинскія таинства. Авторъ гимна Деметрѣ, несомнѣнно одинъ изъ посвященныхъ, даетъ достаточно хорошо почувствовать высокое назначеніе этихъ таинственныхъ обрядовъ, когда заканчиваетъ свой рассказъ этими замѣчательными словами, запечатлѣнными такимъ глубокимъ религіознымъ смысломъ: „Счастливъ изъ живущихъ на землѣ тотъ, кто созерцалъ эти великія зрѣлища! Но кто не посвященъ, кто не участвовалъ въ этихъ священныхъ церемоніяхъ, навсегда лишенъ подобнаго счастья, даже когда смерть и низведетъ его въ мрачное жилище“.

I.

Маленькій городъ Элевсинъ, гдѣ жила и страдала Деметра, гдѣ явилась она въ своей божественной славѣ, гдѣ она научила людей тайнамъ своего культа, былъ для грековъ настоящей Святой Землей. Все тутъ напоминало богиню, на всемъ лежалъ отпечатокъ ея слѣдовъ. „Тутъ показывали колодець, гдѣ она сидѣла, и камень, на которомъ она отдыхала; тамъ домъ, пріютившій ее въ ея скорби, и мѣсто перваго храма, воздвигнутаго по ея повелѣнію. Вокругъ города всѣ скалы, равно и малѣйшая неровность почвы были отмѣчены какимъ-нибудь именемъ, напоминавшимъ благочестивымъ душамъ божественную легенду“. Тутъ было фиговое дерево, около котораго Плутонъ съ похищенной Персефоной спустился въ

свое подземное царство, и фонтанъ Каллихоръ, вокругъ котораго элевсинскія женщины образовали первые хоры, чтобы танцовать въ честь богини; тамъ—поле Рара, отца Триптолема, первый клочекъ земли, который былъ засѣянъ; вотъ гумно самаго Триптолема съ жертвенникомъ, посвященнымъ герою; вотъ могила Эвмолпа, одного изъ первыхъ царей-жрецовъ Элевсина, предка великой жреческой семьи, совершавшей таинства и управлявшей храмомъ; вотъ, наконецъ, священная ограда богини и заключавшіяся въ ней святилища. Ежегодно вся Греція собиралась у этихъ священныхъ памятниковъ, чтобы принести торжественно свою благодарность богинямъ, даровавшимъ человѣчеству сѣмена; въ теченіе долгихъ вѣковъ эллинскіе города, послушные древнимъ обычаямъ и строгимъ предписаніямъ Дельфійскаго оракула, посвящали Элевсину первые плоды своихъ жатвъ; въ особенности Аѣины и ихъ союзники никогда не забывали объ этихъ благочестивыхъ приношеніяхъ, и еще во времена Адриана собраніе панэллинновъ,—представителей всего греческаго міра,—приносило, согласно древнему уставу, свои дары богинѣ благодѣтельница, научившей земледѣльству и Аѣинамъ раздѣлившимъ этотъ даръ съ другими греками, чѣмъ заслужили то, что Дельфійскій богъ отмѣтилъ аѣинянъ, какъ заслуживающихъ благодарность прочихъ эллиновъ, какъ μητρόπολις τῶν χαρπῶν.

Дѣйствительно, аѣиняне съ давнихъ поръ приняла культъ Деметры и взяли на себя заботу объ управленіи и украшеніи ея святилища. Начиная съ VI вѣка рядомъ съ примитивнымъ

храмомъ, воздвигнутымъ на холмѣ, и старинными зданіями,—слѣдъ ихъ виденъ еще въ равнинѣ, — былъ построенъ въ священной оградѣ значительный памятникъ, предназначенный для служенія Элевсинскимъ таинствамъ; и при современныхъ раскопкахъ были найдены подъ развалинами позднѣйшихъ сооруженій остатки четырехугольной залы съ находившимся передъ ней преддверіемъ, которое поддерживали 25 колоннъ, и стѣны довольно узкой ограды изъ необожженнаго кирпича, заключавшей въ себѣ во времена Пизистрата святилища Деметры. Позднѣе, въ то время какъ Аѣины подъ управленіемъ Перикла покрывались великолѣпными памятниками, часть великихъ работъ, къ какимъ побуждалъ этотъ выдающійся ораторъ, досталась на долю и Элевсина. Прimitивный храмъ, выстроенный надъ равниной на одинокомъ отрогѣ горы, подвергся жестокому опустошенію во время нашествія персовъ, и пришлось его строить вновь съ основанія вплоть до самаго верха; но зала посвященій, уничтоженная при этой же катастрофѣ, была лишь временно исправлена. На ея мѣстѣ въ оградѣ, увеличенной и укрѣпленной крѣпкими башнями, Периклъ велѣлъ выстроить, по плану Иктина, громадную залу, предназначенную для совершенія мистерій; и подъ руководствомъ Парѣенонскаго архитектора три его ученика воздвигли это зданіе, одно изъ обширнѣйшихъ въ древности. Еще въ IV вѣкѣ Аѣины, повидимому, выказывали большое попеченіе объ Элевсинскомъ святилищѣ. Великій ораторъ Ликургъ, управлявшій во второй половинѣ IV вѣка Аѣинскими финансами, повидимому, выражалъ исклю-

чительный интересъ къ культу Деметры: про-исходя изъ старинной семьи жрецовъ, твердо зная все, что касалось религіи, заботясь о воз-становленіи древнихъ обрядовъ, онъ предпри-нялъ значительныя работы въ Элевсинской оградѣ. Надписи этой эпохи, списки расходовъ на сооружеія свидѣтельствуютъ о существованіи многочисленныхъ зданій, тѣснившихся тогда въ теменосѣ. Тутъ находится храмъ Плутона, вы-строенный какъ разъ около этого же вре-мени; тутъ и сокровищницы обѣихъ богинь, и жилища жрецовъ, и Неокорій, жилище Кериковъ, домъ жрицы, равно и домъ дадуха; тутъ освя-щенные жертвенники, находившіеся въ различ-ныхъ мѣстахъ теменоса; тутъ и булевтерій или зала совѣта; наконецъ, въ исправленной и укрѣ-пленной оградѣ мы видимъ великолѣпный входъ, образованный пропилями середины IV вѣка. Уже передъ залой посвященій видно намѣреніе воздвигнуть дорическій портикъ; и, дѣйстви-тельно, зданіе это отстроилось въ концѣ вѣка во время управленія Димитрія Фалернскаго, подъ руководствомъ архитектора Филона Элевсинскаго; въ это самое время все пространство между новымъ портикомъ и стѣной ограды засыпано было землей, образуя такимъ образомъ обшир-ную террасу, и тутъ-то, въ этомъ просторномъ дворѣ, вымощенномъ мраморными плитами, вы-сятся памятники и статуи, посвященные благо-дарными элевсинцами благодѣтелямъ святилища.

Въ римскую эпоху благосостояніе Элевсина еще возросло. Аппій Клавдій Пульхеръ, другъ Цицерона, выстроилъ для входа въ теменосъ маленькіе пропили; Мунацій Планкъ заслужилъ

статую отъ благодарныхъ Элевсинцевъ, за то, можетъ быть, что построилъ портикъ, идущій вдоль южной стѣны ограды. Но количество построекъ увеличивается въ особенности въ царствованіе Адріана. Извѣстно, какою страстной любовью любилъ Грецію этотъ императоръ, ученый, художникъ и большой книжникъ: всѣ великія воспоминанія прошлаго пробуждали въ немъ горячій интересъ и онъ любилъ возстановлять все, что существовало раньше. Онъ осыпалъ Аѣины милостями, покрылъ ихъ памятниками, и аѣиняне вообразили, что возвратились лучше дни ихъ исторіи, когда они увидали, что владыка міра облекся въ греческое одѣяніе и, объясняясь на языкѣ Эллиновъ, засѣдаетъ въ одеждѣ архонта на празднествахъ Діониса. Влюбленный во все экзотическое и необыкновенное, онъ хотѣлъ быть посвященнымъ и въ Элевсинскія таинства, и одинъ изъ его учителей философіи принадлежалъ къ Элевсинской жреческой аристократіи. Вслѣдъ за нимъ Маркъ Аврелій, Луцій Веръ, Коммодъ пожелали также стать посвященными въ эти таинства: само собой разумѣется, что святилище было осыпано императорскими щедротами. Священная ограда еще разъ раскрылась, увеличилась, и входъ въ нее теперь открывался монументальными сооруженіями, громадными пропилеями, выстроенными по плану акропольскихъ; зала посвященій была заново украшена; и на террасѣ, ведущей къ портику Филона, статуи жрецовъ и жриць, всевозможные памятники, воздвигнутые въ честь римскихъ благодѣтелей, заняли почетное мѣсто въ теменосѣ. Вокругъ святилища воздвигнуты

были другія зданія: тутъ изящная вилла, гдѣ нашли фрески прекраснаго стиля; тамъ, у самыхъ пропилей храмъ Артемиды Пропилейской; дальше бани и рядомъ триумфальная арка, посвященная Панэллинами богинямъ и императору Адриану.

Къ несчастью, мы не встрѣтили въ Элевсинѣ той удачи, какую изслѣдователи имѣли въ Олимпіи: чтобы разобратъся среди всѣхъ этихъ зданій всевозможныхъ эпохъ, у насъ нѣтъ ни единаго путеводителя, гдѣ были бы описаны подробности знаменитаго святилища. Павзаній несомнѣнно видѣлъ эти памятники; онъ былъ посвященный и слѣдовательно онъ могъ проникнуть за ограду и присутствовать при священныхъ обрядахъ; и несмотря на запрещеніе всѣмъ участникамъ таинствъ обнародовать ихъ тайны, онъ, повидимому, рѣшился, чтобы заполнить пробѣлъ въ своей книгѣ, описать храмы Элевсинскаго святилища: но одно сновидѣніе, какъ говоритъ онъ, во-время напомнило ему о данной имъ клятвѣ и о формальномъ запрещеніи, не разрѣшавшемъ непосвященнымъ не только видѣть что-либо изъ священныхъ строеній, но даже знакомиться черезъ описанія съ ихъ внѣшнимъ расположеніемъ. Другіе древніе путешественники не менѣе сдержаны, чѣмъ Павзаній. Страбонъ, который впрочемъ, повидимому, не былъ посвященнымъ, — упоминаетъ лишь о памятникахъ, какіе онъ, проходя мимо, могъ увидать черезъ стѣну ограды, т.-е. о храмѣ и о большой залѣ мистическихъ посвященій, такой обширной, что она могла вмѣщать столько же народа, какъ и театръ. Такимъ образомъ мы лишь отъ раскопокъ могли

ожидать, что они приподнимутъ хоть край завѣсы, такъ долго скрывавшей отъ насъ святилище Деметры.

Въ 1815 году англійское общество *Dilettanti*, образовавшееся въ Лондонѣ съ цѣлью изученія античныхъ памятниковъ Греціи, которое во всякомъ случаѣ оказало истинныя услуги археологіи, предприняло изслѣдованія развалинъ Элевсина и сдѣлало первый снимокъ, поневолѣ несовершенный и неточный, съ тѣхъ памятниковъ, которые были раньше подъ домами деревни Левсины. Въ 1860—1861 Фр. Ленорманъ произвелъ изысканія вокругъ портика Филона, открылъ часть ограды и изслѣдовалъ оба пропилея. Но лишь въ 1882 году Аѳинское археологическое общество смогло предпринять въ Элевсинѣ систематическія раскопки. Эллинское правительство экспроприировало современные дома, выстроенные надъ развалинами; и разрушеніе этихъ домишекъ въ первый разъ дало возможность вполнѣ расчистить почву и произвести основательныя изслѣдованія священной Деметриной ограды. Съ 1882 до 1889 раскопки производились очень дѣятельно подъ руководствомъ Филія, и хотя затраты и были значительны,—правительство истратило болѣе ста тысячъ франковъ на экспроприацію, Общество около 90.000 на работы,—зато получились важныя результаты. Были открыты интересныя произведенія искусства; многочисленныя и важныя надписи пролили свѣтъ на исторію святилища, а также и на подробности священной администраціи; въ особенности стало возможнымъ узнать планъ и расположеніе зданій теменоса; и, хотя

остается еще въ нашихъ изслѣдованіяхъ много пробѣловъ, во всякомъ случаѣ мы можемъ теперь составить довольно точное понятіе о великихъ празднествахъ, устраивавшихся въ Элевсинѣ въ честь Деметры, о жрецахъ, руководившихъ этими священными обрядами, и о главныхъ памятникахъ, имѣвшихъ отношеніе къ культу Великихъ Богинь.

II.

Когда послѣ побѣды царя Эрехоея надъ Эвмолпидами Элевсинъ вошелъ въ Аттическій союзъ, жителямъ этого маленькаго городка были гарантированы значительныя привилегіи и они сохранили извѣстную независимость во всемъ, что касалось религіозныхъ обрядовъ и администраціи святилища. Двѣ великія священническія семьи Эвмолпидовъ и Кериковъ сохранили за собой обладаніе всѣмъ тѣмъ, что касалось таинствъ и посвященій; онѣ сохранили за собой право дѣйствовать сообща въ нѣкоторыхъ рѣшительныхъ случаяхъ; и ихъ официальные представители, іерофантъ, выбираемый исключительно изъ среды Эвмолпидовъ, и дадухъ, выбираемый всегда изъ Кериковъ, являлись двумя главами элевсинскаго жреческаго сословія. Назначаемые пожизненно, эти два важныхъ лица управляли въ согласіи всѣмъ, касавшимся культа обѣихъ богинь; въ послѣдствіи священный глашатай, также избираемый изъ Кериковъ, занялъ третье мѣсто въ священной іерархіи, и та же семья доставила и четвертое должностное лицо — жреца прижертвенникъ (*δ ἐπί τῷ βουφῶ*). Наравнѣ съ іерархіей жрецовъ, въ элевсинскомъ культѣ исполняли извѣстную

роль и нѣсколько жрицъ: на надписяхъ упоминается объ іерофантѣ, въ особенности о жрицѣ Деметры, представительницѣ болѣе древняго культа, изображенной на нѣсколькихъ памятникахъ, какъ эпонимъ, главный архонтъ; она имѣла тѣ же привилегіи, что и іерофантъ. Однако, главная часть въ религіозной администраціи принадлежала великой семьѣ Эвмолпидовъ: члены ея имѣли исключительное право, которымъ не пользовались Керики, быть истолкователями священныхъ законовъ элевсинскихъ; хранители священныхъ книгъ и древнихъ традицій, они могли становиться судьями, чтобы судить преступленія нечестивыхъ; они одни завѣдывали жертвоприношеніями, относившимися къ области ихъ владѣній; и самъ аѣинскій законъ торжественно предоставлялъ имъ привилегію администраціи культа и право принимать согласно ихъ постановленіемъ различныя мѣры относительно священныхъ дѣлъ.

Однако, Аѣины съ давнихъ поръ наложили свою руку на святилище. Для защиты храмовъ и охраны наиболѣе угрожаемой изъ всѣхъ границъ, одному изъ десяти стратеговъ, *στρατηγὸς ἐπ' Ἐλευσίνου*, была поручена забота объ этой области; и хотя въ городѣ не было постоянного войска, туда ежегодно призывались эфебы, чтобы закончить въ этой крѣпости свое военное образованіе. Въ Элевсинской религіи наряду съ жреческими семьями представителемъ города являлся архонтъ-царь. Онъ приносилъ отъ имени Государства торжественныя жертвы; съ помощью четырехъ эпимелетовъ таинствъ, изъ которыхъ двое были аѣиняне, онъ надзиралъ за процессіей посвященныхъ; послѣ праздника онъ представлялъ

въ совѣтъ отчетъ о празднованіи мистеріи и о совершенныхъ преступленіяхъ: кромѣ того, десять членовъ Совѣта Пятисотъ блюли за точнымъ исполненіемъ обрядовъ, представлявшихъ въ Элевсинской религіи интересъ для города. Но въ особенности городъ оставлялъ за собой главную роль въ дѣлахъ управленія священными богатствами. Приходо-расходныя книги, сохранившіяся въ надписяхъ, инвентари казны, дошедшіе до насъ, показываютъ, каковы были доходы святилища и на что они шли. Доходы заключали въ себѣ арендную плату принадлежавшихъ храму владѣній, первые плоды жатвъ, посвященныхъ Великимъ Богинямъ, приношенія, отданныя въ сокровищницу Деметры и Коры. Къ числу довольно значительныхъ тратъ относились вообще работы по постройкѣ и починкѣ зданій, такъ часто предпринимаемыя въ святилищѣ, расходы по празднествамъ и по отправленію культа, содержаніе служителей храма, получавшихъ, согласно обычаю предковъ, свою долю натурой, и наконецъ, награды, даваемыя побѣдителямъ игръ. Почти вся эта администрація была въ рукахъ аѳинянъ. Іеропы, назначаемые на одинъ годъ и избираемые изъ всѣхъ аѳинянъ, смотрѣли за храмомъ и завѣдывали расходами, связанными съ отправленіемъ культа; семь Элевсинскихъ эпистатовъ и два казначея богинь, отправлявшіе свои обязанности въ теченіе четырехъ лѣтъ, должны были надзирать за работами по постройкамъ и платить за нихъ; они также избирались изъ среды всѣхъ аѳинскихъ гражданъ безъ различія. Наконецъ архонтъ-царь съ помощью эпистатовъ и эпимелетовъ долженъ

быль сдавать въ аренду священные участки, принадлежавшіе Элевсинскому храму; а народъ аѳинскій сохранялъ за собой право контроля надъ всѣми этими должностными лицами и могъ даже, въ случаѣ если они не исполняли своихъ обязанностей, налагать на нихъ штрафъ. Что касается празднествъ въ честь Деметры, они были раздѣлены между Аѳинами и Элевсиномъ: у подножія Акрополя святилище, Элевсиной, было посвящено Великимъ Богинямъ, и подъ его-то портиками начиналось празднованіе мистерій. Другія церемоніи совершались въ самомъ Элевсинѣ; но, наряду съ древнимъ національнымъ праздникомъ (*Πατριος αἴων*), за который очень держались граждане, другія торжества собирали каждые два, и каждые четыре года всѣхъ гражданъ аѳинскихъ; это были состязанія въ борьбѣ, въ бѣгахъ и въ музыкѣ, а также театральныя представленія, и тутъ также народъ не разъ вмѣшивался своими постановленіями въ порядокъ устройства праздника; такъ, ораторъ Ликургъ ввелъ тутъ важныя нововведенія.

Но Элевсинъ обязанъ своей славой главнымъ образомъ мистеріямъ.

На ряду съ открытыми отправленіями культа въ эллинской религіи были священные обряды тайнаго характера, откуда исключался всякій, не отвѣчавшій извѣстнымъ опредѣленнымъ условіямъ; эти священные обряды назывались мистеріями вслѣдствіе молчанія, какое онѣ налагали на посвященныхъ. По правдѣ сказать, нѣтъ религіи безъ тайнъ; всюду религіозное чувство жадно стремится познать неизвѣстное; всюду вмѣстѣ съ привычнымъ благочестіемъ живетъ

вѣра болѣе восторженная и болѣе мистическая, жаждущая разгадать таинственную загадку судебъ человѣческихъ. Вполнѣ естественно, что за разрѣшеніемъ тайны жизни и смерти человѣка греки должны были обращаться къ подземнымъ божествамъ, руководящимъ вѣчной смѣной жизни и смерти природы; за этимъ-то отправлялись благоговѣйно въ Элевсинъ благочестивые Элліны. Дѣйствительно, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ иноземныхъ культовъ, въ особенности мистицизма Азіи, подъ вліяніемъ секты орфиковъ, съ давнихъ поръ присоединившей къ поклоненію Деметрѣ и Корѣ восторженный культъ Діониса и налагавшей на посвященныхъ строгое исполненіе аскетической жизни, подъ вліяніемъ также философіи, привнесшей скоро туда нѣкоторыя изъ своихъ доктринъ, Элевсинскія таинства получили болѣе высокое значеніе и совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ наивныя почести, первоначально воздававшіяся Великимъ Богинямъ. Они были, повидимому, говоритъ Ренанъ, истинной сущностью древнихъ религій и обладали громадной силой привлекательности, пользуясь въ то время значительнымъ нравственнымъ вліяніемъ на всѣхъ благочестивыхъ людей древняго міра.

Къ несчастью, мы съ ними слишкомъ мало знакомы: посвященные хранили строжайшимъ образомъ обязательную для нихъ тайну и чья-нибудь легкомысленная неосторожность, кое-какіе неясные намеки, нѣкоторыя пародіи, порожденіе фантазіи Аристофана, которыя никакъ нельзя принимать на вѣру—примѣръ Алкивіада ясно показываетъ, что нельзя было безнаказанно смѣяться надъ мистеріями,—очень немногому

научили бы насъ по этой части, еслибъ, по счастью, отцы церкви въ своихъ яростныхъ нападкахъ на язычество не затрагивали бы такъ часто и Элевсинскія мистеріи. Само собой разумѣется, что, забывая въ своемъ неумѣренномъ пылу рвенія, что въ святилищѣ Деметры нашли пріютъ самыя благородныя изъ всѣхъ Эллинскихъ вѣрованій, Оригены и Клименты Александрійскіе принимали безъ провѣрки самыя нелѣпыя рассказы, и совершенно превратно объясняли многіе таинственные символы: тѣмъ не менѣе, благодаря имъ, у насъ есть нѣкоторыя любопытныя подробности, позволяющія намъ дать себѣ нѣкоторый отчетъ въ томъ, чѣмъ были эти мистеріи.

Понятно, что божественное откровеніе, котораго искали въ Элевсинѣ, не могло внезапно открыться глазамъ и ушамъ людей; этого можно было достигъ постепенно, медленно проходя послѣдовательныя ступени посвященія. Чтобы быть достойнымъ пониманія высшихъ таинствъ, чтобы быть способнымъ также къ воспріятію неясныхъ символовъ, сопровождавшихъ полное обладаніе тайнами боговъ, требовалось прежде всего пройти первую ступень обученія, требовалась одновременно подготовка нравственная и догматическая. Она давалась въ малыхъ мистеріяхъ, называвшихся также Агры, по имени холма, гдѣ ихъ совершали раннею весной на берегу Элиса. Онѣ состояли изъ очищеній, символа нравственной чистоты, необходимой всякому, желавшему получить посвященіе, быть можетъ, также, подобно Самоѳракійскимъ мистеріямъ, изъ своего рода торжественной исповѣди и въ особенности изъ молитвъ, процессій въ честь боговъ, наконецъ,

изъ разсказыванія священныхъ легендъ, нѣчто въ родѣ начальнаго обученія, имѣвшаго цѣлью познакомить посвященныхъ съ мистическими событіями, которыя впослѣдствіи должны были быть представлены передъ ними.

Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ этого осенью во время большихъ мистерій происходило полное посвященіе; отнынѣ посвященный становился членомъ святаго общества мистовъ. Однако, мистъ не обладалъ еще наивысшей правдой: чтобы сдѣлаться эпоптомъ, требовалось новое посвященіе, и оно могло быть даровано только по прошествіи года. Но тогда уже святой путь считался пройденнымъ до конца: эпоптія это было послѣднее божественное откровеніе, благодаря которому достигалось полное религіозное совершенство. Поэтому и называлась она *τελετή*.

Само собой разумѣется, что невысказано было при допущеніи къ посвященію подвергать крайне строгому экзамену всю собиравшуюся огромную толпу. Въ торжественномъ воззваніи, какое дѣлалъ іерофантъ въ началѣ большихъ мистерій, исключались только тѣ, кто совершилъ какое-нибудь преступленіе, кого подозрѣвали въ нечестіи, въ занятіи магіей, или уроженцы варварскихъ странъ. Во всякомъ случаѣ каждый кандидатъ долженъ былъ имѣть крестнымъ отцемъ посвященнаго: то былъ мистагогъ, обязанный объяснять неофиту символы, какіе должны были предстать передъ его глазами, и священныя слова, сопровождавшія обыкновенно подобное зрѣлище. Обыкновенно главы жреческаго Элевсинскаго сословія оставляли за собой право быть крестными отцами наибольшаго количества

кандидатовъ. Такимъ образомъ они могли производить извѣстнаго рода контроль и обставлятъ посвященіе болѣе строгимъ и торжественнымъ образомъ; но простые мистагоги были менѣе совѣстливы, и не разъ рабы или куртизанки насильственно открывали себѣ доступъ къ священнымъ таинствамъ.

Первое время большія мистеріи праздновались каждыя пять лѣтъ; позднѣе это совершалось каждый годъ въ мѣсяцъ Боедромія; и аѳинское правительство приписывало такое значеніе правильнымъ срокамъ ихъ возвращенія, что въ военное время заключали священный миръ, чтобы безпрепятственно справлять праздникъ. Торжество это длилось не менѣе двухъ недѣль и дѣлилось между Аѳинами и Элевсиномъ. Пятнадцатаго числа мѣсяца мисты собирались въ городѣ подъ портиками Элевсинія, чтобы выслушать воззваніе іерофанта, провозглашавшаго, что для участія на праздникѣ надлежало быть чистымъ тѣломъ и душой; на слѣдующій день всѣ посвященные отправлялись вмѣстѣ на берегъ моря, чтобы произвести предписанныя тамъ очищенія и омошенія; слѣдующіе три дня совершали жертвоприношенія и искупительные обряды, окончательно дѣлавшіе мистовъ достойными великой тайны долженствовавшей открыться имъ. Наконецъ 20-го числа священная процессія выходила изъ города и священной дорогой отправлялась въ Элевсинъ, неся съ большимъ торжествомъ изображеніе Вакха, божественнаго младенца, культъ котораго, вслѣдствіе знакомства съ орфическимъ ученіемъ, проникъ въ культъ Элевсинскій; и при звукахъ флейтъ, при пѣніи священныхъ гимновъ

тысячи восторженныхъ голосовъ возносили имя юнаго бога, посредника между Великими Богинями и ихъ ревностными поклонниками. По утру шествіе выходило изъ Элевсинія и медленно священной дорогой, окаймленной съ двухъ сторонъ гробницами и жертвенниками, часовнями и памятниками, воскрешавшими въ памяти священные легенды, двигалось оно по направленію къ Элевсину; у соленыхъ прудовъ происходило новое омовеніе и съ наступленіемъ ночи при свѣтѣ факеловъ процессія вступала въ священный городъ. По контрасту, сродному античному міру, къ этой торжественной церемоніи примѣшивалось много комическаго. На Кефисскомъ мосту торжественную процессію мистовъ поджидалъ настоящій маскарадъ; сосѣдніе крестьяне въ маскахъ встрѣчали шествіе цѣлымъ потокомъ шутокъ, прибаутокъ и насмѣшекъ, на что посвященные отвѣчали въ не менѣе сильныхъ выраженіяхъ: настоящая сцена карнавала, удовлетворявшая потребности шумнаго веселія, прорывающейся иногда и среди вѣрныхъ слугителей самой суровой религіи.

Туть-то и начинались подъ руководствомъ жрецовъ настоящія мистеріи и посвященія. То были очищенія и искупленія, предназначенныя сократить разстояніе, отдѣляющее чловѣка отъ божества; то были жертвоприношенія и процессіи, сопровождающіяся пѣніемъ и танцами, при чемъ иногда воодушевленіе доходило до экстаза; то были въ особенности ночныя празднества, устраивавшіяся, чтобы поражать воображеніе вѣрныхъ, священные бдѣнія и мистическія ночи; то были зрѣлища великолѣпія необычайнаго, глубоко вол-

новавшія души. Главныя сцены легенды о Деметрѣ, ея пребываніе на землѣ, ея страданія, служили главнымъ содержаніемъ этихъ символическихъ представленій, гдѣ мисты были одновременно актерами и зрителями. Къ этому присоединялись священныя повѣствованія, темныя и таинственныя формулы, понятныя лишь однимъ посвященнымъ, и относившіяся къ этой мистической легендѣ. Всѣ подробности мѣа служили поводомъ къ живописному символизму, всесильно плѣнявшему воображеніе. Подражали дѣйствіямъ богини, въ себѣ самихъ воспроизводили чувства радости и скорби, одушевлявшія ее; въ теченіе девяти дней постились, какъ постилась она; и въ то же время происходили очищенія, ходили съ факелами, представляя поиски матери, дѣлая благоговѣйныя остановки на мѣстахъ, освященныхъ легендой; затѣмъ, на десятый день постъ прекращался; въ подражаніе Богинѣ пили кикеевъ, смѣсь воды, мяты и меда, и за скорбной печалью предыдущихъ дней слѣдовали радость и веселье.

Таинственные обряды, исполнявшіеся по очереди въ святилищѣ, были двухъ различныхъ родовъ: дѣйствія, совершавшіяся въ память минувшаго—жрецами и посвященными, и зрѣлища, предлагавшіяся присутствующимъ. Между дѣйствіями однимъ изъ самыхъ важныхъ была священная трапеза, на которую собирались всѣ мисты, настоящее мистическое причастіе въ память Деметры. Между зрѣлищами самое важное было выводившее на сцену легенду о Великихъ Богиняхъ. Поэтическій рассказъ становился въ Элевсинѣ святой дѣйствительностью, которую дѣлали

доступной чувствамъ и зрѣнію при помощи различныхъ дѣйствій того, что Климентъ Александрійскій называетъ мистической драмой¹⁾. Подобно средневѣковымъ мистеріямъ, эпизоды священной исторіи развертывались передъ глазами зрителей въ цѣломъ рядѣ чудесныхъ картинъ; и жрецы въ великолѣпномъ одѣяніи были главными актерами этой нѣмой и величественной трагедіи. Переменная декораций, производившаяся съ помощью театральныхъ машинъ, увеличивала иллюзію, странныя формулы, таинственныя слова смутно истолковывали символы, изображаемые передъ посвященными. То вдругъ въ глубинѣ святилища раздавался голосъ іерофанта и при свѣтѣ факеловъ великій жрецъ провозглашалъ: „Богиня родила божественнаго младенца, сильная породила сильнаго“. То вдругъ показывали эпоптамъ то, что, по выраженію Оригена, было „наибольшимъ, наисовершеннымъ, наиболѣе достойнымъ восхищенія мистическимъ предметомъ: колось сръзанный въ безмолвіи“. То вдругъ молчаніе нарушалось раздирающими криками Деметры, призывавшей дочь, и имъ изъ глубины храма отвѣчали глухіе удары по мѣди. Затѣмъ по возвращеніи Керы начиналось веселіе, проявлявшееся въ хороводахъ и оргіастическихъ обрядахъ.

Легко понять общій смыслъ этихъ символовъ: въ основу ихъ полагалась жизнь природы, ея отношенія къ жизни и къ судьбѣ человѣка. Однако, можно думать, что эти отвлеченныя соображенія, этотъ таинственный смыслъ ускользали отъ вниманія большинства посвященныхъ. Что составляло для нихъ главную прелесть, что про-

изводило такое глубокое впечатлѣніе, это скорѣе установившаяся форма, въ которую облекся этотъ смутный символизмъ. Для этихъ мистиковъ, среди которыхъ было много женщинъ, метафизическое значеніе этой драмы играло второстепенную роль: „что же заставляло ихъ, — прекрасно говоритъ Ренанъ, — бѣжать толпами, оплакивать Адониса? Желаніе оплакивать юнаго бога, слишкомъ рано отцвѣтшаго, любоваться его лицезрѣніемъ, какъ лежитъ онъ на смертномъ одрѣ, истощивъ силы въ своемъ раннемъ расцвѣтѣ, томно склонивъ голову, усыпанный цвѣтами померанцевъ и другими ранними цвѣтами, едва распустившимися и уже умирающими; желаніе похоронить его собственными руками, на могилѣ его обрѣзать себѣ волосы, желаніе стенать и радоваться попеременно, словомъ, упиться всеми впечатлѣніями мимолетной радости и печальнаго возврата, слитыхъ съ мѣомъ Адониса“. Тотъ же родъ интереса возбуждала и Элевсинская драма. Въ то время, какъ мистическая трагедія изображала пребываніе Кору въ подземномъ царствѣ, и посвященные пребывали также погруженными во мракъ, они долго должны были идти окутанные страшною тьмою, „черезъ ужасные проходы, по безконечному пути“, гдѣ ихъ разстроенному воображенію видѣлись глухія тропы царства тѣней. Молніи пронизывали тьму ночи, вслѣдъ за ужасными видѣніями вдругъ слышались страшные голоса: „Съ приближеніемъ къ концу пути, — говоритъ Плутархъ, — страхъ доходилъ до послѣднихъ предѣловъ; содрогаешься отъ ужаса, цѣпенѣешь, и холодный потъ покрываетъ тѣло“. Потомъ вдругъ

сіяющій свѣтъ. Мисты вступали въ мѣста усладъ; слышались звуки чудесной гармоніи, божественныя видѣнія являлись передъ ихъ удивленными и восхищенными глазами. „Спадали завѣсы, — говоритъ одинъ древній писатель, — и божество открывалось глазамъ мистовъ, осіянное небеснымъ свѣтомъ“. Легко себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе производилъ этотъ контрастъ, который въ примѣненіи къ человѣческой жизни изображалъ переходъ отъ ужасовъ Тартара къ блаженному пребыванію въ Елисейскихъ Поляхъ.

Помимо всего этого, мы имѣемъ указанія на то, что во время мистерій произносились рѣчи, и тутъ является вопросъ, не были ли это проповѣди на подобіе христіанскихъ, догматическое поученіе, разъясняявшее символы и открывавшее посвященнымъ высокія истины нравственности и религіи. Подобное соображеніе мало вѣроятно. Посвященные, по словамъ Аристотеля, не узнавали черезъ таинства ничего опредѣленнаго: „на нихъ производятъ различныя впечатлѣнія, вызываютъ извѣстное настроеніе души“. Элевсинскія таинства не обращались къ разсудку, а къ зрѣнію, воображенію и чувству. Большинство посвященныхъ получало на этихъ празднествахъ лишь смутныя свѣдѣнія; они не находили тутъ ни нравственныхъ наставленій, ни философскихъ откровеній. Священная драма со всѣмъ ея блескомъ и великолѣпіемъ и патетическими сценами представляла зрѣлище, возбуждавшее страстный интересъ, но никто не старался проникнуть въ ея смыслъ: она говорила душѣ въ силу своей сущности. „Я въ простотѣ слушалъ эти вещи, —

говорить Плутархъ, — какъ при обрядахъ освященія и мистерій, не допускающихъ никакихъ логическихъ доводовъ, никакихъ убѣжденій путемъ разсудка“. Тѣмъ не менѣе, хоть и не старались дать проникнуть вѣрнымъ въ скрытый смыслъ обрядовъ и объяснять имъ ихъ неясные символы, Элевсинскія торжества далеко не были бесполезны. „Картины, развертывавшіяся передъ глазами зрителей и затрагивавшія различные символы, произносившіяся торжественныя формулы, весь этотъ ритуаль, хотя точный смыслъ и ускользалъ отъ нихъ, все же имѣли для нихъ большое значеніе, будя въ ихъ душахъ впечатлѣніе иного, болѣе высокаго, порядка, чѣмъ зрѣлище чисто человѣческое“.

Ничто не можетъ сравниться съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, какое испытывали къ Элевсинскимъ мистеріямъ самые серьезные умы древняго міра, философы, государственные мужи, ораторы, историки и поэты. Начиная отъ Пиндара и Платона, отъ Исократы и до Цицерона, всѣ согласно признаютъ, что мистеріи глубоко вліяли на души людей. „Говорятъ, — пишетъ Діодоръ Сицилійскій, — что участвовавшіе въ мистеріяхъ становились болѣе благочестивыми, болѣе честными и вообще болѣе добродѣтельными, чѣмъ были раньше“. А Лукрецій, котораго никакъ нельзя заподозрить въ снисходительномъ отношеніи къ древнимъ религіямъ, заявляетъ, что они были утѣшеніемъ для молодежи всего человѣчества:

Primaе dederunt solacia dulcia vitae.

Слѣдовательно, это не были ни въ коемъ случаѣ лишь благочестивые обычаи и пустые обря-

ды; надо думать, что они въ самомъ дѣлѣ дѣйствовали на душу. Изображенія ада, гдѣ обитала богиня, волшебная картина радости Олимпа будила въ душахъ посвященныхъ заботу о собственной судьбѣ: среди устрашавшаго ихъ мрака, осіянные затѣмъ божественнымъ свѣтомъ, они задумывались о томъ днѣ, когда, очутившись въ загробномъ мірѣ, увидятъ эти ужасы и эти блаженства; поэтому болѣе чѣмъ что-либо, мысль о будущей жизни направляла грековъ къ Элевсинскому святилищу, и они дѣйствительно находили тутъ и упованья и надежды. Изъ мистическихъ поэтическихъ произведеній, произносившихся въ святилищѣ, они узнавали, что послѣ смерти посвященные, увѣнчанные цвѣтами, придутъ на пиръ святыхъ, чтобы вкусить отъ вѣчныхъ радостей; что они составятъ общество избранныхъ, и будутъ зрѣть боговъ лицомъ къ лицу, и въ обителяхъ свѣта, гдѣ воздухъ всегда чистъ, среди игръ и чудесныхъ созвучій будутъ они наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ. Они узнавали, какъ о томъ говоритъ недавно открытая въ Элевсинѣ надпись: „прекрасную и блаженную истину, что смерть отнюдь не зло для смертныхъ, а добро; они уносили съ собой, какъ говоритъ Исократъ, самыя сладкія надежды не только на счетъ конца этой жизни, но и для всѣхъ послѣдующихъ временъ“. Профаны, не удостоившіеся посвященія, должны были быть готовыми послѣ смерти ихъ принять вѣчныя муки; и въ подземномъ мірѣ предсѣдательствовалъ самъ Триптолемъ, чтобы указывать посвященнымъ назначенное имъ почетное мѣсто. „О, трижды блаженны тѣ смертные,—воскликаетъ Софокль,—кои послѣ созерцанія этихъ

священныхъ обрядовъ идутъ въ Аидъ; ибо для нихъ, и для нихъ однихъ, возможна жизнь въ подземномъ мірѣ; для другихъ тамъ одни лишь страданія“. Изъ этого видно, въ чемъ была великая заслуга мистеріи: уча о безсмертіи души, ставя счастье вѣчной жизни въ зависимость отъ извѣстныхъ условій благочестія, чистоты и справедливости, наполняя душу чувствомъ безконечнаго, онѣ могучимъ образомъ способствовали поддержанію въ людяхъ религіозныхъ и нравственныхъ традицій. Даже въ послѣдніе дни язычества, когда важныя несогласія, внося соблазнъ, вредили мистеріямъ происхожденія египетскаго, сирійскаго или фригійскаго, никакая порча не смѣла коснуться мистерій элевсинскихъ; и ихъ доктрина, болѣе философская, чѣмъ религіозная, сохранила въ полной чистотѣ всю важную строгость своего характера вплоть до того дня, когда въ 381 году по указу императора Θεодосія, элевсинское святилище было закрыто навсегда.

III.

Изъ тѣхъ памятниковъ, гдѣ праздновали культъ Великихъ Богинь, наиболѣе важные были найдены при послѣднихъ раскопкахъ. Въ сѣверномъ углу священной ограды, отъ которой сохранились слѣды стѣнъ и грозныхъ башенъ, прежде всего видишь большія Пропилеи съ ихъ шестью дорическими колоннами и двойнымъ фасадомъ, съ ихъ внутреннимъ проходомъ, окаймленнымъ ионическими колоннами, и большой медальонъ, изображающій Антонина Благочестиваго и увѣнчивающій наружный фронтонъ. Далѣе слѣдуютъ ма-

ляя Пропилеи, служившія входомъ въ болѣе древнюю ограду; а внутри, у подножія высокаго холма, гдѣ навѣрно былъ храмъ Деметры, и гдѣ теперь часовня Богородицы скрываетъ остатки древняго зданія, возвышались въ долинѣ многочисленныя постройки. Вдоль священной дороги, сплошь вымощенной мраморомъ и окаймленной статуями, былъ теменось и маленькій храмъ Плутона, построенный въ IV вѣкѣ, съ многочисленными пещерами, несомнѣнно играющими извѣстную роль въ культѣ подземнаго бога; тутъ же были и сокровищницы богинь; изъ нихъ одна, быть можетъ, находилась на маленькомъ плоскогорьѣ, куда вели шесть ступеней, высѣченныхъ въ скалѣ; далѣе, у южной стѣны перибола былъ булевтерій, въ римскую эпоху замѣненный ими великолѣпными портиками, между которыми находился второстепенный входъ въ теменось; но среди всѣхъ этихъ построекъ самая значительная, прежде всего обращающая на себя вниманіе въ сложномъ планѣ развалинъ, это большая зала мистическихъ посвященій, построенная въ пятомъ вѣкѣ подъ руководствомъ Иктина. По своему расположенію зданіе это ничѣмъ не напоминаетъ обыкновенный планъ греческаго храма: дѣйствительно, портикъ изъ двѣнадцати дорическихъ колоннъ, образующій теперь ея фасадъ, былъ прибавленъ къ ней въ IV вѣкѣ архитекторомъ Филономъ; въ первоначальной постройкѣ не было ни сѣней, ни целлы, ни опистодома. Это большая прямоугольная зала, приблизительно въ 50 метровъ ширины и въ 45 длины, съ шестью дверями, продѣланными на трехъ фасадахъ и окруженная восемью

рядами скамей, ведущихъ уступами, гдѣ легко могло помѣститься до 3000 человѣкъ. Но что покажется страннымъ для залы, очевидно предназначенной для многочисленной публики, это то, что внутри она была вся наполнена цѣлымъ лѣсомъ колоннъ, расположенныхъ шестью параллельными рядами, хотя это безусловно мѣшало зрителямъ, сидѣвшимъ позади, видѣть все представленіе. Раньше неполныя изслѣдованія заставляли думать, что тутъ было подземное святилище, или скорѣе закулисная часть театра, гдѣ приготавливались машины, перемѣны декораций, чудесныя появленія, такъ сильно поражавшія въ священной Элевсинской драмѣ воображеніе присутствующихъ. Послѣднія раскопки показали несостоятельность этого предположенія. Почва предполагаемаго склепа находится на одномъ уровнѣ съ внѣшнимъ портикомъ и надо примириться съ тѣмъ, что это была сама зала посвященій, хотя невозможно вполнѣ понять ея расположеніе и смыслъ. Въ центрѣ, въ скалѣ имѣется выступъ: служило ли это центральной точкой опоры для какой-либо колоссальной статуи, жертвенника или чего другого? Неизвѣстно. Единственно, что можно утверждать, это то, что зданіе шестого вѣка, замѣненное памятникомъ Иктина, въ меньшихъ размѣрахъ представляло совершенно то же расположеніе. Раскопки, произведенныя на очень большой глубинѣ, открыли въ нѣсколькихъ мѣстахъ постройки, уничтоженныя персами, и показали, что Иктинъ лишь воспроизвелъ въ увеличенныхъ размѣрахъ планъ залы посвященій, созданный безвѣстнымъ архитекторомъ шестого вѣка.

Передъ этимъ большимъ памятникомъ, поддерживавшимся двумя массивными контрафорсами, между портикомъ Филона и стѣной перибола тянулась большая терраса, построенная на остаткахъ старыхъ стѣнъ, первоначально окружавшихъ святилище. На этомъ дворѣ, мощенномъ мраморомъ, возвышались многочисленные памятники, почти всѣ римской эпохи: экседры, эдикулы, служившіе подножіемъ для статуй; отъ нихъ найдены лишь обломки и надписи. Тутъ, между прочимъ, была странная статуя Времени, воздвигнутая однимъ римляниномъ Кв. Помпеемъ, сыномъ Авла и его двумя братьями, посвященная „могуществу Рима и вѣчному продолженію мистерій“. Наконецъ, по обѣимъ сторонамъ залы посвященій широкія лѣстницы, высѣченныя въ скалѣ, вели на верхнюю террасу, находившуюся передъ самымъ храмомъ богини и высившуюся надъ зданіями теменоса.

Какъ извѣстно, Элевсинское святилище, какъ и аѳинскій Акрополь, было совершенно опустошено во время персидскаго нашествія. По счастью, Ксерксъ не былъ коллекціонеромъ; онъ ничего, или почти ничего не забралъ изъ художественныхъ произведеній; и когда бѣдствіе минуло, греки разыскали среди развалинъ остатки разбитыхъ статуй, посвященныхъ ихъ богамъ. Изъ исторіи акропольскихъ раскопокъ мы знаемъ, что они сочли бесполезнымъ водружать на прежнія основанія эти безголовыя или разбитыя изваянія и что, покрывъ толстымъ слоемъ земли остатки прошлаго, они воздвигли надъ старыми святилищами новыя и болѣе прекрасныя зданія. Они сдѣлали въ Элевсинѣ то же, что и въ Акрополѣ, и мы можемъ

только радоваться такому счастливому случаю. Въ то время какъ знаменитыя изваянія V и IV в. большею частью исчезли при крушеніи язычества, земля бережно сохранила сокровища, которыми пренебрегала Греція временъ Перикла, но неоцѣнимыя для насъ. Ниже уровня Элевсинскихъ храмовъ были найдены при раскопкахъ рѣдкостные памятники архаическаго искусства; и хотя эти изваянія, къ тому же малочисленныя, нельзя сравнить со статуями Акрополя, хотя тутъ не нашли ни одного произведенія изъ бронзы, подобнаго тѣмъ, которыя въ большомъ количествѣ оказались въ Олимпіи, тѣмъ не менѣе изслѣдованіе святилища Деметры обогатило исторію античнаго искусства нѣсколькими замѣчательными произведеніями.

Будетъ лишнимъ долго говорить о нѣсколькихъ женскихъ статуяхъ, воспроизводящихъ уже извѣстный намъ по раскопкамъ Делоса и Акрополя типъ. И тутъ можно было бы прослѣдить за медленнымъ, но вѣрнымъ успѣхомъ этого примитивнаго искусства Греціи, начиная отъ почти безформенной фигуры, еще закутанной въ твердыя не гнушіяся одѣянія, вплоть до почти законченныхъ образовъ произведеній конца архаической эпохи. Всѣ этапы этого долгаго пути отмѣчены въ Элевсинѣ какимъ-либо изваяніемъ: прежде всего старый ксоанонъ, едва выдѣланный, словно заключенный въ футляръ отъ талии до ногъ, свободенъ одинъ торсъ, покрытый тяжело облегающей его одеждой; затѣмъ слѣдуютъ женскія статуи въ длинныхъ туникахъ со складками, въ короткихъ сборчатыхъ рубашкахъ, въ большихъ плащахъ, закинутыхъ на плечи, съ

тщательно сдѣланными прическами, въ спокойныхъ священныхъ позахъ. Среди фигуръ этого типа, открытыхъ въ Элевсинѣ, особенно интересны двѣ, такъ какъ онѣ принадлежатъ къ тому переходному времени, когда умирающій архаизмъ освобождается отъ завѣтовъ отжившей школы и дѣлаетъ усиліе, чтобы достичь художественной правды. Одна фигура, согласно условности примитивнаго искусства, для обозначенія движенія при ходьбѣ выставляетъ одну ногу и сгибаетъ другую; все тѣло изображено en face, а ноги въ профиль; но драпировки уже поражаютъ тонкостью работы, и подъ разнообразными тканями, — ваятель сумѣлъ съ удивительнымъ искусствомъ оттѣнить это разнообразіе, — обрисовывается молодое гибкое тѣло; разумѣется, тутъ еще видна во всей чистотѣ архаическая традиція, но техника уже прямо замѣчательна. На другомъ произведеніи печать большей оригинальности и самостоятельности; прическа менѣе искусственная, поза болѣе гибкая; новое расположеніе драпировокъ показываетъ горячее желаніе сдѣлать иначе и лучше; обнаженные части тѣла свидѣтельствуютъ о болѣе серьезномъ отношеніи къ анатоміи. Разумѣется, въ конечностяхъ не видно еще нѣжной утонченности аттическихъ произведеній, но чувствуется тутъ твердое желаніе порвать наконецъ съ условнымъ однообразіемъ школы: тѣмъ самымъ изваяніе это заслуживаетъ вниманія. Къ несчастью, у всѣхъ этихъ фигуръ нѣтъ головы; но все же въ Элевсинѣ нашли нѣсколько архаическихъ головъ, впрочемъ, довольно схожихъ съ аѳинскими головами средняго достоинства: въ нихъ то же симметричное

расположеніе волосъ, выкрашенныхъ въ красное, съ голубыми діадемами, тѣ же приподнятые къ вискамъ глаза, тотъ же наивно-улыбающійся ротъ, наконецъ то же отсутствіе отдѣлки въ очертаніяхъ лица.

Что касается художественныхъ сокровищъ, украшавшихъ Элевсинскій храмъ послѣ его возстановленія, то они почти всѣ исчезли: остался лишь обломокъ колоссальной статуи римской эпохи, находящійся теперь въ Лондонѣ, нѣсколько довольно посредственныхъ барельефовъ, найденныхъ въ теменосѣ Плутона, и два значительныхъ памятника, вполне достойныхъ вниманія. Одинъ, это знаменитый барельефъ аѳинскаго музея, гдѣ Деметра, вмѣстѣ съ дочерью, вручаетъ молодому Триптолему хлѣбное зерно, долженствующее оплодотворить землю, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній аттического искусства въ эпоху непосредственно предшествовавшую эпохѣ Фидія, и гдѣ тонкость очертаній, гибкость и грація позъ самага чистаго стиля. Другой памятникъ, удивительная голова молодого человѣка, открытая въ 1885 г. подлѣ святилища Платона, несомнѣнно одно изъ лучшихъ произведеній греческой скульптуры IV вѣка.

Надпись, найденная подлѣ этого изваянія, указываетъ на посвященіе Эвбулевсу, богу, культъ котораго въ V вѣкѣ появляется въ Элевсинской религіи вмѣстѣ съ культомъ Триптолема и божественной четы, называемой „богъ и богиня“. По легендѣ это былъ братъ Триптолема, въ моментъ похищенія Кору пасшій стадо въ равнинѣ: въ дѣйствительности имя это скорѣе означало въ нѣсколько болѣе благозвучной формѣ

подземное божество; какъ Плутонъ обозначаетъ бога обогащающаго, Эвбулевсъ значитъ благотворитель. То была одна изъ формъ подземнаго божества, которому поклонялись въ Элевсинѣ, но не носившая никогда въ этомъ культѣ мрачнаго и губительнаго характера Аида. Тѣсно связанный съ великими богинями, Плутонъ-Эвбулевсъ, съ благоговѣніемъ стерегъ брошенные въ землю посѣвы и заставлялъ землю, коей обладалъ, рождать обильныя жатвы. Культъ этого бога, почти преданный забвенію ради культа Вакха, повидимому, до нѣкоторой степени возрождается въ IV вѣкѣ: святилище, гдѣ было найдено это изображеніе, относится именно къ этому времени. Такимъ образомъ, можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ предположить, что эта голова съ задумчивымъ мрачнымъ выраженіемъ изображаетъ самого Эвбулевса, и это предположеніе, ставъ увѣренностью, показало въ то же время, что это изваяніе было оригинальнымъ произведеніемъ одного изъ самыхъ великихъ ваятелей древности.¹⁾

Извѣстно, что Пракситель взялъ изъ Элевсинскаго цикла мотивы для нѣсколькихъ своихъ статуй: онъ изваялъ для святилища Деметру, Кору и Діониса, группу, изображающую Триптолема и Великихъ Богинь, еще другую извѣстную въ древности подъ именемъ Катагузы, гдѣ Деметра была изображена несущей свою дочь. Эта нѣсколько мрачная миѳологія, повидимому, особенно плѣняла художника и удовлетворяла его желанье лѣпить выразительныя статуи. Онъ также вылѣпилъ и Эвбулевса и, навѣрно, произведеніе это было поставлено въ Элевсинскомъ

святилищѣ. Но стиль недавно открытаго изваянія несомнѣнно свидѣтельствуемъ, что оно принадлежитъ рѣзцу великаго скульптора; съ другой же стороны это несомнѣнно оригиналъ, знаменитый еще въ древности, а копии его въ нѣсколькихъ экземплярахъ имѣются въ Римѣ и Мантуѣ; наконецъ, техническое совершенство работы, тщательная отдѣлка волосъ, очертанія лба удивительно напоминаютъ Гермеса Олимпійскаго; такимъ образомъ, безъ излишней смѣлости позволительно признать въ этомъ изваяніи оригинальное произведеніе Праксителя. Конечно, голова эта во многомъ отличается отъ головы Гермеса: выраженіе ея носитъ болѣе индивидуальный характеръ, и строгость этого выраженія умѣряется безконечной кротостью, но Гермесъ произведеніе юности художника, а Эвбулевсъ свидѣтельствуемъ о полной зрѣлости его таланта. Къ несчастью, изваяніе это очень пострадало, и нѣкоторыя поврежденія портятъ впечатлѣніе, производимое этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ. Тѣмъ не менѣе это цѣнное приобрѣтеніе, и тѣмъ уже важны раскопки въ Элевсинѣ, что они возвратили намъ оригинальную статую великаго аѣинскаго мастера IV вѣка.

ГЛАВА IX.

Раскопки въ Эпидаврѣ.

(1881—1887.)

Среди культовъ древности одинъ изъ самыхъ интересныхъ и любопытныхъ есть, несомнѣнно, культъ Асклепія, называвшагося у римлянъ Эскулапомъ: до извѣстной степени это самая новая изъ всѣхъ этихъ древнихъ религій. Къ другимъ богамъ языческаго Олимпа, къ Зевсу, къ Аполлону,—какъ бы свободно ни держали себя порой съ ними благочестивые Элліны,—греки обращались главнымъ образомъ съ молитвами характера духовнаго и нравственнаго; эти боги были слишкомъ важныя особы, чтобы можно было свободно докучать имъ всѣми мелкими нуждами человѣчества. Къ Асклепію отношеніе иное. Это врачъ, а всякій знаетъ, что отъ своего врача не имѣешь тайнъ. Поэтому къ нему шли со всякой заботой, со всякой невзгодой, и не только души, а также, и главнымъ образомъ, тѣла; у подножія его жертвенниковъ выставляютъ, не смущаясь, всѣ немощи человѣческія; съ нимъ благочестивые люди чувствуютъ себя совсѣмъ свободно и, если можно такъ выразиться, обращаются съ нимъ за-панибрата. Поэтому изученіе культа

этого бога - цѣлителя и помощника представлять одну изъ самыхъ интересныхъ главъ въ исторіи Эллинскихъ религій, и храмы его появляются передъ нами въ видѣ настоящихъ благотворительныхъ учрежденій, единственнымъ видомъ филантропіи, извѣстнымъ античному греческому міру. Благодаря рвенію Аѳинскаго археологическаго общества, изученіе это стало теперь нетруднымъ: раскопки 1876 и 1877 года, принятія имъ на южномъ склонѣ Акрополя, познакомили насъ съ аѳинскимъ святилищемъ Асклепія; нѣкоторое время спустя раскопки, произведенныя въ Эпидаврѣ, подъ руководствомъ Кавадія въ 1881 — 1887 гг., открыли одно изъ самыхъ знаменитыхъ и великолѣпныхъ святилищъ Эскулапа и сдѣлали насъ обладателями большого количества всевозможныхъ памятниковъ, проливающихъ совершенно новый свѣтъ на этотъ культъ, до тѣхъ поръ почти неизвѣстный.

I.

Одинъ путешественникъ второго вѣка, видѣвшій послѣднее великолѣпіе языческой Греціи, довольно пространно описываетъ чудеса Эпидаврскаго храма и даетъ точныя указанія, изъ какихъ главныхъ частей состояло всякое святилище Асклепія. „Ихъ было три: храмъ, гдѣ помѣщалась статуя бога; портики или родъ крытыхъ галлерей, гдѣ находили пріютъ всѣ странники-гости этого бога; наконецъ источникъ, доставлявшій воду, необходимую для первоначальнаго лѣченія, предписываемаго богомъ, для очищенія и омовенія просителей“. Въ большин-

ствѣ святилищъ Асклепія постройки были довольно просты: такъ какъ важнѣе всего было хорошо обставить лѣчебницу, находившуюся при храмѣ, архитекторъ долженъ былъ удовлетворять опредѣленнымъ требованіямъ; нужны были, какъ замѣчаетъ Жираръ, большія пустыя пространства для сооруженія портиковъ, предназначавшихся для пріема больныхъ, обширные дворы и проходы, позволявшіе толпѣ паломниковъ свободно двигаться и переходить съ мѣста на мѣсто; поэтому, чтобы было куда помѣщать всѣхъ ищущихъ исцѣленія у этого бога, урѣзывали размѣры его храма. Храмъ этотъ не походилъ обыкновенно на великолѣпные памятники, воздвигавшіеся съ большими затратами при содѣйствіи знаменитѣйшихъ художниковъ Греціи: Асклепій довольствовался простой часовней, гдѣ вокругъ статуи бога помѣщены были цѣнныя приношенія, пожертвованныя благодарными и благочестивыми просителями. Главная часть священной ограды была занята широкими портиками, впускавшими много свѣта, гдѣ тѣснились толпы вѣрныхъ; подлѣ нихъ находился чудодѣйственный источникъ, а иногда также и священная роща, дававшая святилищу цѣлительную и необходимую для больныхъ тѣнь и прохладу. Такъ было и въ Эпидаврѣ. Впрочемъ, въ этомъ святилищѣ Асклепія, самомъ знаменитомъ во всей древности, и памятники были много роскошнѣе.—Въ священной оградѣ, передъ которой были дорическія Пропилеи, поднимались значительныхъ размѣровъ зданія, и благодаря раскопкамъ мы узнали въ общихъ чертахъ ихъ расположеніе. Прежде всего тутъ былъ храмъ

бога, длиной въ 24 и шириной въ 13 метровъ, съ дорическими колоннами и расписнымъ карнизомъ, съ фронтонами, украшенными статуями, и съ разными фигурами, поставленными наверху и по угламъ главнаго фасада; онъ былъ выстроенъ въ началѣ IV вѣка, и, вслѣдствіе оригинальнаго расположенія частей, въ немъ не было опистодома. Рядомъ находилось прекрасное круглое зданіе *Θολοσ*, построенное въ IV вѣкѣ Поликлитомъ Младшимъ, великолѣпная мраморная ротонда, окруженная дорической колоннадой, съ шестнадцатью коринѣскими колоннами внутри; это былъ одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ памятниковъ святилища съ раскрашенными въ тысячи цвѣтовъ кессонами на потолкѣ, со стѣнами, покрытыми всевозможными мраморными украшеніями; мраморные же львы и листья увѣнчивали наружную верхнюю часть зданія; одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ, а также и самыхъ интересныхъ съ его кругообразнымъ подземельемъ, гдѣ три концентрическіе прохода, можетъ быть, представляли изъ себя резервуаръ, питавшійся священнымъ источникомъ *Асклепія*. Въ каждомъ изъ этихъ двухъ памятниковъ можно было любоваться прекраснѣйшими образцами искусства: въ храмѣ статуя изъ золота и слоновой кости, работы *Θрасимеда Паросскаго*, представляющая *Асклепія* сидящимъ на тронѣ и окруженнымъ своими священными животными—змѣей и собакой, часто принимавшими участіе въ культѣ и чудесахъ бога; въ *Θολοσ*, сплошь украшенномъ живописью, можно было видѣть, между прочимъ, знаменитую *Метэ Павсія*, молодую женщину, пьющую изъ стекляннаго фіала,

и удивительная прозрачность стекла превозносились уже въ древности. Нѣсколько далѣе былъ дорическій храмъ Артемиды и передъ нимъ возвышался жертвенникъ; здѣсь богинѣ поклонялись, главнымъ образомъ, подъ именемъ Гекаты, и культъ этой богини—цѣлительницы и помощницы—былъ тѣсно связанъ съ культомъ Асклепія; затѣмъ были часовни, построенныя въ честь Гигіи, любимой дочери бога, въ честь Афродиты и Θемиды, Аполлона Малеатскаго, который, подобно Эскулапу, совершалъ чудесныя исцѣленія въ своемъ Θессалійскомъ святилищѣ въ Триккѣ, и которому часто поклонялись и молились раньше чѣмъ отправляться въ Эпидаврѣ. Посреди ограды находился большой жертвенникъ; а вдоль сѣверной стѣны перибола на пространствѣ 74 метровъ въ длину, два іоническихъ портика, изъ которыхъ одинъ былъ въ два этажа, представляли изъ себя священное помѣщеніе, Абать, раздѣленное на два длинныхъ пролета, гдѣ больные проводили ночь; на восточномъ концѣ этого зданія виднѣлся колодезь, доставлявшій необходимую воду для мытья и лѣченія. Было еще много и другихъ памятниковъ: къ югу отъ храма Асклепія нашли большое четырехугольное зданіе, полное статуй и приношеній; между часовней Артемиды и Пропилеями—зданіе, неизвѣстно къ чему предназначавшееся, а нѣсколько болѣе къ югу большая гимназія; къ сѣверу отъ Абата великолѣпныя бани, всѣ украшенныя статуями, которыя велѣлъ построить императоръ Антонинъ, и гдѣ среди многочисленныхъ залъ, окружавшихъ обширный дворъ, была также библіотека; наконецъ внѣ ограды находился стадій, а дальше

на склонѣ Кинортійской горы театръ, также выстроенный Поликлитомъ Младшимъ и слывшій за одинъ изъ самыхъ большихъ и замѣчательныхъ во всей Греціи. Раскопки возвратили намъ почти совсѣмъ сохранившимся это великолѣпное зданіе съ его 32-мя рядами скамей, шедшихъ уступами, съ его кругообразной оркестрой, гдѣ въ центрѣ помѣщался жертвенникъ, съ его стѣной, отдѣлявшей сцену и украшенной колоннами и статуями и откуда открывался широкій видъ на удивительную картину, какую представляли собой зданія священной ограды. И повсюду на террасахъ перибола и вокругъ храмовъ возвышались во множествѣ статуи, изображавшія бога, роскошно изукрашенныя экседры, памятники, воздвигнутые знаменитымъ врачамъ, стелы, гласившія о чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершенныхъ въ святилищѣ, и благоговѣйныя приношенія, барельефы, расписанныя яркими красками, воскрешавшіе передъ глазами зрителей сцены совершенныхъ чудесъ или поклоненія. Одною лишь недоставало этому лечебному святилищу, въ немъ можно было излѣчиться отъ всѣхъ болѣзней, въ немъ нельзя было спокойно умереть. Священный ритуальъ исключалъ изъ священныхъ мѣстъ, какъ въ Эпидаврѣ, такъ и Делосѣ, все нечистое, соединенное съ рожденіемъ или со смертью, и изъ священной ограды безжалостно изгоняли больныхъ, приговоренныхъ къ смерти, пришедшихъ иногда изъ отдаленнѣйшихъ областей Греціи, за совѣтомъ къ богу, и изнемогшихъ отъ долгаго и тяжкаго пути на порогъ храма. Благодаря сострадательности одного римскаго императора, прекратилось такое

прискорбное и варварское обращеніе съ людьми. Антонинъ приказалъ выстроить за чертой перибола большой домъ, гдѣ умирающіе могли бы, по крайней мѣрѣ, спокойно скончаться; Греція считала всегда излишней подобную утонченность человѣколюбія.

Такова была обстановка, гдѣ устраивались празднества Асклепія, куда каждый день собирались суевѣрныя толпы людей, чтобы раскрыть свою немощь передъ жертвенниками бога и ждать чудеснаго дѣйствія его всемогущества. Теперь время представить главныхъ лицъ драмы.

Какъ всякое другое божество, Асклепій имѣлъ своего верховнаго жреца, обязанности котораго, повидимому, нисколько не отличались отъ обязанностей жрецовъ другихъ культовъ: руководить жертвоприношеніями, наблюдать за украшеніями храма, управлять священной казной, таково было дѣло, довѣрявшееся всякому жреческому сословію. Однако, очень вѣроятно, что характеръ бога, которому онъ служилъ, возлагалъ на верховнаго Эпидаврскаго жреца особыя обязанности. Количество больныхъ, приходившихъ въ храмъ Асклепія за исцѣленіемъ, несомнѣнно создавало для него и большое количество всевозможныхъ обязанностей: надо было имѣть извѣстный надзоръ за толпой, сбравшейся въ этомъ обширномъ караванъ-сараѣ, надо было несомнѣнно отправлять обязанности внутренней полиціи святилища; во всякомъ случаѣ глава Эпидаврскаго жреческаго сословія не могъ безусловно не интересоваться дѣлами просителей, являвшихся въ храмъ; чѣмъ чаще происходило облегченіе отъ недуговъ, чѣмъ чудеснѣе

исцѣленіе, тѣмъ многочисленнѣе пациенты, тѣмъ больше и славы и выгоды ему самому; поэтому верховный жрецъ управлялъ, какъ неограниченный владыка, священной лѣчебницей, довѣренной его попеченіямъ, однако, онъ, повидимому, отнюдь не производилъ самъ никакихъ операцій. Въ непосредственное сношеніе съ больными входили низшіе служители храма; они принимали больныхъ, устраивали ихъ подъ портиками, оказывали имъ первую помощь и наблюдали за точнымъ исполненіемъ предписаній, сдѣланныхъ богомъ; среди этихъ низшихъ служащихъ надписи называютъ закора, клейдука или ключаря, пирофора или факелоносца. Ихъ роль ограничивалась, впрочемъ, тѣмъ, что они были посредниками между богомъ и его поклонниками. Но исцѣленіе шло никакъ не отъ нихъ: честь его принадлежала одному Асклепію. Жрецами общались только предписанія, данныя богомъ, и они заботились объ томъ, чтобы возвѣщенное чудо лучше совершилось. Поэтому рѣдко можно было встрѣтить между ними врачей; къ тому же врачи тутъ были совершенно бесполезны, если вспомнить о томъ, что такое было это священное врачеваніе.

Несомнѣнно, что медицина была очень распространена въ античной Греціи; школы Косская, Книдская, Родосская и Киренская были знамениты въ Эллинскомъ мірѣ, но вышедшіе изъ нихъ врачи были большею частью свѣтскаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ наряду съ священной медициной, практиковавшейся въ святилищѣ, каждый городъ имѣлъ свѣтскихъ врачей; наряду съ лѣчебницей при храмѣ, которую нѣ-

сколько подозрѣвали въ шарлатанствѣ, городъ устраивалъ, въ видѣ общественной благотвори- тельности, гражданскую больницу подъ руковод- ствомъ врача, офиціально назначеннаго и опла- чиваемаго государствомъ. Въ этомъ зданіи на- ходилось все необходимое для научнаго обученія: кабинетъ для консультацій, операціонная зала съ полнымъ арсеналомъ всѣхъ снарядовъ и инструментовъ, всѣхъ сортовъ рычаги, перекла- дины, куда подвѣшивали за ноги пациентовъ, чтобы вправить кости при вывихѣ бедра, ножи и бистури, трепаны и машины, чтобы рѣзать небный язычекъ; затѣмъ было отведено помѣ- щеніе, гдѣ приготавливались лѣкарства, и наконецъ комнаты для больныхъ. Въ учрежденіяхъ подоб- наго рода дѣйствительно занимались наукой, подъ надзоромъ и руководствомъ профессиональ- наго медика. Въ святилищахъ Асклепія не было ничего подобнаго. Обиліе и повтореніе тѣхъ же случаевъ способствовали тому, что у жрецовъ являлась извѣстная практическая опытность; но обыкновенно роль ихъ ограничивалась самымъ простымъ уходомъ. Исцѣленіе являлось дѣйстви- емъ чисто божественнымъ, сверхестественнымъ вмѣ- шательствомъ высшей силы. Больной, устрой- вшійся подъ портиками Асклепіона, принесшій обычныя жертвы, исполнившій всѣ требуемыя формальности и засыпавшій съ надеждой, что во снѣ ему явится богъ и откроетъ ему нужное противъ его недуга лѣкарство, не могъ для исцѣленія своего разсчитывать ни на какую помощь со стороны знанія человѣческаго: все свое упованіе онъ возлагалъ на дѣйствіе силы небесной,—онъ ждалъ чуда. Теперь станетъ по-

нѣтнымъ, почему присутствіе врача являлось бесполезнымъ: было достаточно, чтобы жрецъ и его подчиненные заботились о томъ, чтобы чудо совершилось. Святилище Асклепія не было больницей, куда приходили, чтобы лечиться у людей ученыхъ, обладавшихъ и знаніемъ, и долгой практикой; это былъ храмъ, куда стремились, чтобы отдаться подъ покровительство бога“.

II.

Павзаній рассказываетъ, что видѣлъ въ Эпидаврѣ шесть плитъ, гдѣ были записаны случаи чудесныхъ исцѣленій, совершенныхъ Асклепіемъ въ его святилищѣ, и вмѣстѣ съ именами больныхъ былъ указанъ родъ болѣзни и способъ леченія, предписанный богомъ. Благодаря раскопкамъ, посчастливилось найти два изъ этихъ рѣдкостныхъ памятниковъ: подлѣ самага Юническаго портика нашли двѣ очень длинныя надписи, обѣ отъ IV вѣка, посвящающія насъ самымъ интереснымъ образомъ въ священную терапію Эскулапа. Въ каждой надписи упоминается приблизительно о 20 случаяхъ, дающихъ намъ ясное понятіе объ удивительномъ умѣніи божественнаго врача. Я не стану упоминать о всѣхъ кривыхъ и слѣпыхъ, которымъ Асклепій возвращаетъ зрѣніе, помазавъ незрячій глазъ мазью собственнаго изобрѣтенія, ни о хромыхъ, у которыхъ во время сна похищаютъ костыль, и которые утромъ оказываются способными бѣжать за воромъ; я не буду ничего говорить, какъ бы ни было интересно такое леченіе, о человѣкѣ изъ Митилены, „не имѣвшемъ, какъ гласитъ надпись,

никакихъ волосъ на головѣ, но очень много на лицѣ“, и у котораго, по повелѣнію Эскулапа, голова чудеснымъ образомъ въ одну ночь обросла густыми волосами; я не стану даже настаивать и на этихъ случаяхъ съ паралитиками, которымъ богъ приказываетъ идти и отнести тяжелый камень въ святилище: это все мелкіе случаи среди чудесныхъ исцѣленій. Мнѣ хочется рассказать о болѣе замѣчательныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ о лѣченіи водянки. Одна женщина изъ Лакедемоніи страдала водянкой. Мать пошла посовѣтоваться за нее съ Эпидаврскимъ богомъ, такъ какъ Эскулапъ дѣйствуетъ и на разстояніи, и присутствіе больного не безусловно необходимо. И вотъ женщина заснула, и ей приснился сонъ: „Видитъ она, будто богъ отсѣкъ голову ея дочери и повѣсилъ тѣло ея шеей внизъ; изъ шеи въ изобиліи хлынула вода, и затѣмъ богъ, отвязавъ тѣло, вновь приставилъ голову къ шеѣ. Послѣ этого видѣнія мать возвратилась въ Лакедемонію, гдѣ нашла дочь выздоровѣвшей“. Когда нужно было лѣчить ракъ, вотъ какъ поступалъ Эскулапъ. У одного человѣка былъ ракъ въ желудкѣ. Онъ пошелъ въ Эпидавръ, тамъ заснулъ и увидалъ сонъ. „Приснилось ему, будто богъ приказалъ сопровождавшимъ его служителямъ схватить его и крѣпко держать, покуда богъ вскрывалъ ему животъ. Бросился онъ было сначала бѣжать, но слуги поймали его и привязали; тогда Эскулапъ вскрылъ ему животъ; вырѣзалъ ракъ, вновь зашилъ животъ и освободилъ его отъ связывавшихъ его путъ. Онъ тотчасъ сталъ здоровымъ“. Богъ обладаетъ такими же дѣйствительными лѣкарствами отъ подагры

и отъ мигрени; онъ возвращаетъ слово нѣмымъ, залѣчиваетъ неизлѣчимыя раны, возвращаетъ покой тѣмъ, кого мучитъ проказа, заѣдаютъ паразиты; онъ исполняетъ желаніе томящихся безплодіемъ женщинъ и посылаетъ избавленіе страдающимъ слишкомъ продолжительной беременностью; онъ знаетъ средства отъ всѣхъ недуговъ, у него лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней, и жаль, что слишкомъ большая непристойность подробностей не позволяетъ описать полностью нѣкоторыя изъ употребляемыхъ имъ способовъ лѣченія. Несомнѣнно онъ любитъ сильныя средства: онъ излѣчиваетъ кривоногаго, велѣвъ ему распластаться передъ святилищемъ и затѣмъ, взойдя на свою колесницу, богъ направляетъ ее на больного и кони топчутъ его копытами покуда кривые ноги пациента не выправятся. Онъ обожаетъ хирургическія операціи. Одинъ его больной проглотилъ нѣсколько пиявокъ: что сдѣлалъ богъ? „Этому человѣку почудилось, гласитъ надпись, что богъ вскрылъ ему ножомъ грудь, вынулъ оттуда пиявки, вложилъ ихъ ему въ руки и вновь зашилъ грудь. Когда наступило утро, онъ всталъ съ пиявками въ рукахъ, и съ этой минуты сталъ здоровъ“. Причина болѣзни тутъ не менѣе примѣчательна, чѣмъ само лѣченіе; „она приключилась, какъ говорится въ текстѣ, вслѣдствіе коварства тещи, пустившей пиявки въ смѣсь вина и меда, выпитую имъ“. Изъ этого видно, какимъ жестокимъ испытаніямъ подвергались зятья въ древности!

Одинъ изъ самыхъ удивительныхъ, какъ и самыхъ знаменитыхъ случаевъ древности, это чудесное исцѣленіе женщины, страдавшей соли-

теромъ. Такъ какъ врачи отчаялись въ ея излѣченіи, она пошла уснуть въ Трезенскій храмъ Асклепія, и ей приснилось, что сыновья бога, — Эскулапъ не имѣлъ времени явиться лично, — отрѣзали ей голову и, запустивъ руки въ тѣло, вытащили оттуда солитера. Но, когда это было сдѣлано, они никакъ не могли приставить голову къ туловищу бѣдной женщины. Потребовалось, какъ можно скорѣй отправиться въ Эпидавръ и просить Эскулапа прійти исправить неловкость его сыновей. Богъ тотчасъ является, выговариваетъ за неосторожность дѣтямъ, которые взялись за дѣло, превышавшее ихъ разумѣніе; затѣмъ своимъ всепобѣждающимъ искусствомъ онъ приставилъ, какъ должно, отрубленную голову: и женщина была излѣчена.

На самомъ дѣлѣ Эскулапъ отнюдь не оказываетъ своихъ услугъ даромъ: онъ очень дорожитъ гонораромъ и иногда спрашиваетъ очень большой; приводятъ въ примѣръ одно чудесное исцѣленіе, за которое онъ потребовалъ приблизительно 60000 франковъ. По этой части богъ шутить не любитъ; и такъ какъ въ своемъ качествѣ бога онъ обладаетъ непреоборимыми принудительными средствами, то и пускаетъ ихъ въ ходъ, не задумываясь. Одинъ прозрѣвшій слѣпой не хотѣлъ платить за свое исцѣленіе, богъ тотчасъ вновь его ослѣпилъ; но такъ какъ чело-вѣкъ этотъ сталъ умолять, обѣщая въ будущемъ быть болѣе исполнительнымъ и благодарнымъ, Эскулапъ показалъ себя добрымъ царемъ и вновь возвратилъ ему зрѣніе. Впрочемъ, этотъ богъ славный малый, любящій посмѣяться и пошутить. Одинъ больной ребенокъ обѣщаетъ ему, въ видѣ

гонорара, десять костей; и это предложеніе кажется Эскулапу такимъ забавнымъ, что онъ тотчасъ возвращаетъ здоровье своему юному кліенту. Крайне непочтительно забавляется онъ также и насчетъ одной почтенной женщины, не сумѣвшей формулировать своей просьбы къ богу; онъ даже не обижается на скептиковъ, сомнѣвающихся въ его могуществѣ; онъ только старается убѣдить ихъ въ несправедливости ихъ сомнѣній. Одинъ человѣкъ съ парализованными пальцами пришелъ однажды въ Эпидавръ и увидѣвъ множество приношеній, свидѣтельствовавшихъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ, сталъ насмѣхаться надъ всѣми этими надписями. Что же сдѣлалъ богъ? Онъ во снѣ явился къ невѣрующему и, вытянувъ ему по очереди пальцы, вернулъ жизнь его рукъ; и когда человѣкъ этотъ, совершенно пораженный, и не вѣря еще чуду, сгибалъ и разгибалъ поочередно пальцы, Эскулапъ вновь подошелъ къ нему и спросилъ, продолжаетъ ли онъ сомнѣваться? Человѣкъ отвѣтилъ, что нѣтъ. Тогда богъ сказалъ: „Потому, что ты не повѣрилъ сейчасъ въ вещи не невѣроятныя, я дарую тебѣ теперь милость невѣроятнаго исцѣленія“. И въ этомъ было все его мщеніе. То же случилось и съ одной женщиной изъ Аѳинъ. „Гуляя по священной оградѣ, она стала насмѣхаться надъ нѣкоторыми исцѣленіями, находя невѣроятнымъ и невозможнымъ, чтобы хромыя стали вдругъ ходить и слѣпыя видѣть только потому, что имъ приснился сонъ. И вотъ, когда она уснула, ей самой было видѣніе. Почудилось ей, будто предсталъ предъ ней богъ и сказалъ, что излѣчитъ ее, но съ однимъ условіемъ, чтобы

въ видѣ платы она пожертвовала въ храмъ серебряную свинью, какъ память выказаннаго ею тупоумія. И когда насталъ день, она встала исцѣленной“. И такъ, въ сущности, этотъ богъ славный малый, снисходительный, услужливый, всегда готовый совершить чудо, даже самое неподходящее къ его званію, и прилагавшій особое стараніе въ трудныхъ случаяхъ. Припомнимъ хотя бы исторію носильщика, уронившаго мѣшокъ съ поклажей и разбившаго кубокъ, изъ котораго всегда пилъ его хозяинъ. И вотъ, когда онъ крайне смущенный тщетно старался подобрать куски, идетъ мимо путникъ и говоритъ ему, смѣясь: „Къ чему, несчастный, теряешь время и трудъ, желая починить свой кубокъ? Самъ Эскулапъ, богъ Эпидаврскій, не смогъ бы его исправить“. Этого было достаточно: такой вызовъ богу возымѣлъ свое дѣйствіе, и когда рабъ, придя въ храмъ, раскрылъ свой мѣшокъ, онъ нашелъ кубокъ цѣлымъ и невредимымъ. Искусство Эскулапа ни передъ чѣмъ ни останавливается: онъ такъ же легко поправляетъ сломанный фарфоръ, какъ сломанные члены человѣческаго тѣла; онъ такъ же охотно творитъ чудеса, чтобы спасти Лакедемонію отъ нападеній Филиппа Македонскаго, какъ и чтобъ вернуть здоровье больнымъ, приходящимъ молить его о томъ¹⁾.

Благодаря этимъ курьезнымъ Эпидаврскимъ плитамъ, мы какъ нельзя лучше узнаемъ, какіе употреблялись обыкновенно приемы въ священной медицинѣ. Въ большинствѣ описанныхъ случаевъ не упоминается объ употребленіи лѣкарствъ. Въ надписяхъ упоминается лишь о видѣніяхъ, да о снахъ²⁾. Не правильнымъ лѣченіемъ,

а всецѣло сверхестественнымъ вмѣшательствомъ выручаетъ богъ изъ бѣды своихъ вѣрныхъ, просящихъ его о милости. Поэтому и болѣзни, излѣчиваемыя Эскулапомъ, относятся гораздо болѣе къ области чудеснаго, чѣмъ къ области науки, и научной медицинѣ одинаково затруднительно было бы, какъ лѣчить ихъ, такъ и излѣчивать. Въ этомъ, конечно, заключается не малая доля интереса, какой эти пикантные рассказы представляютъ для исторіи терапевтики античныхъ святилищъ.

Легко понять, что эти чудесныя исцѣленія, слава которыхъ распространялась по всему греческому міру, привлекали въ храмъ Эскулапа многочисленныхъ больныхъ; и такъ какъ туда могли приходиться не только для себя, но и для другого, въ томъ случаѣ, если болѣзнь была слишкомъ серьезна и не позволяла больному лично предпринять святое путешествіе, то святилище не пустовало никогда. Толпу вѣрныхъ составляли всѣ классы общества; богатые и бѣдные, важныя особы и маленькіе люди, всѣ встрѣчались у подножія алтарей; но самую многочисленную категорію составляли женщины. Дѣйствительно, культъ Асклепія заключалъ въ себѣ данныя, чтобы прельщать ихъ: эти сновидѣнія, эти ночныя откровенія, эти чудеса, эта театральная обстановка, внушая имъ священный трепетъ, въ то же время плѣняли ихъ воображеніе и привлекали къ богу. Подъ покровительствомъ Эскулапа установились священныя корпораціи, фанатическіе святоши проводили всю свою жизнь подъ сѣнью святилища, пламенѣя извѣстнаго рода мистическою любовью къ богу, явившему имъ какую-либо

милость; наконецъ и сама свѣтская медицина, хоть и соперничала открыто съ практикующими врачами святилищъ Асклепія, отнимавшими у нихъ многочисленныхъ кліентовъ, тѣмъ не менѣе склонялась, если не передъ врачами-цѣлителями, подозрѣвая въ нихъ шарлатановъ, то во всякомъ случаѣ передъ богомъ, признавая его всемогущество. Общественные врачи охотно признавали покровительство бога-цѣлителя и благодарили его за удачное лѣченіе. Надписи свидѣтельствуютъ о подчиненіи науки религіи; въ гиппократовыхъ сочиненіяхъ много указаній на это; противъ эпилепсіи авторъ этихъ трактатовъ не знаетъ лучшаго средства, какъ жертвоприношенія, обѣты и моленія; какъ лѣкарство отъ меланхоліи, онъ рекомендуетъ поклоняться богамъ. Наконецъ, въ другомъ мѣстѣ можно прочесть слѣдующія замѣчательныя слова: „что касается вообще болѣзней и ихъ симптомовъ, медицина въ большинствѣ случаевъ относится съ полнымъ благоговѣніемъ къ богамъ. Врачи передъ ними преклоняются; ибо власть медицины ограничена“. Такимъ образомъ даже люди науки вѣрили въ сверхъестественное, очень часто медицина признавала себя безсильной передъ религіей, и призывъ къ божественной помощи всегда оставался, какъ говоритъ Жираръ, для ученыхъ, а равно и для невѣждъ послѣднимъ прибѣжищемъ и наивысшимъ упованіемъ.

Въ одной интересной сценѣ Аристофанова Плутоса, гдѣ, несмотря на свойственныя комедіи преувеличенія, легко различить долю истины, описанъ довольно подробно порядокъ дня одного изъ поклонниковъ Эскулапа, отправляющихся

толпами въ Эпидаврѣ за исцѣленіемъ. Когда приносили больного къ святилищу бога, обычай требовалъ прежде всего, чтобы онъ очистился, и для этого его погружали въ священный источникъ. Надлежало чистымъ предстать передъ божествомъ, а для древнихъ, какъ для жителей Востока нашихъ дней, подъ чистотой вообще прежде всего разумѣлась чистота физическая¹⁾; впрочемъ, въ такой лѣчебницѣ, какимъ было это святилище, подобная предосторожность являлась необходимой мѣрой гигиены, и жрецы несомнѣнно строго слѣдили за тѣмъ, чтобы никто не занималъ своего мѣста подъ портиками, предварительно не вымывшись самымъ тщательнымъ образомъ. Затѣмъ, принеся на алтарь Эскулапа нѣсколько пироговъ и кое-какія другія лакомства, а кто побогаче, такъ и болѣе значительную жертву, свинью или барана, устраивались на ночь въ священномъ помѣщеніи. Больные должны были приносить туда съ собой необходимую провизію и одѣяла, чтобы покрыться; администрація храма довольствовалась тѣмъ, что предоставляла въ ихъ распоряженіе скромныя постели изъ листвы. Съ наступленіемъ ночи зажигались священныя лампы, и жрецъ совершалъ нѣчто въ родѣ вечерней службы, чтобы призвать на болящихъ благословеніе божіе. Затѣмъ всѣ укладывались спать; и закорь, проходя портиками, гасилъ огни и приглашалъ больныхъ спать. Начиналась священная ночь.

Воображеніе богомольцевъ уже передъ тѣмъ разыгралось отъ ожиданія прихода бога, и ихъ охватывало крайнее возбужденіе отъ всей обстановки святилища и театральной торжественности

вечерней молитвы, а потому, когда наконецъ они засыпали, Эскулапъ являлся къ нимъ въ сновидѣніи и указывалъ имъ или на какой-нибудь способъ лѣченія, или повелѣвалъ исполнить извѣстный актъ благочестія въ благодарность за внезапное чудесное исцѣленіе. Уже извѣстны нѣкоторыя чудеса, какими богъ отмѣчалъ свой приходъ; не менѣе любопытны и его медицинскія предписанія. То онъ совѣтовалъ ванны, то пить известковую воду или сокъ цикуты; инымъ предписывалъ гимнастику и холодныя омовенія. Одно изъ его предписаній заключалось въ томъ, чтобы съѣсть куропатку съ ладаномъ; другое, превосходное въ случаяхъ воспаленія легкихъ, въ прикладываніи къ больному мѣсту припарки изъ пепла, смоченнаго виномъ. Отъ кровохарканья самымъ вѣрнымъ средствомъ было ѣсть въ теченіе трехъ дней подъ рядъ лепестки сосновыхъ шишекъ, приготовленныхъ на меду; для возвращенія зрѣнія не было ничего лучше примочки, сдѣланной изъ крови бѣлаго пѣтуха; наконецъ главную роль въ этихъ лѣченіяхъ играла вода, употреблялась ли она, какъ омовеніе, или какъ питье. Всѣ эти предписанія, какъ видно, были крайне просты; если Эскулапъ съ помощью собственныхъ рукъ и употреблялъ нѣсколько черезчуръ сильныя средства, предписанія его ограничивались лишь мѣрами простой гигіены; остальное было дѣломъ вѣры, и главная роль должна была всегда оставаться за чудеснымъ вмѣшательствомъ бога.

Утромъ всѣ приходили къ жрецамъ разсказывать, что во снѣ повелѣлъ имъ Асклепій, и приступали къ исполненію божественныхъ пред-

писаній. Поспѣшно собирались у источника, нетерпѣливо ждали обѣщаннаго чуда. Когда исцѣленіе происходило непосредственно, раздавались радостные крики, привилегированныхъ осыпали безконечными поздравленіями; очень часто откровеніе заставляло себя ждать въ теченіе нѣсколькихъ ночей; богъ подвергалъ испытанію терпѣніе своихъ поклонниковъ и медлилъ появиться, поэтому каждое новое исцѣленіе несло съ собой и новую надежду, давало тщетно молившимъ силу дожидаться того дня, когда и надъ ними сжалится богъ.

Во время большихъ празднествъ, справлявшихся въ честь Эскулапа, во время Эпидаврій и Асклепиевъ наплывъ посѣтителей еще увеличивался. Тогда храмъ украшался еще съ большимъ великолѣпіемъ, на статуи одѣвали ихъ самый прекрасный нарядъ, столы покрывались священными яствами, предлагаемыми божеству; тогда происходили священныя бдѣнія, гдѣ при свѣтѣ факеловъ въ теченіе всей ночи молельщицы, полныя благоговѣйнаго ожиданія, взывали къ богу, вознося ему молитвы; тогда-то несомнѣнно совершались среди стеченія народа, находившагося въ состояніи крайняго возбужденія, самыя рѣдкія чудеса, поражавшія воображеніе вѣрныхъ служителей бога. Тогда въ особенности святилище наполнялось движеніемъ и шумомъ; наряду съ толпами благочестивыхъ людей, приносившихъ богу свое поклоненіе, и больными, сопутствуемыми всѣми своими домашними, приходившими молить его о здоровьѣ, вокругъ перибола тѣснилось множество любопытныхъ, цѣлыя толпы торговцевъ. Продавцы

вещей для приношеній и всякихъ рѣдкостей усѣивали равнину рядами своихъ лавокъ; и эта большая ярмарка, открывавшаяся подъ сѣнью храма, привлекала къ себѣ не меньшее количество любителей житейскихъ радостей и утѣхъ, чѣмъ благочестивыхъ ревнителей и вѣрныхъ поклонниковъ священныхъ алтарей.

Разъ милость была получена, оставалось уплатить свой долгъ передъ богомъ. Древнее благочестіе было по этой части очень практическаго свойства: оно вступало съ божествомъ въ настоящую торговую сдѣлку, въ двусторонній договоръ, который даромъ ничего не давалъ. Умилостивительныя приношенія, предназначенныя, чтобы снискать благоволеніе бога, были крайне рѣдки и всегда очень скромны; и только лишь послѣ исполненнаго моленія челоуѣкъ выплачивалъ свой долгъ. Если Асклепій остается глухъ къ мольбамъ своего поклонника, онъ тѣмъ самымъ теряетъ всякое право на обѣщанное приношеніе; наоборотъ, если онъ исполняетъ условіе, вѣрующій платитъ самымъ аккуратнымъ образомъ, и такъ какъ Эскулапъ держалъ свое слово, благочестіе народное не скупилось для него на подарки и приношенія. Иногда богъ, открываясь молельщику въ сновидѣніи, самъ назначалъ требуемое ему приношеніе; и надписи свидѣлствуютъ, что въ подобномъ случаѣ Асклепій съ поразительной учтивостью направлялъ обыкновенно своихъ поклонниковъ къ алтарямъ другихъ божествъ; Аполлонъ Малеать и Аѳина Полиада, Гигія и сыновья Эскулапа, Гелій и Діоскуры, спаситель Телесфоръ и мать боговъ, порой даже весь Эллинскій Пантеонъ пользуются

такимъ образомъ любезностями, расточавшимися богомъ Эскулапомъ за счетъ его поклонниковъ. Въ другой разъ онъ предоставлялъ вѣрующимъ расплачиваться по ихъ усмотрѣнію, и тогда приношенія разнообразились до безконечности. То это были разрисованные барельефы, изображавшіе сцены поклоненія или моленій, гдѣ богъ былъ представленъ у изголовья больного, или изображался въ самый мигъ чудеснаго исцѣленія, въ родѣ тѣхъ наивныхъ картинъ, какія вѣшаютъ на шею слѣпцамъ, и которыя воспроизводятъ передъ глазами зрителей несчастный случай, когда они лишились зрѣнія. То это были статуи или портреты исцѣленныхъ больныхъ; но главнымъ образомъ это было множество маленькихъ предметовъ изъ мрамора или металла, и перечень ихъ, сохраненный въ инвентаряхъ храма, чрезвычайно любопытенъ. Иные приносили въ даръ спасителю-богу воспроизведеніе въ уменьшенномъ видѣ тѣла исцѣленнаго человѣка; другіе посвящали въ память полученной милости изображеніе больной части тѣла. Имѣются тутъ и цѣлыя лица и отдѣльные рты и глаза, уши и носы, руки и ноги, колѣни и торсы, сердца и груди, сдѣланные изъ золота или серебра или только позолоченные, въ случаѣ если болѣе дорогіе были не по карману; и теперь еще въ Италіи встрѣчаются приношенія этого рода, повѣшенныя на стѣны знаменитыхъ святилищъ. Затѣмъ были хирургическіе инструменты, зонды, ларцы для лѣкарствъ, дары врачей Эскулапу; еще были вазы, принадлежности туалета, тысячи всѣхъ этихъ предметовъ, какіе благодарные вѣрующіе приносили въ даръ во всѣ святилища,

древняго міра. Наконецъ, это были надписи въ стихотворной формѣ, гимны, пэаны, иногда сложенные самими больными и вырѣзанные въ святилищѣ въ честь бога. Въ Эпидаврѣ нашли одну изъ этихъ поэмъ, гдѣ нѣкій Исиллъ по приглашенію Дельфійскаго оракула воспѣлъ родословную и чудеса Асклепія; въ другомъ мѣстѣ это благодаренія, гдѣ цѣликомъ выливается трогательное и наивное благоговѣніе. „Внемли, — говоритъ одинъ изъ этихъ поэтовъ, — что хочетъ сказать твой вѣрный закорь: О, Асклепій, какъ смогу я идти въ твою золотую обитель, богъ всеблаженный, богъ желанный, возлюбленный ликъ, какъ могу я это, лишенный ногъ, позволявшихъ мнѣ раньше достигать до твоего святилища, если ты самъ дѣйствиємъ твоего благоволенія не поведешь меня туда, предварительно излѣчивъ меня, чтобы я могъ лицезрѣть тебя, моего бога, тебя, осіяннаго бѣльшимъ свѣтомъ, чѣмъ земля по веснѣ! Вотъ молитва, какую возноситъ къ тебѣ Діофантъ. Спаси меня, богъ сильный, богъ блаженный; исцѣли этотъ злой недугъ, подагру, ради отца твоего, кому возсылаю также тысячи моленій. Никто изъ смертныхъ, живущихъ на этой землѣ, не можетъ облегчить подобныхъ страданій: тебѣ одному, богъ всеблаженный, тебѣ одному дана эта власть; боги всемогущіе даровали тебя людямъ, о, даръ неоцѣненный, чтобы сострадалъ ты боли ихъ и облегчалъ ихъ. О, всеблаженный Асклепій, богъ цѣлитель, благодаря твоему искусству, Діофантъ, избавленный отъ своего неизлѣчимаго и страшнаго недуга, отнынѣ не будетъ больше походкой своей напоминать рака; не будетъ больше

ступать по терніямъ, но твердымъ шагомъ будетъ ходить, какъ ты того пожелалъ“.

III.

Наибольшаго блеска святилище Эпидавра, по видимому, достигло къ концу V вѣка. Въ этотъ самый періодъ, въ то время, какъ въ остальной Греціи воздвигались храмы Сунійскій, Рамнузскій и Фигалійскій, священная ограда Эскулапа покрывается великолѣпными памятниками; къ этому времени относятся Θолось и театръ, и портики Абата, равно и храмъ бога; и раскопки показали намъ съ какимъ великолѣпіемъ были предприняты всѣ эти сооруженія. Въ особенности для храма не пожалѣли никакихъ затратъ; длинная любопытная надпись, найденная въ Эпидаврѣ, знакомитъ насъ со всѣми подробностями работъ, по постройкѣ и по значительности употребленныхъ суммъ позволяетъ предугадывать все великолѣпіе этого зданія: произведенія искусства, найденныя при раскопкахъ, подтверждаютъ это свидѣтельство и даютъ самое полное понятіе о скульптурныхъ украшеніяхъ святилищъ.

Дѣйствительно, передъ обоими фасадами храма нашли большое количество статуй изъ пентеликонскаго мрамора, несомнѣнно составлявшихъ часть изваяній фронтоновъ, и хотя большая часть ихъ сильно повреждены, однако, по нимъ вполне возможно возстановить цѣлое, частями котораго они являются. На восточномъ фронтонѣ былъ изображенъ бой Кентавровъ съ Лапитами, отъ которыхъ до насъ дошло лишь нѣсколько обломковъ, между прочимъ прекрасная голова кен-

тавра; на западномъ фронтонѣ тотъ же сюжетъ, что и въ фигалійскомъ храмѣ и на Галикарнасскомъ мавзолеѣ: битва грековъ съ Амазонками. Нѣсколько фигуръ фронтона сохранились почти нетронутыми; и нельзя въ нихъ достаточно любоваться граціей позъ, разнообразіемъ выраженія, тонкостью очертаній, изяществомъ драпировокъ; ихъ тонкій стиль напоминаетъ мраморныя изваянія храма Побѣды Аптероской, и несомнѣнно это произведенія одного изъ мастеровъ Аттической школы. Среди нихъ надо упомянуть прекрасную конную статую, замѣчательную голову умирающей амазонки, удивительный торсъ Побѣды и двѣ фигуры Нереидъ верхомъ на лошади, вѣроятно, помѣщавшіяся по угламъ фронтона. Наконецъ, три крылатыя статуи Побѣды, изъ паросскаго мрамора, увѣнчивали вершину зданія; по смѣлости позъ, по изящной утонченности, по живой воздушности одеждъ, развѣвающихся подъ напоромъ бѣшенago вѣтра, онѣ напоминаютъ разительнымъ образомъ Побѣду Пеонійскую, найденную въ Олимпіи, и Нереидъ, украшающихъ памятникъ Ксанѳа. Быть можетъ, онѣ принадлежатъ какому-нибудь ваятелю Паросской школы, одинъ изъ великихъ мастеровъ которой, Трасимедъ, работалъ въ Эпидаврѣ, а глава школы Скопасъ, повидимому, не разъ былъ вдохновленъ традиціями и приѣмами Пэонія.

Въ Эпидаврѣ было найдено еще много другихъ статуй, свидѣтельствующихъ о долгомъ благоденствіи этого святилища: изъ нихъ большая часть изображаетъ Эскулапа, и нѣкоторыя, повидимому, воспроизводятъ одно изъ извѣстныхъ

изображеній бога, быть можетъ, сидячую статую, которую показывали въ храмѣ; на другихъ изображены божества, причастныя къ культу Асклепія: триликая Геката, Гигія, Афродита и въ особенности Аѳина. Но большинство этихъ произведеній относится къ эпохѣ малоизвѣстной и не заслуживаетъ большого вниманія; только одна Афродита перваго вѣка до нашей эры представляетъ интересную прекрасную копию съ Венеры Genitrix.

Заканчивая эту главу, можно спросить себя, какую пользу приносили эти храмы, и какую роль играли они въ древности?

Въ наше время о святилищахъ Асклепія говорятъ много дурного; на жрецовъ этого бога принято было смотрѣть, какъ на отъявленныхъ шарлатановъ, нагло злоупотреблявшихъ довѣріемъ наивныхъ и невѣжественныхъ людей; предполагали и у самихъ древнихъ глубокое отвращеніе къ такого рода обманамъ. Несомнѣнно, — и это подтверждается Эпидаврскими надписями, — что чудесныя исцѣленія Эскулапа съ самаго начала возбуждали нѣкоторое недовѣріе; но и это не было бесполезно для святилища. Когда вѣра уменьшилась, и пациенты начали сомнѣваться въ чудесной силѣ Асклепія, жрецы, чтобы поддержать славу храма, почувствовали необходимость примѣнять къ больнымъ способы научнаго метода лѣченія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одна любопытная Эпидаврская надпись, гдѣ во всѣхъ подробностяхъ описано лѣченіе диспепсіи. Рецептъ очень сложенъ, и я не отвѣчаю за его дѣйствіе; но вотъ его главныя предписанія: никогда не сердиться, подчиниться особой діетѣ,

состоявшей изъ сыра и хлѣба, изъ петрушки и латукъ - салата, изъ кусочковъ лимона, свареннаго въ водѣ, изъ молока, смѣшаннаго съ медомъ; бѣгать въ гимназїи, качаться на верхнихъ террасахъ святилища, натирать тѣло пылью, гулять босоногимъ, передъ купаніемъ принимать горячую ванну, разбавленную виномъ, мыться и натираться самому и, прибавляетъ надпись, давать баньщику драхму за труды; натираться солью и горчицей, полоскать железы и небный язычекъ холодной водой; и наконецъ, что самое главное, принести жертву Эскулапу и не забыть, уѣзжая, заплатить по счету за лѣченіе. Примѣняйте это лѣченіе въ продолженіе девяти дней и получите превосходный результатъ¹⁾.

Такимъ образомъ нельзя отрицать пользу этого учрежденія. „Храмъ Асклепія былъ въ самомъ дѣлѣ обширнымъ благотворительнымъ учрежденіемъ, лѣчебницей, дѣйствовавшей подъ руководствомъ бога при содѣйствїи и поддержкѣ города; богатые находили тутъ полезныя совѣты, бѣдные—прїютъ, сами врачи шли туда за спасительнымъ наставленіемъ“. Конечно, съ теченіемъ времени учрежденіе это приходило въ упадокъ; храмъ медицины превращался часто въ убѣжище для всевозможныхъ суевѣрій; вѣрно однако и то, что это была первая колыбель медицины, что въ теченіе долгаго времени культъ бога-врача оставался однимъ изъ самыхъ популярныхъ культовъ Греціи.

ГЛАВА X.

Раскопки въ Танагрѣ.

(1870—1889).

Между всѣми современными провинціями Греціи Беотія, несомнѣнно, одна изъ наименѣе привлекательныхъ и наименѣе посѣщаемыхъ. Экскурсіи туда затруднительны, остановки на ночлегъ представляютъ много непріятностей, гостепріимство далеко не образцовое; широкіе ландшафты попадаются рѣдко, величественныхъ развалинъ совсѣмъ нѣтъ; и сверхъ всего этого, само названіе этой области, несмотря на связанная съ ней великія имена: Пиндара и Гезіода, Эпаминонда и Плутарха, пробуждаетъ въ умѣ понятіе о чемъ-то тяжеломъ, нескладномъ, о какой-то непроходимой глупости. Съ самыхъ древнихъ временъ область эта пользовалась дурной репутаціей: аѳиняне, какъ добрые сосѣди, постоянно насмѣхались надъ тупостью и невѣжествомъ ѳивянъ; злые языки Греціи охотно смѣшивали слово тупоумный съ словомъ беотіецъ; и, дѣйствительно, когда подводишь итогъ умственному уровню Беотіи, когда видишь, что за двумя, тремя исключеніями, она ничего не дала эллинской литературѣ, что она не про-

извела ни великаго скульптора, ни великаго художника, невольно соглашаешься, что слава эта была заслужена. И такъ продолжали бы думать, еслибъ случайныя раскопки послѣднихъ лѣтъ не открыли намъ въ этой области, съ такой дурной славой, чудеса вкуса, изящества, фантазіи и граціи: я разумѣю восхитительныя статуэтки изъ глины, извѣстныя обыкновенно подъ названіемъ фигурокъ изъ Танагры, по имени города, гдѣ были сдѣланы главныя находки, хотя ихъ находили по всей Беотіи, въ Фисбѣ, въ Феспіи, въ Фивахъ, въ Авахъ и еще въ другихъ мѣстахъ, и въ большомъ количествѣ; эти прелестныя вещицы сторицею вознаграждаютъ беотійцевъ за все презрѣніе, видѣнное ими со стороны ихъ современниковъ.

I.

Если съ вершины Парнеса посмотрѣть на сѣверъ, увидишь у его подножія очень длинный и довольно широкій склонъ, идущій въ западномъ направленіи къ Эвбейскому каналу; это долина Вуріениса, Асопъ древнихъ, источникъ обладающій, между прочимъ, тѣмъ свойствомъ, что вода не изсякаетъ въ немъ почти круглый годъ. Въ центральной части этой долины, при сліяніи Вуріениса съ однимъ изъ его притоковъ, совсѣмъ близко отъ современнаго селенія Скиматари, возвышаются небольшія развалины древней Танагры. Если правда, что счастливые народы не имѣютъ исторіи, то жители Танагры несомнѣнно, пользовались самымъ полнымъ счастьемъ: въ самомъ дѣлѣ, мы почти ничего

не знаемъ о судьбѣ ихъ города, развѣ только то, что, находясь на перекресткѣ нѣсколькихъ большихъ проѣзжихъ дорогъ, онъ этому положенію былъ обязанъ своимъ стратегическимъ значеніемъ, и въ продолженіе V вѣка аѳиняне и ѳивяне оспаривали другъ у друга обладаніе Танагрой. Позднѣе, когда послѣ Херонейской битвы пали разомъ и Аѳины и ѳивы, благоденствіе Танагры, тогда уже довольно значительное, еще возросло: и когда Александръ, разрушивъ ѳивы, избавилъ ее отъ опаснаго соперника, Танагра сдѣлалась и оставалась въ теченіе многихъ вѣковъ наиболѣе населеннымъ городомъ Беотіи. Одинъ путешественникъ II вѣка до Рождества Христова описываетъ ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „это городъ, выстроенный на высокомъ крутомъ мѣстѣ, постройки въ немъ глиняныя и бѣлыя. Внутри дома очень изящны, украшены восковой живописью“. Жизнь въ нихъ, повидимому, протекала веселая и легкая: вино превосходное, жители честные, сострадательные и гостепріимные; пѣтушій бой, извѣстный во всей Греціи, дѣлалъ изъ Танагры маленькій земной рай. Прибавьте къ этому, что тамошнія женщины были красивы, какъ говоритъ одинъ древній писатель: „фигурой, походкой и ритмомъ своихъ движеній это были самыя изящныя женщины во всей Греціи. Разговоръ ихъ, говоритъ тотъ же путешественникъ, ни капли не походилъ на беотійскій, голосъ у нихъ былъ полонъ самага плѣнительнаго очарованія“; понятно, почему иноземцамъ такъ нравилось въ Танагрѣ, и легко уразумѣть совѣтъ одного поэта того времени: „будь другомъ беотійца и

не бѣги беотійской женщины; онъ славный малый, она превосходное созданіе“.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на воспоминаніе объ такой утонченности нравовъ, несмотря на любовь къ прекрасному, повидимому, съ давнихъ поръ крайне распространенную въ этомъ городѣ, несмотря на роскошь его храмовъ, украшенныхъ знаменитыми произведеніями искусства работы Каламида, несмотря на славу ея поэтессы Коринны, нѣсколько разъ побѣдившей самого Пиндара, имя Танагры было бы предано полному забвенію, еслибы лѣтъ 20 тому назадъ замѣчательныя открытія не обратили вниманіе на эту малоизвѣстную до тѣхъ поръ область Греціи. Уже съ давнихъ поръ крестьяне сосѣднихъ деревень, обрабатывая землю, находили античныя могилы, наполненныя вазами или статуэтками; отсюда, навѣрно, происходитъ и само названіе Скиматари—деревня статуэтокъ; но эти предметы, найденные въ маломъ количествѣ, попадали въ Европу, пройдя черезъ столько рукъ, что нельзя было добиться точнаго указанія о ихъ происхожденіи. Только около 1870 года изслѣдованія стали вестись болѣе дѣятельнымъ образомъ. Одинъ грекъ изъ Корфу, Георгій Анифантисъ, болѣе извѣстный подъ прозвищемъ Барба Іорги (старый Георгій) въ это время тайно изслѣдовалъ Ѡеспійскій некрополь; онъ услыхалъ, какъ говорили о случайныхъ находкахъ въ Танагрѣ, поселился въ этой деревнѣ и, благодаря своему опыту въ подобнаго рода дѣлахъ, скоро сдѣлалъ самыя блестящія открытія. До него попадались почти исключительно только гробницы архаической эпохи,

очень бѣдныя по количеству заключавшихся въ нихъ вещей; ему посчастливилось найти могилы болѣе поздняго періода, болѣе роскошно обставленныя, заключавшія въ себѣ вещи болѣе выгодныя для продажи; въ короткій срокъ ему удалось сильно нажитья. Ободренные такимъ примѣромъ мѣстные крестьяне, оставивъ свои обычныя занятія, принялись также за раскопки; и скоро аѳинскіе антикваріи выставили въ большомъ количествѣ въ окнахъ своихъ магазиновъ прелестнѣйшія глиняныя статуэтки. Необыкновенный успѣхъ въ Европѣ статуэтокъ Танагры, послѣдовавшее поэтому быстрое поднятіе на нихъ цѣны, обогативъ внезапно жителей Скиматари, усилило ихъ рвеніе; вся мѣстность вокругъ деревни была взрыта и перерыта; и такъ какъ Эллинское правительство и не подумало организовать правильныя раскопки, такъ какъ Аѳинское Археологическое общество не обратило ни малѣйшаго вниманія на научный интересъ, какой представляли эти удивительныя находки, Танагрскій некрополь былъ буквально преданъ на разграбленіе невѣжественнымъ искателямъ, думавшимъ исключительно о наживѣ. Когда наконецъ власти спохватились, что раскопки дѣлались безъ разрѣшенія, когда общество замѣтило, что лучшія вещи были отправлены за границу, и что оно одно ничего не получило изъ этихъ коллекцій, было уже отчасти поздно. Напрасно въ 1873 году отправили въ Танагру отъ имени Общества агента подъ прикрытіемъ отряда войскъ, чтобы воспрепятствовать *manu militari* тайнымъ раскопкамъ: все сколько-нибудь цѣнное было уже давно за границей, оставался одинъ бракъ.

Три раза Археологическое общество принималось вновь за дѣло; въ 1873, 1875, 1876 оно предпринимало раскопки въ некрополѣ, но озабоченное прежде всего тѣмъ, чтобы наполнить свои пустыя витрины, оно мало удѣляло вниманія научному изслѣдованію: вотъ почему, несмотря на большое количество разрытыхъ могилъ,—ихъ вскрыли въ количествѣ отъ 8 до 10000,—раскопки Танагры обогатили тысячами восхитительныхъ бездѣлушекъ, но ни единымъ вѣрнымъ точнымъ свѣдѣніемъ насчетъ расположенія этого столь важнаго некрополя.

Тѣмъ не менѣе, благодаря нѣкоторымъ, собраннымъ на мѣстѣ, показаніямъ, доставленнымъ также кое-какими болѣе просвѣщенными посѣтителями, бывшими случайно свидѣтелями нѣсколькихъ раскопокъ, можно приблизительно дать себѣ отчетъ объ условіяхъ, при которыхъ былъ открытъ могильный матеріаль въ Танагрѣ; и къ счастью новыя разслѣдованія, начатыя въ 1888 году Археологическимъ обществомъ и производившіяся на этотъ разъ съ истинно научнымъ методомъ, могутъ въ настоящее время пополнить недостаточность этихъ свѣдѣній. Съ другой стороны, раскопки некрополя въ Миринѣ, подлѣ Смирны, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ подрядъ (1880—1882) подъ руководствомъ Французскаго аѣинскаго института было разрыто около пяти тысячъ гробницъ, дали цѣнные свѣдѣнія о расположеніи античныхъ некрополей и обнаружили могилы, очень схожія съ могилами Танагры. Достаточно этихъ различныхъ указаній, чтобы довольно близко познакомиться со способомъ погребенія мертвыхъ у грековъ.

Во всю длину дорогъ, ведущихъ отъ Танагры въ окрестныя деревни, тянулись длинные ряды могилъ, группировавшіяся въ трехъ большихъ некрополяхъ; само собой разумѣется, заключавшіяся въ нихъ гробницы различнаго вида и относятся къ разному времени. То могилы представляютъ большое, вырытое въ землѣ, углубленіе безъ всякой облицовки для охраны трупа; то кости заключены въ глиняные или каменные саркофаги, опущенные въ землю; то—и это наиболѣе обычный видъ—вырытая въ известнякѣ яма выложена внутри кирпичомъ или каменными плитами. „Древніе очень заботились о томъ, чтобы устраивать своимъ умершимъ прочное и ненарушимое убѣжище, чтобы одновременно обезпечить покойнику миръ и предотвратить всякое поруганіе вещей, которыя часто клали въ могилу: съ этой цѣлью они старались сдѣлать стѣнки могилы несокрушимыми и укрыть ее наивозможно лучшимъ образомъ, или засыпая яму толстымъ слоемъ земли, или заваливая ее тяжелыми плитами известняка, представлявшими родъ крышки“. Тѣло опускали на дно ямы съ головой повернутой къ западу или сѣверу,—точного правила для этого не было; а вокругъ него, перемѣшанные съ костями и могильной землей, клались всевозможные предметы, представлявшіе погребальную утварь. Это были предметы, служившіе покойному въ ежедневномъ обиходѣ: банныя скребницы и зеркала, ларцы для притираній и духовъ, наряды и игрушки; были тутъ и сосуды, содержавшіе пищу и питье покойнаго, глиняныя и бронзовыя блюда, блюдечки и чашки, бутылки и свѣтиль-

ники; были и монеты, и наконецъ фигурки изъ терракоты. Разумѣется, не во всѣхъ разрытыхъ могилахъ встрѣчается полная серія предметовъ, составлявшихъ погребальную утварь; въ особенности статуэтки представляли роскошь, какую могли доставлять своимъ умершимъ лишь одни богачи. Очень часто простая и неукрашенная живописью ваза, поставленная въ головахъ труппа, да кое-какіе мало цѣнные предметы были единственнымъ украшеніемъ могилы; лишь въ немногихъ могилахъ встрѣчаются произведенія изъ обожженной глины, иногда цѣлыя, но большею частью разбитыя на мелкіе куски. Обыкновенно въ одной и той же могилѣ ихъ находили довольно большое количество, отъ пятнадцати до двадцати и даже до пятидесяти. Но, понятно, онѣ не находятся разложенными въ порядкѣ, подобно вещацамъ на полкѣ этажерки; фигурки бросали какъ попало, покуда только было мѣсто между стѣнками ямы и трупомъ, большею частью по обѣимъ сторонамъ головы и ногъ покойнаго, многія разбивались при бросаніи, многія нарочно были еще въ древности переломаны, чтобы не представлять никакого соблазна для воровъ; многія, бросаемыя въ яму во время самаго погребенія, бывали еще болѣе исковерканы. Поэтому число фигурокъ, найденныхъ въ цѣлости, очень незначительно, и едва ли для подлинности статуэтки можетъ служить хорошей рекомендаціей, если она сохранилась совершенно нетронутой. Къ счастью, отдѣльные куски этихъ хрупкихъ памятниковъ могутъ быть безъ труда соединены; это даже, замѣчу мимоходомъ, одно изъ любимыхъ занятій

поддѣльвателей, которые, путемъ реставрированія, поправокъ и починокъ, доставляютъ наивнымъ любителямъ сотни поддѣльныхъ Танагрскихъ фигурокъ.

Между предметами, составляющими погребальную утварь, глиняныя статуэтки относятся къ самой интересной категоріи. Онѣ однѣ представляютъ цѣлый міръ безконечно разнообразный, гдѣ встрѣчаются всѣ стили, всѣ роды, всѣ эпохи; статуэтки эти изображаютъ и мужчинъ и женщинъ, божества и геніевъ, грубыя и непристойныя фигуры, фигурки похожія на паяцовъ, которыхъ дергаютъ за веревочку, и фигурки пустыя внутри, куда кладутъ камешекъ, подобно нашимъ погремушкамъ; всевозможныя животныя, статуэтки самой различной работы, первобытной и самой тонкой, грубой и законченной, и всѣ онѣ разнятся одна отъ другой согласно съ обстоятельствами и временемъ. Въ очень древнихъ могилахъ терракоты немногочисленны; вмѣсто нихъ обыкновенно находятся прекрасныя вазы, расписанныя въ азіатскомъ вкусѣ; это, впрочемъ, можетъ служить какъ общее замѣчаніе, что могилы, гдѣ мало терракотъ, крайне богаты вазами, тогда какъ тѣ, гдѣ изобилуютъ статуэтки, не имѣютъ почти совсѣмъ глиняной посуды, какъ будто эти два вида погребальной роскоши слѣдовали одинъ за другимъ. Во всякомъ случаѣ, начиная съ VII и VI вѣка, въ могилахъ встрѣчаются очень странныя статуэтки, крайне наивныя по замыслу, удивительно грубыя по исполненію; крестьяне, пораженные сходствомъ ихъ длинныхъ одеждъ съ прямыми складками и высокимъ головнымъ уборомъ съ костюмомъ грече-

скихъ монаховъ называютъ ихъ *παπάδες*, священниками, и, дѣйствительно, онѣ несомнѣнно религіознаго характера. Онѣ напоминаютъ *ξόανα* примитивной Греціи, которыхъ такъ долго почиталъ народъ; тѣло ихъ безформенно, лишь рядъ разноцвѣтныхъ штриховъ намѣчаетъ одежды; ноги не отдѣлены одна отъ другой, руки простые обрубки; профиль, порой едва намѣченный, иногда рѣзко выдѣляется въ формѣ птичьяго клюва. Онѣ то стоятъ, то сидятъ на сѣдалищѣ съ высокой спинкой и не представляютъ ни малѣйшей художественной цѣнности, одинъ лишь интересъ древности.

Въ могилахъ болѣе поздняго періода, гдѣ чувствуется уже наступленіе полного расцвѣта греческаго искусства, терракоты попадаются въ большомъ количествѣ. вмѣсто статуэтокъ въ видѣ лепешекъ уже видишь замѣчательныя произведенія искусства. Это изображенія божествъ, которыя легко узнать по имѣющимся на нихъ атрибутамъ, хорошо вылѣпленные бюсты высокаго стиля, —которыя вѣшали на стѣнки гробницъ; эти изображенія, перерѣзанныя поперекъ тѣла, казалось выходили изъ земли и символизировали собой божественное восхожденіе боговъ подземнаго міра. Большинство этихъ бюстовъ изображаетъ женщину, покрытую вуалью, съ величественнымъ выраженіемъ, и эта кроткая величавость, и нѣсколько суровая грація указываютъ несомнѣнно, что это — изображение божества, по всѣмъ вѣроятіямъ Деметры, великой богини Элевсинской.

Большинство могилъ, однако, заключаетъ и болѣе разнообразныя по типу статуэтки. Наряду

съ статуэтками божества, величавость которыхъ, впрочемъ, принимала все болѣе человѣческой характеръ, попадаются въ большомъ количествѣ интимныя сцены изъ повседневной жизни. Представлены дѣти, играющія съ любимыми животными, или съ мячемъ и костями въ рукахъ, эфебы, въ костюмахъ, какіе надѣвались на бѣгахъ или въ гимназіи; изящныя молодыя женщины, играющія или гуляющія, дамы свѣта и полусвѣта беззаботныя и меланхоличныя, смѣющіяся и опечаленныя, и не всегда легко раскрыть ихъ инкогнито. Вотъ, наконецъ, бытовыя сцены и фигурки животныхъ, фигурки съ подвижными сочлененіями; и всѣ эти хрупкія вещицы, гдѣ тонкое чувство формы соединяется съ глубокимъ пониманіемъ жизни, восхитительны во всемъ разнообразіи ихъ прихотливости, фантазіи и безудержнаго веселія. Несмотря на нѣкоторую разницу вкусовъ и работы, всѣ они порождены однимъ и тѣмъ же вдохновеніемъ и принадлежатъ одной и той же эпохѣ расцвѣта, столь же блестящей, сколь и скоротечной, однако достаточной, чтобы упрочить славу мастерскихъ Беотіи.

Къ несчастью, довольно трудно за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ монетъ или надписей, опредѣлить вѣрно эпоху статуэтокъ Танагры; такова дурная сторона тайныхъ раскопокъ и сопровождающихъ ихъ обмановъ. Тѣмъ не менѣе большинство этихъ статуэтокъ должно, повидимому, относиться къ IV в. Въ это время, по словамъ О. Райэ, въ греческомъ искусствѣ дѣйствительно происходитъ замѣчательная эволюція. Оно освобождается отъ традиціонныхъ формъ, отрекается отъ суровой

религіозности предыдущаго вѣка, во всемъ ищетъ обаяніе жизни и индивидуальности. Пракситель и Скопасъ очеловѣчиваютъ боговъ Фидія; Лисиппъ дѣлаетъ портреты; Апеллесъ работаетъ по живымъ образцамъ; всюду, до литературы включительно, чувствуется новое стремленіе къ реализму. Въ этомъ именно и заключается отличительная черта статуэтокъ Танагры: лѣпщики статуэтокъ, такъ называемые коро-пласты смѣло вступаютъ на новый путь, которымъ идетъ искусство IV вѣка. Глина, изъ которой они лѣпятъ своихъ куколокъ, лучше мрамора и бронзы поддается изобрѣтательности этого искусства, влюбленнаго во все естественное и интимное; и ихъ вдохновеніе, чисто народное, порождаетъ произведенія, полныя остроумной граціи и милой фантазіи.

Вотъ въ этомъ-то отношеніи статуэтки заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія. Онѣ открываютъ намъ совершенно новое искусство, приемы котораго были до тѣхъ поръ почти совсѣмъ неизвѣстны, такъ что совершенства его не могли и подозрѣвать. Онѣ знакомятъ насъ съ интимной жизнью древней Греціи, съ ея нравами и развлеченіями, съ обычаями и костюмами; онѣ воскрешаютъ передъ нашими глазами современниковъ Александра; и сверхъ всего этого, онѣ восхитительны сами по себѣ. Этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы явилась мода на Танагру; и дѣйствительно, всѣ европейскіе музеи стали оспаривать другъ у друга ея хрупкія, но восхитительныя произведенія. Въ 1875 году Лувру посчастливилось собрать въ большомъ количествѣ вещи почти все замѣчательныя; къ тому же вре-

мени стали обогащаться превосходными статуэтками и частныя коллекціи, особенно коллекціи Лекюе де Клерка, Дютюи, Беллона, Грео, Райэ; и несмотря на болѣе позднія пріобрѣтенія, сдѣланныя Британскимъ музеемъ, несмотря на покупку Эрмитажемъ великолѣпной коллекціи Сабурова, на долю Франціи пришла лучшая часть изъ наслѣдства Беотійскаго некрополя. Историческая выставка въ Трокадеро въ 1878 году познакомила большую публику съ тонкимъ искусствомъ Танагрскихъ корoplastовъ и упрочила ихъ славу; теперь и полные профаны знаютъ и дѣлаютъ видъ, что цѣнятъ эти произведенія, исполненные такой остроумной граціи, такой игривой фантазіи, такой поразительной новизны, извлеченные тысячами изъ Беотійской почвы.

II.

„Танагрскія статуэтки очень различныхъ размѣровъ; самыя большія имѣютъ до 38 сантиметровъ высоты, самыя маленькія около 6—8; большая часть имѣетъ 20 сантиметровъ, когда фигуры въ сидячей позѣ, отъ 12—17 колѣнопреклоненныя и 20—25 стоячія. Но у всѣхъ одинъ видъ и пріемы работы одни и тѣ же. Обыкновенно только передняя часть тщательно отдѣлана; задняя представляетъ попросту округленную поверхность, линіи и одежды на ней чуть намѣчены, а посерединѣ сдѣлано прямоугольное углубленіе, иногда довольно большое; это углубленіе отдушины, оставляемой въ статуэткѣ, покуда глина еще мягкая, и служащей для облегченія выпариванья во время обжиганья.

Почти всѣ на очень тонкой подставкѣ, прилѣп-
ляемой подъ статуэтку раньше, чѣмъ ее ставили
въ печь; нѣкоторыя на высококомъ пьедесталѣ,
представляющемъ одно цѣлое съ самой стату-
эткой. Большинство изъ нихъ выливалось въ
литейной формѣ, но полученный такимъ обра-
зомъ образецъ исправлялся потомъ въ ваялѣ и
окончательно отдѣлывался; подъ рукой коропла-
ста каждая фигурка получала индивидуальную
физиономію, и такимъ образомъ первоначальный
слѣпокъ превращался въ художественное про-
изведеніе. По этому самому танагрскія статуэтки
достойны занять мѣсто въ исторіи искусства, и
пріемы, служившіе для ихъ выдѣлки, должны
быть внимательно изучены.

Мы не будемъ останавливаться на крайне про-
стой техникѣ предметовъ очень древнихъ и не
особенно цѣнныхъ вещей, дешевыхъ идоловъ,
игрушекъ и куколъ; весь этотъ мелкій товаръ
изготавливался руками, и, само-собой разумѣется,
былъ самой грубой работы; такой примитивный
способъ, единственный, какой только знали на-
ивные работники, лѣпившіе эти страннаго вида
лепешкообразныя фигурки, былъ скоро замѣненъ
фабрикаціей по опредѣленнымъ формамъ, что
представляло способъ болѣе удобный и вѣрный,
дѣлавшей къ тому же статуэтки болѣе легкими,
такъ какъ внутренность ихъ оставалась пустой.
Легко представить себѣ, какъ дѣйствовалъ ре-
месленникъ: изъ перваго тонкаго слоя хорошо
размѣшанной глины онъ дѣлалъ слѣпокъ съ
терракотовой формы, крѣпко нажимая пальцемъ,
чтобы глина залѣпила всѣ углубленія формы;
затѣмъ на первый слой онъ лѣпилъ второй и

такъ далѣе, покуда не получалась требуемая толщина; на многихъ статуэткахъ еще видны слѣды пальцевъ лѣпщика на внутренней стѣнкѣ фигурки. Обыкновенно форма дѣлится на двѣ части; переднюю часть фигурки и заднюю; въ обѣихъ половинахъ отминаютъ глину и, сближая обѣ формы, слѣпляютъ внутри, съ помощью небольшого количества глины, обѣ стороны статуэтки; обыкновенно также голова, руки и ноги дѣлались отдѣльно.

Само-собой разумѣется, что слѣпленная по формѣ, часто попорченной отъ долгаго употребленія, фигура имѣла еще довольно грубый видъ. Вотъ тутъ-то и начинается настоящая роль коро-пласта: онъ вновь принимается за такого чурбана, представляющаго лишь слабый намекъ на статую, чтобы отдѣлать его и придать должный видъ; ему придется выявить недостаточно опредѣленные очертанія, кончикомъ своего рѣзца обрисовать складки одеждъ, однимъ нажимомъ большого пальца придать большее выраженіе головѣ, легко выдавить кокетливый и причудливый головной уборъ, и уже тѣмъ самымъ онъ налагаетъ на произведеніе печать своей индивидуальности. Больше того: такъ какъ выпуклыя части обыкновенно придѣлываются позднѣе, такъ какъ голова, ноги и руки, всевозможныя принадлежности, шляпы и вѣера, мячи, вѣнцы, крылья и прочее выдѣлываются отдѣльно, статуэтку надо одѣть надлежащимъ образомъ; и коро-пластъ имѣетъ возможность нарядить ее по своей фантазіи. Среди всѣхъ этихъ головокъ на длинныхъ шеяхъ, приставляемыхъ къ верху статуэтки и прикрѣпляемыхъ однимъ дви-

женіемъ пальцевъ, онъ выбираетъ ту или другую, приподнимаетъ ее или наклоняетъ, придаетъ ей по желанію выраженіе мечтательное или кокетливое, радостное или печальное, и такимъ образомъ двумъ экземплярамъ, слѣпленнымъ по одной и той же формѣ, придаетъ различный видъ. Въ руки одной вкладываетъ гирлянды цвѣтовъ; въ руки другой вѣеръ или зеркало, и фантазія его сочетается съ необычнымъ богатствомъ воображенія всевозможныя имѣющіяся въ его распоряженіи побочныя средства. Желаете ли вы имѣть примѣръ подобныхъ превращеній, порой крайне забавныхъ и остроумныхъ, производимыхъ по прихоти короупласта на фигурахъ, вышедшихъ изъ одной и той же формы? Одна аѳинская статуэтка являетъ намъ слѣдующе пикантное сочетаніе: первоначально слѣпленная статуэтка эта представляла молодую дѣвушку, рвущую цвѣты; вдругъ слѣпщикъ, охваченный внезапной фантазіей, продолжая исправлять женскія формы бюста, передѣлываетъ ее такъ, что изображаетъ шероховатость волосатой кожи; между плечами онъ сажаетъ гримасничающую голову съ острой бородкой и съ длинными ушами; изящная молодая дѣвушка превращается въ сатира. Къ тѣлу молодого человѣка, одѣтаго въ хламиду, короупластъ по очереди приставляетъ различныя головы, то вѣнчикъ на волосахъ, то остроконечную шляпу; то вдругъ попадетъ ему случайно подъ руки шапочка съ крылышками и эфебъ становится Гермесомъ. Вотъ еще двѣ молодыя дѣвушки, сидящія на сѣдалищѣ безъ спинки въ очаровательной мечтательной позѣ; обѣ одинаковыя и, повидимому,

вышли изъ одной и той же формы; но одной художникъ придѣлалъ маленькую кокетливую головку съ восхитительной прической, у другой на лицо спущено покрывало, и оно выражаетъ скорбь; и вотъ получились двѣ сестры совершенно различнаго вида. Когда формы изображаютъ группы, разнообразія еще больше; при малѣйшемъ измѣненіи въ подробностяхъ, получается новый видъ. Въ своихъ мастерскихъ коропласты воспроизводили до безконечности мотивъ влюбленной четы: тѣмъ не менѣе, изъ этого однообразнаго типа они сумѣли извлечь множество разныхъ сюжетовъ; имъ было достаточно перемѣнить голову или какой-нибудь атрибутъ, чтобы получились то Афродита и Эросъ, то Афродита и Адонисъ, то Діонисъ и Аріадна, то Діонисъ и Метэ. Наконецъ, и это еще новый источникъ интересныхъ вариантовъ, когда форма приходила въ негодность, дѣлали слѣпокъ съ наиболѣе удачной фигуры, и послѣ такого двойного суживанія получалась статуэтка того же типа, но меньшаго объема, и такимъ путемъ можно было слѣпить цѣлый рядъ одинаковыхъ, но все уменьшающихся фигурокъ. Слѣдовательно, при помощи самаго ограниченнаго числа формъ коропластъ производилъ множество все новыхъ и оригинальныхъ произведеній, и нельзя налюбоваться на богатство воображенія, на игривость фантазіи, на необыкновенное искусство, съ какимъ эти неизвѣстные художники сумѣли остроумными поправками и замысловатыми комбинаціями до безконечности разнообразить ничтожное количество тождественныхъ типовъ.

Но этимъ не ограничивается туалетъ стату-

этокъ. Разъ поправка кончена, она ставится на просушку, обжигается въ печи и снова возвращается въ руки ремесленника для раскрашиванія. Прежде всего ее мочатъ въ известковомъ растворѣ, образующемъ бѣловатую основу, на которой краски держатся лучше, нежели на пористой глинѣ; затѣмъ ее раскрашиваютъ съ головы до ногъ. Одежда обыкновенно синяя, красная, розовая; кромѣ того, употребляются часто черный, желтый, зеленый и свѣтло-фіолетовый цвѣтъ. Украшенія и наряды, діадемы, браслеты, ушные подвѣски—вызолочены; волосы выкрашены въ чудесный темно-рыжій цвѣтъ, напоминающій тотъ золотисто-каштановый оттѣнокъ, которымъ такъ гордились женщины Беотіи; губы выкрашены въ красное, глаза блѣдно-голубые, а черныя брови, очень удлиненыя, указываютъ на то, что сурьма была извѣстна еще въ древности; наконецъ, щеки выкрашены въ блѣдно-розовый цвѣтъ. Иногда краски закрѣплялись вторымъ обжиганьемъ на маломъ огнѣ. Но это скорѣй исключеніе, чѣмъ общее правило. Поэтому многія фигурки утратили за долгое время пребыванія подъ землей свой первоначальный блескъ; тѣмъ не менѣе въ Танагрѣ, такъ и въ Миринѣ, нашли нѣсколько статуэтокъ съ несравненной яркостью красокъ.

Трудно себѣ представить, какой необычайной славой пользовались въ древности статуэтки Танагры: въ Малой Азіи, въ Италіи, въ Сициліи, отъ Киренаики до Босфора Кимерійскаго, повсюду, гдѣ только выдѣлывались статуэтки изъ терракоты, всюду жадно искали произведенія Беотійскихъ мастеровъ и старались имъ подра-

жать. Поэтому во всѣхъ этихъ мастерскихъ приемы работы почти одни и тѣ же. Искусство коропластовъ по существу художественная промышленность, которая руководствуется установленными правилами, и въ которой механическая работа играетъ большую роль; правда, оригинальность художника проявляется въ искусныхъ и непредвидѣнныхъ комбинаціяхъ подробностей, въ тонкомъ ретушированіи, въ глубокомъ пониманіи гармоніи красокъ; но прежде всего такой работникъ занимается ремесломъ, долженствующимъ прокормить его. Этого никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, когда стараешься истолковать значеніе этихъ изящныхъ статуэтокъ; тамъ, гдѣ мы хотѣли бы найти слѣды преднамѣренности и глубину замысла, часто только капризь фантазіи, прихоть художника, желавшаго показать съ какимъ искусствомъ онъ умѣлъ разнообразить одинъ и тотъ же типъ, и съ какимъ вкусомъ соединялъ разнородные элементы. „Занимая середину между міромъ идеальнымъ и реальнымъ, по красивому выраженію Гёзэ, многія изъ этихъ фигуръ выражаютъ какую-то нерѣшительность, составляющую одну изъ ихъ прелестей. Это вещи тонкія и хрупкія, и наука не должна касаться ихъ слишкомъ грубой рукой, изъ страха разбить ихъ“. Хорошо бы было, еслибы истолкователи вдохновились этими мудрыми словами, и чтобы самъ авторъ иногда не забывалъ ихъ.

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ стали извѣстны танагрскія статуэтки, многіе спрашиваютъ себя съ лю-

бопытствомъ, что собственно изображаютъ эти маленькія фигурки, изящныя и кокетливыя, съ вызывающимъ видомъ, съ движеніями то быстрыми и порывистыми, то замедленными и томными, одѣтыя съ восхитительной граціей; и такой вопросъ возбуждаетъ полное несогласіе среди археологовъ. Съ одной стороны Гёзз, обладающій тонкимъ вкусомъ, несомнѣнной эрудиціей и большимъ проникновеніемъ, пытается доказать поразительнымъ количествомъ аргументовъ и необыкновенно искусно, что эти тонкія и остроумныя фигурки имѣютъ религіозный и символическій смыслъ, и что подъ ихъ свѣтской внѣшностью скрываются таинственныя и великія божества подземнаго міра. Съ другой стороны, цѣлая археологическая школа, усваивая болѣе простое и неизменное мнѣніе, старается найти въ этихъ изящныхъ статуэткахъ изображенія интимной жизни и видитъ въ нихъ сюжеты бытовые. Представители этихъ двухъ взглядовъ вели между собой упорную войну, и среди самыхъ горячихъ борцовъ, съ наибольшимъ успѣхомъ ведшихъ эту борьбу, принимавшую иногда эпическіе размѣры,—нельзя забыть имя Оливье Райэ, такъ преждевременно отнятаго у жизни и науки, которой онъ оказалъ и долженъ былъ еще оказать столько великихъ услугъ. Разумѣется, какъ и во всякой борьбѣ этого рода, тутъ не было ни побѣдителей, ни побѣжденных; каждый оставался при своемъ мнѣніи; но теперь, когда страсти улеглись, и воинственный пылъ потухъ, быть можетъ, удастся среди всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ мнѣній найти срединный путь, навѣрное, болѣе близкій къ истинѣ.

Несомнѣнно надо признать неоспоримымъ фактомъ слѣдующій пунктъ, служащій основаніемъ всему построенію Гёзэ: именно, что въ могилахъ древней эпохи время примитивнаго искусства до эпохи, приближающейся къ великому стилю, фигурки изображаютъ всегда божества и онѣ ничто иное, какъ погребальныя идолы. Эти примитивныя фигурки въ спокойной и торжественной позѣ, съ высокими и странными прическами, носятъ несомнѣнно религіозный характеръ; эти штампованныя бюсты, гдѣ особыя атрибуты позволяютъ узнать Деметру, Персефону и Діониса; эти фигуры, перерѣзанныя поперекъ тѣла, съ такимъ благороднымъ выраженіемъ и совершенныя въ художественномъ отношеніи, очевидно изображаютъ могучихъ божествъ подземнаго міра, покидающихъ свое царство тѣней для божественнаго восшествія въ міръ надземный; не говоря уже объ этомъ движеніи, полномъ значенія, которымъ одна рука запахиваетъ на груди покрывало, объ этомъ тонкомъ и цѣломудренномъ превращеніи наивно смѣлаго-типа, которымъ Востокъ изображалъ богинь-матерей съ прижатыми къ груди руками, питающихъ жизнь міра и человѣчества.

Но становится труднѣе слѣдовать за Гёзэ, когда онъ отъ этихъ строгихъ образовъ переходитъ къ стройнымъ изящнымъ фигуркамъ IV вѣка съ ихъ остроумными фізіономіями, при чемъ и костюмъ ихъ и поза не имѣютъ ничего общаго, по крайней мѣрѣ съ перваго взгляда, съ типами, заимствованными изъ религіозныхъ и героическихъ легендъ. Конечно, можно допустить съ одной стороны, что народы въ нѣсколько лѣтъ

не мѣняютъ своихъ традиціонныхъ понятій о загробной жизни: однако, очень трудно признать въ этихъ прекрасныхъ незнакомкахъ, полныхъ такой мірской прелести, таинственное, скрывающееся въ нихъ божество. Разумѣется, нельзя не подивиться на необыкновенное искусство и чудесную изворотливость, съ какими истолковываютъ въ пользу этого предположенія малѣйшіе капризы, бѣглые намеки древняго лѣпщика, и интересно видѣть, какъ подъ перомъ Гёзе все истолковывается такъ, что можно узнать великую богиню Деметру въ какой-нибудь молодой женщинѣ, покрытой вуалью, съ походкой медленной и нерѣшительной, съ нѣсколько грустнымъ и меланхоличнымъ выраженіемъ; все становится значительнымъ въ этой прелестной фигуркѣ, вплоть до голубого цвѣта ея покрывала, цвѣта печали, вплоть до ея широкой остроконечной шляпы, подходящей богинѣ странницѣ, бродящей по міру въ поискахъ за дочерью, вплоть до отсутствія характерныхъ атрибутовъ, вплоть до утаиванія божественнаго типа, чѣмъ художникъ хотѣлъ подчеркнуть тайну, какой любили покрывать себя подземныя божества. Съ этой стороны все легко объясняется въ маленькомъ мірѣ Танагры. Если женщину съ покрываломъ сопровождаетъ болѣе молодая, одѣтая въ болѣе веселые цвѣта, и съ непокрытой головой, слѣдуетъ видѣть въ этой группѣ счастливое соединеніе Деметры съ Корой; если хочешь узнать, кто эта молодая дѣвушка, стоящая на колѣняхъ, упершись одной рукой въ землю, тотчасъ на мысль приходитъ Персефона, собирающая цвѣты въ Нисской долині, или во всякомъ случаѣ, по крайней

мѣрѣ, какая-нибудь другая богиня, играющая въ кости, продолжающая и по ту сторону смерти предаваться радостямъ жизни, и символизирующая съ глубокимъ философскимъ смысломъ „контрастъ между полнымъ расцвѣтомъ женской красоты и трагической судьбой“. А если покажется удивительнымъ, что такія глубокія мысли таятся подъ столь легкомысленной внѣшностью, что античные погребальныя идола мирятся съ столь преходящей красотой, съ такимъ простымъ способомъ изображенія боговъ, Гёзэ объясняетъ такую глубокую перемѣну измѣненіями, происшедшими въ IV вѣкѣ подъ вліяніемъ Праксителя въ искусствѣ и религіозномъ чувствѣ въ Греціи. Но тѣмъ не менѣе легко признать этотъ смягченный типъ; какъ и раньше, онъ изображаетъ божества: Деметру и Кору, Діониса и Афродиту, въ IV вѣкѣ присоединяющихся къ циклу погребальныхъ богинь; и вокругъ нихъ цѣлая свита существъ болѣе простаго происхожденія, но все-таки божественнаго: нимфы и геніи подземнаго міра съ поэтическими эмблемами жизни въ Елисейскихъ поляхъ, прислужницы Афродиты, вакханки Діониса, женщины въ покрывалахъ, изъ свиты Деметры, цѣлый оригинальный и прелестный циклъ, тѣсно связанный съ вѣрованіями и погребальнымъ ритуаломъ Греціи, представлявшій несомнѣнно полную противоположность этихъ бытовыхъ сюжетовъ, созданныхъ внѣ всякой религіозной идеи фантазіей лѣпщиковъ.

Краткое изложеніе не можетъ дать понятія о несравненномъ искусствѣ, съ какимъ Гёзэ поддерживаетъ свою теорію о тонкомъ изяществѣ стиля, какимъ прикрывается его изворотливая

діалектика. Тѣмъ не менѣе, несмотря на обаятельную прелесть его остроумныхъ статей, нельзя отрицать, что между примитивными идолами и фигурками IV вѣка существуетъ значительное различіе въ стилѣ и вдохновеніи, и что почти святотатственно видѣть богинь въ этихъ модницахъ, всецѣло занятыхъ тѣмъ, чтобы гармонично драпировать свои одежды, да оборачиваться назадъ, чтобы посмотрѣть какое впечатлѣніе производитъ ихъ шлейфъ, или играть вѣеромъ и зеркаломъ, если онѣ не играютъ глазами. Точно такъ же и множество статуэтокъ совсѣмъ не соответствують высокимъ цѣлямъ, которыя имъ навязываютъ. Эти женщины, самымъ прозаическимъ образомъ сажающія въ печь хлѣбъ, этотъ добродушный танагрскій циркульникъ, собирающійся завить волосы своему посѣтителю, этотъ странствующій торговецъ, выкрикивающій свой товаръ, этотъ ребенокъ, переписывающій свою страничку подъ надзоромъ педагога, другой, вступившій въ странный бой съ гусемъ, одинаковой съ нимъ величины, этотъ поваръ, приготавлиющій завтракъ, и многіе другіе, развѣ это религиозные сюжеты, имѣющіе хоть какое-нибудь отношеніе къ погребальнымъ обычаямъ? Эти странныя фигурки, эти гримасничающія или искривленныя лица комическихъ или трагическихъ актеровъ, эти часто непристойныя карикатуры, что общаго имѣютъ онѣ съ божествомъ? Намъ, конечно, могутъ сказать, что цѣль этихъ фигурокъ забавлять умершаго и располагать его такимъ образомъ къ живымъ; скажутъ, что онѣ составляютъ часть свиты Вакха, его шутовъ и скомороховъ... Въ самомъ дѣлѣ, рассмотримъ

безъ всякой предвзятой мысли достаточное количество статуэтокъ; тотчасъ получится совершенно опредѣленное впечатлѣніе. Нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно изображенія божествъ; другія также неоспоримо имѣютъ чисто человѣческой интимный характеръ; но кромѣ мифологическихъ сюжетовъ и сюжетовъ, почерпнутыхъ изъ повседневной жизни, есть множество статуэтокъ, про которыя очень трудно рѣшить, что онѣ означаютъ! Изъ-за этихъ-то прекрасныхъ незнакомокъ и возгорѣлся весь споръ; одни стремятся выяснитъ религіозное значеніе этихъ маленькихъ памятниковъ, другіе останавливаются исключительно на ихъ реалистической и живописной сторонѣ; несомнѣнно, что именно къ нимъ и слѣдуетъ обратиться за разрѣшеніемъ вопроса: быть можетъ, окажется возможнымъ примирить оба взгляда, заключающіе въ себѣ каждый долю истины.

Искусство коропластовъ прежде всего искусство промышленное и общедоступное, дешевое художественное производство, въ которомъ ремесленникъ работаетъ быстро, скрывая подъ видомъ милой небрежности то, что рука его только набросала. Это значитъ, что при нѣсколькой поспѣшной фабрикаціи, дюжинами повторяющей фигуры по одной и той же формѣ, отнюдь не слѣдуетъ доискиваться глубокихъ цѣлей и философскихъ замысловъ. Ваятель, мастеръ своего дѣла, въ теченіе долгихъ дней высѣкающій изъ мрамора оригинальную фигуру, можетъ при упорномъ трудѣ и талантѣ воспользоваться всякой подробностью для реализаціи своей мысли; коропласть, по словамъ Марта, ремесленникъ, работающій до извѣстной степени механически

и спѣшащій покончить съ одной фигурой, чтобы приняться за другую. Къ тому же, такъ какъ онъ работаетъ для заработка, важно, чтобы выставленныя имъ куклы нравились покупателю, а для этого надо, чтобы онѣ отвѣчали современному вкусу. Если въ данное время мода на изображенія религіознаго характера, онъ будетъ фабриковать погребальныхъ идоловъ; съ освобожденіемъ искусства, когда при Праксителѣ Олимпійскіе боги принимаютъ болѣе человѣческой видъ, коропласть измѣняетъ первоначальный типъ, одѣваетъ по-современному античныя божества Эллады. Съ другой стороны, неизбежно, чтобы первоначально религіозные сюжеты теряли съ теченіемъ времени свое примитивное значеніе. Въ силу постояннаго повторенія оригинала и воспроизведенія его по традиціи мастерскихъ, значеніе мѣта слабѣетъ и забывается; изученіе природы, становящееся обязательнымъ для художника, вноситъ извѣстныя измѣненія; и освященный типъ становится лишь образцомъ, механически воспроизводимымъ въ мастерскихъ, гдѣ скоро на первомъ мѣстѣ будетъ стоять забота о формѣ и о живописности. При этомъ очень трудно рѣшить, забылъ ли коропласть религіозную идею, выраженную въ примитивномъ типѣ, или онъ сознательно хотѣлъ обновить интереснымъ смѣшеніемъ символизма съ реализмомъ освященный образецъ; хотѣлъ ли онъ просто, согласно одному остроумному сравненію, разъ уже имѣется одна извѣстная арія великаго стиля, придавать ей болѣе доступную простую форму или разыграть новую арію, неволью вдохновляемый античными темами. Переходъ отъ религі-

ознаго сюжета къ бытовому сталъ такимъ легкимъ, что совершался не разъ; но въ то время, какъ символическое значеніе исчезаетъ, пластическая композиція остается въ главныхъ чертахъ, и, неясная связь общаго происхожденія соединяетъ одну съ другой двѣ группы, которыя повидимому, подтверждаютъ два противорѣчивыхъ предположенія. Разумѣется, не слѣдуетъ въ каждой статуэткѣ искать символическій или мистическій смыслъ; но, съ другой стороны, нельзя не видѣть упорнаго вліянія на нихъ религіозныхъ традицій; желаніе обновлять древніе типы эффектами живописи можетъ незамѣтно измѣнять ихъ характеръ; но вслѣдствіе общаго происхожденія интимныя сцены часто тѣсно связаны съ религіозными мотивами.

Возникаетъ другой, не менѣе трудный вопросъ, если мы захотимъ вникнуть въ причины, побуждавшія класть эти статуэткі въ могилы. Чтобы рѣшить его, будетъ не лишнимъ напомнить въ нѣсколькихъ словахъ, какое представленіе имѣли греки о загробной жизни.

Для эллиновъ, какъ и для всѣхъ другихъ народовъ древности, жизнь не прекращалась вдругъ съ момента наступленія смерти; скрыто отъ насъ она продолжалась въ могилѣ, куда было заключено тѣло, со всѣми потребностями, со всѣми радостями, со всѣми желаніями человѣческими, и даже тогда, когда было усвоено греками вѣрованіе болѣе поздней эпохи, по которому всѣ души умершихъ были заключены въ болѣе обширномъ, чѣмъ могила, подземномъ мѣстѣ, въ Лидѣ, они представляли себѣ будущую жизнь все еще лишь въ видѣ повторенія земного су-

ществованія. Слѣдовательно, умершему, продолжавшему подобную жизнь въ могилѣ, живые должны были приносить пищу; и вотъ почему на могилы ставили вино, лепешки и молоко, вотъ почему въ извѣстные памятные дни тамъ справляли тризну, въ которой невидимо принимала участіе тѣнь умершаго. Кромѣ того, въ тишинѣ могилы умершій долженъ былъ быть окруженъ любимыми имъ при жизни вещами; вотъ почему хоронятъ вмѣстѣ съ нимъ его оружіе, гимнастическія принадлежности, зеркала, иголки, ларцы съ притираніями и духами. Надо еще, чтобы, помимо необходимаго, онъ находилъ подлѣ себя и предметы роскоши; надо, чтобы въ его загробной жизни при немъ были для совмѣстнаго пользованія земными удовольствіями его товарищи и друзья; вотъ почему вмѣстѣ съ умершимъ хоронятъ его лошадей и собакъ, вотъ почему въ первобытныя времена иногда на могилѣ его приносятъ въ жертву его рабовъ, чтобы они слѣдовали за нимъ въ Аидъ, и служили ему тамъ, а также красивую плѣнницу, которая будетъ увеселять его въ его одиночествѣ. Позднѣе вмѣстѣ съ смягченіемъ нравовъ эти варварскіе обычаи исчезли; менѣе кровавыя приношенія, молитвы, музыка и пѣснопѣнье у могилы замѣнили прежніе кровавые обычаи; но все же сохранялась та мысль, что необходимо услаждать одиночество умершаго, отгонять отъ его тѣни печаль. Развлекать покойнаго въ его могилѣ, а также охранять его отъ опасностей въ его таинственномъ путешествіи, вотъ двойное желаніе, вдохновляющее благочестивыхъ людей, остававшихся въ живыхъ. Вотъ почему египтяне кла-

дутъ въ могилы погребальныя статуэтки, являющіяся на призывъ умершаго, чтобы помогать ему обрабатывать небесныя поля, представляющія преданную ему свиту и въ тоже время символизирующія бога-поручителя за безсмертіе. Вотъ почему ассирійцы кладутъ въ гробницы фигурки, предназначаемыя для заклятій противъ враждебности подземныхъ силъ; вотъ почему въ древнихъ некрополяхъ на островѣ Родосѣ въ могилахъ находятъ погребальныхъ идоловъ, изображенія божествъ, охраняющихъ гробницы, а также составляющихъ свиту и общество для умершихъ. Вотъ почему, конечно, глиняныя статуэтки наполняютъ некрополи Танагры и Мирины; но и тутъ еще вопросъ остается крайне спорнымъ, смотря по тому, берется ли въ расчетъ первая или вторая изъ двухъ главныхъ идей: потребность защитить умершаго или желаніе доставить ему общество въ могилѣ.

Для Гёзэ, видящаго во всѣхъ найденныхъ въ могилахъ фигуркахъ изображеніе божествъ, вопросъ разрѣшается очень просто: благочестивые люди, оставшіеся въ живыхъ, помѣстили подлѣ покойнаго изображенія боговъ, чтобы оградить его во время страшнаго путешествія; и совершенно естественно, что среди этихъ изображеній первое мѣсто было отведено таинственнымъ силамъ подземнаго міра. Вотъ для чего служатъ эти архаическія статуэтки, эти погребальные идолы большого стіля и эти болѣе простыя фигурки, произведенія VI вѣка, вплоть до тѣхъ странныхъ и смѣшныхъ статуэтокъ, присутствіе которыхъ сначала не можетъ нѣсколько не удивлять. Сначала, однако, даже подобное шутов-

ство играетъ извѣстную, не бесполезную, роль; оно защищаетъ противъ злыхъ духовъ, противъ зловредныхъ вліяній, окружающихъ покойнаго; оно возбуждаетъ также смѣхъ въ мрачномъ подземномъ заточеніи, а для древнихъ смѣхъ имѣетъ благотворное вліяніе; онъ развлекаетъ умершаго и такимъ образомъ нарушаетъ печальный ужасъ могилы.

Нельзя въ самомъ дѣлѣ оспаривать, что очень древнія фигурки изображаютъ божествъ-покровителей умершаго. Но не будетъ ли слишкомъ опрометчиво желать приписывать всѣмъ статуэткамъ смыслъ исключительно символическій и погребальный? Изъ того, что терракоты были найдены главнымъ образомъ въ некрополяхъ, слѣдуетъ ли, что ихъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ? Сейчасъ будетъ доказано обратное. И развѣ среди предметовъ, положенныхъ въ могилы, не находятъ также множество принадлежностей туалета и домашняго обихода, булавокъ и зеркалъ, ожерелій и запястій, а никогда никому и на мысль не могло придти предположить за послѣдними вещами исключительно погребальное значеніе. Отсюда другое мнѣніе: глиняныя фигурки не боги-покровители умершаго, это просто предметы, любимые имъ прежде, прелестныя бездѣлушки, при жизни украшавшія его земное жилище и сопровождающія его въ могилу для украшенія его жилища подземнаго; раньше онѣ украшали домашнее святилище или изящными рядами стояли вдоль стѣнокъ дома; теперь, и это вполнѣ естественно, онѣ слѣдуютъ за умершимъ хозяиномъ, находившимъ въ нихъ удовольствіе и любившимъ ихъ.

Но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ этихъ статутокъ имѣютъ такъ ясно выраженный погребальный характеръ, что, отрицая ихъ божественный характеръ, многіе склонны ставить ихъ въ тѣсную связь съ культомъ могилъ. По Райэ ихъ главная цѣль составлять общество для покойника въ его могильномъ уединеніи. Въ былыя времена, какъ уже сказано, умершему давали въ спутники дѣйствительныхъ людей, принесенныхъ въ жертву на его могилѣ; позднѣе эти кровавыя жертвы замѣняютъ простымъ подобіемъ, въ родѣ того, какъ замѣняютъ настоящее украшеніе драгоценностями накладного золота, драгоценные камни издѣліями изъ стекла и глиняными золочеными бусами, пищу и цвѣты, приносимые прежде покойному, подобными же предметами изъ глины, стоящими недорого и болѣе прочными. Считаютъ, что для тѣни умершаго достаточно будетъ и подобія драгоценностей; и безъ смущенія, какъ и безъ малѣйшей непочтительности, благочестивые живые люди производятъ подмѣну. Сами боги Эллады отнюдь не оскорблялись подобными уловками; умершіе не могли выказывать себя менѣе покладистыми, чѣмъ боги; за неимѣніемъ товарищей во плоти, нѣкогда приносимыхъ въ жертву на ихъ могилахъ, они охотно соглашались на товарищей, сдѣланныхъ изъ глины, напоминавшихъ имъ занятія и развлеченія земной жизни, и украшавшихъ своимъ присутствіемъ полуреальную жизнь, какую тѣнь вела въ могилѣ.

Чтобы согласовать эти различныя мнѣнія, быть можетъ, достаточно отдѣлать одну эпоху отъ другой. Въ первобытную эпоху по народному

вѣрованію необходимо было прежде обезпечить умершему божественное покровительство въ моментъ, когда онъ переступалъ порогъ подземнаго міра, о чемъ ни одинъ древній грекъ не могъ думать безъ ужаса; поэтому въ архаическихъ могилахъ встрѣчаются только погребальныя идо­лы. Но можно ли ожидать въ IV и III вѣкѣ въ скептическую и александрійскую эпоху строгій символизмъ и глубокую вѣру эпохи персидскихъ войнъ? Духъ народный, равно и религіозныя вѣ­рованія, подверглись въ это время важнымъ измѣненіямъ; новыя божества, болѣе снисходи­тельныя даже въ области культа могилъ, неза­мѣтно являются на смѣну строгихъ образовъ бо­гинь подземнаго царства; смыслъ старыхъ тра­дицій утрачивается или затемняется. Прежде предметы, долженствовавшіе сопровождать умер­шаго, тщательно ставились подлѣ самаго трупа; позднѣе ихъ много разъ находятъ небрежно сло­женными сверхъ или внѣ уже закрытой могилы. Сохранили традиціонный обычай бросать терра­коты въ могилы; но смыслъ этого обычая сталъ темень. Какое дѣло въ такомъ случаѣ до сю­жета, изображаемаго этими фигурками; раньше это были боги, теперь люди; главное, это отдать умершему требуемый имъ долгъ почитанія, сдѣ­лать праху его благочестивое приношеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, если искать въ текстахъ и на памятникахъ, что дѣлали въ древности съ этими глиняными статуэтками, окажется, что назначе­ніе ихъ было исключительно погребальнымъ. Въ прелестныхъ строкахъ, какими начинается Федръ Платона, Сократъ, гуляя вдоль берега Иллисса, замѣчаетъ у подножія платана свя­ти-

лице, посвященное нимфамъ и украшенное глиняными статуэтками. Современные раскопки свидѣтельствуяютъ, что приношенія такого рода попадались часто у подножія алтарей: въ святилищахъ Асклепія въ Аѣинахъ, Деметры въ Тегеѣ, Аѣины Кранейской въ Элатеѣ, въ Олимпіи, въ Коринѣѣ, на Кипрѣ и въ Южной Италіи были найдены подлѣ храмовъ груды терракотъ—приношенія вѣрныхъ. Въ другихъ случаяхъ фигурки видимо употреблялись исключительно для домашняго обихода: онѣ служили или охраной для дома, или украшеніемъ внутренности жилища; при раскопкахъ Помпеи ихъ нашли сотнями въ нишахъ у ногъ боговъ Ларъ, или въ перемежку съ маленькими бронзовыми издѣліями, украшавшими сады и комнаты. Наконецъ, онѣ служили игрушками для дѣтей и даже для взрослыхъ; во время сатурналій римляне посылали другъ другу глиняныя статуэтки въ видѣ подарка; и не разъ на фигурныхъ памятникахъ находили изображенія молодыхъ женщинъ или дѣтей, забавляющихся съ глиняными фигурками. И что самое замѣчательное, это то, что всѣ эти статуэтки, посвященные въ храмахъ и украшающія дома, предметы забавъ и предметы культа, всѣ представляютъ безусловно тѣ же мотивы, какія мы встрѣчаемъ въ некрополяхъ.

Итакъ, было бы крайне неосторожно, разъ ужъ берешься разъяснить значеніе этихъ хрупкихъ и плѣнительныхъ куколъ, приписывать коропласту, вылѣпившему ихъ, исключительную цѣль, связанную съ культомъ могилъ. Правда, въ некрополяхъ находятъ нѣкоторые специально погребальные мотивы, какъ напримѣръ, эти кры-

латыя сирены съ распущенными волосами, или Амурѣ съ опущенной головой и задумчивымъ выраженіемъ лица, символизирующіе трауръ и сожалѣніе о умершемъ, но подобныя фигуры попадаются рѣдко, остальные же такъ же хорошо могли бы быть помѣщены въ частномъ домѣ или въ сокровищницахъ храма. Точно также нѣкоторыя фигуры, найденныя въ могилахъ Мирины, очевидно принадлежали покойному при его жизни: на иныхъ сохранилась еще на пьедесталѣ надпись съ именемъ владѣльца; другія, какъ напримѣръ, группа изъ тринадцати фигурокъ разнаго роста, симметрично расположенныхъ и образующихъ, все уменьшаясь, два ряда, отправляясь отъ центрального мотива, очевидно, представляли въ домѣ покойнаго одно декоративное цѣлое, особенно имъ любимое, и поэтому самому положенное въ могилу своего стараго хозяина.

Итакъ, между терракотами и могилами нѣтъ, собственно говоря, никакой непосредственной связи. Коропласть, выдѣлывающій своихъ куколъ у себя въ мастерской, заботится исключительно о ихъ красотѣ и привлекательности, чтобы заманить къ себѣ въ лавку большее число покупателей и повыгоднѣе сбыть свой товаръ; и если какой-нибудь любопытствующій спроситъ у него, какое божество онъ собираетъ изобразить или для какого употребленія его предназначаетъ, онъ отвѣтитъ совершенно просто, какъ о томъ свидѣлствуютъ интересныя надписи на нѣкоторыхъ вещахъ изъ Мирины, что онъ лѣпитъ эфеба, молодого челоуѣка; что же касается названія статуэтки, это уже дѣло покупателя, смотря по тому, захочетъ ли онъ принести ее въ

даръ какому-нибудь божеству, употребить на украшеніе дома или почтить ея память дорогого покойника; намѣреніе жертвователя, а не изображаемый предметъ опредѣляетъ назначеніе статуэтки. Въ Аттикѣ, гдѣ главнымъ ремесломъ было гончарное производство, само собой разумѣется, что въ могилы кладутъ вазы; въ Беотіи, гдѣ процвѣтаетъ прелестное искусство коропласта, для приношенія въ даръ умершимъ покупаютъ статуэтки.

Отсюда легко сдѣлать заключеніе. По вѣрованіямъ древнихъ, въ своемъ загробномъ путешествіи умершій нуждается не только въ сопровожденіи боговъ покровителей; послѣ смерти человѣкъ становится существомъ священнымъ, могущимъ быть для живыхъ благотворнымъ или зловреднымъ; если прекращаютъ приносить ему погребальную пищу, если пренебрегаютъ культомъ могилъ, тѣнь выходитъ изъ гробницы и является къ живымъ, чтобы укорять ихъ за нечестивое небреженіе; наоборотъ, кто чтитъ ее, того она любитъ и покровительствуетъ ему, и покровительство это всегда дѣйствительно. Слѣдовательно, для живыхъ крайне важно снискать расположеніе мертвыхъ, благочестивыми приношеніями выражать имъ свое почитаніе, какого они требуютъ. Вотъ почему наряду съ погребальными божествами, сопровождающими умершаго и охраняющими его, наряду съ специальными фигурами, свидѣтельствующими о сожалѣніи живыхъ, покупаютъ безразлично у коропласта всевозможныя статуэтки, такъ какъ все значеніе приношенія заключается въ намѣреніи дарителя; вотъ почему ихъ находятъ далеко не

во всѣхъ могилахъ: такой дорогой знакъ почитанія не всѣмъ по карману. Но во всякомъ случаѣ, какъ лѣпщикъ не можетъ подчиниться неизмѣннымъ правиламъ и прежде всего заботится не о томъ, чтобы лѣпить статуэтки соответствующія извѣстному религіозному шаблону, но о томъ, чтобы онѣ выходили у него поизящнѣе и отвѣчали вкусу времени, такъ и даритель всего меньше думаетъ о томъ, какой сюжетъ представляетъ его приношеніе; онъ лишь выискиваетъ привлекательный предметъ, который могъ бы понравиться умершему и расположилъ бы его въ пользу живого: поэтому-то онъ снабжаетъ покойнаго свитой боговъ, хоронитъ вмѣстѣ съ нимъ любимыя имъ при жизни бездѣлушки, доставляетъ ему общество, чтобъ развлекать его въ его могильномъ одиночествѣ; ибо этими благочестивыми приношеніями онъ выплачиваетъ манамъ свой долгъ и въ то же время заслуживаетъ ихъ благодарность.

По моему, отнюдь не слѣдуетъ видѣть древній міръ въ слишкомъ черномъ свѣтѣ и приписывать его погребальному ритуалу глубокія соображенія и сложныя цѣли слишкомъ мрачнаго благочестія. Эллинскіе некрополи должны были, мнѣ кажется, чрезвычайно походить на обширныя турецкія кладбища съ ихъ тѣнистой растительностью, гдѣ могилы, скученныя въ живописномъ безпорядкѣ, не возбуждаютъ никакихъ мрачныхъ мыслей. На обширномъ Скутарійскомъ кладбищѣ, гдѣ надъ Босфоромъ высятся рядами кипарисы, скорбныя мысли о смерти не овладѣваютъ душой; солнечные лучи весело проникаютъ сквозь черныя пирамиды кипарисовъ; въ синей воздушной выси поютъ

птицы, а на бѣлизнѣ мраморныхъ плитъ, на темной зелени луговъ веселыми яркими тонами переливаются платья турецкихъ женщинъ, для которыхъ кладбища служатъ излюбленнымъ мѣстомъ прогулокъ. Въ древности, повидимому въ этомъ отношеніи дѣло обстояло почти также; для женщинъ, заключенныхъ въ гинекеѣ, посѣщеніе могилъ являлось предлогомъ для прогулокъ, также случаемъ показать себя и дать на себя полюбоваться. Часто на аттическихъ вазахъ передъ молодой женщиной, приносящей на могилу погребальные дары, останавливается молодой человѣкъ, прохожій, и, повидимому, принимаетъ очень горячее, но не безкорыстное участіе въ замѣченной имъ скорби. Такъ же точно для измѣнчивой души южныхъ народовъ смерть никогда не заключала въ себѣ того ужаса и мрака, какіе связаны съ ней въ другихъ странахъ; она отнюдь не возбуждала въ ихъ душѣ глубокихъ и печальныхъ мыслей, постоянно повторяющихся въ поэзіи сѣверныхъ народовъ: этого-то не слѣдуетъ никогда забывать при изученіи статуэтокъ, найденныхъ въ некрополяхъ Греціи, чтобы не набросить мрачной скорбной тѣни на эти хрупкія и восхитительныя произведенія.

IV.

Пора намъ разстаться съ учеными спорами и найти въ танагрскихъ фигурахъ иного рода свѣдѣнія; отдавъ должное миѳологіи, вполнѣ признавая среди множества этихъ маленькихъ прелестныхъ фигурокъ присутствіе божествъ, въ особенности ихъ очаровательной свиты изъ Аму-

ровъ, Сатировъ, Вакханокъ, рассмотримъ болѣе внимательно типы, заимствованные изъ повседневной жизни. Беотійскія статуэтки говорятъ намъ объ интимной жизни грековъ времянь Александра, объ ихъ играхъ, забавахъ, нравахъ, въ особенности объ ихъ одеждѣ, гораздо больше, чѣмъ многіе фоліанты и великолѣпные скульптурные памятники и въ этомъ заключается важная сторона раскопокъ въ Танагрѣ.

Беотійскіе коропласты въ своей коллекціи отвели мужскому полу совсѣмъ небольшую роль. Значить ли это, что матеріаль, употреблявшійся лѣпщиками, глина, лучше поддается для передачи нѣсколько неопредѣленныхъ и мягкихъ формъ ребенка или женщины? или что въ этой художественной промышленности, нѣсколько скороспѣлой, фигуркамъ, допускающимъ болѣе небрежное и фантастичное исполненіе, при чемъ бываетъ достаточно одного нажима большого пальца, чтобы придать имъ пикантную и остроумную форму, дается предпочтеніе предъ фигурами съ болѣе строгими формами? Во всякомъ случаѣ искусство коропластовъ охотно довольствуется нѣсколько поверхностной и эскизной работой, охотно замѣняетъ аккуратную лѣпку милой небрежностью и вмѣсто опредѣленныхъ очертаній прежнихъ художниковъ даетъ лишь прелестные намеки. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что какова бы ни была тому причина—жизнь мужчины представлена въ статуэткахъ лишь двумя типами: типомъ ребенка и типомъ эфеба. Конечно, на этомъ двойномъ фонѣ воображеніе художниковъ работало съ необыкновенной силой производительности; но никогда

оно не стремилось изобрѣсти иной типъ въ данной области.

Сцены изъ дѣтской жизни представляютъ для коропластовъ особую прелесть. Некрополи полны мальчугановъ шаловливо своенравныхъ, и всѣ они съ плѣнительной наивностью и граціей предаются играмъ своего возраста. То, сидя на четырехугольномъ жертвенникѣ, полуприкрытый короткой рубашенкой, ребенокъ держитъ въ рукѣ сѣтку съ мячомъ или мѣшокъ съ костями, то онъ бѣжитъ за обручемъ или подгоняетъ волчокъ; то впрягается въ маленькую повозку или важно несетъ комическую маску, или какой-нибудь музыкальный инструментъ. Но главное удовольствіе этихъ малышей, это играть со своими любимыми животными: одинъ верхомъ на гусѣ, другой на пѣтухѣ, кто на баранѣ, и обыкновенно между наѣздникомъ и животнымъ полное несогласіе, и маленькія ручки изо всей силы ударяютъ по немъ, и вотъ загорается эпическій бой съ пѣтухомъ или гусемъ, цѣлыя сраженія, гдѣ противники, оба одинаково разгоряченные, жадно оспариваютъ другъ у друга обладаніе вѣткой винограда.

Годы идутъ, ребенокъ превращается въ эфеба. Мы опять видимъ его идущимъ въ школу въ сопровожденіи педагога, который несетъ гимнастическіе инструменты и долженъ надзирать за нашимъ юношей. Идетъ старый учитель, а подлѣ него его воспитанники, кто верхомъ, кто въ гимнастическомъ костюмѣ; на головахъ у нихъ большія войлочные шляпы, въ рукахъ копье или сосудъ съ масломъ; въ другомъ мѣстѣ они забавляются любимыми играми, въ особен-

ности пѣтушиными боями, однимъ изъ самыхъ распространенныхъ развлеченій въ Танагрѣ и во всей Греціи, ради которыхъ молодые люди способные были на всякое безуміе.

Женскія фигуры въ гораздо большемъ количествѣ и исполнены обыкновенно съ бѣльшей тщательностью. Онѣ также очень разнообразны, и ихъ часто бываетъ трудно классифицировать; позы, выраженія лицъ, жесты, различныя принадлежности, все разнообразно до безконечности. Вотъ влюбленные, сидящіе передъ веретеномъ, но онѣ гораздо менѣе думаютъ о ненавистной пряжѣ, отъ которой старѣютъ женщины, чѣмъ о маленькомъ Амурѣ, прильнувшемъ къ ихъ колѣнамъ; вотъ скорбныя и покинутыя женщины, сидящія на скалѣ съ опущенной головой, покрытой вуалью, погруженныя въ глубокое отчаяніе или въ смутную грезу; вотъ модницы, то разгуливающія съ горделивой граціей, то легкія, нарядныя, кокетливо посматривающія вокругъ себя, небрежно выставляя на показъ изящество своего наряда. Вся женская жизнь воскресаетъ передъ нашими глазами въ этихъ прелестныхъ фигуркахъ, начиная съ дѣтскихъ увеселеній молодой дѣвушки вплоть до игръ и кокетства молодой женщины; и неожиданно раскрываются передъ нами самые разнообразные наряды греческихъ дамъ, цвѣта ихъ одѣяній, множество ухищреній, къ которымъ онѣ прибѣгали, желая слыть элегантными, женскій бытъ вообще, представляющій для насъ много интереснаго.

Молодыя дѣвушки античной Греціи не могли похвалиться своей ученостью; онѣ оказались бы

въ очень затруднительномъ положеніи, елибѣ имъ пришлось говорить по-ученому о музыкѣ, литературѣ или живописи; онѣ не умѣли даже судить обо всемъ, какъ это требовалось отъ женщины въ XVII вѣкѣ. Въ теченіе свободныхъ лѣтъ, предшествовавшихъ замужеству, образованіе ихъ ограничивалось немногимъ. „Что знала моя жена, говоритъ одна особа античнаго міра, когда я женился на ней? ей не было еще пятнадцати лѣтъ, и вплоть до этого времени заботились исключительно о томъ, чтобы уши и глаза ея были ко всему закрыты, и чтобы любопытство ея ничѣмъ не возбуждалось. Достаточно было того, что она умѣла соткать плащъ изъ данной ей шерсти, или задать работу своимъ служанкамъ пряхамъ. Что касается воздержанія, ей на этотъ счетъ вбили въ голову прекрасныя правила“. Прясть, ткать, вышивать, таковы были главныя женскія занятія и полезныя знанія, требовавшіяся отъ молодой дѣвушки; нельзя сказать, чтобы это были занятія всепоглощающія, и въ жизни оставалось много времени для развлеченій. Это видно, когда внимательно разсматриваешь терракоты. Нельзя сказать, чтобы эти молодыя дѣвушки получали тяжелое воспитаніе, и ни одна слишкомъ серьезная или глубокая мысль не омрачала преждевременно ихъ чела. То онѣ играютъ съ любимыми животными, особенно съ голубями, за которыми гречанки особенно заботливо ухаживали; онѣ омывали ихъ душистой водой, и для каждаго голубя были особыя духи. То онѣ забавляются невинными играми; на первомъ планѣ стоитъ мячъ, излюбленная игра Навзикаи, позволявшая кокеткѣ вмѣстѣ съ лов-

костью выказывать изящество и прелесть позъ и движеній. Эта любимая игра античныхъ дѣвушекъ производилась на всевозможные лады: однѣ изощрялись въ жонглированіи съ нѣсколькими мячами; другимъ нравилось, чтобы, падая, мячъ попадалъ въ одну изъ складокъ платья, и намъ эта игра кажется до того простой, что интересъ ея совершенно исчезъ для насъ; затѣмъ была игра въ кости; ихъ подбрасывали ладонью въ воздухъ и затѣмъ ловили, повернувъ руку, или метали ихъ въ отверстіе или кругъ, заранѣе продѣланные на далекомъ разстояніи. Множество статуэтокъ изображаетъ молодыхъ дѣвушекъ, занятыхъ этой игрой. Онѣ слѣдятъ глазами за костями, только что пущенными изъ стакана, или подбираютъ съ земли упавшія кости; сидятъ онѣ однѣ или противъ своего партнера. Затѣмъ слѣдуютъ еще другія развлеченія, качели съ ихъ сильными ощущеніями и удовольствія энкотилэ, игра, въ которой проигравшій долженъ былъ нѣкоторое время носить побѣдителя на спинѣ, и наконецъ удовольствія купанья. Такъ проходили долгіе часы въ уединеніи гинекея, и это беззаботное существованіе продолжалось вплоть до замужества. „Тимарета, гласитъ одна эпиграмма въ Антологіи, посвящаетъ передъ своимъ замужествомъ Артемидѣ свои музыкальные инструменты: такъ любимый ею мячъ, сѣтку, прикрывавшую ея волосы, куколь и ихъ платье. О, богиня, естественно, что будучи сама молодой дѣвушкой, она и своихъ дѣвочекъ принесла въ жертву молодой дѣвушкѣ“. Въ наши дни такой даръ куколь показался бы чрезвычайно запоздалымъ; современныя мо-

лодыя дѣвушки развиваются много раньше и предаются менѣе наивнымъ забавамъ.

Наконецъ замужество приносило нѣкоторую свободу этимъ птичкамъ, запертымъ въ клѣтку. Но устройство семьи въ древности, налагавшее часто закономъ обязательство вступать въ бракъ съ женщиной едва знакомой, не оставляло въ бракѣ мѣста для чувства. Въ то время, какъ мужчина женился ради приданого, молодая дѣвушка надѣялась, что въ замужествѣ ей легче будетъ удовлетворять своимъ стремленіямъ къ роскоши и нарядамъ. Однако еще въ V вѣкѣ строгое уединеніе гинекея сдерживало до извѣстной степени порывы ея фантазіи, налагало на нее извѣстную узду; болѣе свободная жизнь IV вѣка разнуздала ея капризы. Наряды, въ которые мода вводила столько ухищреній, становились для всѣхъ женщинъ важнымъ дѣломъ: начали одѣваться въ тонкія прозрачныя ткани всѣхъ цвѣтовъ, съ гармонично расположенными складками, украшали себя драгоценностями, красили волосы, сооружали необычайныя прически, бѣлились, румянились, подрисовывали глаза; и такъ какъ мужчины первые показывали въ этомъ примѣръ, легко догадаться, что недостатка въ горячихъ подражательницахъ у нихъ не было.

Женскій костюмъ былъ довольно простымъ. Главную его часть составляла туника, очень похожая на длинную вышитую рубашку, какія носятъ албанки. Это цѣльное платье, юбка и корсажъ вмѣстѣ; иногда имѣются маленькіе рукава; иногда платье наверху открыто и пристегивается на плечѣ. Это домашній костюмъ, сдѣланный изъ матеріи гибкой и тяжелой въ то же время, обыкно-

венно изъ шерсти, иногда изо льна, верхъ роскоши у женщинъ, по словамъ одного древняго автора. Обыкновенно такое платье было бѣлымъ съ разноцвѣтной каймой; у талии оно стягивалось поясомъ, что позволяло прибѣгать къ различнымъ эффектамъ; молодыя дѣвушки подпоясывались у талии такъ, чтобы туника облежала тѣло и обрисовывала формы; замужнія женщины носили поясъ выше по той самой модѣ, которую директорія заимствовала у древнихъ. Руки оставались открытыми; ноги, кончикъ которыхъ выглядывалъ изъ-подъ платья, были изящно обуты; „Фиванскія женщины, говоритъ одинъ древній путешественникъ, носятъ тонкіе башмаки, низкіе и узкіе, краснаго цвѣта, башмаки эти такъ хорошо зашнурованы, что нога кажется почти голой“. Въ Танагрѣ на статуэткахъ башмаки желтые съ красной подошвой.

Таково было домашнее одѣяніе; но такой нѣсколько небрежный и простой костюмъ не былъ ни достаточно тепелъ, ни достаточно приличенъ, ни достаточно красивъ для улицы. Когда хотѣли одѣться для выхода, надѣвали поверхъ туники гиматіонъ, большой прямоугольный кусокъ матеріи, называвшійся то пеплосомъ, то калиптрой. Довольно трудно опредѣлить разницу этихъ двухъ названій, тѣмъ болѣе, что гречанки были не менѣе падки на новыя моды, чѣмъ наши современницы, а мода измѣнчива всегда и вездѣ. Все же, повидимому, калиптра была меньше и тоньше, пеплосъ толще и шире.

Самое важное было умѣть приладить этотъ кусокъ матеріи, шириной въ 1 м. 50, въ два съ половиной раза длиннѣй, то бѣлаго цвѣта, то

розоваго, какъ въ Танагрѣ, или отороченнаго цвѣтной каймой, пурпуровой или черной. Способъ носить эту одежду разнообразился до безконечности: „Каждый годъ, говоритъ Райэ, у кого мы заимствуемъ большую часть этихъ подробностей, очевидно, приносилъ свою моду, всякая переменѣна температуры, всякое событіе въ жизни служило поводомъ переменѣны наряда, и всякая женщина имѣла свои вкусы, въ свою очередь постоянно мѣнявшіеся. Когда ей казалось, что жарко, и хотѣлось быть налегкѣ, гречанка давала калиптрѣ свободно развѣваться сзади, не стягивая ее у талии, такъ что она держалась только на плечахъ, и закинутые концы свободно висѣли съ двухъ сторонъ; или она подбирала одинъ конецъ и небрежно закидывала его черезъ лѣвое плечо. Тогда это былъ просто изящный шарфъ, предлогъ принимать граціозныя позы“. Когда ей хотѣлось задрапироваться болѣе аккуратно, она покрывала кускомъ матеріи макушку головы, и правый конецъ его закидывала черезъ лѣвое плечо, такъ что онъ висѣлъ сзади; такимъ образомъ одежда облегалась грудь, оставляя свободной одну руку. Иногда низъ лица былъ закрытъ кускомъ матеріи; это была обыкновенная мода еивянокъ: „Часть ихъ гиматіона, говоритъ одинъ древній, образующая надъ головой покрывало, такъ задрапирована, что лицо выглядитъ, какъ маленькая маска: видны одни глаза, все остальное скрыто подъ одѣяніемъ“.

Можно себѣ представить, что имѣя въ распоряженіи такіе большіе куски матеріи, умѣлыя гречанки могли производить съ ними самыя заманчивыя комбинаціи, располагать складки са-

мымъ гармоничнымъ образомъ. Умѣть хорошо драпироваться являлось для свѣтской женщины дѣломъ первостепенной важности, и надъ женщинами, неумѣвшими этого, очень издѣвались. Ихъ называли деревенщинами, и одинъ поэтъ выражается на ихъ счетъ такъ: „Дурно воспитанную женщину узнаешь тотчасъ на улицѣ по ея неуклюжей походкѣ. Кто мѣшаетъ быть граціозной? У насъ нѣтъ на это никакого налога, и это не покупается цѣною денегъ; кто обладаетъ этимъ преимуществомъ, тѣмъ это дѣлаетъ честь, а онѣ въ свою очередь, доставляютъ этимъ удовольствіе прохожимъ; всякій, кто не дуракъ, долженъ стараться доставлять себѣ удовольствіе“. Надо, однако, признаться, что въ умѣньи хорошо использовать обыкновенный кусокъ матеріи была извѣстная заслуга; такъ какъ туалетъ не покупался готовымъ и не заказывался по мѣркѣ у моднаго портного, въ умѣньи одѣваться главное значеніе имѣлъ личный вкусъ, и женщина изящная была тѣмъ самымъ и женщиной интеллигентной.

Другимъ крайне важнымъ элементомъ въ женскомъ нарядѣ являлась прическа; и тутъ нельзя не подивиться, какъ мода при всѣхъ своихъ революціяхъ всегда возвращается къ тому же отправному пункту. Танагрскія женщины высшаго свѣта носили прически, отъ которыхъ не отказались бы наши модницы, и которымъ можно часто подыскать одно изъ современныхъ названій. „Три наиболѣе обычныя прически, говоритъ тотъ же Райэ, крайне просты: въ первой всѣ волосы зачесывались кверху и, схваченные повязкой, образовывали на макушкѣ нѣчто въ родѣ узла. Во второй всѣ волосы раздѣлены пробо-

ромъ, проведеннымъ около макушки; каждая половина въ локонахъ схвачена затѣмъ на затылкѣ и тамъ собрана въ одинъ большой завитокъ. Наконецъ, въ послѣдней волосы откинута назадъ и схвачены платкомъ, оба конца котораго связаны одинъ съ другимъ на макушкѣ головы“. Но наряду съ этими простыми, хотя и изящными, прическами, были, въ особенности въ мѣрѣ танцовщицъ и пѣвицъ, и самыя сложныя бьющія на эффектъ. Это огромныя шиньоны, локоны и завитушки, цвѣты и гирлянды; то надо лбомъ возвышается золотой обручъ, то волосы придерживаются сѣткой изъ лентъ и золотыхъ нитокъ; или же волосы переплетены золотыми вѣнками, и длинныя металлическія шпильки поддерживаютъ все это искусное сооруженіе, устроенное при помощи щипцовъ и косметикъ. Легко понять, какое значеніе имѣлъ въ этомъ обществѣ парикмахеръ, устраивавшій такія чудесныя прически; лавки этихъ промышленниковъ были всегда наполнены людьми изящными и досужими, и представляли сборное мѣсто для всѣхъ городскихъ любителей новостей. Цѣлый день тамъ болтали о всякихъ пустякахъ, случавшихся въ городѣ, и о важныхъ политическихъ вопросахъ, при чемъ самъ хозяинъ давалъ тонъ и показывалъ примѣръ своимъ неизсякаемымъ краснорѣчіемъ. По этому поводу передаютъ остроумный отвѣтъ царя Архелая. Когда болтливый парикмахеръ спросилъ его, натягивая ему пенюаръ: „Какъ надлежитъ, о царь, остричь тебѣ волосы?“ „Молча“, отвѣчалъ царь.

Разныя другія принадлежности дополняли нарядъ. На макушку головы надѣвалась круглая,

почти плоская, остроконечная шляпа; въ руки брали вѣрѣ формы листа лотоса, обыкновенно выкрашенный въ голубой цвѣтъ; на пальцахъ, на рукахъ были золотыя украшенія; наконецъ для лица употреблялись бѣлила и сурьма, а искусныя снадобья придавали волосамъ красивую золотисто-рыжеватую окраску, напоминающую бѣлокурый цвѣтъ волосъ венеціанокъ. Въ такомъ видѣ можно было показаться людямъ съ зеркаломъ у пояса, проходя быстрой и легкой походкой во всей прелестной кокетливой граціи искусно и тонко продуманнаго костюма.

Въ этомъ краткомъ обзорѣни мы можемъ лишь мимоходомъ упомянуть о множествѣ еще другихъ фигурокъ, не менѣе прекрасныхъ, не менѣе изящныхъ: таковы жонглирующія женщины, показывающія разныя штуки, музыкантши, надувающія щеки, чтобы лучше звучала двойная флейта, или играющія на арфѣ, бьющія въ бубны; танцовщицы, выдѣлывающія подъ звукъ бубна и тимпановъ удивительныя па, множество изящныхъ красавицъ съ улыбающимися лицами, съ задорнымъ взглядомъ, одѣтыхъ съ плѣнительной граціей. Этими-то чудесами вкуса, фантазіи и своенравной граціи забавлялся геній Греціи IV вѣка, и этими-то несравненными качествами, этимъ чисто современнымъ видомъ плѣнили насъ изящныя фигурки, найденныя въ некрополяхъ и неожиданно прославили скромныхъ Танагрскихъ короластовъ изъ Беотіи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Предисловіе, стр. 7.

1. Было бы несправедливо не упомянуть тутъ о Chroniques d'Orient, напечатанныхъ въ Revue archéologique, и въ особенности о Courrier de l'Art antique, гдѣ S. Reinach періодически знакомитъ читателей Gazette des beaux-arts съ главными открытіями по классической археологіи. Еще слѣдуетъ упомянуть о недавно вышедшей книгѣ, гдѣ Schuchhardt вкратцѣ даетъ большой публикѣ описаніе открытій Шлимана (Schliemann's Ausgrabungen im Lichte der heutigen Wissenschaft, Leipzig, 1890).

Введеніе, стр. 21.

1. Въ этомъ краткомъ обзорѣ невозможно перечислить всѣ любопытныя изслѣдованія, предпринятыя за эти послѣдніе годы; слѣдуетъ во всякомъ случаѣ упомянуть объ изслѣдованіяхъ Аѳинской школы въ Элатеѣ, при чемъ былъ открытъ храмъ Аѳины Кранейской, и въ Мантинеѣ, гдѣ были найдены барельефы школы Праксителя.

Глава I, стр. 27.

1. **Библіографія:** Schliemann, Mycènes, trad. française, Paris, 1879. — Furtwängler et Loeschcke, Mykenische Thongefässe, Berlin, 1879;—Lenormant, les Antiquités de Mycènes (Gaz. des beaux-arts, t. XIX).—Newton, Dr. Schliemann's discoveries in Mycenae (Essays on art and archaeology, Londres, 1880).—Dumont et Chaplain, les Céramiques de la Grèce propre, Paris, 1881—1888. — Milchhofer, Die

Anfänge der Kunst in Griechenland, Leipzig, 1883;—Furtwängler et Loeschcke, Mykenische Vasen, Berlin, 1886.—Helbig, L'épopée homérique, trad. française, Paris, 1894.—Schuchhardt, Schliemann's Ausgrabungen im Lichte der heutigen Wissenschaft, Leipzig, 1890;—Tsountas et Manatt, The mycenaean age, Londres, 1897;—Dussaud, Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egée, Paris, 1910. — На счетъ недавнихъ раскопокъ: Πρακτικά de la Société archéologique d'Athènes pour 1886, Athènes 1888, и статьи Tsountas въ 'Εφημερίς αρχαιολογική de 1887 et 1888. — О происхожденіи и общемъ характерѣ микенской культуры. Perrot, Histoire de l'art, t. V, Paris, 1889, стр. 15—23 и 215—225 для Фригии, стр. 309—327 для Карии. — Rayet et Collignon, Histoire de la Céramique grecque, Paris, 1888, глава 1-я — Das Kuppelgrab von Menidi, herausgegeben vom deutsch. Arch. Inst., Athènes, 1880.—Schliemann, Orchomenos, Leipzig, 1881.—Haus-soullier, les Fouilles de Spata (Bull. de Corr. hellén., t. II). — Особенно полезныя свѣдѣнія можно найти у Perrot, Histoire de l'Art, t. VI, la Grèce primitive, l'Art mycénien, Paris, 1893, и для Кноссы — въ статьяхъ E. Pottier (Revue de Paris du 15 février et 1-er mars 1902), и Lagrange, la Crète ancienne, Paris, 1908.

Стр. 52.

1. Lenormant, loc. laud., стр. 321.

Стр. 61.

1. См. Rayet et Collignon, Hist. de la céramique grecque, стр. 17—18.

Стр. 65.

1. A. Dumont, les Céramiques de la Grèce propre, I, 69.

Стр. 67.

1. **Библиографія:** Schliemann, Tirynthes, Paris, 1885, и работы, указанные въ главѣ 1-ой, особенно Helbig, объ L'épopée homérique, trad. française, Paris, 1894, и

Schhuchhardt, Schliemann's Ausgrabungen. См. статью Marx, Der Stier von Tiryns (Jahrb. d. d. Arch. Instituts, t. IV); Perrot Tirynthe (Journal des Savants, 1890), и уже названную книгу G. Perrot, Histoire de l'art, t. VI, Paris, 1893.

Смр. 79.

1. Perrot, Homère d'après les plus récentes découvertes de l'archéologie (Rev. des Deux Mondes, 15 juillet 1885).

2. Perrot, *ibid.*

Смр. 84.

1. **Библіографія:** Carapanos, Dodone et ses ruines, съ изслѣдованіями Foucart, Egger, de Witte, Heuzey; Paris, 1878;—J. Girard, Dodone et ses ruines (Rev. des Deux Mondes, 15 février 1879); — Bouché-Leclercq, Histoire de la divination dans l'antiquité, Paris, 1880, t. II, 277—301;—Hoffmann, Die Orakelschriften aus Dodona, Göttingen, 1890.

Смр. 89.

Girard, *loc. laud.*, стр. 941.

Смр. 91.

1. См. E. Havet, le Christianisme et ses origines, t. I, стр. 16—17.

Смр. 93.

1. См. Carapanos, Dodone et ses ruines, стр. 75. Часто спрашивавшій совѣта не открывалъ своего имени; бывало, повидимому, и такъ, что онъ задавалъ оракулу мысленный вопросъ. Несомнѣнно, къ такого рода вопросу относится одинъ изъ немногихъ, сохранившихся до нашихъ дней, отвѣтовъ: „Вотъ что отвѣчаетъ тебѣ оракуль: обманулся бы“.

Смр. 95.

1. См. Bouché-Leclercq, *loc. laud.*, стр. 297.

Глава IV, стр. 104.

1. **Библиографія:** Boetticher, Die Akropolis, Berlin, 1888;—Cavvadias, les Musées d'Athènes, Аѳины, 1886, къ несчастію, не кончено, и статьи М. М. Doerpfeld о древнемъ храмѣ Аѳины (Mittheilungen d. d. Arch. Inst., t. XI, 162, 337, и XII, 25, 190, 276), Studniczka о памятникахъ ваянія (Ibid., t. XI, 61, 115, 352, и Jahrbuch d. d. Arch. Inst., t. II, 135);—Winter (Mittheil., t. XIII, 113, и Jahrbuch, II, 216); — Brückner (Mittheil., t. XIV, 67). — Lechat (Bull. de Corresp. hellén., t. XII и XIII).—О раскопкахъ акрополя: Theoxenou, les Fouilles récentes de l'Acropole (Gaz. archéol., 1888); замѣтки, напечатанныя въ *Εφημερίς ἀρχαιολογική* 1886, 1887, 1888, Cavvadias, Sophoulis, Studniczka, и статьи Collignon, les Fouilles de l'Acropole d'Athènes (Rev. des Deux Mondes, 15 févr. 1890), и Lechat, Statues archaïques d'Athènes (Bull. de Corr. hellén., janv., mars et juillet 1890). — Въ *Εφημερίς* есть серия таблицъ съ изображеніями открытыхъ памятниковъ, а также прекрасныя воспроизведенія въ Antike Denkmäler, напечатанныя Археологическимъ Институтомъ, Берлинъ, 1888, стр. 1, 2, 18, 19, 29, 30 и 39. Съ особымъ интересомъ можно прочесть Collignon, Histoire de la sculpture grecque, t. I, Paris, 1892, и двѣ книги Lechat, Au Musée de l'Acropole d'Athènes, Paris, 1903, и La sculpture attique avant Phidias, Paris, 1904. Можно также просмотрѣть Joubin, La sculpture grecque entre les guerres médiques et l'époque de Périclès, Paris, 1902, и Wiegand, Die archaische Porosarchitektur der Akropolis zu Athen, 1903.

Стр. 120.

1. Lechat, Fouilles de l'Acropole (Bull. de Cor. hellén., XIII, 141).

Стр. 121.

1. Lechat, *ibid.*, XIII, 133.

Стр. 123.

1. Lechat, *op. laud.*, XIII, 147.

Стр. 127.

1. Perrot, les Statues de Diane à Délos (*Journal des Savants*, 1887, стр. 230—231).

Стр. 134.

1. Lechat, *op. laud.*, XII, 434.

Стр. 142.

1. Lechat, *op. laud.*, XIII, 151.

2. Справедливость требует упомянуть здѣсь автора этого важнаго открытія, Franz Studniczka, уже составившаго себѣ имя среди археологовъ.

Глава V, стр. 145.

1. **Библиографія:** Исторія и результаты раскопокъ въ Делосѣ изложены въ многочисленныхъ и замѣчательныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ 1877—1890 гг. Homolle въ *Bulletin de correspondance hellénique*. Назовемъ главнѣйшія изъ нихъ: *Comptes des Hiéropes du temple d'Apollon Délien* (1882, стр. 1—167); — *Inscriptions archaïques de Délos* (1874, стр. 1; 1881, стр. 278; 1883, стр. 254; 1888, стр. 463); — *La Confédération des Cyclades au III-e siècle av. J.-C.* (1880, стр. 320); — *L'Amphictyonie attico-délienne* (1884, стр. 282—327); — *les Romains à Délos* (1884, стр. 75—158); — *Comptes et inventaires des temples déliens en l'année 279* (1890, стр. 389—511, и 1891, стр. 113—168). — О памятникахъ Делоса см.: *l'Autel des cornes* (1884, стр. 417); о статуяхъ — статьи 1879 г., стр. 99, 393, 515; 1880 г. стр. 29; 1881 г., стр. 390, 507; 1885 г., стр. 253; 1888 г., стр. 315. — Кроме того, слѣдуетъ справиться въ работахъ Homolle: *De antiquissimis Dianae simulacris*, Paris, 1885; — *les Archives de l'Intendance Sacrée à Délos*, Paris, 1886, и въ его работахъ общаго характера: *les Fouilles de Délos* (*Monuments grecs*, 1878). — *L'île de Délos* (*Bull. de la Soc. de Géogr.*

de l'Est, Nancy, 1881);—Rapport sur une mission à Délos (Arch. des missions, t. XIII, 1877).

По раскопкамъ, которыя предшествовали работамъ Homolle и слѣдовали за ними см.: Lebegne, Recherches sur Délos, Paris, 1876; и въ Bulletin de correspondance hellénique, статьи Hauvette: le Temple des dieux étrangers (1882, стр. 295, 471; 1883, стр. 5, 103);—Reinach, le Sanctuaire des Cabires (1883, стр. 328); les Posidoniastes (1883, стр. 462), и о различныхъ воспроизведенныхъ памятникахъ (1884, стр. 167; 1889, стр. 113, 369); — Paris (1884, стр. 473; 1885, стр. 146); 1889, стр. 216); Durbach (1886, стр. 102), Fougères (1887, стр. 244; 1889, стр. 229).—См. также Perrot, les Statues de Diane à Délos. (Journal des savants, 1887). Послѣ 1903 г. работы были вновь предприняты подъ руководствомъ Holleaux и благодаря щедрости герцога de Loubat. Предполагается произвести полную очистку храма и изслѣдованіе города. Кромѣ того, начали печатать сочиненіе объ окончательныхъ результатахъ работъ. Вышли три выпуска этого сочиненія (Exploration archéologique de Délos, 1909 и 1911).

Смр. 148.

1. Homolle, l'Île de Délos, стр. 20—21.

Смр. 149.

1. Homolle, l'Île de Délos, стр. 22.

Смр. 156.

1. См. Homolle, les Fouilles de Délos. (Mon. grecs, 1878, стр. 26.)

Смр. 158.

1. Homolle, les Fouilles de Délos. (Mon. grecs, 1878, стр. 28.)

Смр. 166.

1. Homolle, l'Île de Délos, стр. 34.

Стр. 179.

1. Homolle, Rapport sur une mission à Délos, стр. 36.

Стр. 189.

1. Homolle, l'île de Délos, лекція, прочитанная въ Нанси (Bull. de la Société de Géographie de l'Est, 1881, стр. 27—29.)

Стр. 191.

1. Homolle, les Archives de l'Intendance sa-crée à Délos, стр. 1—2.

Стр. 208.

1. Homolle, Statues archaïques de Délos. (Bull. de Corr. hellén., III, 101.)

Глава VI, стр. 214.

1. **Библіографія:** Holleaux, Fouilles au temple d'Apollon Ptoïos (Bull. de corresp. hellén., 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890); — Collignon, l'Apollon d'Orchomène (ibid., стр. 320), и Torses archaïques en marbre provenant d'Actium (Gaz. archéol., 1886, стр. 235); — Rayet et Thomas, Milet et le golfe Latmique, Paris, 1878, и статьи Brunn'a (Archaeol. Zeitung, 1876), Fränkel (ibid., 1879) и Furtwängler (ibid., 1882); — Deonna, les Apollons archaïques, Genève, 1909, и для общего обзора, Collignon, Hist. de la sculpture grecque, t. I, Paris, 1902.

Стр. 222.

1. Holleaux, Fouilles au temple d'Apollon Ptoïos (Bull. de cor. hellén., XI, 187).

Стр. 229.

1. Holleaux, Fouilles au temple d'Apollon Ptoïos (Bull. de cor. hellén., XI, 360).

Глава VII, стр. 229.

1. **Библиографія:** Curtius, Adler, Treu и Dörpfeld, *Ausgrabungen zu Olympia*, 5 том., Берлинъ, 1876—1881.—*Die Funde von Olympia*, 1 томъ, Берлинъ, 1882;—*Inschriften aus Olympia* (*Archaeol. Zeit.*, 1876—1881). — Boetticher, *Olympia*, Берлинъ, 1886;—Laloux et Monceaux, *la Restauration d'Olympie*, Paris, 1889. — Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи есть довольно подробная библиографія всѣхъ работъ, относящихся къ Олимпіи, въ особенности много статей, касающихся расположенія фронтоновъ. Здѣсь мы ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторыя особенно значительныя работы: Rayet, *les Fouilles d'Olympie* (*études d'archéologie et d'art*, Paris, 1888, стр. 42—86);—Brunn, *Die Sculpturen von Olympia*, Мюнхень, 1877; *Paenios und die nordgriechische Kunst*, Мюнхень, 1876.—Curtius, *Altäre von Olympia*, Берлинъ, 1882.—Furtwängler, *Bronzefunde aus Olympia*, Берлинъ, 1879, и статьи Treu (*Archaeol. Zeit.*, 1882; *Jahrb. d. Archaeol. Instituts*, 1888, стр. 176, и 1889, стр. 266—316) и Reinach, *l'Hermès de Praxitèle* (*Rev. archéol.*, 1888, t. I). Упомянемъ, наконецъ, Curtius и Adler, *Olympia, Die Ergebnisse der von dem Deutschen Reich veranstalteten Ausgrabung*, 5 том., Берлинъ, 1892—1898.

Стр. 233.

1. Rayet, *Etudes d'archéologie et d'art*, стр. 43—44.

Стр. 277.

1. *La Restauration d'Olympie*, стр. 75—79.

Стр. 280.

1. См. таблицы съ воспроизведеніями этихъ мраморовъ въ *la Restauration d'Olympie*, стр. 81—85.

Стр. 285.

1. Rayet, *Etudes d'archéologie et d'art*, стр. 60.

Стр. 286.

1. Rayet, Etudes d'archéologie et d'art, стр. 59.

Стр. 301.

1. Rayet et Collignon, Hist. de la céramique grecque, стр. 380.

Стр. 302.

1. Rayet et Collignon, loc. laud., 382, 383.

Стр. 309.

1. Rayet, Mon. de l'art antique, примѣчаніе къ табл. 45.

Стр. 311.

1. Извѣстно, что послѣ того какъ были написаны эти строки (1890), французскія палаты вотировали кредитъ сперва въ 500.000 фр., и затѣмъ въ 150.000 фр. на раскопки въ Дельфахъ; извѣстно также, что работы эти, столь удачно веденныя Nomolle, директоромъ Аѳинской школы, соотвѣтствуютъ для французской науки открытіямъ на Делосѣ. По исторіи этихъ замѣчательныхъ раскопокъ я позволю себѣ указать читателю на мою книгу: *En Méditerranée, Promenades d'histoire et d'art*, Paris, изд. Armand Collin, 1901, глава V: *Les fouilles de Delphes*; въ особенности совѣтую обратить вниманіе на большое сочиненіе *Fouilles de Delphes* начатое съ 1902 г. подъ руководствомъ Nomolle; нѣсколько выпусковъ его уже появилось при сотрудничествѣ Tournaire (архитектура), Bourguet et Colin (эпиграфика), Nomolle (скульптура) и Perdizet (бронза).

Глава VIII, стр. 312.

1. **Библиографія:** Philios, *Rapport sur les fouilles d'Éleusis* (*Πρακτικά de la Société archéologique d'Athènes*, 1882, стр. 84; 1883, стр. 51; 1884, стр. 64; 1885, стр. 25; 1886, стр. 50; 1887, стр. 50; 1888, стр. 23);—Blavette, *Fouilles d'Éleusis* (*Bull. de corr. hellén.*, 1884, стр. 254; 1885, стр. 65).—Объ элевсинскомъ культѣ: Fou-

cart, le Culte de Pluton dans la religion éleusienne. (Bull. de corr. hellén., 1883, стр. 387), и, кромѣ нѣсколькихъ замѣчательныхъ статей объ элевсинскихъ надписяхъ (ibid., 1880, стр. 225; 1884, стр. 194; 1889, стр. 253 и 433), прекрасные мемуары, озаглавленные: Recherches sur l'origine et la nature des mystères d'Éleusis, 2 тома, Paris, 1895—1900, и le Culte de Dionysos en Attique, Paris, 1902. См. Decharme, Mythologie de la Grèce antique, 2-е изд. 1885. — Обь памятникахъ: Benndorf, Anzeiger der Phil. hist. Classe d. Academie in Wien, ноябрь 1887.—Furtwängler, Archaeol. Gesellschaft in Berlin, июль 1887; — S. Reinach, Courrier de l'Art antique (Gaz. des beaux-arts, 1888, t. I, стр. 69);—Antike Denkmäler, таб. 34, съ воспроизведеніемъ Евбулевса Праксителя.

Стр. 316.

1. Decharme, Mythologie de la Grèce antique, стр. 387.

Стр. 317.

1. Decharme, loc. laud., 387—388.

Стр. 334.

1. Decharme, loc. laud., стр. 396.

Стр. 335.

1. Renan, Etudes d'histoire religieuse, стр. 55.

Стр. 337.

1. Decharme, Mythologie de la Grèce antique, стр. 399. См. также прекрасныя страницы, посвященныя Renan тайнствамъ (Etudes d'histoire religieuse, стр. 50—60.)

Стр. 346.

1. Reinach, Chronique d'Orient (Rev. Arch., 1888, t. I, стр. 65).

Глава IX, стр. 348.

1. **Библиографія:** Cavvadias, Rapports sur les fouilles d'Epidaure (Πρακτικά de la Société archéologique d'Athènes, 1881; 1882, стр. 75; 1883, стр. 45; 1884, стр. 54; 1885, стр. 29); — Staïs, Rapports sur les fouilles d'Epidaure (ibid., 1886, стр. 79; 1887, стр. 67); — Cavvadias, Inscriptions d'Epidaure (Ἐφημερίς ἀρχαιολογική, 1883—1886). — Monuments d'Epidaure (ibid., 1884 и 1885); — Staïs, Inscription d'Epidaure (ibid., 1887). — Monuments d'Epidaure (ibid., 1886). — S. Reinach, Chronique d'Orient (Rev. archéol., 1884, t. II, стр. 77). — La Seconde stèle des guérisons miraculeuses (ibid., 1885, t. II, стр. 265). — Les chiens dans le culte d'Esculape (ibid., 1884, t. II, стр. 129). — Petersen, Athenastatuen von Epidauros (Mittheil. d. Arch. Inst. von Athen, t. XI, стр. 309); — Furtwängler, Epidauros (Berliner Philol. Wochenschrift, 1888; стр. 1484; — Foucart, Sur les sculptures et la date de quelques édifices d'Epidaure (ibid., 1890); — P. Girard, l'Asclépieion d'Athènes, Paris, 1881. Въ Πρακτικά 1883 и 1884 г. есть воспроизведение Толосы и таблицы, сдѣланныя Doegefeld'омъ. Но въ особенности интересна прекрасная книга Defrasse et Lechat, Epidaure, Paris, 1895, и Cavvadias, τὸ ἱερόν τοῦ Ἀσκληπίου, Аѳины, 1900.

Стр. 349.

1. Girard, l'Asclépieion d'Athènes, стр. 5—6.

Стр. 357.

1. P. Girard, l'Asclépieion d'Athènes, стр. 35.

Стр. 362.

1. Приведенныя цитаты заимствованы мною изъ перевода S. Reinach'a (Rev. archéol., 1884, t. II, 78—81).

2. Слѣдуетъ отмѣтить, впрочемъ, во второй стелѣ (плитѣ) интересный случай, доказывающій, повидимому, что иногда жрецы, усыпивъ больного, дѣлали настоящія,

хирургическія операціи (см. S. Reinach, *Chroniques d'Orient*, Paris, 1891, стр. 93).

Стр. 362.

1. Girard, *loc. laud.*, стр. 71.

Стр. 365.

1. Girard, *loc. laud.*, стр. 71—74.

Стр. 371.

1. Переводъ заимствованъ у Girard, *loc. laud.*, стр. 121—122.

Стр. 374.

1. Переводъ этого текста есть у S. Reinach, *Chroniques d'Orient*, стр. 96—97.

2. Girard, *loc. laud.*, стр. 126.

Глава X, стр. 375.

1. **Библиографія:** O. Rayet, *les Figurines de Tanagra au Louvre* (*Études d'Archéologie et d'art*, Paris, 1888, стр. 275—324).—*L'Art grec au Trocadéro* (*ibid.*, 364—379), и многочисленныя замѣтки въ *Monuments de l'art antique*, Paris, 1883.—Heuzey, *Recherches sur les figures de femmes voilées* (*Monuments grecs*, 1873 и 1874); — *Recherches sur un Groupe de Praxitèle d'après les figurines de terre cuite* (*Gaz. des beaux-arts*, 1875);—*Nouvelles recherches sur les terres-cuites grecques* (*ibid.*, 1876);—*Sur les origines de l'industrie des terres-cuites antiques* (*Comptes rendus de l'Acad. des Inscr.*, 1882, стр. 388); — *Les Figurines antiques du musée du Louvre*, Paris, 1883. — Martha, *Catalogue des figurines de terre cuite du musée de la Société archéologique d'Athènes*, Paris, 1880. — Kekulé, *Thonfiguren aus Tanagra*, Штутгардъ, 1878. — *Collection C. Lécuyer. Terres-cuites antiques*, 2 т., Paris, 1882. — Pottier, *Quam ob causam Graeci in sepulcris figlina sigilla deposuerint*, Paris, 1883. — A. Veyries, *les Figures criophores*, Paris, 1884.—Pottier, *les Statuettes*

de terre cuite dans l'antiquité, Paris, 1890; Diphilos et les modeleurs de terres cuites grecques, Paris, 1909.—См. Pottier et Reinach, la Nécropole de Myrina, 2 тома, Paris, *1886, и о недавнихъ раскопкахъ Δελτίου ἀρχαιολογικόν, 1888.

Стр. 377.

1. Rayet, Études d'archéologie et d'art, стр. 276.

Стр. 381.

1. Pottier et Reinach, la Nécropole de Myrina, стр. 63.

Стр. 387.

1. Rayet, loc. laud., стр. 287—288.

Стр. 389.

1. Martha, Catalogue, стр. XXIV.

Стр. 397.

1. Veyries, les Figures criophores, стр. 19.

Стр. 398.

1. Veyris, ibid., стр. 36.

Стр. 405.

1. Pottier et Reinach, loc. laud., стр. 195.

Стр. 407.

1. См. Cartault, Terres cuites antiques de la collection C. Lécyer, замѣтка къ таблицѣ S². См. Cartault, Terres cuites grecques, 1 т. Paris, 1891.

Стр. 415.

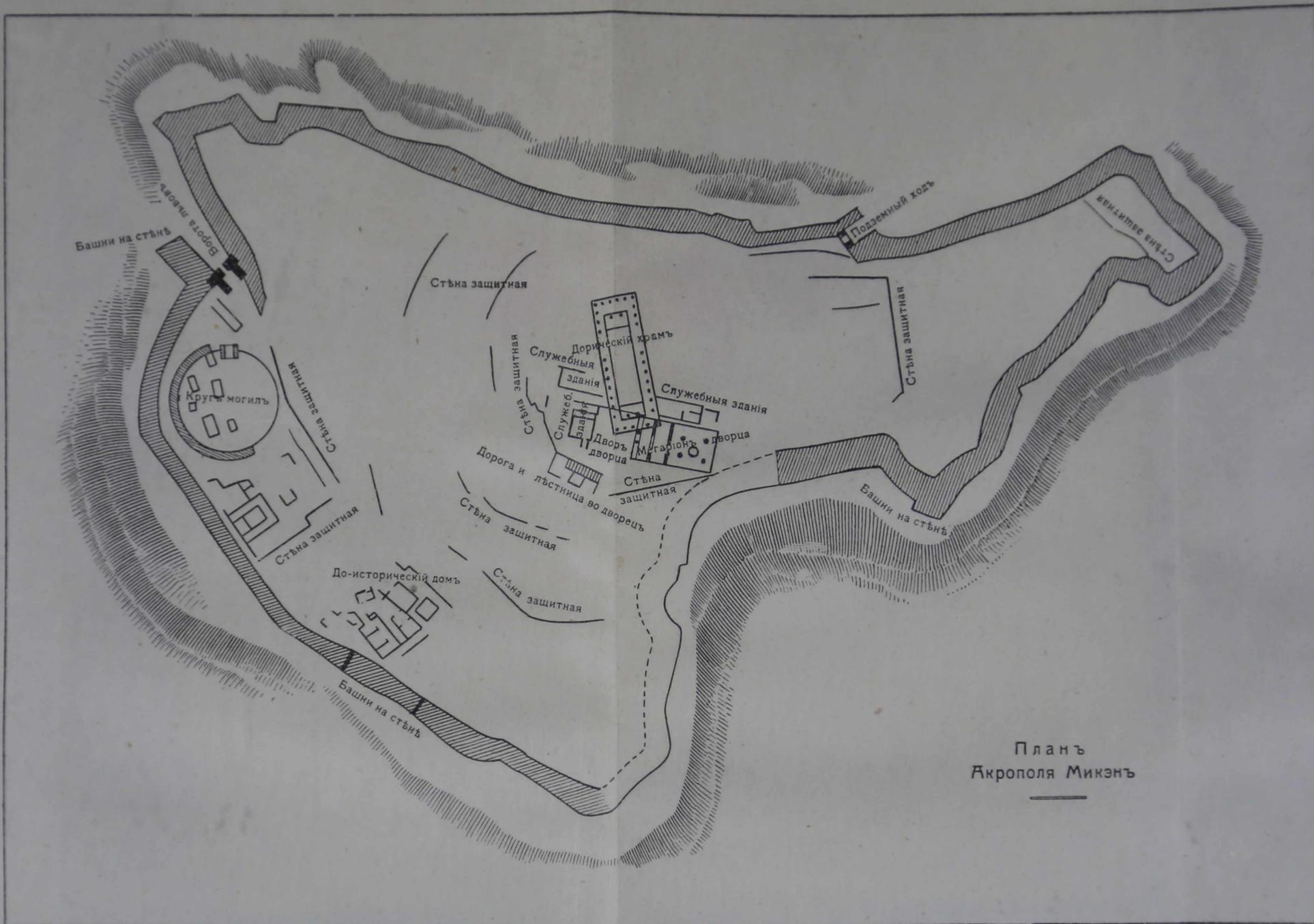
1. Rayet, Études d'archéologie et d'art, стр. 316.

Стр. 416.

1. Rayet, Études d'archéologie et d'art, стр. 318.

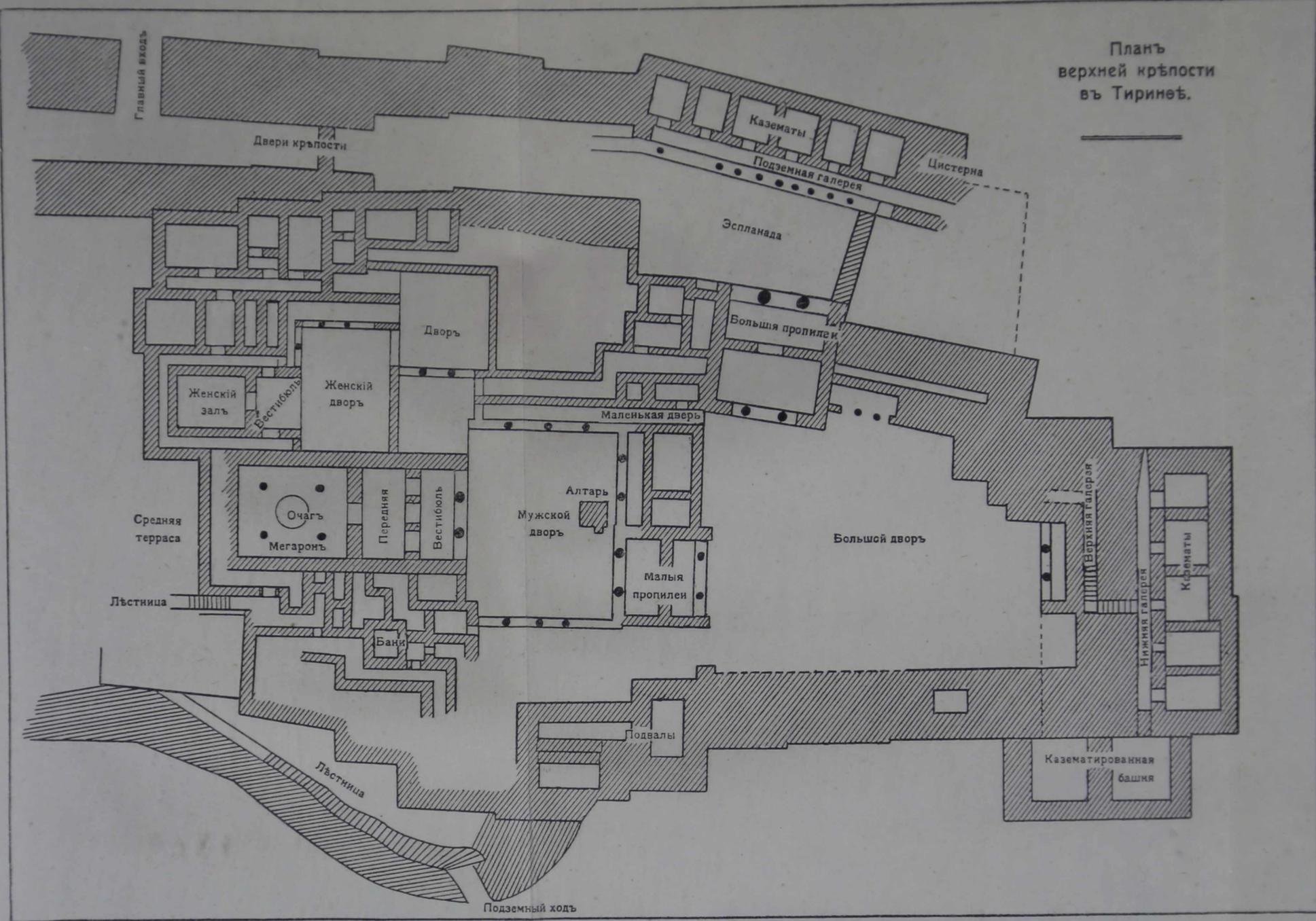
ОГЛАВЛЕНІЕ.

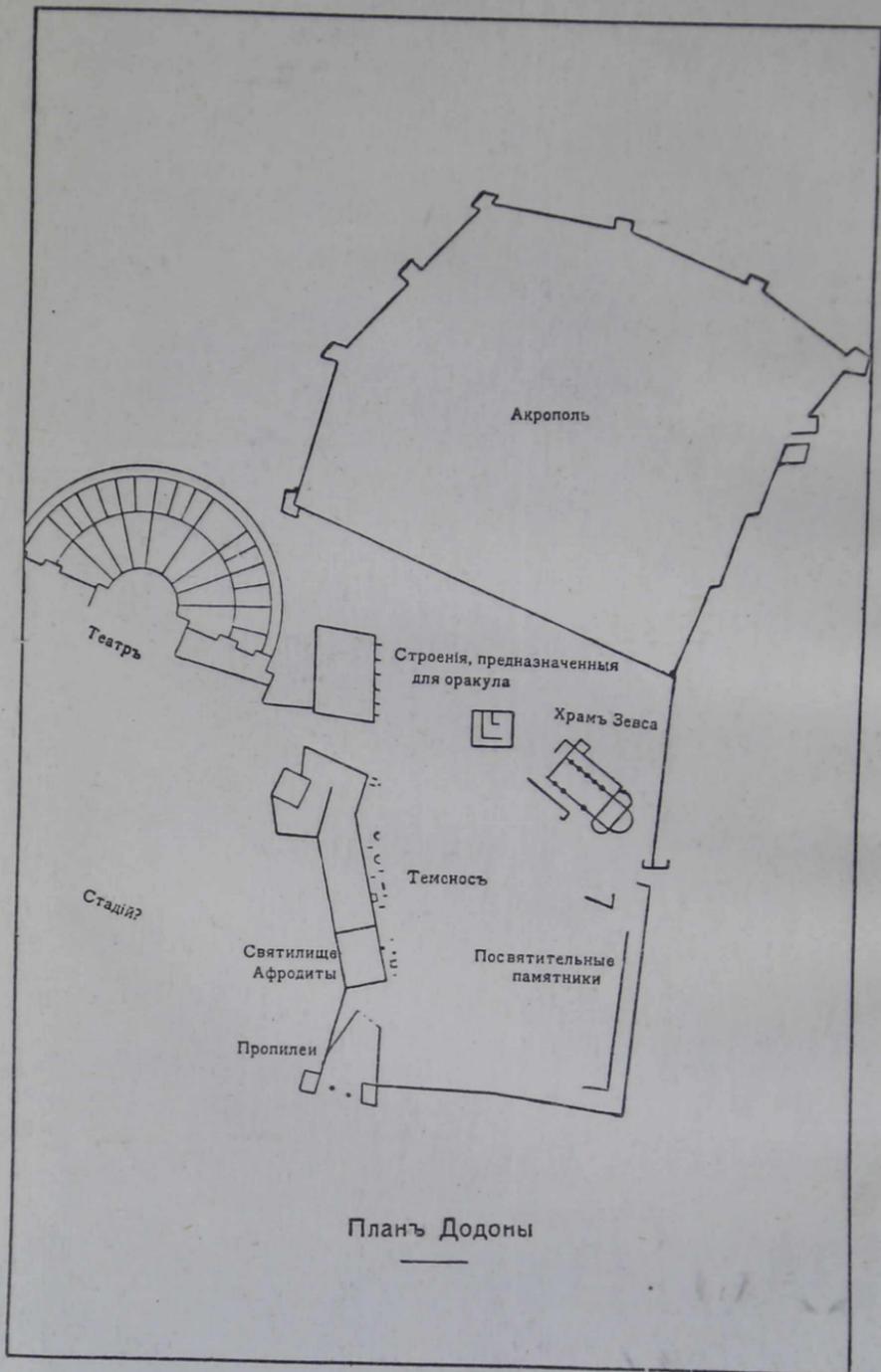
	<i>Стр.</i>
Предисловіе	7
Введеніе. Археологическія открытія въ XIX вѣкѣ	13
Глава I. Раскопки въ Микенахъ	27
„ II. Раскопки въ Тиринѣхъ	67
„ III. Раскопки въ Додонѣ	84
„ IV. Раскопки въ Аѣинскомъ Акрополѣ	104
„ V. Раскопки въ Делосѣ	145
„ VI. Раскопки въ храмѣ Аполлона Птоосскаго .	214
„ VII. Раскопки въ Олимпіи	229
„ VIII. Раскопки въ Элевсинѣ	312
„ IX. Раскопки въ Эпидаврѣ	348
„ X. Раскопки въ Танагрѣ	375
Библіографія	423

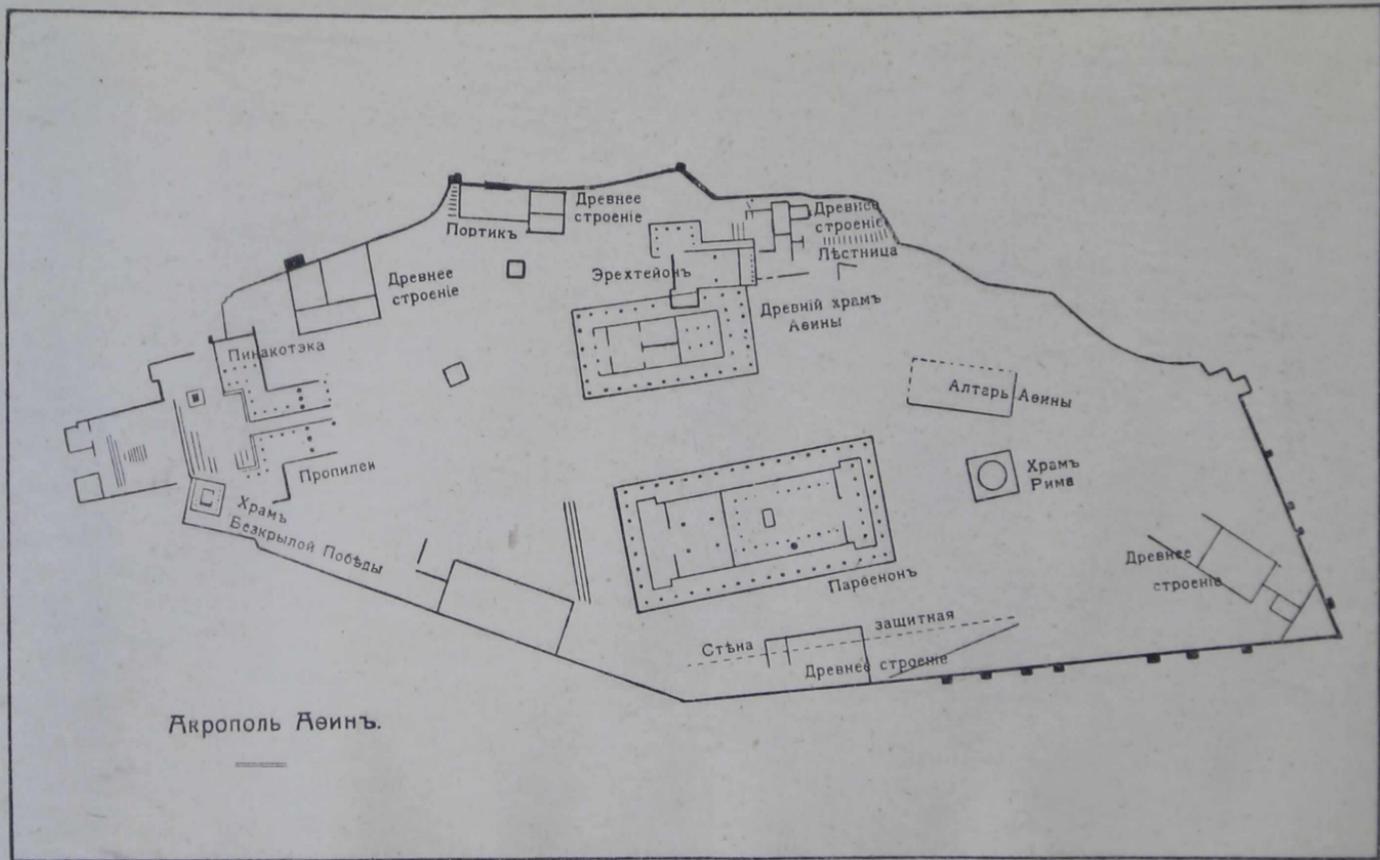
Планъ
Акрополя Микенъ

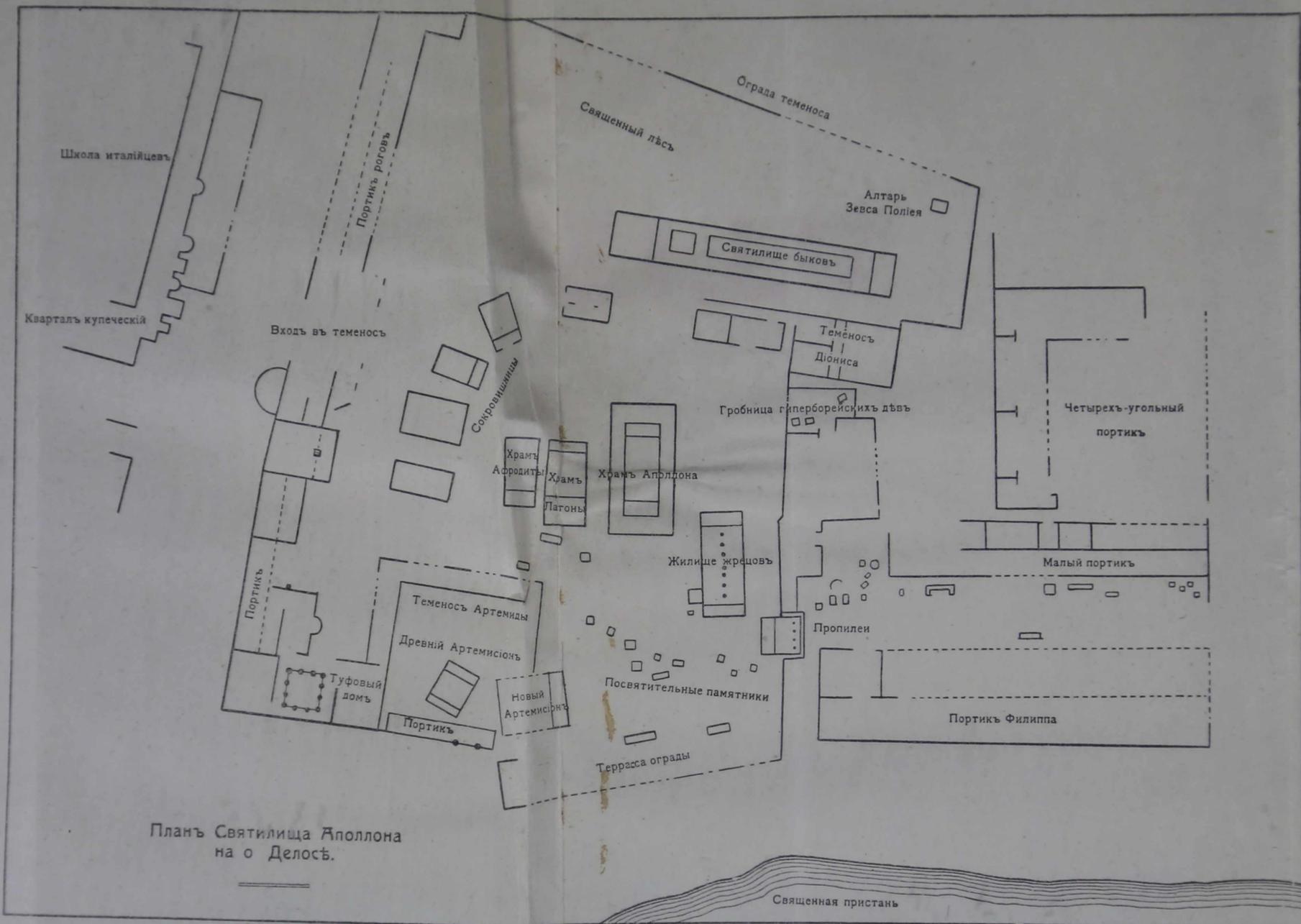
Планъ
верхней крѣпости
въ Тиринѣ.

Планъ Додоны

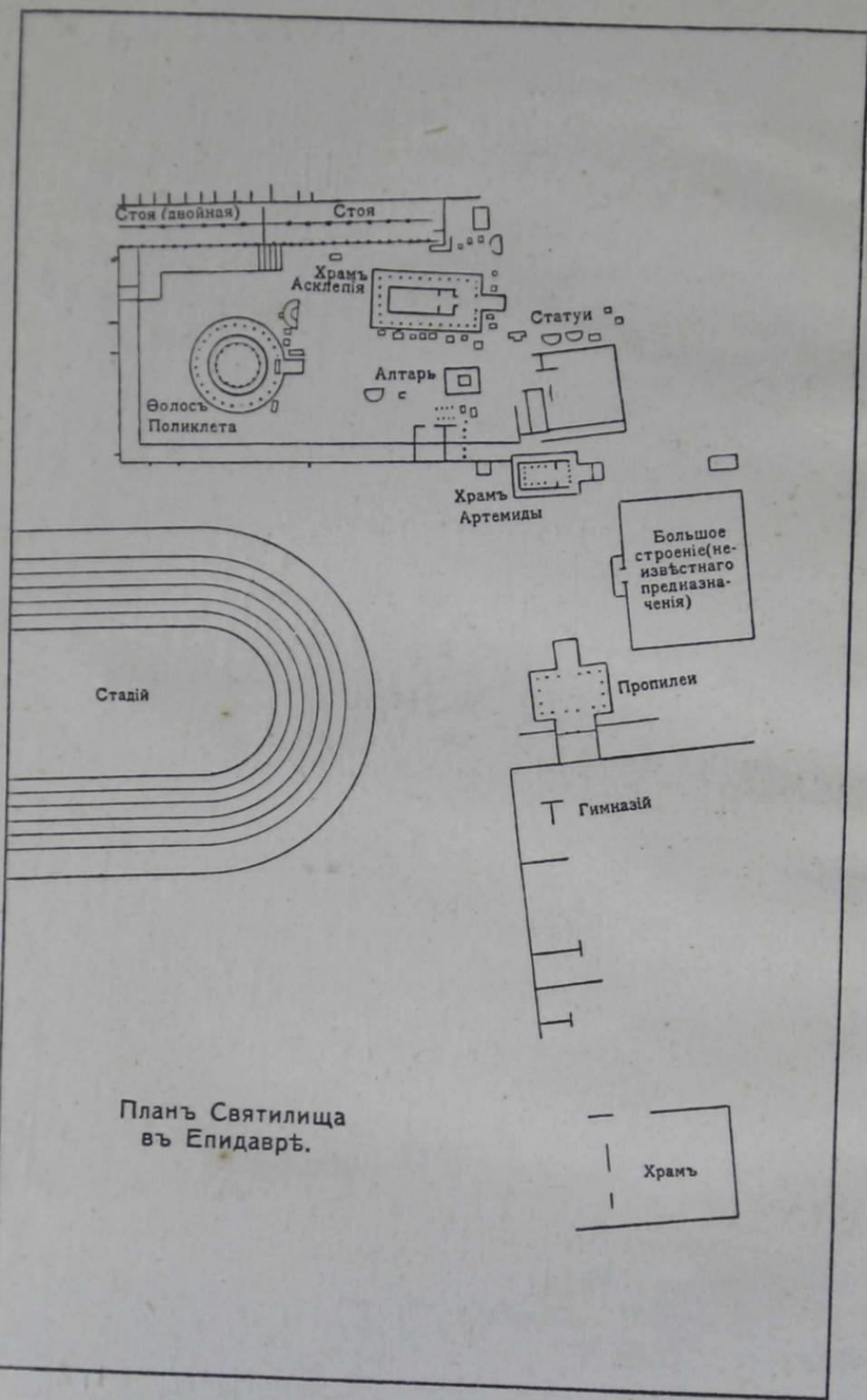

Планъ Святилища Аполлона на о Делосѣ.

Планъ
 Святилища въ Елевсинѣ

Пунктирная линія показываютъ самыя древнія строения

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО.

- Кий, В. Г. Семь статей. Юбилейное изданіе. 1 р.
Э. Происхожденіе искусства. 1 р. 50 к.
Конъ. Въ перев. К. Бальмонта. Т. I. 90 к. Т. II. 2 р. 75 к. Т. III. 1 р.
Стихотворенія, въ 2-хъ т. 3 р. 50 к.
Бергъ, В. и Якушкинъ, В. Русская печать и цензура. 1 р.
Князь В. Θ. Одоевскій. 5 р. 50 к.
Кий, Ю. Три драмы. Пер. К. Бальмонта. 1 р. 60 к.
Ченчи. Трагедія. Пер. К. Бальмонта. 75 к.
Князь В. О Пушкинѣ. 1 р.

ИСТОРИЯ.

- Г. Городской строй и гор. жизнь средневѣк. Германіи. 1 р. 25 к.
Ю. Исторія Греціи, въ 2-хъ т. 3 р.
Скый, В. Активное народничество семидесятыхъ годовъ. 2 р.
Кий, С. Собраніе сочиненій по русской исторіи. 2 р.
Ковъ, А. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. I. 1 р. 25 к. Ч. II. 1 р. 25 к.
Э. Очерки по исторіи Пруссіи. 1 р.
Ш. Инквизиція. 45 к.
Тучкова, Н. А. Воспоминанія 1848—1870 гг. 1 р. 50 к.

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

- Маркъ. Наединѣ съ собой. Пер. С. Роговина. 2 р.
Иа. Жизнь Будды. Пер. К. Бальмонта. 2 р. 25 к.
Кий. О природѣ вещей. Пер. И. Рачинскаго. 2 р. 25 к.
Баллады—послачія. Пер. Θ. Зѣлинскаго. 2 р. 25 к.
Кий. Драмы. Т. I. Троянскій циклъ. Пер. Θ. Зѣлинскаго. 3 р.

СТРАНЫ ВѢКА и НАРОДЫ.

- Г. Иезуиты. 1 р. 25 к.
Ц. По Греціи. 1 р. 25 к.
Ц. Византійскіе портреты. 1 р. 25 к.
А. Во времена фараоновъ. 1 25 к.
Князь-Викторъ. Боги и люди. 1 р. 25 к.

Детальные каталоги высылаются по требованію бесплатно.

ЧЕВУ...

335
~~р. 60к.~~
I р. 25 к.